

HISTORIA ROSSICA

Сеймур Беккер

МИФ О РУССКОМ ДВОРЯНСТВЕ

ДВОРЯНСТВО
И ПРИВИЛЕГИИ
ПОСЛЕДНЕГО ПЕРИОДА
ИМПЕРАТОРСКОЙ
РОССИИ

*HISTORIA
ROSSICA*

Seymour Becker

NOBILITY
AND PRIVILEGE
IN LATE
IMPERIAL RUSSIA

Сеймур Беккер

МИФ
О РУССКОМ
ДВОРЯНСТВЕ

Дворянство и привилегии
последнего периода
императорской России

Перевод с английского Бориса Пинскера

МОСКВА

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

2004

УДК 316.343-058(470)"653"

ББК 63.3(2)-282.5

Б 42

Художник
В. Передерий

Редакционная коллегия серии
HISTORIA ROSSICA
*Е. Анисимов, Р. Вортман, В. Живов,
А. Зорин, А. Каменский, Ю. Слезкин*

Беккер С.

Б 42 Миф о русском дворянстве: Дворянство и привилегии последнего периода императорской России / Перевод с английского Бориса Пинскера. — М.: Новое литературное обозрение, 2004. — 344 с.

В исследовании известного американского историка С. Беккера рассматриваются судьбы «первого сословия» Российской империи — дворянства — в сложную для него эпоху, наступившую после освобождения крестьян от крепостной зависимости. Автор основывается на обширном архивном и статистическом материале, подвергая тщательному критическому анализу труды других российских и зарубежных историков дворянства.

УДК 316.343-058(470)"653"

ББК 63.3(2)-282.5

ISBN 5-86793-265-6

Copyright © 1985 by Northern Illinois University Press,
by arrangement with Northern Illinois University Press.

© Б. Пинскер, пер. с англ., 2004

© Новое литературное обозрение, 2004

Глава 1

«УПАДОК ДВОРЯНСТВА»

ОТ СИСТЕМЫ ПРИВИЛЕГИЙ
К РАВЕНСТВУ ПЕРЕД ЗАКОНОМ

С XVIII в. история России становится частью истории Запада, и трансформация, которую претерпело российское дворянство между 1861 и 1914 гг., является составной частью общеевропейского процесса. Этот процесс преобразований был с разных позиций исследован двумя историками, Джеромом Блюмом и Арно Майером. Блюм описал процесс освобождения крестьян в странах Европы в период с 1770 по 1860 г., определив его как водораздел между традиционным обществом и современным. Как на Западе, так и в России традиционное общество было «разделено на слои или сословия, образывавшие иерархическую лестницу статуса и привилегий. Сословия определялись в соответствии с законом и обычаем, которые устанавливали иерархию привилегий и обязанностей и которые определяли данное общество»¹. Каждому сословию было предписано выполнение определенной общественной функции, и место сословий в социальной иерархии определялось в соответствии с относительной важностью этих функций для общества. Права, привилегии и обязательства людей определялись почти исключительно принадлежностью к тому или иному сословию, и обычно эта принадлежность была наследственной².

В современном обществе, напротив, «закон един, и все граждане, по крайней мере в принципе, равны перед законом». В силу всеобщего равенства перед законом, «власть распределяется в соответствии с богатством», т.е. действует порядок, прямо обратный существовавшему в сословном обществе, где власть и была главным источником богатства³.

Согласно Блюму, ключевым моментом преобразования словного, основанного на статусе и привилегиях, общества в общество всеобщего равенства перед законом было освобождение крестьянства. Хотя установление режима всеобщего равенства перед законом отличалось незавершенностью и было растянуто во времени, так что «крестьянство зачастую подвергалось различным ограничениям и располагало меньшей полнотой прав, чем другие граждане», тогда как «дворянство все еще обладало статусом и привилегиями, недоступными для других», но это были всего лишь «пережитки прошлого, обреченные на полное искоренение с ходом времени». К 1914 г. «наследственные сословия» были вытеснены из жизни «классами, определяемыми общностью интересов и местом в экономической жизни», так что потрясений Первой мировой войны оказалось достаточным, чтобы окончательно похоронить «последние существенные остатки старого порядка вещей»⁴.

Блюм признает, что и после освобождения крестьян «сельское хозяйство осталось главным сектором хозяйственной жизни», земля сохранила роль «главной формы богатства», и «вплоть до 1914 г. дворянство владело большей частью имений. Но при этом оно утратило прежний привилегированный статус и превратилось в обычных землевладельцев, имеющих точно такие же права и привилегии, как и все другие собственники земельных участков. Утрата сословного статуса [и ответственности за крестьян, проживающих на их землях] обесмыслила саму концепцию дворянства»⁵.

В сущности, Блюм допускает, что уничтожение прежних порядков не было делом ни простым, ни быстрым. Европа оставалась обществом, основанным на почтительности, и даже лишившись опоры на закон, дворянство продолжало сохранять приоритетные позиции в обществе. Благодаря этому приоритетному положению дворяне обладали «влиянием, далеко превосходившим их численный удельный вес, способности и вклад в общественную жизнь». При всем этом, по мнению Блюма, богатая и титулованная знать, «цвет» тогдашнего общества, состояла преимущественно из столь же малозначительных и ни к чему не пригодных людей, как и аналогичные им современные люди»⁶.

По мере того как идеи равенства делались все более общепризнанными, а уверенность буржуазии в себе укреплялась,

дворянству пришлось делиться политическим влиянием и своим привилегированным статусом с нетитулованными представителями общества, завоевавшими место под солнцем на государственной службе благодаря образованию и способностям или в результате выдающейся карьеры в бизнесе или в профессиональной деятельности. «Высшие слои дворянства и буржуазии перемешались, в результате чего знать обуржуазилась, а буржуазия украсила себя реликтами феодализма»⁷.

В отличие от Блюма, Майер подчеркивает не изменения, привнесенные в европейскую жизнь освобождением крестьянства, а преемственность. Вплоть до 1914 г. традиционные, т.е. доиндустриальные и добуржуазные, элементы общественного устройства представляли собой не «загнивающие и хрупкие остатки исчезающего прошлого», а вполне живые и полнокровные структуры европейской жизни. Традиционные элиты — «дворяне, служившие в гражданской и военной сферах», равно как и «земельные магнаты», — успешно приспособились к изменившимся временам: первые за счет того, что не имевшие дворянских корней новые кадры чиновников успешно воспитывались в духе «благородных традиций», а вторые — прекрасно освоили «принципы капитализма и политику закулисных влияний». Дворяне-землевладельцы превратились в сельскохозяйственных предпринимателей и овладели искусством «использовать лоббирование и связи в политических и административных сферах для защиты собственных интересов. Землевладельцы с успехом усвоили классовое самосознание и действовали соответственно». Но, по мнению Майера, это вовсе не говорит об их *обуржуазивании*, поскольку «старые элиты проявили необычайную способность усваивать и использовать новые идеи и способы действия так, чтобы при этом не нанести серьезного ущерба своему традиционному статусу, нравам и мировоззрению»⁸.

«Феодализм», как именует Майер старый режим, «пережил свое юридическое исчезновение» в нескольких отношениях. «Связанные между собой поместное и служилое дворянство» сумели сохранить господствующие позиции в преимущественно сельскохозяйственной экономике, не утратили своего статуса в социальной и культурной жизни Европы и продолжали навязывать европейской культурной жизни свои ценности, научившись превращать свое влияние в этих областях в поли-

тическую власть. Эту власть они затем использовали для укрепления старых порядков и своего господствующего положения в обществе, которому угрожали растущая, но все еще слабая буржуазия и относительное падение экономической роли аграрного сектора хозяйства, что подрывало «материальную базу» их доминирования⁹.

Начиная с 1870-х гг. старые элиты развернули успешное контрнаступление против торгово-промышленной рыночной экономики и конституционной системы правления — Майер называет его «ремобилизацией сил старого режима». Не были исчерпаны и жизненные силы «феодальной» элиты к концу проходящего века. После 1900 г. Европа пережила еще одну волну «аристократической реакции» в защиту отживших порядков не только от «радикальных рабочих, крестьянских и националистических движений», но даже от «умеренного реформизма»¹⁰.

Умеренный российский реформатор Петр Столыпин стал жертвой этой «консервативной непримиримости» даже к «осторожному реформаторству» — одной из многих европейских жертв. Аристократическая реакция направлялась крупными землевладельцами, которыми под давлением «страха, что ускоренное размывание их экономической базы непременно приведет к падению социального и политического статуса... завладело всепоглощающее стремление защитить или даже усилить свою политическую власть»¹¹.

Согласно Майеру, именно «консервативная непримиримость» старых элит всех крупных европейских государств стала причиной общего кризиса старого порядка 1907—1914 гг., который разрешился общеевропейской войной 1914—1918 гг.¹²

Итак, у нас есть два очень разных изображения периода, открывающегося отказом от правовых привилегий и переходом к режиму всеобщего равенства перед законом и завершающегося началом Первой мировой войны. Согласно Блюму, главная битва была выиграна: новые социальные группы упрочили свое доминирующее положение в обществе, а остатки неравенства и привилегий дворянства имели второстепенное значение и быстро исчезали из европейской жизни. Согласно Майеру, старые элиты успешно адаптировались к режиму равенства перед законом, сохранили доминирование во всех сферах жизни и использовали свою немалую изобретательность для того, чтобы отложить «до греческих календ» свой отказ от власти.

И Блюм и Майер рассматривают Россию как неотъемлемую часть Европы в XIX в. Но возникает вопрос, с кем же из них согласиться — с Блюмом, утверждавшим, что в России доминировали возникающие элементы современного классового общества, или с Майером, считавшим, что российская действительность все еще характеризовалась господством «феодалных» элементов? Поскольку в России процесс замены системы узаконенных привилегий на систему правового равенства даже и не начинался до 1861 г., кажется совершенно невероятным, что процесс замены сословий классами мог быть сколько-нибудь значительным к моменту начала Первой мировой войны, спустя всего 53 года. Проведенные Терренсом Эммонсом и Альфредом Рибером исследования подкрепляют эту точку зрения. Эммонс начинает с предположения, что к 1900 г. «переход от сословного общества к классовому... был еще далеко не закончен, а во многих отношениях и вообще чуть заметен»¹³. Рибер не только соглашается с этой оценкой, но и выражает сомнение в самой возможности того, что в России можно было бы завершить этот переход к 1914 г.: «сословная система рушилась, но на ее месте не возникали социально связанные между собой и политически сплоченные классы»¹⁴. Он объясняет это тем, что «фрагментация и изолированность социальных групп», характерная черта императорской России, отражали нечто гораздо более фундаментальное, чем замедленное (по сравнению с Западом) историческое развитие общества: «в России сословиям недоставало существенно важных компонентов, необходимых для выработки корпоративного самосознания и защиты корпоративных свобод. В отличие от Западной Европы, в России не был заложен фундамент для строительства подлинно классового общества»¹⁵.

Утверждение Рибера поднимает ряд вопросов. Может ли классовое общество быть «подлинным», даже если оно отличается от западной модели? Да и что собой представляет эта западная модель? Французская третья республика? Вильгельмовская Пруссия? Викторианская Англия? Существовали ли когда-либо, даже на Западе, «социально связанные и политически сплоченные классы», о которых говорит Рибер? Разве классы не представляют собой, в сущности, соединение связанных между собой, но тем не менее различных групп, преследующих собственные экономические интересы? Если за-

быть об этих вопросах, ясно, что, по мнению Рибера, старый режим разрушался, но ничего нового ему на смену не приходило. И причина была не в том, что, как сказал бы Майер, старый порядок обладал еще достаточным запасом жизненных сил, чтобы кооптировать элементы нового порядка. Просто новые элементы социальной и политической жизни оказались настолько слабы, что не смогли стать реальными конкурентами старого режима, хоть последний и пребывал в состоянии «упадка», «разрушения» и «банкротства»¹⁶.

В данном исследовании я исхожу из совершенно иных предпосылок и прихожу к принципиально иным выводам, чем те, к которым пришли авторы, чьи взгляды мы кратко изложили. Прежде всего, вопреки мнениям Эммонса и Рибера, сословное общество в России, несмотря на все несомненные его отличия от аналогичных образований в странах Запада, не только теоретически было способно выработать некоторый вариант современного классового общества, но и на самом деле в период с 1861 по 1914 г. достаточно быстро продвигалось в этом направлении. Во-вторых, хотя Блюм совершенно справедливо настаивает на том, что установление правового равенства играло критическую роль, по отношению к России его характеристика остатков старого режима как «задержавшихся во времени пережитков прошлого», а традиционных элит как просто «красивых людей» далеко не верна. В-третьих, правота Майера неоспорима, когда он указывает на жизнеспособность старых элит, но при этом следует отметить, что в России их попытки использовать свое политическое влияние для защиты и укрепления старого режима были весьма неэффективными. Некогда «образующие целое группы помещичьего и служилого дворянства» к концу века утратили былую сплоченность; до 1906 г. политическое влияние первых оказалось недостаточным, чтобы помешать государству перейти к политике, угрожавшей их интересам, а правительство мало что предпринимало для защиты их «материальной базы» (не считая легкости получения денег по закладным). Имевший место в 1907—1914 гг. кризис власти в России был вызван прежде всего отсутствием гибкости монархии, а не какой-то специфической «реакцией аристократии».

МИФ ОБ УПАДКЕ ДВОРЯНСТВА

Несмотря на различия в понимании природы российского общества и размаха происходящих в нем изменений, все исследователи согласны в одном — дворянство вырождалось, и причиной этого упадка было неумение приспособиться к новой жизни. Привыкнув полагаться на бесплатный труд крепостных, дворяне-землевладельцы не имели ни малейших шансов на выживание в мире, где им пришлось конкурировать с предприимчивыми выходцами из нижних слоев общества. Классическая русская литература XIX в. дала нам много незабываемых образов бездеятельных и ни к чему не пригодных дворян, символизировавших историческую обреченность этого класса общества.

Примером могут служить два замечательно схожих образа, разделенные временем жизни целого поколения, на которое пришелся процесс преобразования дворянства. Гурмыжская в пьесе Островского «Лес» (1870) и Раневская из пьесы Чехова «Вишневый сад» (1904) представляют собой вдовых поместных дворянок, не знающих, чего стоит рубль. В тщетном стремлении свести концы с концами Гурмыжская по частям продает участки имения крестьянину, ставшему купцом-лесопромышленником, но при этом не желает продать лес разом, романтически повторяя: «Что за имение без леса!» Бесхозяйственность Раневской довела дело до того, что имению грозит быть проданным с торгов за долги. Но даже в этой ситуации она и ее брат возмущенно отвергают совет купца Лопухина, сына бывшего крепостного, снести помещичью усадьбу, выкорчевать вишневый сад, разделить землю на небольшие участки, понастроить дачных домиков и с немалой прибылью сдавать их обеспеченным горожанам. Вишневый сад — это давнишняя, можно сказать, благородная местная достопримечательность, а «дачи и дачники — это так пошло». В результате на торгах именно Лопухин покупает имение, чтобы провести там все изменения, которые он предлагал Раневской. Точно так же соседский помещик, давний знакомый Раневской, не желает заниматься разработкой залежей глины на своей земле и сдает их в разработку какому-то англичанину.

Даже когда дворянин со всем усердием берется за управление собственным имением, как делает главный герой пьесы

Чехова «Дядя Ваня» (1897), он доказывает всего лишь полную неспособность достичь успеха в новых общественных условиях. Дядя Ваня посвящает жизнь управлению имением, купленным его отцом в качестве приданого для его уже умершей сестры. Муж сестры, отставной профессор недворянского происхождения, собирается продать землю и вложить вырученные деньги в ценные бумаги, что обещает дать в два с лишним раза больше дохода, чем приносит само имение. Этот план приводит дядю Ваню в ярость: для него имение — это не доходная собственность, а дело всей жизни, связывающее его и с прошлым, и с будущим. Он такой же романтик, как Гурмыжская и Раневская.

Если русскому дворянину в русской литературе и удастся временно отсрочить финансовый крах, то это всегда не его личная заслуга. Сосед Раневской, Симеонов-Пищик, в финансовых делах столь же безответственен, как и она. Он постоянно на грани банкротства, но это не лишает его жизнерадостной беззаботности, поскольку он уверен, что «что-нибудь случится не сегодня завтра». И действительно случается — находят залежи белой глины.

Согласно широко распространенному убеждению, упадок дворянства делался неизбежным ввиду невежественного и неделового подхода к управлению имениями, склонности сорить деньгами и залезать в долги. Бремя накопленных долгов принуждало продавать землю разбогатевшим нетитулованным людям, а средства от продажи, оставшиеся после уплаты долгов, либо быстро проматывались, либо вкладывались самым дурацким и разорительным способом. Классическое изображение этого процесса дал С.Н. Терпигорев, писавший под псевдонимом С. Атава, который опубликовал в 1880 г. серию очерков под общим названием «Оскудение». Само слово «оскудение» быстро и надолго стало стандартным названием изменений в жизни помещиков. У Терпигорева помещики не имеют ни знаний, ни подготовки, нужных для управления имениями при отсутствии крепостного труда. Поэтому все их усилия заранее обречены на провал. Некоторые дворяне продают выкупные свидетельства, полученные от правительства в возмещение наделов, нарезанных освобождаемым крестьянам. Постепенно они проживают вырученные средства и затем либо продают остающиеся у них лесные участки, либо сдают их в долгосрочную аренду. Следующий этап — это ги-

бельный процесс закладывания земель под ипотеку и векселя. Другие помещики бросаются в безнадежные предприятия по созданию «рациональных хозяйств» в своих имениях. При этом капитал выбрасывается на ветер ради заведения не приспособленных к российским условиям иностранных машин и агротехники. Особую неприязнь Терпигорева вызывают попытки наивных помещиков быстро разбогатеть с помощью торговых или промышленных предприятий, куда их вовлекают умные и своекорыстные доверенные советчики. Переезжающие после продажи земель в города помещики описываются им в особенно унижительном свете: они становятся владельцами и управляющими магазинов женской одежды или содержателями игорных домов или борделей¹⁷.

Не только русские писатели и драматурги описывали трансформацию дворянства в терминах упадка, происходящего от неадекватности дворянства новым условиям. Экономисты, политические обозреватели и публицисты того времени, независимо от своих одобрительных или отрицательных оценок этого процесса, описывали его совершенно так же (см. гл. 3). Современные исследователи приняли и укрепили ставшие традиционными представления. Ярким выражением такого подхода является следующий отрывок из исследования, проведенного одним из самых уважаемых советских историков А.М. Анфимовым: «данные [об убыли дворянского землевладения] косвенно свидетельствуют о природной несовместимости унаследованных этим классом от веков крепостничества традиций потребительски-паразитических отношений с требованиями капиталистического хозяйствования... Предпринимательская немощь, неумение наладить рациональное ведение хозяйства — характерная черта большинства дворян»¹⁸.

Западные ученые проявляли не меньшую, чем их советские коллеги, готовность принять традиционную точку зрения. Исследование Роберты Мэннинг содержит наиболее детальное изложение и истолкование данных о трансформации дворянства. Она изображает этот процесс в терминах «упадка и разложения» и «беспрецедентного по размаху экономического кризиса, вызванного освобождением крестьянства, которое разорило поместное дворянство»¹⁹. В результате этого кризиса многие помещики оказались «принуждены... ликвидировать

свои имения», или, иначе говоря, «были вынуждены расстаться со своей землей»²⁰.

Существенным элементом традиционного представления об упадке дворянства является убеждение, что помещики были вытеснены из своих имений. Мэннинг дает более сложную картину этого процесса, чем большинство исследователей. Она начинает со стандартного утверждения, что именно помещики в первую голову несут вину за собственный упадок, и полностью принимает сложившийся в художественной литературе образ «дворянской праздности»²¹. Дворяне привыкли хозяйствовать в условиях, при которых «единственным трудом их было получение дохода от законом закабаленного и незащищенного, <...> неграмотного и не получающего платы за труд работника, возделывавшего землю с использованием своих собственных примитивных орудий труда и полуголодного скота», и порвать с прежним стилем жизни и хозяйствования они были не в состоянии. В результате «значительная часть огромных капиталов — вероятно, чуть ли не четыре миллиарда рублей, — которые во второй половине XIX века попали в руки дворянства в виде выкупной ссуды от правительства, в виде ипотек и займов по закладным и в уплату за продаваемые имения, — были прожиты, промотаны или все чаще и чаще вкладывались в разорительные предприятия»²².

Тем не менее Мэннинг, сочтя, что «общепринятая интерпретация упадка дворянства отличается чрезмерной резкостью и упрощенностью», сосредотачивает свое внимание на «неблагоприятных обстоятельствах», еще более уменьшавших шансы дворянства научиться хозяйствовать в новых условиях без помощи крепостных²³. Она указывает на три неблагоприятных обстоятельства: высокие цены на землю, неблагоприятствующая правительственная политика и падение доходов от продажи зерна. Мэннинг не делает различия между первым из этих факторов и двумя другими. Высокая цена на землю, в отличие от двух других факторов, не вела к вытеснению дворянства из поместий: возможность выгодно продать землю действовала не как кнут, а как пряник, как приманка, соблазняя помещиков побыстрее расстаться с поместьями. Мэннинг совершенно правильно различает два аспекта неблагоприятной для дворянского землевладения государственной политики: правительство стимулировало развитие промышленности за счет сельского хо-

зьяйства и в то же время ограничивало объем денег в обращении и ужесточало условия получения кредитов. Она утверждает, что именно последняя особенность правительственной политики была наиболее опасна для дворянского землевладения, поскольку лишала помещиков капиталов, жизненно необходимых для найма вольных крестьян, для покупки сельскохозяйственных машин и скота, — т.е. всего того, что было необходимо для обработки земли в условиях отсутствия крепостного труда²⁴.

На самом деле особенно острой нужды в капитале и не было, потому что дворяне не только имели возможность использовать труд своих соседей-крестьян для обработки земли — на основе денежной аренды или испольтщины, — но и активно к этому прибегали. Не было, вопреки заявлениям Мэннинг, и особенной нужды в деньгах. Она утверждает, что из полумиллиарда рублей, которые государство было должно бывшим крепостникам в качестве компенсации за землю, нарезанную их бывшим крепостным, примерно половина ушла на погашение прежних долгов правительству, а свидетельства на оставшиеся к получению суммы можно было превратить в наличные только с 30-процентной скидкой²⁵. Но ситуация и в этом случае была совершенно иной. Из 890 млн рублей, которые они должны были получить от государства, помещики после вычета долгов получили 575 млн, причем при продаже выкупных свидетельств на рынке только в 1862—1866 гг. скидка доходила до 33%, а спустя два десятилетия снизилась всего до 5%. Неверно и то, что «банковская система в России была неразвитой и до основания в 1885 г. Государственного дворянского земельного банка получить долгосрочный кредит было практически невозможно»²⁶. Уже к 1883 г. дворяне-землевладельцы сумели получить под залог земли кредитов из банков на общую сумму 400 млн рублей. (Подробнее об этом и о вопросах, затрагиваемых в двух следующих параграфах, см. гл. 2.)

Теперь мы подошли к третьему фактору, который, согласно Мэннинг, содействовал незавидному положению поместного дворянства. Подобно Гэри Гамбургу, Мэннинг утверждает, что имевшее место в 1876—1896 гг. устойчивое падение цен на зерно во всем мире понизило «валовой доход большинства русских имений»²⁷. На самом деле источником дохода помещиков большей частью была не торговля зерном, а платежи

арендаторов земли, причем все чаще платежи деньгами, а не натуральным продуктом. Такое положение было особенно характерно для периода 1870-х и 1880-х гг. А крестьяне, арендовавшие землю у помещиков, производили товарное зерно в довольно ограниченных количествах. В силу этого цены на зерно не могли оказывать значительного влияния на доходы дворян-землевладельцев.

Мэннинг утверждает, что, не имея сил отказаться от пагубных «своеобразий и традиций», многие помещики под давлением недружественной экономической и политической ситуации обратились к следующим средствам: (1) «привлекали большие кредиты, чтобы пережить период экономической адаптации и долгой депрессии»; и (2) отказались от попыток самостоятельно вести обработку земли и начали все в больших объемах передавать ее в аренду крестьянам. На самом деле вопрос об обремененности поместий долгами намного сложнее, чем кажется с первого взгляда, а сдача земли в аренду стала предпочтительной формой эксплуатации имений уже с 1860-х гг. В любом случае, эти усилия представляли собой бесплодные попытки «предотвратить неизбежное», поскольку «в конечном итоге никакие из доступных дворянам после Освобождения паллиативные меры не могли остановить неумолимый хозяйственный упадок»²⁸.

Но Мэннинг не ограничивается исчерпывающе полным изложением традиционных представлений об упадке дворянства. Она, кроме этого, предлагает собственный, совершенно оригинальный тезис о «возвращении [дворянства] к земле», которое будто бы началось вскоре после освобождения крестьян и в последующие десятилетия развивалось ускоренными темпами. В период с конца 1890-х до 1914 г. под действием этого возвращения якобы «произошло заметное замедление процесса экономического упадка дворянства»²⁹. Этот провокационный тезис получил одобрение в ряде исследований (например, в работах Леопольда Хеймсона и Роберта Эдельмана)³⁰, которые даже не попытались поставить вопрос ни о правдоподобии этого тезиса, ни о фактах, на которые он опирается.

Согласно Мэннинг, дворянство «вернулось к земле» под действием трех следующих факторов: давление экономических потребностей, падение привлекательности государственной службы, расширение возможности занимать выборные

должности в местном управлении³¹. Первый фактор трактуется ею следующим образом: «Хотя экономические условия в конце XIX века вынуждали многих русских землевладельцев продавать свои имения или искать источники дохода на стороне, росло число тех, кто в ответ на кризис переезжал в деревню, чтобы взять управление семейным поместьем в свои руки»³². Предположение кажется достаточно правдоподобным, но нет никаких убедительных доказательств того, что сокращалось число землевладельцев, управлявших своими имениями из города, или что вообще имел место исход дворян из городов в усадьбы. Ее гипотеза опирается на мемуары примерно десятка политически активных деятелей начала XX в.; однако вряд ли допустимо делать столь широкие обобщения на основании столь незначительной выборки.

По схеме Мэннинг, привлекательность государственной службы в пореформенные десятилетия уменьшалась под действием ряда факторов. Она отмечает рост профессионализации бюрократии и офицерского корпуса, относительный упадок кавалерии и растущую значимость артиллерии, повышение расходов офицеров, проходящих службу в гвардейских или кавалерийских частях, наплыв на гражданскую и военную службу простолюдинов или безземельных потомков тех, кто заслужил дворянство на государственной службе³³. Короче говоря, государственная служба перестала быть тем джентльменским клубом, каким она была в прошлом, и новая атмосфера была чуждой дворянству. Мэннинг утверждает, что в том же направлении действовали и перемены в стиле воспитания дворян-детей, поскольку молодые дворяне оказывались плохо подготовленными к авторитарным требованиям гражданской и военной службы³⁴. Под давлением всех этих обстоятельств дворяне все чаще покидали государственную службу и возвращались в свои поместья.

Эта картина во многом не совпадает с тем, что происходило на самом деле в отношениях дворянства с государственной службой. Вот лишь один пример: во второй половине XIX в. число дворян-землевладельцев на гражданской службе не уменьшилось, а, напротив, *удвоилось* (см. гл. 6). Возможно, массовый выход в отставку имел место, но тогда приток поместных дворян в ряды бюрократии следует признать еще более значительным. Впрочем, у нас нет данных, подтвержда-

дающих, что все так и было, да и сам этот процесс нелегко укладывается в гипотезу Мэннинг.

Согласно Мэннинг, третьим фактором «возвращения к земле» было появление привлекательных возможностей службы в местном самоуправлении (в земских учреждениях в качестве мировых посредников и судей, а позднее и в качестве земских начальников), а также новая мода на участие в дворянских собраниях. Мэннинг утверждает, что новую жизнь в дворянские собрания вдохнуло их участие в освобождении крепостных, и они, наравне с земскими учреждениями, превратились в «суррогаты» отброшенной дворянством карьеры на государственной службе³⁵. К сожалению, те немногие примеры, которыми она подкрепляет эту свою гипотезу, относятся исключительно к началу 1860-х гг., а подавляющее большинство фактов говорит, что дворянство в целом сохранило былое равнодушие к своим сословным организациям. Для Мэннинг очень важна идея возрождения губернских дворянских собраний, потому что именно на этом держится ее объяснение поведения дворян-землевладельцев в 1905 г. Но такое поведение можно объяснить без обращения к столь сомнительной гипотезе — и это объяснение может оказаться даже лучшим³⁶.

Самый убедительный из аргументов, приводимых Мэннинг в поддержку своего утверждения, что начиная с 1860-х гг. росло число дворян, возвращающихся в свои поместья, заключается в данных об уменьшении площади дворянских земель. Чем большее число дворян оставляло государственную службу ради управления собственными имениями, тем легче им было предотвратить необходимость распродавать землю, а значит, должен был замедлиться переход земли в руки недворян. Именно так, согласно Мэннинг, все и происходило. В период 1895—1905 гг. скорость ежегодного сокращения площади дворянских земель якобы была на 30% ниже, чем в период Долгой депрессии 1876—1896 гг., и это замедление процесса обезземеливания дворянства продолжалось, за исключением периода 1906—1908 гг., вплоть до крушения монархии. Дополнительным доказательством значимости процесса «возвращения к земле» Мэннинг считает тот факт, что на переломе столетий 53—54% продаваемой дворянами площади было куплено другими дворянами³⁷.

В действительности же подробное и тщательное изучение статистики дворянского землевладения открывает совсем иную

картину. Если не считать нетипичных периодов 1903—1905 и 1914 гг., никакого замедления скорости обезземеливания дворян не наблюдалось. И даже напротив, в период с 1895 по 1913 г. (т.е. не только в период грозовых 1906—1908 гг.) площадь дворянских земель ежегодно сокращалась существенно быстрее, чем в период Долгой депрессии (за исключением 1878—1882 гг.). Что касается второго аргумента Мэннинг, то хоть и верно, что на переломе столетий дворяне приобрели 53% площади, проданной другими дворянами, но новым это явление не было. Более того, доля дворянских земель, покупавшихся другими дворянами, начиная с периода 1863—1872 гг., когда она составляла 64% (см. гл. 2), неуклонно снижалась.

Хотя не приходится оспаривать тот факт, что на переломе столетий все больший процент дворян-землевладельцев был серьезно занят налаживанием более или менее рационального хозяйства в своих имениях, причем многие при этом входили в мельчайшие прозаические детали ухода за скотом и посевами, этот процесс не имел ни малейшего отношения к гипотетическому «возвращению к земле». Гораздо более вероятным фактором, объясняющим этот процесс, является то, что за предыдущие десятилетия из деревни ушли экономически самые слабые дворяне-землевладельцы, люди, наименее преданные сельскому хозяйству и сельской жизни.

Гипотеза Мэннинг поднимает еще один вопрос. Если во второй половине 1890-х гг. «возвращение к земле» давало такие поразительные результаты, разве мог бы этот процесс не быть отмеченным теми, кто страстно надеялся на именно такой поворот вспять в процессе «упадка» поместного дворянства? Но в работах публицистов конца XIX — начала XX в., интересовавшихся дворянским вопросом, нет и намек на «возвращение к земле». Не найти упоминания об этом ни в материалах дискуссий на Всероссийских съездах губернских предводителей дворянства, проходивших начиная с 1896 г., ни в ходатайствах губернских дворянских собраний центральному правительству, ни в материалах Особого совещания по делам дворянского сословия, созданного правительством и заседавшего в период с 1897 по 1902 г. Все говорит за то, что никакого «возвращения дворянства к земле» не было.

Более того, концепция «упадка дворянства», имеющая куда более длинную историю, чем идея «возвращения к земле», так-

же ошибочна. То, что происходило с дворянством, и прежде всего с дворянами-землевладельцами, после освобождения крепостных, гораздо лучше рассматривать как их приспособление к резкому изменению экономической и социальной жизни. Термин «упадок» вызывает образ слабости и болезни, как если бы дворяне представляли собой «больного человека России». Вообще-то говоря, традиционное представление именно таково. Но что если дворянство было не пассивной жертвой собственной патологии и внешних обстоятельств, а в значительной мере активным участником процесса адаптации к изменившимся условиям? Понятно, что в процессе адаптации оно менялось и делалось иным, чем прежде, но ведь никто, кроме твердолобых традиционалистов, не отождествляет любые изменения с упадком. Это опять-таки весьма спорный тезис, но как он соотносится с известными фактами? Читателю придется самому ответить на этот вопрос на основании предлагаемого материала, прежде всего глав 2 и 6, которые выходят за пределы статистики, использовавшейся в прошлом для обоснования концепции упадка. Не забывая ни на миг поговорку о «лжи, отъявленной лжи и статистике», я полагаю, что для такого рода исследований исключительно важно осмотрительно и ответственно использовать статистику — особенно ту массу данных, из которых заимствуют постоянно лишь несколько цифр для подтверждения устоявшихся представлений.

У читателя может возникнуть законный вопрос: если в течение полувека после освобождения крестьян дворянство на самом деле не пребывало в состоянии упадка, а проходило нормальный процесс адаптации к изменившимся экономическим и социальным обстоятельствам, то как могло получиться, что этот факт совершенно ускользнул от внимания современников и позднейших историков? По той же самой причине, в силу которой сохраняются многие другие (и намного более важные мифы). Мифы полезны, поскольку объясняют явления, которые человеку хочется или нужно понять, и они утешительны тем, что предлагаемые ими объяснения соответствуют предвзятым мнениям. Упадок русского дворянства — пример как раз такого мифа. Восприятие дворян как беспомощных жертв своих анахронистских привычек и расточительного поведения, иными словами, как людей, не

способных конкурировать в мире, где господствует *homo oeconomicus* (обычно принимавшего образ выскочки или алчного иностранца), обладало привлекательностью главным образом по причине вполне двусмысленного отношения к дворянству, которое было характерно как для многих современников, так и многих из тех, кто отдален от этого процесса временем и пространством, или для тех и других сразу.

С одной стороны, привилегированные члены крайне несправедливого социального порядка получают по заслугам со стороны тех самых социально униженных, к которым они всегда относились с презрением. Таким образом удовлетворяется стремление к справедливости. С другой стороны, дворяне обречены на вымирание именно потому, что сохраняют верность малопригодным для достижения успеха в мире эстетическим и человеческим ценностям, внезапно оказавшимся под властью рыночной ментальности. Таким образом, дворянам достается известная симпатия тех, кто высоко ставит традиционные ценности, с которыми дворянство было связано. Следовательно, миф об обреченности дворянства удовлетворяет две стороны одновременно. Но, подобно большинству мифов, он не отвечает разумной потребности в убедительном истолковании всех известных данных.

Марксистские историки — это, конечно, особый случай. Здесь не найти никакой двойственности — только абсолютная приверженность мировоззрению, согласно которому дворянство является порождением определенного этапа общественного развития. Когда наступает исторически предначертанный час, является ангел смерти, принимающий форму революционного класса, и приводит приговор в исполнение. Не имеет смысла соболезновать жертвам — отжившее и худшее должно уступить новому и лучшему.

· Сословия в России

Дворянство представляло собой сословие, а сословия — это юридически оформленные образования: их состав, привилегии и обязанности определяет закон. Прежде чем двигаться дальше, стоит кратко рассмотреть правовой контекст, в котором существовало русское дворянство.

В социальной иерархии России московского периода места наверху занимали те, кто лично служил государству, и этот же порядок сохранился и в России императорского периода. Уложение 1649 г. сформировало из двух дюжин существовавших до этого чинов, на каждый из которых закон возлагал определенные обязанности перед государством (обусловленные, в свою очередь, служебными функциями и экономическими обстоятельствами), три сословия — служилых людей, посадское население и крестьян. Одновременно Уложение резко ограничило социальную мобильность, сделав сословную принадлежность наследственной и неизменной, а также наделив первые два сословия «исключительными юридическими преимуществами»³⁸. Петр Великий упразднил прежнюю систему чинов целиком, превратив тем самым сословия в единственный источник социальной и правовой идентификации, и ликвидировал все прежде существовавшие различия между членами каждого из сословий. Петр также расширил рамки сословной системы, включив в нее маргинальные элементы (холопов, кабальных и гулящих людей и т.д.), которые не охватывались прежней системой чинов. Екатерина II придала сословной системе ее окончательную форму, подтвердив дарованное ее покойным мужем освобождение дворянства от обязательной государственной службы и выпустив в 1785 г. грамоты, которые детально определили законные права и привилегии дворян и городских обывателей, пожаловав обоим сословиям определенные формы корпоративной самоорганизации.

Западные ученые зачастую либо отрицают сам факт существования в России настоящей сословной системы, либо допускают ее существование только с 1785 г.³⁹ Настоящими сословиями эти исследователи считают только социальные группы, идентичные существовавшим на Западе в Средние века и в начале Нового времени, которым закон обеспечивал известную защиту от произвола монарха и за которыми закреплял корпоративные политические функции. Тот факт, что на Западе сословия обладали такими правами и представляли собой составную часть не только социальной структуры, но и политической системы (на основе сословного представительства действовали парламенты, сеймы, ландтаги на всем пространстве Запада — от Атлантики до Вислы), был результатом уникального стечения исторических обстоятельств, определивших формирование этого общества. Ни

в каком другом обществе подобного стечения обстоятельств не было и соответственно не возникло такой сословной системы. Западную сословную систему следовало бы рассматривать не как образец для всех сословных систем, а скорее как отклонение от нормы.

Другим результатом этноцентризма современных западных историков — прежде всего англоязычных — является перевод термина «дворянство», который с последней четверти XVIII в. стал общепринятым наименованием служилого сословия России, как «*gentry*»⁴⁰. Логика такого использования этого термина понятна — показать, что подавляющее большинство дворян по уровню богатства, образа жизни и близости к центрам власти гораздо больше напоминали сельских землевладельцев, известных в Англии как *джентри*, чем членов аристократической элиты, которые составляли собственно дворянское сословие в этой стране. Тем не менее перевод термина *дворянство* как *gentry* вводит в заблуждение, потому что в России не было ничего похожего на именно эту группу людей. Хотя в Англии вплоть до XIX в. джентри и дворянство образовывали неформальную группу «джентльменов», представлявших собой социальную и политическую элиту общества, ни «джентльмены», ни «джентри» не представляли собой сословия. Только титулованная знать являлась сословием и, как сословие, имела право на место в парламенте (в палате Лордов). В юридическом смысле джентри вместе с купцами, свободными землепашцами и другими образовывали «третье» сословие, представленное в палате Общин, и не имели даже ограниченных правовых привилегий, закрепленных за дворянством⁴¹. В России и других странах континентальной Европы, напротив, дворянское сословие образуется совокупностью следующих социальных групп: титулованная знать плюс джентри плюс не имеющие земли и обедневшие дворяне, которых в Англии не отнесли бы даже к джентри⁴².

То, что состав российского дворянства, как и дворянства других стран континентальной Европы, отличался намного более широким диапазоном богатства, статуса и влияния, чем мы наблюдаем у английского дворянства, ни о чем не говорит, потому что такая внутренняя дифференциация была обычной для сословий. Члены любого сословия всегда отличались значительным неравенством богатства, статуса и влияния. Даже в составе высших сословий численное превосходство всегда при-

надлежало бедным и относительно невлиятельным. Определяющей характеристикой сословия был общий для всех его членов особый правовой статус. В этом отношении российское дворянство, несопоставимое с английскими джентри, было совершенно таким же, как дворянство в других странах континентальной Европы.

Детальнейшему описанию иерархии сословий посвящен девятый том Свода законов, составленный в 1833 г. Михаилом Сперанским и затем периодически подвергавшийся пересмотру⁴³. Сословная система охватывала все христианское население Европейской России, Польши и Кавказа, а также евреев, заселявших западные окраины империи, и мусульманское население Крыма, Поволжья и Урала. Великое княжество Финляндское сохранило свою традиционную систему сословий. По закону все жители вышеназванных групп приписывались к одному из четырех сословий (в нисходящем иерархическом порядке): дворянство, христианское духовенство, городское сословие и крестьянство. Отличие иерархического порядка от принятого на Западе, где первым сословием было духовенство, может быть объяснено как традиционным предпочтением, отдаваемым государственной службе как наиболее ценимой социальной функции еще со времен Московского царства, так и природой русского духовенства⁴⁴. Четыре основных сословия имели следующие подразделения: (1) дворянство потомственное и личное, последнее было ненаследуемым⁴⁵; (2) духовенство православное, римско-католическое, протестантское и армянско-григорианское; (3) потомственные почетные граждане, личные почетные граждане, купцы (до 1863 г. три гильдии, после этого только две), и мещане (ремесленники и рабочие); (4) помещичьи крепостные крестьяне, казенные или удельные, принадлежавшие государству или правящему дому, посессионные, приписанные к рудникам или заводам.

До 1860—1870-х гг. дворяне, духовенство и почетные граждане являлись *неподатными*, привилегированными сословиями, поскольку их члены были освобождены от уплаты подушной подати, от принудительного труда на государство, от рекрутской повинности и телесных наказаний. Купечество было полупривилегированным, поскольку купцы 1-й и 2-й гильдий имели право откупиться от уплаты подушной подати, от рекрутской и натуральной повиннос-

тей; купцы же 3-й гильдии могли быть подвергнуты и телесному наказанию. Мещанство и крестьянство были непривилегированными, *податными* сословиями, т.е. несли все вышеперечисленные тяготы и знаки низкого звания.

Хотя было возможным стать членом каждого сословия по условиям, определенным Сводом законов, только четыре сословия передавали членство по наследству: потомственное дворянство, потомственные почетные граждане, мещанство и крестьянство. По достижении совершеннолетия сыновья членов всех других групп, которые не могли лично претендовать на принадлежность к более высокому сословию, автоматически становились либо наследственными почетными гражданами (сыновья личного дворянства), либо приписывались к мещанству (сыновья низшего духовенства, личных почетных граждан и купцов). Статус купца, собственно говоря, был даже не пожизненным: он сохранялся ровно до тех пор, пока сохранялось членство в гильдии, обеспечиваемое установленными законом ежегодными платежами. Прекращавший оплачивать членство в гильдии переходил в мещанское сословие. До 1874 г. рядовой состав армии и флота во время службы и по выходе в отставку образовывал отдельное наследственное сословие, по статусу и объему юридических прав располагавшееся между купечеством и мещанством. После введения всеобщей воинской повинности в 1874 г. отставные военные получали приписку в те сословия, из которых они были призваны на службу⁴⁶. Правовой статус женщин определялся статусом их отцов или мужей.

Корпоративные сословные учреждения возникли в царствование Екатерины II на губернском и уездном уровнях для потомственных дворян, тогда же на уровне городском — для купцов и мещан, а с 1860-х гг. на уровне волостей и сельских обществ — для крестьян. На общенациональном уровне было организовано только духовенство. У личных дворян и почетных граждан (как личных, так и потомственных) не было никаких форм корпоративной самоорганизации.

Незначительное уменьшение процентного веса потомственного дворянства в общей численности населения в период с 1858 по 1897 г., постольку, поскольку оно отражает чрезвычайную приблизительность оценок 1858 г. (см. табл. 1), было результатом чистки польского дворянства западных губерний после неудавшегося восстания 1863 г. Относительный вес этого

сословия был более или менее неизменным с 1830-х гг., когда прекратился его умеренный рост, начавшийся еще в царствование Петра I⁴⁷. В России удельный вес дворянства среди населения был меньше, а в некоторых случаях значительно меньше, чем во многих странах Запада, находившихся на сопоставимом этапе социального развития. Во Франции, накануне революции 1789 г., дворянство составляло 1,5% населения, в Испании в тот же период — более 5%, в Венгрии — более 6 %, в Польше — более 8%⁴⁸.

Таблица 1
Распределение населения 50 губерний Европейской России по сословиям, 1858 и 1897 гг., в %

	1858		1897	
	Сословие	В том числе	Сословие	В том числе
Дворянство	1,5		1,4	
Дворяне потомственные		1,0		0,9
Дворяне личные и чиновники		0,5		0,5
Христианское духовенство	1,0		0,5	
Городское население	7,3		11,2	
Почетные граждане		0,04		0,3
Купцы		0,7		0,2
Мещане		6,5		10,6
Военные	5,4		—	
Сельские обыватели	83,5		85,7	
Крестьяне		82,6		84,2
Казаки		0,9		1,5
Разночинцы, инородцы, иностранцы	1,3		1,2	
Итого	100		100	

Источник: Статистические таблицы Российской империи. № 2. Наличное население империи за 1858 год (СПб., 1863). С. 267—275, 292—293; Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года (СПб., 1905), I: XIII.

Примечание: Европейская Россия состояла из пятидесяти губерний (до 1865 г. сорок девять), расположенных к западу от Урала, включая кавказское наместничество, Великое княжество Финляндское и десять губерний (до 1866 г. — пять), входившие в состав бывшего Царства Польского. Термин «чиновничество» в данном случае обозначает имеющих служебный чин служащих государственного аппарата, не являвшихся личными или потомственными дворянами. После 1873 г. солдаты-призывники перестали быть отдельным сословием. Прочерки указывают, что соответствующие данные недоступны. Из-за округления значений показателей их сумма может отличаться от итоговых значений по разделу.

ПРИВИЛЕГИИ ДВОРЯНСТВА

Правовые привилегии, обретенные российским дворянством во второй половине XVIII в., включали гражданские права, принадлежавшие каждому из членов сословия, и политические права, бывшие достоянием дворянского сословия как корпорации⁴⁹. Гражданские права первого сословия можно разделить на личные права (в том числе полезные и почетные) и права собственности. Полезные личные права, которые дворянство получило наравне с другими привилегированными сословиями, включали право быть судимым судом равных (присяжных), свободу от подушной подати, принудительного труда, рекрутской повинности и телесных наказаний. Только в случае потомственных дворян последняя привилегия принадлежала даже рядовым военным, подлежащим наказанию розгами за нарушение дисциплины. Право на государственную службу кроме дворянства имело лишь считанное число других групп. И только дворянство обладало следующими полезными личными правами: свободу от постоя войск в их домах; преимущества при зачислении на службу в государственные учреждения, при продвижении по службе и назначении пенсии; право выезда за границу и, при получении разрешения правительства, поступления на службу союзных иностранных держав; исключить из дворянского сословия можно было только за совершение таких тяжких преступлений, как государственная измена, лжесвидетельство, разбой, воровство или изготовление подложных документов; в число полезных входило также право подавать кассационные жалобы на смертный приговор или лишение дворянского состояния в Сенат и лично императору⁵⁰.

Только дворянство обладало почетными личными правами, такими, как использование семейного герба и прибавление к родовому имени названия наследственного имения, — западные обычаи, поддерживаемые Петром I. Чтобы не допустить исчезновения фамилии (а вместе с ней герба и титула, при наличии последних), дворяне имели право передавать родовое имя кровным или семейным родственникам⁵¹. Дворяне также имели право носить мундир дворянского собрания своей губернии, но на деле эти мундиры надевали только для проходивших каждые три года дворянских собраний, да и то лишь те, кому нынешние или прошлые заслуги не давали права появляться в более престижных мундирах военного, чиновника, или выборного лица местной администрации⁵².

Важнейшим из прав собственности — строго говоря, самым важным из всех них, которым оно владело наравне с государством и императорской семьей, — было право владеть землей с прикрепленными к ней крестьянами, что в допромышленной России являлось основной формой богатства. Кроме того, дворяне имели право, не вступая в купеческую гильдию, торговать сельскохозяйственной или промышленной продукцией, произведенной на собственной земле. До 1863 г. дворяне-землевладельцы имели исключительное право заниматься винокурением. Если дворянин желал для создания промышленного предприятия приобрести землю в городе, он имел право вступить в купеческую гильдию для приобретения коммерческих привилегий купечества, не поступаясь принадлежностью к дворянству. Далее, только дворяне имели право на учреждение заповедного имения. Если дворянин за совершение преступления бывал присужден к смертной казни или лишению прав дворянского состояния, его наследственная собственность отходила к его законным наследникам, а не подвергалась конфискации государством.

Гражданские права дворянства в каждом случае являлись даром со стороны монархии, которая стремилась обеспечить своим слугам надлежащие моральный авторитет и материальное положение, необходимые для выполнения соответствующих функций. Созданные ради потребностей государственной власти и существовавшие в контексте несимметричного распределения власти между дворянством и монархией, эти права оказались довольно зыбкими. Через десять с небольшим лет

после принятия в 1785 г. Жалованной грамоты дворянству император Павел I ее отменил и покончил с правом дворянства на свободу от телесных наказаний и от обязательной государственной службы. Хотя в 1801 г., после убийства Павла I, грамота и эти права были восстановлены и государственная власть больше на них не покушалась, монархия по-прежнему в одностороннем порядке осуществляла регулирование, дополнение и ограничение привилегий дворянства в соответствии с государственными потребностями. Николай I урезал право выезда за границу и восстановил обязательность службы государству для приписанных к Западным губерниям польских дворян, владевших менее чем сотней крепостных. Дав свободу крепостным, Александр II ликвидировал самую ценную из дворянских привилегий. В России сословные права явно не имели твердой правовой гарантии, определяясь только требованиями политики: «Верховная власть наделяла одним правом, лишала другого, смотря по потребности государства»⁵³.

Именно во имя государственных интересов были учреждены корпоративные заведения и определены корпоративные права дворянства. Не располагая финансовыми ресурсами и обученным персоналом для выполнения многообразных функций местного управления, правительство Екатерины II последовало примеру современных ему западных государств, полагающихся на корпоративные заведения дворян и буржуазии. Однако на Западе в XVII и в XVIII вв. издавна существовавшие сословные организации выродились в инструменты абсолютистского государства; в России же учреждение таких сословных заведений должно было быть проведено государством⁵⁴.

Уездные дворянские собрания, созданные в 1766 г. по случаю выбора депутатов в созданную Екатериной II Комиссию для сочинения проекта нового Уложения, по принятому в 1775 г. *Учреждению для управления губерний* были преобразованы в постоянно действующий институт власти, на который была возложена обязанность каждые три года избирать местных дворян для отправления судебных и полицейских функций в сельской местности. Официальными руководителями и представителями дворянства в его новой корпоративной роли стали уездные предводители дворянства, — административное учреждение, тоже созданное в 1766 г. для данного случая. По

принятому в 1775 г. Учреждению была создана параллельная система управления в городах, ответственность за которую была возложена на купечество и мещанство. Со временем в составе избираемых сельских должностных лиц помимо судей и исправников появились администраторы, ответственные за распределение земельного налога, за ревизию школ, содержание хлебных запасов, проведение межевания и строительство зданий и дорог. Избираемые дворянскими собраниями и отчитывающиеся перед своими избирателями, когда дело доходило до выборов, все эти администраторы (кроме предводителей дворянства) являлись, по существу, агентами правительства, а не представителями своего сословия. Их утверждал в должности губернатор, они были подотчетны соответствующим органам государственного управления, и они получали чины, жалованье и мундиры чиновников⁵⁵.

Принятая в 1785 г. Жалованная грамота дворянству сместила центр тяжести в сословной самоорганизации с уездов на губернии, возложив корпоративные права и власть дворянства на новое юридическое лицо — губернское дворянское общество и формально определив роль и полномочия губернского предводителя дворянства (должность, фактически существовавшая уже с конца 1770-х гг.). С этого времени на долю уездного дворянского собрания остались такие хозяйственные заботы, как проверка списков дворян уезда, имеющих право голосовать на губернских собраниях, и т.п. В соответствии с этими функциями, уездные собрания созывались за три месяца до проводившихся каждые три года губернских. На этих собраниях, проходивших обычно в декабре или январе, обсуждались имеющие серьезное практическое значение вопросы, заполнялись выборные местные должности, выбирался уездный предводитель дворянства (в каждом случае к обсуждению и голосованию допускались только дворяне соответствующих уездов), выдвигались кандидаты на пост губернского предводителя дворянства. Губернское собрание также избирало членов в Дворянское депутатское собрание (по одному депутату от уезда). Это последнее под председательством губернского предводителя дворянства вело родословные книги, представлявшие собой список членов дворянского общества. Для приписки дворян к местному обществу нужны были (при наличии доказательств соответствующего происхождения и земельной собствен-

ности в данной губернии) две трети голосов депутатского собрания. Дворянская семья имела право быть приписанной к дворянскому обществу каждой из губерний, в которых она владела землей. Все мужчины семьи, достигшие 25-летнего возраста, могли посещать проводившиеся каждые три года дворянские собрания, но право голоса имели только лично владевшие землей в данной губернии и имевшие минимальный служебный чин (14-й класс или выше по Табели о рангах) в военной или гражданской службе⁵⁶.

Дворянские общества были созданы во всех губерниях, где для этого имелось требуемое число дворян-землевладельцев. К 1860 г. такие общества были заведены в 45 из 49 губерний Европейской России, хотя в Вологодской и Астраханской губерниях дворянские общества существовали только в нескольких уездах. В Вятской, Пермской и Архангельской губерниях число дворян-землевладельцев было недостаточным для создания сословных организаций. В Олонце выборы проводились только до 1811 г., а потом, до 1858 г., власть сама время от времени назначала губернского предводителя дворянства. Когда в 1865 г. была создана Оренбургская губерния (выделенная из Уфимской), число дворянских обществ выросло до 46. За пределами Европейской России в 1847—1852 гг. дворянские общества были созданы в Закавказских Тифлисской и Кутаисской губерниях, в северо-кавказской Ставропольской и в пяти губерниях, образованных на территории бывшего Царства Польского⁵⁷.

В отличие от выборных должностных лиц местной администрации, которые были в чистом виде агентами центральной власти, дворянские собрания и предводители дворянства представляли собой смешанный институт. С одной стороны, они были созданы для служения интересам и потребностям высшего сословия. Дворянские собрания имели право обсуждать вопросы, представляющие взаимный интерес, могли облагать своих членов налогами, если дело касалось общих нужд, могли ходатайствовать о своих нуждах перед губернатором, Сенатом и императором. Дворянские собрания были обыкновенные (раз в три года) или чрезвычайные, собиравшиеся для срочного обсуждения каких-либо вопросов. Предводители дворянства председательствовали на дворянских собраниях и в целом действовали как представители и выразители интере-

сов своих избирателей. С другой стороны, с точки зрения правительства (которое и учредило дворянские собрания), их главной задачей было избрание лояльных должностных лиц для местной административной машины. Все остальные функции обществ имели вторичный и подчиненный характер и не должны были препятствовать выполнению основной. Наме-рение правительства держать дворянские общества на коротком поводке ясно заявлено в Жалованной грамоте дворянству от 1785 г., где на назначаемых губернаторов возлагается ответственность за созыв губернских дворянских собраний, за выдвижение обсуждаемых вопросов, за выбор одного из двух кандидатов, предлагаемых собранием, на пост предводителя дворянства и утверждение результатов выбора должностных лиц, если в избранных отсутствуют какие-либо «явные пороки». За принятие «противоречащих закону» решений собрание могли подвергнуть штрафу. А с годами на уездных и губернских предводителей дворянства, ответственных прежде всего перед своими избирателями, было переложено значительное число чисто правительственных функций. К 1861 г. они принимали участие в раскладке рекрутских повинностей и налогов среди владельцев земли и крепостных крестьян, за периодическое обновление переписи крепостных мужского пола, за поддержание в надлежащем порядке дорог и общественных сооружений, за инспектирование почтовых станций, за содержание хлебных запасов, поставку в армию лошадей с конных заводов; они должны были заботиться о народном здоровье и гигиене, осуществлять надзор за тюрьмами и детскими приютами⁵⁸. В отличие от всех других выборных служащих на местах, предводители дворянства жалованья не получали.

В царствование императора Павла высшее сословие обнаружило, что его корпоративные привилегии были столь же непостоянными, как и его гражданские права. Вначале было отменено право дворянства обращаться с петициями к правительству, затем были упразднены губернские дворянские собрания, а избрание тех должностных фигур местной администрации, которые не являлись правительственными чиновниками, было опять передано на уровень уездных дворянских собраний⁵⁹. После полного восстановления всех прав и привилегий Александром I у дворянства осталось двусмысленное отноше-

ние к своим корпоративным правам, на которые они стали смотреть как на корпоративные обязанности — обязательную службу в новой форме. Посещаемость проводившихся каждые три года дворянских собраний была не слишком удовлетворительной. Богатые аристократы предпочитали удовольствия жизни в Петербурге, Москве или за границей длинному и нудному путешествию в самую холодную пору зимы в необустроенный город — и все только для того, чтобы потолкаться среди равных себе по закону, но социально стоящих ниже их самих людей. Даже средние землевладельцы и мелкопоместные дворяне, постоянно проживавшие на территории своей губернии, зачастую пренебрегали редкой возможностью принять участие в выборах и насладиться разнообразием светской жизни, сопутствовавшей проведению дворянских собраний. Раздраженный Сперанский жаловался в 1818 г., что «от самих дворянских выборов дворяне бегают, и скоро надобно будет собирать их жандармами, чтобы принудить пользоваться правами... им данными»⁶⁰. Качества должностных лиц, избираемых дворянством, также оставляли желать лучшего. Способные и честолюбивые люди, стремящиеся к гражданской карьере, предпочитали искать места в правительственных ведомствах, а не в выборных должностях в местном управлении, далеких от центров власти. Зачастую эти посты занимали малоодаренные и малообеспеченные люди, которых привлекало жалованье, а порой их даже приходилось заполнять по назначению⁶¹.

Проведенная в 1831 г. радикальная реформа корпоративных организаций дворянства попыталась исправить эти недостатки⁶². Чтобы сделать службу более привлекательной, губернские предводители дворянства отныне назначались императором; служебный ранг всех выборных должностей был повышен на один класс, а выборным администраторам был гарантирован шестилетний срок пребывания в должности, и они впервые получили права чиновников гражданской службы. Одновременно был расширен круг дворян, имевших право занимать выборные должности. Это было достигнуто за счет отмены прежнего требования о минимальной собственности (не менее 100 рублей годового дохода от имения) и обязательной предварительной службы в государственном аппарате с получением звания четырнадцатого класса или выше. Для повы-

шения статуса губернских дворянских собраний им было позволено обращаться в правительство с петициями и жалобами на местные административные промахи и злоупотребления даже в тех случаях, когда дворянство не было главной или единственной жертвой. Чтобы заинтересовать в выборах богатых дворян, и прежде всего не проживавшую в губернии аристократию, право голосовать стало зависеть от размера собственности. Крупные землевладельцы сохранили право голоса на выборах сословных представителей и должностных лиц, средние землевладельцы с этого времени были представлены выборщиками, а мелкопоместные дворяне лишились права голоса⁶³. Все землевладельцы, выслужившие чин, сохранили право голоса по всем вопросам, кроме выборов должностных лиц.

Реформа 1831 г. настолько мало помогла государству решить вопрос нехватки должностных лиц для системы местного управления, что еще до конца десятилетия были приняты дополнительные меры. Если меньше чем 12 дворян из одного уезда присутствовали на собрании, губернский предводитель имел право для проведения выборов соединить дворянство двух или более соседних уездов. Любой средний землевладелец получал право голоса на выборах, если на военной службе он дослужился до шестого класса (полковник), а на гражданской — до четвертого (действительный статский советник). Право голоса получал и любой дворянин, отслуживший три года на должности предводителя дворянского собрания, даже если у него не было поместья. Постоянная нехватка дворян для занятия выборных должностей понудила правительство разрешить в известных случаях одному лицу одновременно занимать две выборных должности, а также предоставить право личным дворянам быть избранными на должность уездного полицейского чина⁶⁴.

Эффект правительственных усилий оказался минимальным. Жалобы на должностную неадекватность местных выборных администраторов не прекращались до самой отмены этих должностных позиций в 1860-х гг., когда Борис Чичерин высказал всем известную истину — российские дворяне всегда больше ценили свое право собственности на живые души, чем свое право влиять на ход дел посредством участия в выборах и службы на выборных должностях в местном управлении⁶⁵. Учитывая тот факт, что самодержавие жестко контролирова-

ло как назначенных чиновников, так и выборных администраторов, а также принимая во внимание узость границ, в которых должны были действовать дворянские общества, нельзя не признать, что дворянство достаточно адекватно воспринимало соотношение между ценностью своих прав собственности и прав политических.

Те самые законы, которые должны бы в 1831 г. возбудить интерес дворянства к участию в дворянских собраниях и к занятию выборных должностей, сделали еще яснее, чем раньше, тот факт, что государство смотрело на эти функции скорее как на обязанности, чем привилегии. Для дворян были установлены штрафы, если они не посещали дворянских собраний (если только они заранее не предъявляли уважительной причины) или отказывались принять должность, на которую их избрали; надзор губернатора за губернскими собраниями был усилен⁶⁶; был особенно подчеркнут тот факт, что внесение в генеалогический реестр и избирательный список соответствующей губернии было не только правом, но и «обязанностью» каждого дворянина, ставшего владельцем земли⁶⁷. В том же стиле происходила и проведенная в 1832 г. замена введенных в 1780-х гг. дворянских мундиров, особых для каждой губернии, на единую для всех форму — темно-зеленый мундир министерства внутренних дел. Правительство Екатерины Великой ввело разнообразие мундиров, выражавших корпоративное единство дворянства каждой губернии. Правительство Николая I, унифицировавшее мундир, сделало упор на роли дворянства как агента государственной власти⁶⁸.

ВОЗДЕЙСТВИЕ ВЕЛИКИХ РЕФОРМ

С Петра I до Николая II государство Российское поставило перед собой двойную задачу, стремясь уменьшить несоответствие (в основном военное и экономическое) России Западу путем избирательного заимствования у последнего и включить в политическую систему российского самодержавия и иерархическую структуру общества изменения, неизбежно сопровождающие такие заимствования. В XVIII в. решение этой двойственной задачи шло успешно: государство энергично содействовало проведению технической, культурной и административной вестернизации, одновременно усиливая тради-

ционные политические и социальные структуры. В XIX в. задача стала бесконечно более трудной, потому что на Западе одно сословное общество за другим трансформировалось в классовые общества, а династические государства превращались в национальные, основанные на принципе народного суверенитета. Глядя с сильнейшим неодобрением на эту тенденцию, российское правительство проявляло чрезвычайную чувствительность к взаимосвязи между интеллектуальными и экономическими переменами, с одной стороны, и фундаментальными политическими и социальными преобразованиями — с другой; теперь оно стало относиться с крайней осторожностью и подозрительностью к дальнейшему проникновению в Россию западных идей и западной техники. Платой за такую чрезмерную настороженность стало унижительное поражение России в Крымской войне против Британии и Франции — двух обществ, мощь которых, несоотнесимая с мощью России, была чудесным образом увеличена непрекращающейся модернизацией их экономических, социальных структур и политических систем.

В течение шестидесяти лет после поражения в Крымской войне старый режим, стремясь к повышению силы и безопасности государства, с обновленным интересом начал осуществлять модернизацию экономики и вооруженных сил, не намереваясь, однако, отказываться от традиционной сословной системы организации общества и от самодержавного режима власти. Фактически политическая система оставалась неизменной — по форме до 1906 г., а по сути во многом вплоть до 1917 г., когда, наконец, и был предъявлен счет за подобное отсутствие гибкости. Оставалась формально неизменной до 1917 г. и сословная система; единственные структурные изменения, проведенные в 1860-х гг., были незначительные — реорганизация трех купеческих гильдий в две и слияние различных разрядов крепостных и крестьян в однородное в правовом отношении крестьянство⁶⁹. К 1917 г., однако, режиму пришлось пожертвовать большей частью той сути, которая определяла сословную систему требованиям модернизации.

Первым по времени и по значительности шагом по выходу сути сословной системы было освобождение крепостных в 1861 г. Эта радикальная реформа одновременно повысила правовой статус крестьянства и лишила дворянство

самой ценной из привилегий — исключительного права владеть населенной землей и получать выгоду от бесплатного труда своих крепостных. С освобождением крепостных дворяне также лишились другой своей прежней роли — от имени государства осуществлять судебные, полицейские и налоговые функции относительно своих крестьян. Большая часть личных привилегий, принадлежавших дворянству наравне с другими привилегированными сословиями, ненадолго пережила освобождение крестьян. Уже в 1863 г. освобождение от подушной подати было распространено на мещанство⁷⁰, а спустя двадцать лет этот налог был совсем отменен. Другие налоги, прежде всего налог на недвижимость и акцизные налоги, всегда применялись по отношению ко всем сословиям. Самые жестокие формы телесных наказаний были отменены в 1863 г., хотя в некоторых случаях крестьян все еще подвергали битью розгами⁷¹. Наиболее серьезный удар привилегиям нанесла судебная реформа 1864 г., в основе которой лежали «принципы бессословности суда, равенства всех граждан перед законом»⁷². Право дворян быть судимыми себе равными приняло радикально иной вид: в самом знаменитом из описанных в художественной литературе уголовных процессов в пореформенной России обвиняемый, потомственный дворянин Дмитрий Карамазов, был осужден присяжными, состоявшими из четырех чиновников, двух купцов и шести мещан и крестьян⁷³. Благодаря судебной реформе все граждане России без различия сословий получили право не только на суд присяжных, но и на гарантии от внесудебного лишения жизни, статуса или собственности, а также на право обжаловать приговор у императора. В 1860-х гг. все граждане получили право на паспорт для выезда за границу и на занятия торговлей и промышленностью⁷⁴. С освобождением привилегированных сословий от рекрутской повинности покончила военная реформа 1874 г., которая сделала призыв на военную службу всеобщим, и теперь образование, а не сословная принадлежность, давало право на уменьшенный срок службы. А когда армия отказалась от практики размещения войск по частным домам, освобождение дворянства от постоя потеряло всякий смысл.

Последней областью, в которой сохранились существенные сословные различия, была государственная служба. До 1906 г. дворянство имело известные предпочтения при приеме на

службу и при продвижении по служебной лестнице, тогда как выходцам из мещанства и крестьянства («бывших податных сословий»), как их стали называть после отмены подушной подати) доступ на гражданскую службу был по-прежнему закрыт⁷⁵. Если не считать этой сферы общественной жизни, единственной существенной формой межсословных различий, сохранившейся после Великих реформ, было неравенство между крестьянством и всеми остальными. Крестьян, как и прежде, судили особые суды; для них сохранилось телесное наказание; в случае стихийных бедствий они единственные подлежали принудительной мобилизации для общественных работ; сохранились также известные ограничения свободы передвижения и выбора места жительства⁷⁶.

В течение долгого времени правительство намеревалось провести реформы местной полиции и других органов власти, включая судебную систему, на уездном и губернском уровнях. Когда под стимулирующим действием отмены крепостного права эти реформы были в начале 1860-х гг. осуществлены, дворянство как сословие едва не утратило всякую роль в местной администрации. В 1862 г. были упразднены выборы сельских полицейских должностных лиц на уровне уездов и станов, которые прежде избирались дворянством. Как в сельской местности, так и в городах их заменили назначаемые губернатором служащие. Ожидалось, что созданные в сельских местностях в 1864 г. земские собрания и земские управы окажутся более эффективными в обеспечении определенных социальных услуг, чем различные должностные лица и комитеты, избиравшиеся с 1775 г. целиком или частично дворянством и вызывавшие множество нареканий⁷⁷. Еще один решительный удар по принципу сословных привилегий был нанесен уездными земскими собраниями, единственно выбираемый обществом орган, созданный в ходе Земской реформы 1864 г. Земские собрания представляли собой межсословный орган самоуправления, формировавшийся не на сословных, а на имущественных критериях. При этом членами первой курии выборщиков были все личные землевладельцы — и дворяне и недворяне. Судебная реформа 1864 г. заменила отдельные сословные суды первой инстанции, существовавшие с 1775 г., и отменила посословное избрание судебных должностных лиц. Юрисдикция новых судов охватывала лиц всех сословий (хотя

одновременно были созданы волостные суды для разбора незначительных правонарушений, в которых действовали только крестьяне). Роль судей исполняли либо профессиональные юристы, назначаемые министерством юстиции, либо мировые судьи, избиравшиеся уездными земскими собраниями.

После Великих реформ единственной должностной фигурой, избираемой губернским дворянским собранием, остался один из четырех заседателей уездного полицейского управления⁷⁸. Что касается некоторых других должностных фигур, включая мировых посредников и представителей первого сословия в губернских и уездных по крестьянским делам присутствиях, дворянское собрание составляло короткие списки кандидатов, из которых губернатор совместно с губернским предводителем дворянства выбирал должностных лиц⁷⁹. Хотя дворянские общества остались не затронутыми реформой, их роль в поставке должностных лиц местного управления резко снизилась. В их компетенции остались только сословные дела, да и здесь их полномочия были резко ограничены надзором самодержавного государства, ревниво защищавшего незыблемость своей политической монополии.

Таким образом, за одно или два десятилетия после освобождения крепостных государство лишило дворянство большей части его правовых привилегий, как гражданских (включая личные и имущественные), так и политических. Вес традиций и обычаев, сохранявшееся чувство почтения со стороны низших сословий, сохранение господствующих позиций дворянства в сельском хозяйстве, в высших слоях бюрократического аппарата и офицерского корпуса — все это было залогом того, что первое сословие России еще будет известное время сохранять влияние, далеко не соответствующее его численности, но что теперь ему придется действовать без защиты правовых привилегий.

Поскольку владение крепостными крестьянами было самой ценной из дворянских привилегий, отмена крепостного права не могла не быть самой серьезной потерей, вызванной Великими реформами. С 1801 г. члены других сословий имели право владеть ненаселенными имениями, т.е. землей, к которой не были приписаны крестьяне, но только дворяне могли владеть населенными имениями. Освобождение крепостных и наделение их землей в период 1863—1883 гг. привели

к упразднению категории «населенные земли» и превратили землю, частную собственность отдельного человека, в такой же товар, как и любой другой. В отличие от таких западных стран, как Франция и Пруссия, в российском праве не было концепции «дворянской земли» как таковой, независимо от сословия владельца, и поэтому все привилегии были привязаны к землевладельцу, а не к земле. Стоило землевладельцу и его бывшим крепостным достичь соглашения об условиях выкупа за обязательные крестьянские наделы — под давлением правительства этот процесс к концу 1880-х гг. был завершен, — как оставшаяся у них земля впервые в истории стала доступной покупателям всех сословий⁸⁰. Необходимое условие для отделения дворянства от его земель было создано, процесс, к которому дворяне, не теряя времени, подключились, начался.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Blum Jerome. *The End of the Old Order in Rural Europe* (Princeton, 1978). P. 3.

2. Ibid. P. 440. См. также: Marshall T.H. *Class, Citizenship, and Social Development* (Garden City, N.Y., 1964). P. 193; и Mousnier Roland. *Les hiérarchies sociales de 1450 à nos jours* (Paris, 1969). P. 19—20.

3. Blum. *End of the Old Order*. P. 440—445.

4. Ibid. P. 441. Современное общество, из уважения к элементу социальной структуры, который рассматривается как самый важный и определяющий, принято называть «классовым». Термин «классовое общество» настолько укоренился, что сегодня уже нет смысла от него отказываться, хотя следует помнить о двух важных моментах. Во-первых, в современном обществе класс — лишь один из факторов социальных различий, и зачастую не самый важный: этнические и религиозные различия, например, бывают куда более существенными. Во-вторых, в современном обществе закон не признает существования классов или любых других социальных групп. Для него существуют только отдельные личности, и все граждане имеют по закону равные права и обязанности.

5. Blum. *End of the Old Order*. P. 419.

6. Ibid. P. 420.

7. Ibid. P. 420—421, 424.

8. Mayer Arno J. *The Persistence of the Old Regime: Europe to the Great War* (New York, 1981). P. 5—6, 12—13.

9. Ibid. P. 127, 133, 135, 186—187.

10. Ibid. P. 277—278, 282, 301. Эта «ремобилизация сил старого режима» могла бы отчасти служить характеристикой политической реакции в России в царствование Александра III, но как объяснить, что в

этот же период правительство активно содействовало индустриализации страны?

11. Mayer. P. 301—302.

12. Ibid. P. 304.

13. Emmons Terence. *The Formation of Political Parties and the First National Elections in Russia* (Cambridge, MA, 1983). P. 2.

14. Rieber Alfred J. *Merchants and Entrepreneurs in Imperial Russia* (Chapel Hill, 1982). P. XXV.

15. Ibid. P. 416.

16. Ibid. P. XXV, 416.

17. Терпигорев С.Н. *Оскудение* (М., 1958), 1:22—24, 37—41, 68, 99—149.

18. Анфимов А.М., Макаров И.Ф. *Новые данные о землевладении Европейской России* // История СССР. 1974. № 1. С. 87—88.

19. Manning Roberta T. *The Crisis of the Old Order in Russia* (Princeton, 1982). P. 3, 25.

20. Manning. *Crisis*. P. 11, 43. В кн.: Brower Daniel R. *Training the Nihilists* (Ithaca, 1975) точно так же говорится о «финансовом кризисе помещиков, которые нашли прибежище и новое поле деятельности в городах» (р. 51).

21. Manning. *Crisis*. P. 8.

22. Ibid. P. 4, 8. Приводимая Мэннинг оценка — 4 миллиарда рублей — довольно точна. Не считая выплаченных займов по закладным, к концу 1905 г. помещики получили в виде выкупных платежей от правительства и крестьянства, а также выручили от продажи и залога земли чуть более 3,25 млрд рублей. См. ниже гл. 2.

23. Manning. *Crisis*. P. 8.

24. Ibid. P. 8, 10.

25. Ibid. P. 9.

26. Ibid.

27. Ibid. См. также: Hamburg Gary M. *Politics of the Russian Nobility: 1881—1905* (New Brunswick, 1984).

28. Manning. *Crisis*. P. 10—11.

29. Ibid. P. 20 и везде.

30. Haimson Leopold H. *Conclusion: Observations on the Politics of the Russian Countryside (1905—1914)* // Haimson Leopold H., ed. *The Politics of Rural Russia 1905—1914* (Bloomington, 1979). P. 262—263; Edelman Robert. *Gentry Politics on the Eve of the Russian Revolution* (New Brunswick, 1980). P. 16—17.

31. Manning. *Crisis*. P. 36—38.

32. Ibid. P. 11.

33. Ibid. P. 30—32, 36—38, 40, 43, 48.

34. Ibid. P. 41—42.

35. Ibid. P. 3, 38, 42—46, 48.

36. Ibid. P. 49 и везде. См. ниже гл. 8.

37. Manning. *Crisis*. P. 20.

38. Ключевский В.О. *Сочинения* (М., 1956—1959), 6:444. О трактовке сословий в Уложении 1649 г. см. там же: 3:157—161, 6: 437, 451—452.

39. Первая точка зрения изложена у: Stokl Gunter. *Gab es im Moskauer Staat «Stände»? // Jahrbucher für Geschichte Osteuropas*, n.s., 11 (1963):323; и у: Torke Hans J. *Continuity and Change in the Relations between Bureaucracy and Society in Russia, 1613—1861 // Canadian Slavic Studies* 5 (1971):458—459. Вторая точка зрения изложена у: Pipes Richard. *Russia under the Old Regime* (N.Y., 1974). P. 107, 113. Рибер признает существование сословий в России после 1785 г., но подчеркивает тот момент, что в России «сословная система была не такой, как в Западной Европе». Согласно ему, в России сословия «представляли собой нечто промежуточное [между кастой и классом]; сословие было юридической личностью и обладало коллективными привилегиями, но не имело никаких неприкосновенных корпоративных прав» (р. XXII). Рибер полагает, что в XVII в. Московское царство представляло собой разнородность «кастового» общества (р. XXI) и что касты и классы «представляют полярные формы организации общества: на одном полюсе закрытое, неизменное, наследственное, на другом — открытое, мобильное, по сути социально-экономическое; а сословное общество представляет собой “промежуточную форму”» (р. XX). В этом отношении Рибер точно следует за Маршаллом (р. 194) и Муниером (р. 19—20), которые проводили различия между сословным обществом, классовым и кастовым. Макс Вебер, с другой стороны, рассматривает кастовое общество как крайний вариант сословного, поскольку в кастовой системе статусные различия «закрепляются не только обычаями и законами, но и *ритуалами*» (Gerth H.H., Mills C. Wright (eds.). *From Max Weber* [N.Y., 1946]. P. 188). В отличие от кастового общества, как оно существовало в Индии, в России московского периода религия никогда не использовалась для регулирования отношений между сословиями.

40. Мэннинг и Эдельман принадлежат к многочисленной группе современных историков, которые переводят *дворянство* как *джентри*. К числу немногих исключений относятся: Jones Robert. *The Emancipation of the Russian Nobility 1762—1785* (Princeton, 1973); и Field Daniel. *The End of Serfdom: Nobility and Bureaucracy in Russia, 1855—1861* (Cambridge, MA, 1976). Мэннинг вначале делает различие между благородным сословием в целом, т.е. дворянством, и джентри (провинциальные дворяне-землевладельцы) (р. XIII), но в общем она на протяжении всей книги отождествляет российское «высшее сословие» с поместным «джентри» (напр., р. 3—4).

41. Marshall. P. 201.

42. Behrens C.B.A. *The Ancien Regime* (N.Y., 1967). P. 56.

43. Нижеследующий обзор основан на 9-м томе Свода законов («Свод законов о состояниях»). Обновленные и исправленные переиздания этого тома были опубликованы в 1842, 1857, 1876 и 1899 гг. Только в начале XIX в. стали общепринятыми специальные термины, фиксирующие социальное положение: *сословие* (люди, пользующиеся одинаковым положением в обществе) и *состояние*. До 1740-х гг. концепция сословия выражалась термином *чин*, после этого времени и до конца XVIII в. — терминами *стан*, который акцентировал положение, статус, и *род*, ак-

центрировавший наследственный и эндогамный характер сословий. См.: Geyer Dietrich. *Gesellschaft als staatliche Veranstaltung; Bemerkungen zur Sozialgeschichte der russischen Staatsverwaltung im 18. Jahrhundert // Jahrbucher für Geschichte Osteuropas*, n.s., 14 (1966):35n.

44. Если давашшее обет безбрачия католическое духовенство рекрутировало новых членов из других сословий, а его иерархи зачастую имели знатное происхождение, то в России принадлежность к духовному сословию (как и ко всякому иному) была, как правило, наследственной. Иерархи православной церкви также, как правило, рекрутировались из семей священнослужителей. Одним из следствий этого был относительно низкий социальный статус даже высших православных иерархов, тогда как католические прелаты знатного происхождения пользовались на Западе очень высоким престижем.

45. В 1785 г. потомственные дворяне были разделены на шесть разрядов. См.: Приложение А. Отсюда термины «дворянство», «дворянин», и «высшее» или «первое сословие» означают только потомственное дворянство, если нет других указаний.

46. Градовский А.Д. *Собрание сочинений* (СПб., 1899—1908), 7:353.

47. Кабузан В.М. *Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX в.* (М., 1963). С. 154—155. Демографический профиль дворянства см. в: Приложение Б.

48. Ford Franklin L. *Europe 1780—1830* (New York, 1970). P. 31—34, 39, 41.

49. Обзор привилегий дворянства, за исключением особо отмеченных случаев, сделан на основании данных Жалованной грамоты дворянству 1785 г. См.: *Полное собрание законов*. Собр. I. Т. 22. № 16187; и *Свод законов*. Т. 9.

50. *О составе, правах и преимуществах российского дворянства* (СПб., 1897). С. 113—115.

51. Градовский, 7:348.

52. Устинович Прокопий. *Мысли и воспоминания при чтении законов о дворянстве* (М., 1886). С. 152—153.

53. Романович-Славатинский А. *Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права* (СПб., 1870). С. 201—203, 214.

54. Geyer. P. 23—29; Ruffmann Karl-Heinz. *Russischer Adel als Sondertypus der europäischen Adelswelt // Jahrbucher für Geschichte Osteuropas*, n.s., 9 (1961):167, 177. Относительно попыток государства в период с XVI в. до царствования Петра I возложить на служилых людей коллективную ответственность за выполнение определенных административных функций на уровне уездов см.: Ключевский, 2:235—237; 4:152, 157—158, 184—185; 5:127; 6:459—460; Романович-Славатинский, с. 403—405.

55. Закон 1775 г. в «ПСЗ» (1-я серия. Т. 20. № 14392); Dukes Paul. *Catherine the Great and the Russian Nobility* (Cambridge, Eng., 1967). P. 61—63, 225; Романович-Славатинский. С. 270—271, 411, 420—421, 430, 446—447, 453—454, 465—474. Об истоках реформы 1775 г. см.: Jones, особенно p. 37, 46, 50—88, 180—188, 192, 204; и Dukes, особенно p. 169—175, 222.

56. Jones. P. 283; Geyer. P. 36. Введенная Петром Великим Табель о рангах определила лестницу служебных чинов для чиновников гражданс-

кой, военной и придворной службы. Высшей ступенью был чин 1-го класса, низшей — 14-го класса.

57. См.: Любимов С. *Предводители дворянства всех наместничеств, губерний и областей Российской империи, 1777—1910 гг.* (СПб., 1911).

58. Чичерин Б.Н. *Несколько современных вопросов* (М., 1862). С. 113—114; Романович-Славатинский. С. 461, 473.

59. Ключевский, 5:190.

60. *Русский архив*, 7 (1869).

61. Романович-Славатинский. С. 420, 470, 491—498.

62. *ПСЗ*. 2-я серия. Т. 6. № 4989.

63. Крупными землевладельцами считались те, кто владел не менее 3000 десятин земли или 100 крепостных мужского пола; в группу средних землевладельцев вошли те, кто имел от 150 до 3000 десятин или от 5 до 100 душ мужского пола. На выборах средние землевладельцы получили пропорциональное представительство — по одному выборщику на каждые 3000 десятин земли и 100 душ мужского пола, принадлежавших тем, кто участвовал в предыдущем уездном дворянском собрании. Одна десятина равна 1,09 га.

64. Романович-Славатинский. С. 435—439, 452; *О составе*. С. 78—79, 81, 84.

65. Романович-Славатинский. С. 498—499; Haxthausen-Abbenburg Baron August Freiherr von. *The Russian Empire* (London, 1856), 2:197—198, 211—213; Чичерин. С. 114—115.

66. Для созыва губернского собрания стало необходимым разрешение губернатора. Он должен был лично открывать собрание и давать письменное распоряжение об окончании его работы. Губернский предводитель дворянства был обязан подавать губернатору списки участвующих в собрании и текст всех принятых решений. Без разрешения губернатора собрание нельзя было затянуть более чем на пятнадцать дней, а в случае каких-либо непорядков в собрании, он лично должен был вмешаться, сделать виновникам выговор и предупредить о недопустимости повторения чего-либо подобного. Романович-Славатинский. С. 445—446; *О составе*. С. 97—98.

67. Грамота 1785 г., ст. 90; *ПСЗ*. 2-я серия. Т. 6. № 4989; и 2-я серия. Т. 11. № 9322.

68. Романович-Славатинский. С. 423; *Русский костюм: 1750—1917* (М., 1960—1965), 2:102—103.

69. Рибер (Rieber) ошибается, утверждая, что в «Собрании законов 1892 г. ...правительство восстановило деление населения на четыре сословия: дворянство, духовенство, горожан и селян» (р. XXIII). В таком восстановлении не было никакой нужды, потому что его никто никогда не отменял. Во 2-м томе Свода (а не *Полного собрания*) законов издания 1892 г. в законе о земских учреждениях было восстановлено сословное деление владельцев недвижимости, расположенной в малых городах и в сельской местности, и сделано это было ради выбора уездных земских собраний (см. гл. 7).

70. Романович-Славатинский. С. 266.

71. Джаншиев Г.А. *Эпоха великих реформ*. 8-е изд. (М., 1900). С. 208—211.
72. Корнилов А.А. *Курс истории России XIX века*. 2-е изд. (М., 1918), 2:261.
73. Достоевский Ф.М. *Братья Карамазовы*. Кн. 12.
74. Устимович. С. 149—150, 155—156, 161—162.
75. *Устав о службе по определению от правительства* // СЗ. 1896. Т. 3. Ст. 6. Об уничтожении в 1906 г. сословной дискриминации на государственную службу см. гл. 6.
76. Коркунов Н.М. *Русское государственное право*. 7-е изд. (СПб., 1909), 1:276—278.
77. *О составе*. С. 71—72.
78. Романович-Славатинский. С. 470. Из трех других членов уездного управления земской управы один избирался горожанами, а двое — крестьянами.
79. *О составе*. С. 52—56; Корелин А.П. *Российское дворянство и его сословная организация (1861—1904 гг.)* // История СССР. 1971. № 5. С. 72—72. Мировой посредник был назначаем для каждого участка уезда, для разрешения споров между помещиками и их бывшими крепостными в период 1861—1863 гг., когда составлялись и утверждались уставные грамоты. Грамоты предлагали размежевание крестьянских наделов и сумму, причитающуюся землевладельцу в возмещение за наделы. До 1874 г. мировые посредники осуществляли контроль над крестьянскими сословными учреждениями на уровне сельского общества и волости. Уездные съезды мировых посредников были ответственны перед губернскими по крестьянским делам присутствиями, в которых состояли местные чиновники и четыре представителя дворянства. Когда в 1874 г. мировые посредники были упразднены, некоторые их функции были переданы в новые уездные по крестьянским делам присутствия, имевшие сходный состав.
80. До заключения между помещиком и его бывшими крепостными выкупной сделки, согласно которой последние получали наделы, начинали выкуп земли и переставали быть «временно-обязанными», помещичье имение могло быть передано только другому дворянину. Земли, выделенные бывшим крепостным, являлись коллективной собственностью сельских обществ, за которые те были обязаны платить выкупные платежи государству. Последнее, со своей стороны, авансом выдало помещикам возмещение за крестьянские наделы, взятые у них.

Глава 2

ДВОРЯНСТВО И ЗЕМЛЯ: ПЕРЕОЦЕНКА

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

В течение полувека после отмены крепостного права шел непрерывный процесс разделения двух групп, границы между которыми до этого в основном совпадали. Скорость и масштаб дифференциации этих групп показаны в таблице 2. Быстрая урбанизация первого сословия — это еще один признак того, в какой степени дворянство уже отделилось от земли. К 1897 г. 47,2% дворян, проживавших на территории европейской части России, были горожанами, тогда как в 1858 г. таких было только 15—20%¹. Сходную картину открывают и данные о миграции населения: в Европейской России в 1897 г. из всех горожан дворянского происхождения 64,2% жили не в тех уездах, в которых были рождены, а 49,1% жили даже за пределами своих губерний². Первое сословие, как следует из этих данных, претерпело резкие социальные изменения. Накануне освобождения крестьян 80% всех дворян принадлежали к семьям землевладельцев, лишь 20% или меньше были горожанами. Накануне Первой мировой войны к семьям землевладельцев принадлежало менее 40%, тогда как от 60 до 80% этой группы числились уже городскими жителями³.

Таблица 2
Дворянские землевладельцы, 1861—1912

Год	Число дворянских семей землевладельцев, тыс.	% дворян, принадлежавших к семьям землевладельцев
1861	114,5—115,5	78—81
1877	98,0—100,0	69—74
1895	103,0—104,5	54—55
1905	86,5—88,0	38—39
1912	94,5—96,5	36—37

Примечание: Цифры приблизительны. Об источниках данных см.: Приложение В.

Сокращение в 1861—1912 гг. более чем вдвое процента дворян, входивших в семьи землевладельцев, сопровождалось примерно таким же уменьшением земель в руках потомственного дворянства. В ходе проведения в жизнь крестьянской реформы 1861 г. первое сословие передало своим вчерашним крепостным 28% своей земельной площади⁴. В 1862 г. оставшиеся в руках дворян европейской части России 87,2 млн десятин (без учета земель в прибалтийских губерниях) сократились за следующие пятьдесят два года до 41,1 млн десятин — на 53% (см. следующий раздел, «Продажа и скупка дворянских земель»).

Превращение дворян-землевладельцев в меньшинство первого сословия, потеря дворянством более половины земель, которыми оно владело накануне освобождения крестьян, и трансформация дворянства из преимущественно сельской группы населения в преимущественно городскую — все это признаки драматических изменений, пережитых дворянством за первые полстолетия после Великих реформ. Чтобы оценить значение этих перемен, следует начать с исторического контекста связи между российским дворянством и землей.

Даже после освобождения в 1762 г. от обязательной службы государству дворянство, бывшее по своему происхождению и традициям служилым сословием, продолжало тяготеть к городам и к императорскому двору. Городская жизнь, по крайней мере в период зимнего «сезона», для дворянина XIX в. была идеалом. Поместье являлось для него прежде всего источником провизии и доходов, делавших возможной жизнь в городе, а помимо этого было приятной резиденцией в летние месяцы. И хотя большинству дворян до 1861 г. этот идеал был недоступен, это не мешало им считать такой порядок вещей наилучшим, а сельское хозяйство — занятием низменным, подходящим только для управляющих имением крестьян. Западных посетителей России крайне поражало, насколько слаба была связь русского дворянства с землей. В 1840-х гг. этот феномен попал в поле зрения барона фон Гакстхаузена, который, среди всего прочего, отметил, что типичный помещичий дом — наскоро построенный, примитивно отделанный даже внутри, с непритязательной мебелировкой — производит впечатление временного пристанища, а не постоянного жилища. И такая картина была характерна даже для довольно влиятельных лиц⁵. Примерно так же описал сельские усадьбы дворян живший в России в конце XIX столетия ан-

гличанин⁶, а в 1880-х гг. о том же явлении оставил свидетельство Леруа-Болью: «Здесь никогда не было такой, как на Западе, связи между дворянством и землей. В отличие от остальной Европы, здешнее дворянство не отождествляет себя ни с почвой, ни с местностью. Имена дворян никак не связаны с названиями их поместий или близлежащего района, как они связаны в немецком и французском языках приставками *von* и *de...* [В России] нет ничего похожего на гордые дома европейской аристократии, наследницы феодализма; нет ничего сходного с этими средневековыми замками, столь прочно и основательно вросшими в почву, столь надменно напоминающими о могуществе семей, твердыней которых они были когда-то. Кажется, что сама русская природа воспротивилась созданию таких замков, для которых здесь нет ни подходящих мест, ни материалов — ни скалистых гор, на вершине которых могли бы возвышаться эти семейные крепости, ни камня, из которого их можно было бы построить. Деревянный дом, так часто сторающий дотла, так быстро уничтожаемый жучками-древоточцами, так легко переносимый с места на место и поддающийся любой перестройке, является подходящим символом русской жизни; жилища сами по себе свидетельствуют о непрочности положения аристократии»⁷. Даже более основательные, выстроенные в стиле Палладио, помещичьи резиденции XVIII и начала XIX в. редко служили родовым гнездом в западном смысле слова, так как поместья не часто оставались собственностью одной и той же семьи дольше чем в двух-трех поколениях⁸.

Непрочность связи дворян со своими поместьями отчасти объясняется их традиционной ориентацией на государственную службу и отсутствием в России феодального прошлого. На Западе благородное сословие было если не прямым потомством, то духовным наследником средневековых воинов-землевладельцев, которые, под защитой крепостных стен своих замков, *de facto* были суверенными владыками своих феодалов, и их политическая власть и влияние прямо зависели от обширности и богатства их земельных владений. Исторически земля была основой положения и власти благородного сословия на Западе. В России, напротив, первое сословие являлось наследником московских служилых людей и своими привилегиями, положением и земельными наделами было обязано государю. Исторической основой общественного положения

русского дворянства являлась не земля, а государственная служба.

Относительно слабая привязанность дворян к своим поместьям была также результатом культурной пропасти, отделявшей их от других сословий, прежде всего от крестьян и духовенства. В любом сословном обществе сословия различаются как образом жизни, так и правовым статусом, но первое сословие России было отделено от всех других гораздо больше обычного. Сбрив свои бороды, облачившись в западное платье и усвоив элементарные основы западной культуры и образования — все по приказу Петра Великого, — дворянство быстро, уже к концу XVIII — началу XIX в., превратилось в группу, чуждую всем другим сословиям по образу жизни, мышления и даже по языку бытового общения. В течение почти двух столетий понятие дворянина включало в себя не только высокий общественный статус, что было неотъемлемой привилегией сословия, но и беспримерное, незнакомое Западу и всегда подчеркиваемое чувство своего культурного превосходства. Культурная дистанция, которая отделяла вестернизированное дворянство от сохранявшего традиционные обычаи народа, в сочетании с обширностью российских пространств создавала для дворян-землевладельцев проблему культурного и социального одиночества, по интенсивности своей несравнимую с тем, что переживали западные дворяне в своих культурных захолустьях. До самого конца XIX в. многочисленные наблюдатели неоднократно отмечали, какой ценой расплачивались живущие в удаленных от центра поместьях культурные и энергичные дворяне, лишенные общества образованных людей и доступа к школам, библиотекам и театрам⁹.

Не менее важным фактором, обусловившим традиционное отношение к земле дворянства, была неприбыльность сельского хозяйства на значительной части европейской территории России, особенно в губерниях, бывших исторической колыбелью великорусского дворянства, — от Олонца и Вологды на севере до Курска и Воронежа на юге, от Пскова и Смоленска на западе до Симбирска на востоке. неплодородность почв и короткое лето на севере и в центре, равно как нередкие засухи на юге, являлись причиной низкой продуктивности земли, а сельскохозяйственные потребности небольших и медленно растущих городов были слишком слабым стимулом

экономического развития. При таких условиях тратить капитал на совершенствование хозяйства представляло мало смысла. Вместо этого дворянство предпочитало «извлекать из земли все, что можно, при наименьших затратах времени, сил и денег», рассматривая землю, и не без оснований, «как источник средств к существованию, а не богатства»¹⁰. Типичный помещик, даже постоянно проживавший в своем имении, откровенно паразитировал на крестьянах, которым он предоставлял в обработку землю в обмен на оброк (деньгами или натурой) или барщину (отработку трудом).

Воздействие освобождения крестьян на дворянство нужно рассматривать на фоне этих условий. Освобождение создало свободный рынок сельскохозяйственной земли, благодаря чему дворяне получили возможность превратить свои земельные владения в иные, потенциально более доходные формы капитала, попутно отказываясь от роли землевладельца в пользу других, более приятных и близких им видов деятельности.

ПРОДАЖА И СКУПКА ДВОРЯНСКИХ ЗЕМЕЛЬ

Как видно из таблицы 3, за полвека, прошедшие после освобождения крестьян, обезземеливание дворян шло с переменной скоростью. Первый пик сокращения площади дворянских земель пришелся на 1878—1882 гг., вероятно, из-за того, что дворяне, наименее склонные хозяйствовать на земле, решили от нее избавиться после улаживания земельных отношений со своими бывшими крепостными (если судить по суммарной величине государственных выплат дворянам в компенсацию за наделение крестьян землей, выкупные сделки были на 78% заключены уже к 1876 г. и на 86% — к 1881 г.; см. табл. 13). Одной из причин пришедшегося на 1878—1882 гг. пика продажи дворянских земель может быть и влияние общемирового падения зерновых цен на самые слабые хозяйства, хотя это объяснение менее правдоподобно (см. об этом ниже: «Стратификация дворян-землевладельцев»). Какие-либо иные последствия сельскохозяйственного кризиса на дворянское землевладение, похоже, были минимальными (см. главу 1). В 1883—1897 гг. среднегодовой темп сокращения дворянских земель снизился до уровня, чуть превышающего показатели за период 1863—1877 гг., и вновь поднялся до пиковых значений 1878—1882 гг. только в

1898—1902 гг., через несколько лет после окончания сельскохозяйственного кризиса.

Таблица 3
Уменьшение площади дворянских земель, 1862—1914

Площадь на конец года			Среднегодовой темп уменьшения площади дворянских земель	
Год	Площадь, млн десятин	Площадь, в % к 1862 г.	Период	Площадь, тыс. десятин
1862	87,2	100,0	—	—
1867	83,9	96,3	1863—1867	638
1872	80,7	92,6	1868—1872	652
1877	77,0	88,4	1873—1877	736
1882	71,2	81,7	1878—1882	1146
1887	66,8	76,7	1883—1887	880
1892	62,9	72,2	1888—1892	781
1897	58,4	67,1	1893—1897	896
1902	53,2	61,0	1898—1902	1061
1905	51,3	58,8	1903—1905	630
1909	45,6	52,3	1906—1909	1418
1913	41,5	47,6	1910—1913	1036
1914	41,1	47,1	1914	400

Источники: Рассчитано по данным по 47 губерниям Европейской России (не включены данные по прибалтийским губерниям) за период по 1905 г. включительно; данные взяты из: МСДЗ 21(1912):XXIII, а за период 1906—1909 гг. там же, 24 (1915):63, 66—67. Последний том содержит много мелких корректировок данных за период по 1905 г., но при этом дает сведения только за каждый десятый год. Данные за 1862, 1872, 1902 и 1905 гг. были соответственно откорректированы; в каждом случае итоговая величина на 0,1 млн десятин выше, чем в публикации 1912 г. Данные за 1910—1914 гг. взяты из: Анфимов А.М. и Макаров И.Ф. *Новые данные о землевладении Европейской России* // История СССР. 1974. № 1. С. 86—87. Источником данных для Анфимова и Макарова была та же официальная статистика налоговых поступлений, которая была использована в МСДЗ, но их цифры на конец каждого года примерно на 2 млн десятин выше, чем опубликованные в МСДЗ за период по 1909 г. Поэтому я просто вычел ежегодное уменьшение площади земель за период 1910—1914 гг. (взятые у Анфимова и Макарова) из показателя МСДЗ на конец 1909 г.

Примечания: МСДЗ и публикация Анфимова и Макарова — единственные источники однородных данных о движении земли за период от освобождения крестьян до начала Первой мировой войны. Согласно В.В. Святловскому (*Мобилизация земельной собственности в России (1861—1908 гг.)*. 2-е изд. (СПб., 1911). С. 27—47), в этих рядах статистических данных меньше неточностей, чем в данных земельной переписи за 1877 или за 1905 г. (см. ниже примеч. 22). В МСДЗ данные о площади принадлежавших дворянству земель выше, чем по результатам двух земельных переписей, потому как включают не только используемые, но также и пустующие земли. См.: Корелин А.П. *Дворянство в пореформенной России (1861—1904 гг.)* // Исторические записки 87 (1971):142. Для сравнения моих данных с данными, опубликованными у Manning («Crisis»), см.: Приложение D.

Содержащиеся в таблице 3 данные никак не поддерживают гипотезы о «возвращении дворянства к земле». На самом деле в 1890-е гг. происходило ускоренное сокращение дворянских земель (как раз тот период, когда, по утверждению Мэннинг, «возврат к земле» пошел полным ходом) и этот процесс достиг максимума в 1898—1902 гг., причем пиковые значения были лишь немногим меньше, чем в предыдущий период ускоренной продажи земель двадцатью годами ранее. Замедление уменьшения земель в 1903—1905 гг., скорее всего, представляло собой паузу, передышку после предыдущего пятилетия усиленной ее распродажи. Крестьянские беспорядки 1905—1907 гг. нашли отражение в беспрецедентно быстром сокращении дворянских земель в 1906—1909 гг., после чего годовой темп продаж вернулся к уровню лишь чуть более низкому, чем в 1898—1902 гг. Начало войны летом 1914 г. объясняет неожиданное замедление процесса обезземеливания дворянства¹¹.

За статистикой быстрого и неуклонного сокращения дворянского землевладения есть и другие, малоизученные цифры. Дворяне в целом действительно были крупнейшим продавцом сельскохозяйственных земель, хотя доля проданной ими земли относительно суммарной площади продаваемой земли вообще значительно сократилась от 80,4% в 1863—1872 гг. до 49,5 % в 1903—1905 гг., и потом выросла всего до 51,4% в 1906—1909 гг.¹² Но дворяне одновременно были и крупными покупателями сельскохозяйственных земель, причем почти до самого конца XIX в. они являлись самыми крупными покупателями (см. табл. 4). Они были крупнейшими

покупателями земли с 1863 по 1897 г.; на втором месте были купцы (в 1863—1882 гг.) и крестьяне (в 1883—1897 гг.). В период 1898—1905 гг. крупнейшими покупателями становятся крестьяне; дворяне переходят на второе место. В 1906—1909 гг. на рынке в качестве крупного скупщика сельскохозяйственных земель впервые появился Крестьянский поземельный банк (включенный в графу «юридические лица»); скупаемые им земли он затем перепродавал крестьянам.

Таблица 4

Сословная структура покупателей земли, 1863—1909, в %

Годы	Дворяне	Купцы	Крестьяне	Юридические лица
1863—1872	51,6	22,6	12,7	4,1
1873—1882	42,9	24,2	17,7	4,8
1883—1892	34,6	20,8	29,2	4,6
1893—1897	33,2	18,2	27,0	8,8
1898—1902	27,0	17,8	36,7	6,4
1903—1905	26,2	13,7	40,4	7,3
1906—1909	15,2	7,0	37,4	32,0

Источник: МСДЗ 21(1912):XIV; Ibid. 24 (1915):XI.

Примечание: «дворяне» включают потомственных и личных дворян и чиновников недворянского происхождения; «купцы» включают также почетных граждан; «крестьяне» включают частных лиц, сельские общества, различные типы кооперативов и товариществ. Я не смог найти точных данных о составе «юридических лиц» после 1909 г.

В продолжение периода от освобождения крестьян до революции 1905 г. дворянство проявляло поразительно устойчивый интерес к приобретению земли. Среднегодовая площадь покупавшихся дворянством земель (от 938 до 967 тыс. десятин в год) почти не менялась в трех из четырех десятилетий, с 1863 по 1902 г.; исключение составлял период с 1873 по 1882 г., когда, воспользовавшись массовой продажей земли другими членами своего сословия, дворяне довели среднегодовую площадь покупаемых земель до 1293 тыс. десятин. Только в 1903—1905 гг., когда процесс «поворота к земле» предположительно шел полным ходом, площадь покупаемой дворянами земли впервые упала до 705 тыс. десятин в год. Под влиянием крестьянских волнений 1905—1907 гг., в 1906—1909 гг.

произошло дальнейшее падение — до среднего уровня 597 тыс. десятин в год. После восстановления нормальной жизни в деревне, к дворянам вернулась уверенность в будущем и площадь покупаемых земель начала медленно, но неуклонно расти — от 461 тыс. десятин в 1906 г. до 758 тыс. десятин в 1909 г. К 1911—1914 гг. процесс скупки земли дворянами восстановился и среднегодовая площадь покупаемых земель составила 1025 тыс. десятин — выше, чем в иной другой период после 1873—1882 гг.¹³

Хотя в целом дворянство продавало земли больше, чем покупало, отношение покупок к продажам оставалось весьма высоким (см. табл. 5). Резкое, но временное уменьшение этого соотношения, последовавшее за революцией 1905 г., было вызвано не ростом продажи земли, а уменьшением приобретения ее; строго говоря, только в 1907 г. объем операций по продаже земель был необычайно высоким. В 1911—1914 гг., после восстановления мира в деревне и стабилизации рынка, отношение покупок к продажам вернулось к уровню, характерному для периода 1883—1905 гг.

Таблица 5

Отношение площади покупаемых и продаваемых дворянских земель, 1863—1914

Годы	Отношение площади покупаемых к продаваемым землям, в %
1863—1872	64,2
1873—1882	60,1
1883—1892	53,1
1893—1902	52,0
1903—1905	53,0
1906—1909	29,6
1911—1914	52,9

Источник: Рассчитано по данным из: МСДЗ 21 (1912):XIII—XIV; Ibid. 24 (1915):XI; Анфимов, Макаров. С. 86.
Примечание: Данные за 1910 г. отсутствуют, поскольку я не смог получить доступа к МСДЗ 25(1916).

Желание и способность дворян вернуть потерянное путем покупки значительной части потерянных ими земель были осо-

бенно ярко выражены в западных губерниях. С 1892 по 1896 г. отношение покупок к продажам дворянских земель составило 61% в шести губерниях Литвы и Белоруссии и 70% — в трех юго-западных губерниях; при этом для Европейской России в целом в 1893—1897 гг. это соотношение равнялось только 54,5%¹⁴. Как видно из предыдущих данных, некоторые дворяне, по крайней мере в отдельных регионах, не только рассматривали землю как объект для прибыльного вложения средств, но и вполне успешно конкурировали на рынке с «не дворянскими» покупателями земли. Более полная картина межсословной конкуренции на земельном рынке представлена в таблице 6.

Таблица 6

Покупка земли дворянами и прирост земельных площадей у других социальных категорий в процентах к продажам земли дворянами, 1863—1914

Годы дворянами	Покупка земли	Чистый прирост земельных площадей		
		Купцы	Крестьяне	Юридические лица
1863—1872	64,2	22,8	10,0	1,1
1873—1882	60,1	20,7	14,8	1,2
1883—1892	53,1	14,0	29,2	3,6
1893—1902	52,0	6,5	34,7	4,8
1903—1905	50,8	—	44,3	3,2
1863—1905	56,8	15,1	23,6	2,5
1906—1909	27,1	—	44,6	28,8
1911—1914	48,5	—	44,5	<2,0

Источник: МСДЗ 21(1912):XIII—XIV; Ibid. 24 (1915):XIII; Анфимов, Макаров. С. 85—86.

Примечание: За период 1898—1902 гг. площадь земель, принадлежавших юридическим лицам (включая банки и, прежде всего, Крестьянский поземельный банк), уменьшилась на 7000 десятин, главным образом в результате продажи земель крестьянам. В силу этого рост крестьянского землевладения в 1893—1902 гг. был уменьшен на эту величину, и только после этого вычислялся процент относительно площади проданной дворянами земли. После 1902 г. все процентные отношения вычислялись по отношению к суммарной площади земли, проданной дворянами за вычетом уменьшения площади земли, принадлежавшей купцам. В этой сумме доля продаваемых дворянами земель была такова: 95,7% в 1903—1905 гг.; 99,8% в 1863—1905 гг.; 91,3% в 1906—1909 гг. и 91,8% в 1911—1914 гг.

Если именно дворяне поддерживали активность российского земельного рынка, продавая свои земли, то приобретение этой земли совершалось и дворянами и крестьянами, которые в период с 1863 до 1905 г. купили более 80% этой же самой площади. Покупка ими земли происходила по возрастающей — от 74% в первое десятилетие после освобождения крепостных до 95% в годы, непосредственно предшествующие революции 1905 г. В 1906—1909 гг. заметное расширение деятельности Крестьянского поземельного банка, скупавшего землю для дальнейшей перепродажи ее крестьянам, компенсировало уменьшившуюся роль дворянства в покупке земли. В последние перед Первой мировой войною годы дворянство вернулось на земельный рынок в качестве покупателей, в то время как Крестьянский поземельный банк возобновил свою прежнюю незначительную деятельность: в 1911—1914 гг. дворяне и крестьяне купили 93% земельной площади, продаваемой дворянами и купечеством (последнее продавало больше, чем покупало).

Из этих данных следует, что никакого отношения к реальности не имеет распространенное представление о дворянах как о жертвах собственной неспособности конкурировать с «неблагородным» населением, якобы более приспособленным «к требованиям капиталистической системы хозяйствования, основанной на учете прибылей и убытков, требующей постоянного инвестирования средств для расширения производства»¹⁵. Некоторые крестьяне, скупавшие землю у дворян, безусловно были предпринимателями, типа купца Лопахина из «Вишневого сада», но в отличие от него сохранявшие свою связь с сословием, к которому они принадлежали от рождения. Подавляющее же большинство крестьян явно не имело ни малейшего понятия о том, как вести учет прибылей и убытков, и не помышляло о накоплении капитала ради расширения производства. Следуя традиции, они стремились всего лишь свести концы с концами путем увеличения скудных земельных наделов, полученных ими в ходе освобождения крепостных. Для покупки необходимой им земельной площади они часто объединялись с соседями. В 1863—1902 гг. 70% чистого прироста крестьянских земель составили земли, купленные сельскими обществами и товариществами, которые, по сути дела, были теми же самыми обществами или частью обществ, нуждавшихся в дополнительной земле для совместно-

го ведения хозяйства. Этот процент постоянно возрастал — от 45% в 1863—1872 гг. до 83% в 1893—1902 гг. Доля коллективных собственников достигла своего максимума (87%) в 1905—1908 гг., после чего в результате новой правительственной политики поощрения частного крестьянского землевладения начала снижаться. Тем не менее в период между 1905 и 1914 гг. на общества и товарищества приходилось 63% чистого прироста крестьянских земель¹⁶.

СТРАТИФИКАЦИЯ ДВОРЯН-ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЕВ

Процесс обезземеливания по-разному затронул различные слои дворян-землевладельцев. Согласно проведенным правительством земельным переписям 1877 и 1905 гг., землевладельцы были определены по следующим категориям: мелкие, владеющие 100 или менее десятин; средние, имеющие от 101 до 1000 десятин; и крупные, имеющие более 1000 десятин. Хотя такое разделение земельных владений соответствует скорее для плодородных земель левобережной Украины и Центрального Черноземья, чем для не столь плодородных районов Нечерноземья или южных и восточных степных районов, где практиковалось экстенсивное хозяйствование, мы будем использовать критерии стратификации, выбранные правительством¹⁷.

Мелкие землевладельцы включали в себя две очень несхожие группы — обедневшие, живущие в захолустье дворяне (сродни *hobereaux* дореволюционной Франции), мало чем по стилю жизни отличавшиеся от своих соседей-крестьян, и урбанизированные дворяне, не появлявшиеся в своих владениях. Яркие зарисовки жизни дворян первой группы накануне освобождения крестьянства оставил в своих беллетризованных детских воспоминаниях Терпигоров:

«... Нам приходилось проезжать через большое село Всесвятское, сплошь состоявшее из мелкопоместных. Маленькие усадьбы с домиками и надворными строениями, крытыми соломой... Очень много было этих усадеб, и почти все одинаково маленькие, полуразвалившиеся, с заросшими садами. ... Проезжая, мы видали некоторых из владельцев, расхаживающих у себя по двору в красных рубахах, совсем как кучера, или в широких грязных парусинных пальто, как старые повара, дворецкие отставные и прочие заштатные дворо-

вые. Видали и их жен вдали, сидевших в усадьбе или на берегу, окруженных бедно и грязно одетыми детьми.

Но они все живо чувствовали себя дворянами, потому что мужики их, вообще их крепостные, как мы видели это из кареты, стояли перед ними без шапок, а они, напротив, расхаживали и сидели с важностью, не забывая своего достоинства»¹⁸.

Освобождение крестьян мало изменило жизнь этой группы дворян, потому что они редко владели более чем несколькими душами. В конце 1890-х гг. из Курской губернии, и не только из нее одной, сообщали о целых деревнях, населенных потомственными дворянами, которые носили одну фамилию и хозяйствовали на земле, которая некогда представляла собой большое имение, а потом в течение многих поколений земля дробилась на все более мелкие участки, — все как в описании Терпигорева. В таких деревнях дворяне жили как крестьяне, даже нанимаясь на сельскохозяйственные работы к живущим по соседству более состоятельным землевладельцам, среди которых случались и люди «простого» происхождения¹⁹. Особое совещание по делам дворянского сословия подтвердило существование, особенно в западных и черноземных центральных губерниях, таких групп дворян: «...сотни дворянских семей, безграмотных, превратившихся в простых хлебопашцев»²⁰.

Урбанизированные мелкие землевладельцы — это дворяне, бросившие землю сами, или сыновья и внуки тех, кто сделал это еще до них, чтобы искать карьеры на государственной службе или (и в конце XIX в. такое встречалось все чаще) в одной из свободных профессий или деловой жизни. Такие дворяне сохраняли свои небольшие поместья в качестве места для летнего отдыха и/или как дополнительный источник дохода. Мелкие землевладельцы обеих категорий принимали минимальное участие в делах дворянского общества своей губернии, поскольку большинство из них изначально не обладало правом голоса даже при определении выборщиков, предназначенных для выборов губернских служащих; те же, которые имели право голосовать благодаря размерам своей земельной площади или служебному положению, не принимали в выборах участия, поскольку городские заботы их не отпускали. Никто из них, кроме достигших высокого положения на государственной службе или бывших некогда предводителями дворянства, не обладал правом участвовать в выборах непосредственно.

В отличие от мелких землевладельцев, владельцы средних и крупных поместий являлись настоящими дворянами-землевладельцами, т.е. могли обеспечить себе достойный уровень жизни на доход от своих поместий. Средние землевладельцы, как правило, жили в своих имениях и принимали активное участие в делах дворянского общества и в местной жизни. Крупные землевладельцы (особенно магнаты, владевшие поместьями в десять тысяч и более десятин) в основном жили в собственных домах Санкт-Петербурга или Москвы, проводя время в большом свете или в большой политике, а зачастую совмещая то и другое; некоторые же вели модную праздную жизнь в Западной Европе. В 1905 г. среди крупнейших землевладельцев насчитывалось 155 человек из ста двух семей, почти все дворяне; каждый из них владел более чем 50 тыс. десятин. Среди отнюдь не самых богатых этого круга избранных были граф А.Д. Шереметьев, владевший в двадцати пяти уездах двадцатью девятью поместьями, суммарная площадь которых составляла 226 тыс. десятин; его брат, граф С.Д. Шереметьев, которому в двадцати двух уездах принадлежало двадцать шесть поместий общей площадью 151 тыс. десятин; княгиня З.Н. Юсупова, мать убийцы Распутина, которой в двадцати одном уезде принадлежало двадцать одно поместье общей площадью 216 тыс. десятин²¹.

Существуют данные о численности мелких, средних и крупных дворян-землевладельцев и о площади поместий, принадлежавших каждой группе, за 1877 г. (по 45 губерниям) и за 1905 г. (по 50 губерниям). В 1877 г. все земельные участки, расположенные на территории одного уезда и находившиеся в руках одного собственника, учитывались как одно имение, даже если это были разрозненные владения, а в 1905 г. каждое владение учитывалось как отдельное поместье. В обеих земельных переписях различие между земельной собственностью потомственных и личных дворян не устанавливалось. Несмотря на эти технические различия, оба эти документа дают достаточно ясную картину стратификации помещиков и их земельных владений, находившихся на территории европейской части России (см. табл. 7). За период с 1877 по 1905 г. и число средних поместий, и их совокупная площадь сократились на 22—23%, а число и площадь крупных поместий — на 31%. Обе группы уменьшались, теряя членов и земельную площадь, как из-за продажи поместий, так в результате раздела их между наследниками. Но в то время как группа круп-

ных землевладельцев, не получая пополнения, таяла, оскудение группы среднепоместных дворян отчасти компенсировалось притоком тех, кто выбывал из группы крупнопоместных дворян. Группа же мелких земельных собственников за период между двумя переписями даже увеличилась на 7%, компенсируя отток в группу безземельных дворян притоком из группы среднепоместных дворян, возникшим в результате разделов более крупных владений между наследниками. В группе мелких землевладельцев была зафиксирована и наименьшая потеря земельных площадей — всего 16%. Хотя к концу XIX в. в эту группу входило большинство дворян-землевладельцев и ее численность, в отличие от групп средне- и крупнопоместных дворян, не сокращалась, а росла, мелким землевладельцам принадлежало совершенно ничтожное количество земли. Только в Черниговской, Полтавской, Курской, Рязанской, Ковенской, Виленской, Гродненской и Смоленской губерниях им принадлежала сколь-нибудь заметная доля дворянских земель — от 3,6 до 12,0% в 1877 г. и от 5,3 до 15,7% в 1905 г.²²

Таблица 7
**Распределение дворян-землевладельцев
по величине владений, 1877 и 1905**

Площадь поместий, десятин	1877				1905			
	Число собственников		Площадь		Число поместий		Площадь	
	Чел.	%	Тыс. дес.	%	Шт.	%	Тыс. дес.	%
1—100	56551	49,3	1924	2,6	60283	57,8	1622	3,1
101—1000	44827	39,1	16265	22,2	34795	33,4	12589	24,1
Более 1000	13338	11,6	54975	75,2	9180	8,8	37953	72,8
Всего	114716	100,0	73164	100,0	104258	100,0	52164	100,0

Источник: Ершов Г. (ред.). *Распределение поземельной собственности в 49-ти губерниях Европейской России в 1877—1878 гг.* (Статистический временник Российской империи. Серия III. Вып. 10) (СПб., 1886). С. 32—43; *Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50-ти губерниям Европейской России* (СПб., 1907). С. 64, 78.

Примечание: В цифры по Европейской России не входят земли Области войска Донского. Если учесть дворянские владения на территории Области войска Донского в 1905 г., тогда распределение мелких, средних и крупных помещиков по числу поместий будет 56,8, 34,5 и 8,7% соответственно, а по площади имений 3,1, 24,9 и 72,0% соответственно.

Если к данным о распределении дворян по площади имений присоединить данные о численности безземельных дворян, мы получим более полную картину того, как изменялась обеспеченность дворян землей (см. табл. 8).

Таблица 8
Обеспеченность дворян землей, 1861—1905, в %

	1861	1877	1905
Безземельные дворяне	19—22	26—31	61—62
Владельцы 1—100 десятин	33—34	34—36	22—23
Владельцы 101—1000 десятин	45—47	27—29	13
Владельцы более 1000 десятин		8—9	3

Источник: О распределении землевладельцев по величине имений см.: Тройницкий А.Г. (ред.). *Крепостное население в России, по 10-й народной переписи* (СПб., 1861). С. 45; Все остальные данные взяты из таблиц 2 и 7.

Примечание: По состоянию на 1861 г. верхним пределом группы мелких землевладельцев было не 100 десятин земли, а наличие 20 крепостных душ мужского пола. Согласно ревизии 1858 г. в 1858 г. 58% всех владевших крепостными землевладельцев имели в собственности более 20 душ мужского пола.

Положение мелкопоместных дворян относительно других сословий было иным, нежели у тех, кто владел более чем 100 десятин (см. табл. 9). В силу бурного развития мелкого крестьянского землевладения крестьяне в первые же четверть века после освобождения приобрели господствующие позиции в этой категории земельной собственности. Речь идет о земле, находившейся в частной собственности, а не о коллективных землях общин, выделенных им в ходе освобождения, и не о землях, приобретенных позднее в коллективную собственность общинами и товариществами. В категории собственности, превышающей 100 десятин, дворянство сохраняло господствующие позиции и в XX в. Здесь позиции дворянства в 1860-х и 1870-х гг. потеснили купцы, а в последующие десятилетия — крестьяне.

Таблица 9
**Межсословное распределение
частной земельной собственности, 1877 и 1905**

Площадь поместий, десятин	1877				1905			
	Число собственников		Площадь		Число поместий		Площадь	
	Чел.	%	Тыс. дес.	%	Шт.	%	Тыс. дес.	%
1—100								
Дворяне	56551	14,0	1924	30,6	60283	9,1	1622	16,9
Купцы	6080	1,5	177	2,8	12375	1,9	292	3,1
Мещане	54802	13,5	779	12,5	77108	11,7	1147	12,0
Крестьяне	266635	65,9	3022	48,1	466587	70,7	5764	60,2
Прочие	20813	5,1	378	6,0	43873	6,6	745	7,8
Итого	404881	100,0	6281	100,0	660226	100,0	9569	100,0
Более 100								
Дворяне	58165	76,1	71239	83,5	43975	51,9	50542	68,0
Купцы	6550	8,6	9617	11,3	10331	12,2	12443	16,7
Мещане	3202	4,2	1130	1,3	6996	8,3	2484	3,3
Крестьяне	6439	8,4	1984	2,3	20051	23,7	6907	9,3
Прочие	2121	2,8	1354	1,6	3350	4,0	2000	2,7
Итого	76477	100,1	85325	100,0	84703	100,1	74377	100,0
Все земельные участки								
Дворяне	114716	23,8	73164	79,9	104258	14,0	52164	62,1
Купцы	12630	2,6	9794	10,7	22706	3,0	12735	15,2
Мещане	58004	12,1	1910	2,1	84104	11,3	3632	4,3
Крестьяне	273074	56,7	5006	5,5	486638	65,3	12671	15,1
Прочие	22934	4,8	1733	1,9	47223	6,3	2745	3,3
Итого	481358	100,0	91606	100,1	744929	99,9	83946	100,0

Источник: Составлено по данным: Ершов. С. 30—43; и *Статистика землевладения 1905 г.* С. 12—13, 64, 78.

Примечание: Цифры за 1877 и 1905 гг. относятся к 49 губерниям Европейской России, за исключением Области войска Донского. Итоговые суммы 99,9 и 100,1 — результат округления.

Преобладание первого сословия среди владевших более 100 десятин различилось от губернии к губернии. Наибольшая доля (75% и более) всей земли, находившейся в частной собственности на 1905 г., приходилась на три прибалтийские губернии, на восемь из девяти губерний Западного края (за исключением Витебской), на Курскую, Тульскую и Воронежскую губернии Центрального Черноземья, а также на Пермскую, Пензенскую и Полтавскую. Наименьшей (17—50%) доля дворянских земель была в Олонецкой, Вологодской, Вятской, Костромской, Владимирской, Новгородской и Псковской губерниях (в центре и на севере Нечерноземья), а также в Херсонской, Таврической, Самарской и Оренбургской губерниях южных и восточных степных районов. За период с 1877 по 1905 г. в составе этих групп не было практически никаких изменений.

Региональные изменения в межсословном распределении земельной собственности отражают разные темпы обезземливания дворянства в 1862—1905 гг. (см. табл. 10).

Таблица 10

Региональная структура сокращения и распределения площади дворянских земель, 1862—1905, в %

Регион	Сокращение	Распределение	
	1862—1905	1862	1905
Центр и север Нечерноземья ^а	60	24,1	16,4
Южные и восточные степные районы ^б	52	18,7	15,1
Левобережная Украина и Среднее Поволжье ^с	41	11,1	11,2
Центральное Черноземье и Урал ^д	33	22,6	25,7
Западный край ^е	17	23,5	31,6
Всего		100,0	100,0

Источник: Рассчитано по данным губернской статистики из: МСДЗ 24(1915):66—67.

Примечание: Данные таблицы охватывают 47 губерний. За этот период нет сравнимых данных по трем прибалтийским губерниям, где крестьяне были освобождены без земли в 1816—1819 гг., но между 1877 и 1905 гг. дворянские земли в этих губерниях претерпели мень-

шее сокращение, чем где-либо еще. Регионы с близкими темпами сокращения дворянских земель объединены.

^a Архангельская, Олонецкая, Вологодская, Вятская, С.-Петербургская, Новгородская, Псковская, Тверская, Ярославская, Костромская, Владимирская, Московская, Смоленская и Калужская губернии. В Архангельской губернии доля дворянских земель изначально была незначительна.

^b Херсонская, Таврическая, Екатеринославская, Астраханская, Саратовская, Самарская, Оренбургская губернии и Область войска Донского. В Астраханской губернии доля дворянских земель изначально была незначительна.

^c Левобережная Украина: Черниговская, Полтавская и Харьковская губернии. Среднее Поволжье: Пензенская, Симбирская, Нижегородская и Казанская губернии.

^d Центральное Черноземье: Курская, Орловская, Тульская, Рязанская, Тамбовская и Воронежская губернии. Урал: Пермская и Уфимская губернии.

^e Ковенская, Вильненская, Гродненская, Минская, Могилевская, Витебская, Волынская, Киевская, Подольская и Бессарабская губернии.

Приведенные выше факты о сословной принадлежности покупателей дворянских земель ставят под сомнение истинность распространенного представления, согласно которому дворяне были психологически травмированы потерей крепостных и потому вынуждены продавать свою землю «неблагодарным», способным вести хозяйство с применением наемного труда, выгодно инвестировать нужные средства и расширять производство ради наращивания прибыли. Если сопоставить темпы уменьшения дворянского землевладения с методами управления дворянскими поместьями, сомнения в достоверности распространенных представлений только усиливаются. Использование капиталистических методов ведения хозяйства наиболее характерно для дворян прибалтийских, западных и южных степных губерний. В Прибалтике и на западе, где большая часть земель в частной собственности принадлежала дворянам немецкого и польского происхождения, они обычно сами вели хозяйство на своей земле, а не отдавали ее в аренду крестьянам. И здесь дворянам было легче, чем хозяевам других губерний, приспособиться к ситуации, созданной падением цен на хлеб в последней четверти XIX в., переключаясь на выращивание более прибыльных культур и вкладывая деньги в повышение производительности.

Результатом мирового аграрного кризиса стало резкое снижение внутренних и экспортных цен на зерновые культуры, которыми в первой половине 1870-х гг. засеивались 95,5% обрабатываемых площадей в Европейской России²³. С середины 1880-х гг. ведущими производителями зерна становятся степные земли Причерноморья и Нижней Волги, отодвигая на второй план центр Черноземья. Преимущество этим районам, не столь давно колонизированным и с редким крестьянским населением, обеспечило выгодное сочетание плодородных почв и современных методов обработки земли с использованием наемного труда²⁴. В прибалтийских и западных губерниях капиталистический подход к ведению хозяйства сопровождался более медленным темпом сокращения дворянского землевладения, чем в любом другом регионе Европейской России. Однако в южных степных районах, где капиталистические методы хозяйствования использовались еще более радикально, клин дворянских земель таял быстрее, чем в среднем по 50 губерниям. А в Центрально-Черноземной области, где господствовали традиционные методы использования земли (крестьяне хозяйствовали по старинке, а дворяне довольствовались тем, что приносила сдача земли в аренду), процесс обезземливания дворянства шел существенно медленнее, чем в среднем по стране. Мы должны отметить, что образ прагматичных фермеров и совершенствующих свое хозяйство землевладельцев, вытесняющих держащихся за традицию паразитические элементы дворянства, не соответствует реальности.

В большинстве регионов Европейской России дворяне, сохранившие, а иногда и увеличившие свои поместья, успешно поддерживали традиционные формы паразитизма на экономике крестьянского двора. Если не учитывать отдельные местные отклонения, сельское хозяйство не давало возможностей для прибыльного вложения капитала. Емкость отечественного рынка сельскохозяйственной продукции увеличивалась медленно, цены же на хлеб продолжали падать до конца 1890-х гг. Более того, в результате реформ крестьяне страдали от сильной нехватки пахотной земли и от практически полного отсутствия пастбищ и леса; структура общинной круговой поруки ограничивала их мобильность, численность же крестьянства при этом быстро увеличивалась (на 58% за 1860—1897 гг.)²⁵. В результате: (1) сохранялось избыточное предложение дешевого кре-

стьянского труда, что тормозило внедрение капиталоемких и трудосберегающих методов хозяйствования, которые могли бы увеличить если не прибыльность хозяйств, то уж наверное производительность труда²⁶, и (2) развился сильный и быстро растущий спрос со стороны крестьянства на аренду и покупку земли у их соседей-дворян. Большинству помещиков было выгоднее сдавать землю в аренду, чем вести собственное хозяйство, так что к концу столетия почти три четверти всех дворянских земель и еще большая доля пахотной и пастбищной земли сдавались в аренду крестьянам²⁷. В поместьях ста пятидесяти пяти крупнейших землевладельцев России собственное хозяйство — с использованием своих орудий труда, скота и наемного труда — занимало менее четверти пахотной земли²⁸. На рубеже столетий наемные сельскохозяйственные рабочие, постоянные и временные, составляли только 10% от числа занятых в сельском хозяйстве²⁹. В 1901 г. правительственная комиссия сформулировала принцип, издавна определявший ведение помещичьего хозяйства, — «вложение денег в сельское хозяйство не приносит прибыли»³⁰.

Условия аренды земли крестьянами были достаточно разнообразными — за деньги, за долю в урожае (издолящина), за обработку помещичьей земли с использованием собственных орудий и тяглого скота (отработка). Аренда за деньги постепенно делалась все более распространенной, и к 1901 г. в 50 губерниях Европейской России землевладельцам за аренду более 83% всей сдаваемой крестьянам пахотной земли платили наличными деньгами³¹.

Некоторые дворяне сумели выгодно использовать экономический подъем России, найдя не сельскохозяйственное применение своей земле. В 1860—1870-х гг. на территории нескольких поместий, расположенных в бассейне реки Донец, открылись угольные шахты. Намного более многочисленная группа землевладельцев сумела разбогатеть на том, что владела землей, потребовавшейся для роста и развития городов, прежде всего двух столиц. Князья Белосельские-Белозерские построили на Крестовском острове в Петербурге более 60 доходных домов. Граф Александр Дмитриевич Шереметьев унаследовал на северной окраине Москвы, в Останкино и в Марьиной Роше, два участка земли общей площадью более 88 десятин. Он разделил эту землю на 584 участка и сдал их в аренду

застройщикам, обеспечив себе в 1899 г. ежегодную ренту в размере 38 тыс. рублей. Его старший брат Сергей сдал в аренду под магазины и учреждения свой громадный особняк в Москве на углу улицы Никольской и Большого Черкасского переулка, недалеко от Красной площади, и получил от этой операции больше, чем от любого из своих многочисленных поместий: чистая прибыль составляла 127 тыс. рублей в 1900 г. и 250 тыс. рублей в 1910 г. Кроме того, Сергей Дмитриевич получил в 1909 г. более 27 тыс. рублей от сдачи в аренду 363 участков под застройку в своем подмосковном поместье Кусково на восточной окраине Москвы. Князь Феликс Юсупов и его родители сдавали в аренду пять крупных участков недвижимой собственности в Санкт-Петербурге и еще несколько в Москве, и их среднегодовая прибыль в 1910—1914 гг. составляла более 122 тыс. рублей, т.е. примерно треть их совокупного годового чистого дохода³². Хотя такого рода везение доступно было только немногим, но от крутого роста цен на сельскохозяйственные земли выигрывали все землевладельцы.

СТОИМОСТЬ ЗЕМЛИ

В период 1854—1858 г. средняя цена десятины сельской земли (по данным о продажах в сорока четырех губерниях Европейской России, за исключением трех прибалтийских, Архангельской, Астраханской и Пермской губерний) составляла 13 рублей. За первое десятилетие после освобождения крестьян цена резко поднялась и дошла в 1868—1872 гг. до 20 рублей за десятину. Не меняясь в первой половине 1870-х гг., она затем стала постепенно повышаться, и в 1893—1897 гг. стоимость десятины поднялась до 47 рублей. Дальнейшее повышение цен довело за следующее десятилетие цену десятины земли до более 93 рублей в 1903—1905 гг. — рост на 615% за полстолетия, или на 12—13% в год³³. Рост цен был столь значительным, что, несмотря на сокращение площади дворянских земель, их суммарная стоимость непрерывно росла. В тех же самых сорока четырех губерниях стоимость находившихся в собственности потомственного дворянства всех сельскохозяйственных угодий выросла с конца 1862 по конец 1905 г. на 282%, т.е. с 1,278 млрд до 4,879 млрд рублей³⁴. Поскольку в период с 1867 по 1905 г. среднегодовая инфляция была ниже 1%³⁵, повышение стоимости земли было вполне реальным. В

период с 1905 по 1912 г. рост средней цены десятины сельскохозяйственной земли продолжался с прежней скоростью, и к 1912 г. она достигла 163 рублей. Дворяне, сохранившие свои имения, обнаружили, что, несмотря на сокращение площадей с 1905 г. на 18%, их совокупная рыночная стоимость выросла до 6939 млрд рублей. С 1862 по 1912 г. площадь дворянской земли уменьшилась более чем вдвое, но при этом ее суммарная цена выросла на 443%³⁶.

Значительный рост цен на землю никак не был связан с повышением прибыльности российского сельского хозяйства — производительность труда оставалась низкой, а в последней трети XIX в. цены на зерно падали. Причиной роста цен на землю был, скорее всего, значительный и непрерывно растущий спрос со стороны крестьян, желавших увеличить свои земельные владения. В первые два десятилетия после освобождения крестьяне предпочитали не покупать землю, а арендовать ее, в силу чего арендная плата росла быстрее продажной цены. Во многих местностях арендная плата выросла настолько, что из дохода от возделывания арендуемых участков нанимателям не удавалось покрыть даже стоимости собственного труда³⁷. К 1887/88 г. краткосрочная, обычно годовая аренда (типичная форма найма земли в то время) обеспечивала помещикам годовой доход (относительно рыночной стоимости земли) в 13,7 % в 23 губерниях Черноземья и 25,2% в 20 губерниях Нечерноземья. За следующие два десятилетия в большинстве губерний Черноземья арендная плата выросла незначительно, а во многих губерниях Нечерноземья даже снизилась. Но под действием растущего спроса со стороны крестьян, поддерживаемого с 1883 г. операциями Крестьянского поземельного банка, рост цен на землю продолжал увеличиваться. Крестьяне, как правило (в отличие от дворян и купцов), покупали землю мелкими участками, что увеличивало стоимость десятины. Благодаря преимущественно росту цен прибыльность аренды составила в 1901 г. 7—8% ежегодно относительно рыночной стоимости земли³⁸.

Существует обратная корреляция между уровнем цен на землю в разных губерниях и склонностью или желанием дворян ее продавать — при низких ценах скорость сокращения дворянских земель была значительной, а при высоких — сравнительно небольшой. По 16 губерниям с низкими ценами на

землю по крайней мере в двух из трех выбранных периодов (см. табл. 11) в одиннадцати было отмечено очень значительное сокращение площади дворянских земель (53—70%) между 1862 и 1905 гг.: в Олонецкой, Вологодской, Вятской, Новгородской, Псковской, Смоленской, Тверской, Ярославской, Костромской, Самарской и Оренбургской. За исключением Самарской и Оренбургской, все остальные губернии расположены в центральной и северной частях Нечерноземья, знаменитых неблагоприятными для сельского хозяйства природными условиями, где с середины 1880-х гг. установилась невысокая и продолжавшая падать арендная плата за землю. Здесь — в силу малой прибыльности земледелия и наличия открытых экономическим подъемом России возможностей — скорость сокращения дворянских земель была самой высокой. Из 14 губерний, в которых цена земли (по крайней мере, в двух из трех выбранных периодов) была высокой, в трех уменьшение площади дворянских земель было очень незначительным — от 4 до 23% (в Ковенской, Киевской и Подольской губерниях), а в восьми весьма умеренным — от 26 до 38% (в Бессарабской, Полтавской, Курской, Орловской, Тульской, Воронежской, Тамбовской и Пензенской губерниях). Все эти губернии расположены на западе страны, в левобережной Украине, в центре Черноземья или в Среднем Поволжье, т.е. в тех регионах, где либо занятие сельским хозяйством было относительно выгодным, либо величина арендной платы за землю была достаточно высокой и продолжала расти. Здесь земля являлась выгодным капиталовложением и сокращение дворянского землевладения было менее значительным.

Таблица 11
**Соотношение средних цен на землю
с 1854—1858 по 1903—1905**

	1854—1858		1878—1882		1903—1905	
Цены землю	Цена в рублях	Число губерний	Цена в рублях	Число губерний	Цена в рублях	Число губерний
Низкие	3—10	13	3—20	16	9—70	16
Средние	11—20	17	21—40	15	71—120	14
Высокие	21—33	13	41—71	14	121—203	15
<i>Источник:</i> МСДЗ 13(1907): таблица 4; Там же, 21(1912):XXXII.						

Примечание: данные за 1854—1858 гг. относятся к 43 губерниям Европейской России, исключая три прибалтийских, Архангельскую, Астраханскую, Бессарабскую губернии и Область войска Донского. Данные за другие периоды относятся к 45 губерниям, исключая только три прибалтийских, Архангельскую и Астраханскую.

Во всех регионах рост цен на землю стимулировал стремление избавляться от земли, и этот стимул действовал даже в 1860—1870-х гг., когда доходность аренды по отношению к стоимости земли была чрезвычайно высока. Не исключено, что для дворян, продававших свою землю в первые два десятилетия после освобождения крестьянства, более весомым оказался не экономический стимул, а большая привлекательность городской жизни. С середины 1880-х гг. более крутой рост цен на землю и падение доходности аренды создали еще более сильные стимулы для продажи земли (см. табл. 12). Повсеместно и нередко рыночная стоимость дворянской земли оказывалась непропорционально более высокой, чем ее годовая доходность при ведении собственного хозяйства. При таких условиях решение отказаться от дальнейших капиталовложений и немедленно продавать было вполне оправданным, — по крайней мере, понятным — в случае тех дворян, которые не желали заниматься сельским хозяйством³⁹. Помещикам, совершающим свое хозяйство, приходилось преодолевать социальное давление, причем не только со стороны ретроградно настроенных крестьян. Император Александр III, не самый последний авторитет в государстве, советовал дворянину, взявшемуся за осушение болот в своем имении: «Не вкладывайте весь свой доход в свои имения, вы просто разорите себя»⁴⁰.

Таблица 12
Доход помещиков от продажи земли, 1863—1914

Годы	Доход от продажи земли, млн руб.
1863—1872	122
1873—1882	217
1883—1892	302
1893—1902	598
1903—1905	175
1906—1914	1597
Всего	3011

Источник: Рассчитано по данным об уменьшении дворянского землевладения в: МСДЗ 24(1915):66—67; и по данным о ценах на землю: Там же, 13 (1907):таблица 4; 21(1912):XXXII; 23 (1914):XXI—XII; 24 (1915):XXI; Анфимов А.М. *Крупное помещичье хозяйство Европейской России* (М., 1969). С. 358.

Примечание: Рассчитано по данным о чистом уменьшении площади дворянских земель в 45 губерниях, за вычетом трех прибалтийских, Архангельской и Астраханской губерний.

За период 1863—1892 гг. дворяне получили в виде выкупной ссуды за землю, нарезанную их бывшим крепостным, сумму, равную 85—90% того, что они выручили за те же годы от продажи земли. Правительственные выплаты покрывали 80% стоимости выделенной крестьянам земли. В некоторых случаях помещики получали от своих бывших крепостных дополнительные платежи, по крайней мере частично покрывавшие оставшиеся 20%. При выплате компенсационных платежей дворянству правительство учитывало накопившуюся до освобождения задолженность дворян по закладным. Итоговая сумма выплачивалась особыми банковскими билетами, свободно обмениваемыми по номинальной цене государственными кредитными учреждениями, а также неименными выкупными свидетельствами, которые не могли быть обменены на деньги. Каждый помещик получил банковские билеты на сумму, равную: 100% первой 1000 рублей, которые государство было должно ему; 20% от следующих 9000 рублей; 10% от следующих 40 000 рублей; и 5% от любой суммы, превышающей 40 000 рублей. Остальную часть долга государство покрывало выкупными свидетельствами⁴¹. Как банковские билеты, так и выкупные свидетельства приносили 5% годового дохода. В течение 15 лет выкупные свидетельства подлежали по серийному обмену на дополнительные выпуски банковских билетов. Сами билеты планировалось погасить в течение 49 лет. С каждым пятилетием помещики, заключившие выкупные сделки со своими бывшими крепостными, в меньшей степени оказывались в долгу перед государством, и у них было больше шансов удержать свои выкупные свидетельства до срока обмена их на билеты, а не продавать их со скидкой (см. табл. 13). Если предположить, что выкупная сумма государства не более чем на 90% выплачивалась выкупными свидетельствами и что хотя бы половину этих свидетельств дворяне сохраняли до тех пор, когда государство

произвело их обмен на банковские билеты, мы увидим, что дворянство получило от государства и от скупщиков непогашенных выкупных свидетельств по крайней мере 525 млн рублей — и это помимо дополнительных платежей от самого крестьянства.

Таблица 13

**Выкупная сумма, выплаченная государством
бывшим владельцам крепостных, 1862—1891**

Годы	Общая сумма государственных обязательств, млн. руб	Всего выплачено дворянству, млн. руб	Отношение реальных выплат к сумме государственных обязательств, %	Рыночная стоимость выкупных свидетельств относительно номинала, %
1862—1866	329	173	52	67
1867—1871	259	152	59	75
1872—1876	105	77	73	85
1877—1881	71	56	79	90
1882—1886	108	99	92	95
1887—1891	19	18	96	—
1862—1891	890	575	65	

Источник: Данные о рыночной стоимости выкупных свидетельств взяты из: *О задолженности землевладения в связи с статистическими данными о притоке капиталов к помещичьему землевладению со времени освобождения крестьян* // Временник центрального статистического комитета. [1888]. № 2. С. VI, X; все прочие данные взяты из: Ионов В. Факты и иллюзии в вопросе движения частной земельной собственности // *Жизнь*. 1900. Апрель. С. 205.

Примечание: Если бы только лишь 10 процентов бывших крепостных внесли дополнительные платежи за землю в счет не возмещенной государством стоимости земли (222,5 млн рублей), помещики получили бы дополнительно 22 млн рублей. Из-за округления сумма цифр в колонке 1 равна 891.

ИПОТЕЧНАЯ ЗАДОЛЖЕННОСТЬ

Прежде чем заняться вопросом о том, как дворянство распорядилось капиталами, доставшимися ему от продажи или экспроприации его земель, необходимо рассмотреть положение с ипотечной задолженностью. Если, как принято считать,

причиной продажи земель дворянством были обычно его безнадежные долги, тогда большая часть доходов от продажи земли должна была бы пойти на их погашение. Но, как мы сейчас увидим, положение было совсем иным.

С середины XVIII до середины XIX в. ряд государственных учреждений предоставлял дворянам-землевладельцам долгосрочные кредиты под залог их крепостных⁴². Помещики, особенно при Николае I, охотно использовали возможность брать займы, предоставленную им политикой правительства на кредитование первого сословия «прежде всего по соображениям социальной политики, без строгого учета экономической обоснованности ссуд»⁴³. К 1859 г., когда в предвидении близкого освобождения крепостных государственные источники займов были перекрыты, две трети крепостных душ мужского пола были заложены в казенных кредитных организациях, а суммарная задолженность помещиков по закладным составляла 425,5 млн рублей (рост с 1823 г. на 372%)⁴⁴. После освобождения крестьян постепенно создались новые источники ипотечного кредита: Херсонский земельный банк, Общество взаимного кредита, созданное в 1864 г. для обслуживания новороссийских губерний; Общество взаимного поземельного кредита в Петербурге, созданное в 1866 г. дворянством и для кредитования дворянства; и одиннадцать чисто региональных акционерных земельных банков, основанных в 1871—1872 гг. и предоставлявших кредиты на коммерческих условиях под 7—8,5% годовых. В течение четверти века после освобождения крестьянства правительство не принимало какого-либо участия в предоставлении дешевых долгосрочных кредитов помещикам; созданный в 1860 г. новый Государственный банк не выдавал ссуды под залог земель⁴⁵.

Труднодоступность и дороговизна кредитов, по крайней мере по сравнению с ситуацией при предыдущем императоре, частично объясняют тот факт, что в первые десять—двадцать лет после освобождения крестьян дворяне-землевладельцы сравнительно мало прибегали к займам. Вероятно, важнее было то, что в 1860-х и в начале 1870-х гг. у помещиков сравнительно редко возникала нужда или желание закладывать свои земли, потому что как раз в эти годы дворянство получило большую часть выкупной ссуды за землю, выделенную бывшим крепостным. Поскольку поток выкупной ссуды лик-

видировал старые долги, а новые кредиты были сравнительно редкостью, к началу 1873 г. ипотечная задолженность дворянства упала до 250,5 млн рублей. За последующие десять лет сумма долга опять возвысилась до 400,2 млн рублей — отражение возрождения интереса к получению кредитов и большей доступности займов как следствия создания частных земельных банков (см. табл. 14).

Таблица 14
**Ипотечная задолженность
и стоимость дворянских земель, 1863—1914**

Год	Долг, млн рублей	Стоимость дворянских земель, млн рублей	Отношение долга к стоимости земли, %
1863	425,5	1277,6	33
1873	250,5	1816,6	14
1883	400,2	2156,4	19
1893	748,1	2902,0	26
1906	1299,8	4879,3	27
1914	1401,5	6939,4	20

Источник: О задолженности землевладения в связи с статистическими данными о притоке капиталов к помещичьему землевладению со времени освобождения крестьян // Временник центрального статистического комитета. [1888]. № 2. С. V—VI, X; Ежегодник России 1908 г. С. XCII—XCIII; и Ежегодник России 1914 г. С. 39.

Примечание: Рассчитано по данным на 1 января соответствующего года. Данные по 45 губерниям Европейской России, с исключением трех прибалтийских, Архангельской и Астраханской губерний. Метод оценки стоимости дворянских земель описан в примечании 34 к данной главе. Об оценке величины ипотечной задолженности см.: Приложение Д.

Со второй половины 1870-х гг. спрос дворянства на более дешевый ипотечный кредит рос, пока не был удовлетворен с созданием в 1885 г. Государственного дворянского земельного банка, быстро ставшего главным источником ипотечных кредитов для членов первого сословия. К 1896 г. Дворянский земельный банк и его Особый отдел (преобразованное в 1890 г. Общество взаимного поземельного кредита) стали держателями ипотек на 63% всех заложенных

дворянских земель в 43 губерниях⁴⁶. С учреждением Дворянского земельного банка задолженность дворянства по закладным начала быстро возрастать, достигла к началу 1906 г. 1299,8 млн рублей, а накануне Первой мировой войны составляла 1401,5 млн рублей. К 1896 г. 42% всех дворянских земель были заложены либо в Дворянском земельном банке, либо в одной из частных кредитных организаций; в 18 губерниях Черноземья — от Подольской и Херсонской на западе до Уфимской и Оренбургской на востоке — более половины площади дворянских земель были заложены в том или ином банке⁴⁷.

Может показаться, что приведенные данные о величине и росте дворянской задолженности подтверждают существующее представление, что все увеличивавшаяся задолженность неизбежно приводила дворян-землевладельцев к потере земельной собственности. Однако гораздо более существенно в данной ситуации не столько абсолютная сумма задолженности в рублях и не доля заложенной земельной собственности (как это понятно любому современному домовладельцу), сколько соотношение между величиной долга и совокупной стоимостью активов. Как видно из таблицы 14, данное соотношение увеличивалось так же быстро, как и долг первого сословия после 1893 г., а после 1906 г. даже и быстрее. В течение полувека после освобождения крестьян не было ни одного года, когда можно было бы оценить сумму ипотечной задолженности как чрезмерно большую и обременительную. Несмотря на быстрое увеличение абсолютной суммы долгов и существенное сокращение площади дворянского землевладения, благодаря росту цен на землю процентное отношение ипотечной задолженности к суммарной стоимости дворянских земель никогда больше не достигало уровня, зафиксированного в последние годы крепостного права. Фактически это отношение оставалось почти неизменным с начала 1890-х гг. и значительно снизилось после революции 1905 г. В 1914 г. бремя ипотечной задолженности было примерно таким же, как накануне создания Дворянского земельного банка, — и это при том, что дворянство очень активно использовало банковский кредит. Статистические данные подтверждают едкое замечание графа Витте, заявившего в 1898 г. на Особом совещании по делам дворянского сословия, что дворяне-землевладельцы вовсе не

были столь обременены долгами, как представляли это их заступники⁴⁸.

Если в целом по Европейской России ипотечная задолженность дворянства в отношении к суммарной стоимости их земель уменьшилась, в ряде губерний она выросла, и прежде всего в южных и восточных степных районах: от Херсонской до Саратовской, Уфимской и Оренбургской, а также в Ковенской и Виленской губерниях. В 1906 г. ипотечная задолженность дворян в отношении к стоимости их земель была выше средней по стране на западе (исключая Минскую губернию), в Центральной Черноземной области, на левобережной Украине (исключая Черниговскую губернию) и в Среднем Поволжье⁴⁹. Вероятно, в эту группу следовало бы включить и прибалтийские губернии, хотя у нас и нет возможности определить соотношение между суммарной величиной ипотечной задолженности дворян Эстонии, Ливонии и Курляндии и стоимостью их земель. В этом регионе на 1905 г. дворянству принадлежало более 90% площади всех частных участков земли размером более 100 десятин, причем 86,5% всей частнособственнической земли было на начало 1914 г. заложено в ипотеке, т.е. больше, чем в любом другом регионе, и намного больше, чем в среднем (57,6%) в Европейской России⁵⁰. Пять регионов, отличавшихся самым высоким процентом ипотечной задолженности, были именно теми самими, в которых после освобождения крестьян площадь дворянского землевладения сокращалась медленнее всего.

И напротив, на севере и в центре Нечерноземья и в Самарской губернии⁵¹, отличавшихся самыми высокими темпами сокращения дворянского землевладения, на 1906 г. отношение суммы ипотечной задолженности дворянства к стоимости их земель было наименьшим. Соответственно интерес к государственному дворянскому земельному банку в начале 1880-х гг. был самым высоким в губерниях Черноземья, тогда как на севере и в центре Нечерноземной полосы дворяне проявили особую заинтересованность в 1883 г. в создании Крестьянского поземельного банка (его задачей было финансирование процесса скупки дворянских земель крестьянами, т.е. поддержание высокого рыночного спроса и цены на продаваемую дворянами землю)⁵².

Наличие положительной корреляции между склонностью дворянства брать кредиты под залог своих земель и его желанием (и способностью) не терять собственности на эти самые земли заставляет усомниться в обоснованности распространенного представления, что залог земли был лишь первым шагом на пути к ее продаже. Напротив, похоже, что активное использование ипотечного кредита являлось методом привлечения капитала и, таким образом, предотвращения продажи земли.

Создание новых кредитных учреждений, особенно Дворянского земельного банка с его низкими процентными ставками и предоставлением кредитов на 67 лет, сделало использование ссуд делом чрезвычайно привлекательным. В первые десять лет своей деятельности Дворянский земельный банк главным образом помогал помещикам расплатиться по закладным, набранным в предыдущие четверть века в частных банках по более высоким процентам; на начало 1893 г. 65% стоимости еще не оплаченного остатка ссуд, выданных Дворянским земельным банком, было использовано именно для этого⁵³. Сумма кредитов, выданных Обществом взаимного поземельного кредита (реорганизованного в 1890 г. в Особый отдел Дворянского земельного банка), снизилась с высшей точки в 143,9 млн руб. в середине 1888 г. до всего лишь 45,8 млн рублей на конец 1905 г.⁵⁴, главным образом, в результате операций по рефинансированию долга через посредство Дворянского земельного банка. Во втором и третьем десятилетиях своей деятельности банк все в большей степени использовал капитал для рефинансирования ипотечной задолженности своих должников и для предоставления им дополнительных средств под залог их продолжавшей дорожать земли (см. табл. 15 и 16). Неопределенность ситуации, характерная для первой половины периода 1906—1909 гг., объясняет временное сокращение заимствований у Дворянского земельного банка, тогда как всплеск в тот же период операций по скупке дворянских земель крестьянами и другими, несомненно, был источником денег, сделавших возможным массовое погашение кредитов банка⁵⁵.

Таблица 15
Операции Государственного дворянского земельного банка
в 1886—1913, млн. руб.

Годы	Всего выдано ссуд	Новые ссуды	В том числе в расширение уже выданных ссуд	На рефинансирование выданных ссуд	Получено в счет ссуд погашения ссуд	Сумма выданных ссуд на конец периода
1886—1890	271,9	259,9	7,6	4,4	0,0	267,5
1891—1895	254,8	147,8	31,8	75,2	50,5	396,6
1896—1900	455,3	231,1	69,9	154,3	63,9	633,7
1901—1905	331,2	98,6	75,1	157,5	80,1	727,3
1906—1909	140,1	24,8	39,0	76,3	246,4	791,8
1910—1913	431,4	114,7	132,3	184,4		
1886—1913	1884,7	876,9	355,7	652,1	440,9	791,8

Источник: Рассчитано по данным из: *Ежегодник России 1908 г.* С. ХСII—ХСIII; и *Ежегодник России 1914 г.* С. 39, 48—49.

Примечание: Практически все кредиты Дворянского земельного банка (98,4% по стоимости на 1 января 1914 г.) были предоставлены под залог земель, расположенных в 47 губерниях Европейской России (исключая прибалтийские); остальные ссуды были выданы под залог земель, расположенных на Северном Кавказе и в Закавказье (*Ежегодник России 1914 г.* С. 52—53).

Таблица 16
Распределение стоимости ссуд
Дворянского земельного банка, выданных в 1886—1913,
по направлениям использования, в %

Годы	Новые ссуды	В расширение уже выданных ссуд	На рефинансирование выданных ссуд
1886—1890	95,6	2,8	1,6
1891—1895	58,0	12,5	29,5
1896—1900	50,8	15,4	33,9
1901—1905	29,8	22,7	47,6
1906—1909	17,7	27,8	54,5
1910—1913	26,6	30,7	42,7
1886—1913	46,5	18,9	34,6

Источник: Таблица 15.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КАПИТАЛА

Нет причин сомневаться в основательности представлений современников, что лишь небольшая часть денег, получаемых дворянами под залог имений, вкладывалась в совершенствование хозяйства⁵⁶, поскольку в таком расходовании средств не было, как правило, экономического смысла. Возможно, справедливо и распространенное в то время утверждение⁵⁷, что часть заимствованных денег расходовалась либо на покрытие повседневных расходов, либо на внезапные нужды, как, скажем, приданое для дочери, болезнь и т.п. Такое поведение было результатом не столько расточительности и экстравагантности, сколько несоответствия скромных доходов подавляющего большинства помещиков тому минимуму расходов на поддержание достойного уровня жизни, который был обязательным даже для беднейших из дворян-землевладельцев. Этот стиль жизни включал, по меньшей мере, законченное среднее образование для дворянских сыновей⁵⁸. Поскольку земля дорожала, у дворянства расширились возможности брать кредиты под залог имений, чтобы покрыть недостаток личных средств. При наличии неслабеющего спроса на покупку и аренду земли такое поведение сочли бы неразумным, только если бы речь шла о крайней неумеренности. Однако заимствованные деньги не всегда расходовались на экономически непродуктивные цели. Меньшинство помещиков, ведших собственное хозяйство, нанимали работников и эксплуатировали свои орудия труда и свой скот, использовали кредиты для умножения капитала. Гораздо больше было таких, кто, независимо от способов управления имением обнаружил, что очень выгодно брать ссуды под залог земли и класть их на приносящие более солидный процент срочные банковские счета или вкладывать деньги в более доходные акции и облигации⁵⁹.

Примерно таким образом были использованы более 3,5 млрд рублей, полученных дворянством от продажи земли или экспроприации ее в пользу крестьянства в период между 1863 и 1914 гг. Восьмая часть этой суммы (441 млн рублей) была истрачена на выкуп закладных в Дворянском земельном банке, и, как легко предположить, несколько меньшая сумма ушла на погашение других долгов. Не приходится сомневаться, что немалые деньги были истрачены на житейские нужды — ра-

зумные и не очень. Но значительная часть этих средств была инвестирована, так что (вопреки традиционному представлению о финансовой «наивности» дворянства) не приходится предполагать, что весь капитал или даже значительная его часть была использована «неразумно»⁶⁰.

Небольшое число дворян использовали доход от продажи имений на покупку торговых или промышленных предприятий. Уже в 1882 г. в Москве примерно 500 потомственных дворян были владельцами промышленных предприятий и еще 234 владели торговыми заведениями. Примерно 70—85% такого рода предприятий относились к категориям средних или малых, а некоторые представляли собой «семейные предприятия»⁶¹. Но гораздо чаще дворяне вкладывали деньги в государственные облигации или в ценные бумаги железных дорог, банков и других частных предприятий. Такое использование капитала являлось либо альтернативой, либо дополнением к вложениям в земельную собственность. Уже в 1882 г. было зафиксировано, что именно дивиденды или проценты по такого рода инвестициям составляли большую часть дохода многих московских дворян. Ряд заметных исторических фигур являются здесь примером: граф Н. В. фон Адлерберг, бывший генерал-губернатор Финляндии, оставил своим наследникам после смерти в 1892 г. государственных облигаций на 626 тыс. рублей, но ни одной десятины земли; умерший в 1897 г. министр народного просвещения граф И. Д. Делянов оставил по завещанию ценных бумаг на 217 тыс. рублей, но опять-таки никакой земли; в 1898 г. наследникам В. В. Апраксина, бывшего Орловского губернского предводителя дворянства, досталось имение, оцененное в 252 тыс. рублей, и ценных бумаг (главным образом железнодорожных облигаций) на более чем 3,3 млн рублей⁶².

Современные наблюдатели отметили этот процесс перемещения дворянских капиталов из сельского хозяйства в торговлю и промышленность. Ревнителю традиционного стиля жизни и прежней общественной роли дворянства подобные изменения наполняли ужасом⁶³. Но развитие в этом направлении продолжалось и было даже ускорено революцией 1905 г., которая убедила некоторых дворян, что земля — это еще менее прибыльная и более рискованная собственность, чем казалось до этого. В 1894 г. граф А. Д. Шереметьев владел 29 поместьями

ми общей площадью 226 100 десятин и оцениваемых примерно в 10 млн рублей. Кроме этого, он владел ценными бумагами на 7,6 млн рублей. К 1913 г. общий годовой доход графа в 1550 тыс. рублей на 62% составлялся из процентов и дивидендов от вложений в торговые и промышленные предприятия и только на 32% — из поступлений от ведения сельского и лесного хозяйства; еще 6% приносила эксплуатация городской недвижимости. Его брат Сергей на 1 марта 1917 г. владел состоянием, оцениваемым в 37,9 млн рублей, из которых 19% было вложено в акции и облигации, 28% — в городскую недвижимость и 51% — в земли сельскохозяйственного назначения, хозяйственные постройки и скот. В 1901 г. Юсуповы владели ценными бумагами только на 41 тыс. рублей, но после 1905 г. они распродали и заложили в банках значительную часть своих имений и довели к 1915 г. свой портфель ценных бумаг до 5,1 млн рублей. А.А. Орлов-Давыдов, владевший поместьями в не менее чем восьми губерниях, в 1911 г. получал также 117 тыс. рублей ежегодного дохода от вложений в русские и иностранные ценные бумаги. Такого рода вложения практиковались не только аристократией: из проживавших в Петербурге 137 825 дворян в 1910 г. 49% жили на доход от ценных бумаг⁶⁴.

Возникающая перед нами из вышесказанного картина свидетельствует, что изображенные в «Вишневом саде» дворяне (как пример самого знаменитого из многочисленных сходных изображений) не были ни самыми типичными, ни самыми распространенными представителями пореформенного дворянства. Многие из них приспособились к отсутствию крепостных и вели либо собственное хозяйство, либо, что встречалось чаще, сдавали землю крестьянам. Немалое число помещиков даже прикупали землю. Получение кредита под залог земли отнюдь не означало неминуемого разорения. Если не считать мелких владений, дворяне оставались главными землевладельцами во всех группах земельной собственности.

Остается, конечно, бесспорным фактом, что большинство дворян-землевладельцев расставалось с землей; однако это отнюдь не означает, что они всегда или обычно шли на это вынужденно и под давлением кредиторов. Во многих, а может быть, и в большинстве случаев решение о продаже име-

ний было добровольным. Принятие такого рода решений облегчалось как исторически обусловленной непрочной связью дворянства с землей, так и общей бесприбыльностью в России сельского хозяйства. Решение о продаже земли было чаще всего не следствием неоплатных долгов, а просто альтернативой получению кредитов под залог имения. Капитал, вырученный как от продажи, так и от залога земли, чаще всего вкладывался в торговлю и промышленность, где приносил куда большую прибыль, чем в сельском хозяйстве. Таким образом, дворянство находилось не столько в процессе упадка или обнищания (как предполагается традиционной гипотезой о его неспособности хозяйствовать без крепостного труда), сколько переживало радикальную трансформацию, и в основном не вынужденную, а добровольную. Смыслом этого процесса преобразований было выделение тех, кто (в силу личных склонностей, рациональной оценки сравнительного экономического потенциала своих имений, невезения или какого-либо сочетания этих факторов) предпочел распрощаться с землей и попытаться удачи на ином поприще. Оставшееся на земле меньшинство продолжало сокращаться по численности и по площади принадлежавших ему земель, но зато это меньшинство превращалось в группу преданных своему делу, ориентированных на рынок и на прибыль аграриев.

Когда государство в 1860-х гг. потеряло интерес к дворянству как к служилому сословию, последнее разом лишилось как традиционной общественной роли, так и правовых привилегий. Остались лишь господствующие позиции в группе крупных и средних землевладельцев и ясное чувство своего культурного превосходства. Некоторые дворяне пытались самоидентифицироваться через аграрное предпринимательство; большинство, под влиянием чувства культурного превосходства, искало себе применения в иных сферах. Культурные изгои в своих собственных родовых поместьях, окруженные безбрежным морем традиционного крестьянства, купцов и духовенства, многие дворяне воспользовались новыми возможностями мобильности, возникшими в пореформенной действительности, и сбежали на материк городской жизни, где обрели более родственную культурную среду и новое положение в общественной жизни. Эти преобразования могли оплакивать только те, кому сохранение прежнего уклада жизни было

дороже, чем творческое приспособление множества дворян к новой социальной реальности. Традиционалисты не ограничивались оплакиванием «упадка дворянства». Со страстной энергией отчаяния они стремились если не обратить вспять, то хотя бы остановить процесс отхода дворян от земли и неизбежных последствий этого процесса.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года* (СПб., 1905), 1:92, 172; *Статистические таблицы Российской империи. Вып. 2. Население империи за 1858 год* (СПб., 1863). С. 276—277. В официальных оценках соотношения численности городского и сельского населения по состоянию на 1858 г. потомственное дворянство учитывалось в одной группе с личным дворянством и чиновниками, не имеющими дворянского статуса. В 1858 г. 32,9% этой большой группы были горожанами, а в 1897 г. — уже 57,6%. 78,4% личных дворян и чиновников были в 1897 г. горожанами, а в 1858 г., когда им было запрещено владеть землей с крепостными, горожан среди них должно было не менее 60—70%. Поскольку в продолжение этого периода отношение числа потомственных дворян к суммарной численности личных дворян и чиновников недворянского происхождения оставалось на уровне 2:1, в 1858 г. среди потомственных дворян не могло быть больше 15—20% горожан. В целом население в 1858 г. было городским на 9,4%, а в 1897 г. — на 12,9%.

2. *Общий свод результатов переписи*, 1:90, 92, 102, 105. Для городского населения в целом значения этого показателя существенно ниже: только 47,8% всего населения проживало за пределами уездов, в которых были рождены, и только 30,9% — за пределами губерний, в которых были рождены.

3. В 1897—1914 гг. темп роста городского населения Европейской России оставался таким же, как в 1858—1897 гг., и к 1914 г. 15% населения этой части империи проживало в городах. Если бы относительная численность проживающих в городах дворян продолжала увеличиваться с таким же темпом, как в прошлом, к 1914 г. примерно 80% дворян уже были бы горожанами, а если бы темпы прироста относительной численности этой группы стали вдвое меньше, чем в 1858—1897 гг., они составили бы к 1914 г. примерно 60% всей численности дворянства.

4. Бывшие крепостные получили 33 756 тыс. десятин земли (Robinson G.T. *Rural Russia under the Old Regime* [N.Y., 1932]. P. 87), тогда как у дворян, проживавших в 47 губерниях Европейской России, осталось 87 181 тыс. десятин, за вычетом прибалтийских губерний, где крестьяне были освобождены без земли уже во втором десятилетии XIX в. (МСДЗ 24 [1915]:66—67).

5. Haxthausen-Abbenburg. *Russian Empire*. 2:3, 174, 209—210.

6. Palmer Francis H.E. *Russian Life in Town and Country* (N.Y., 1901). P. 10—13.

7. Leroy-Beaulieu Anatole. *The Empire of the Tsars and the Russians* (N.Y., 1893—1896), 1:368.

8. Романович-Славатинский. С. 165—167.

9. *Задолженность частного землевладения* // Отечественные записки. 1880. Февраль. Ч. 2. С. 153—154; Ш. *Дворянство в России* // Вестник Европы. 1887. Март. С. 275; 3. *Современные софизмы. Новые словесные тенденции в нашей печати* // Вестник Европы. 1898. Июль. С. 336; Палтов Владимир. *Взгляд и нечто» о дворянстве* (М., 1904). С. 138—139.

10. Pipes Richard. *Russia*. P. 10. См. также: Naxhausen-Abbenburg Baron August, Freiherr von. *Studies on the Interior of Russia* (Chicago, 1972). P. 37—39.

11. Возможно, Мэннинг права, утверждая, что «меньше земли ежегодно уходило из рук дворянства (как по абсолютной величине, так и относительно) в 1909—1917 гг., чем за любой сравнимый промежуток времени после начала мировой депрессии зерновых цен 1877—1896 гг.» (Manning. *Crisis*. P. 364), но четыре из девяти лет этого периода были нетипичными — на них пришлась война 1914—1917 гг. С другой стороны, поскольку, скорее всего, она использует те же ненадежные источники данных, откуда ею почерпнуты цифры за 1905—1914 гг. на с. 363 (см. табл. Г-1), ее утверждение, вероятно, фактически неверно.

12. МСДЗ 21(1912): XIII; Ibid. 24 (1915):xi.

13. МСДЗ 21(1912): XIV; Ibid. 24 (1915):XI; Анфимов, Макаров. С. 86.

14. Тернер Ф.Г. *Дворянство* // *Вестник Европы*. 1903. Март. С. 47. Другие современные наблюдатели также отметили способность дворянства успешно конкурировать на рынке покупки земли: Ионов В. *Факты и иллюзии в вопросе движения частной земельной собственности* // *Жизнь*. 1900. Апрель. С. 195—196, 209; Святловский В.В. *Мобилизация земельной собственности в России (1861—1908 гг.)*. 2-е изд. (СПб., 1911). С. 141; Яснопольский М. *Развитие дворянского землевладения в современной России* // *Мир Божий*. 1903. Декабрь. Ч. 1. С. 215, 222—227; Дроздов И.Г. *Судьбы дворянского землевладения в России и тенденции к его мобилизации* (Пг., 1917). С. 16.

15. Анфимов, Макаров. С. 88.

16. Рассчитано по данным за 1863—1902 гг.; взяты из: МСДЗ 11(1904):37; 12(1905):12—13; 14(1907):12—13; 15(1908):12—13; 16(1908):12—13; 17(1909):14—15; за 1905—1908 гг. из: Ibid., 20(1911):22—23, 28—29; 21(1912):22—23, 28—29; 22(1913):22—23, 28—29; 23(1914):22—23, 28—29; и за 1905—1914 гг. из: Анфимов, Макаров. С. 85. См. также: Yaney George L. *The Urge to Mobilize* (Urbana, 1982). P. 139.

17. В разное время предлагались другие нижние границы площади для средних землевладельцев — 250, 500 и даже 1000 десятин, в зависимости от уезда. Смысл в том, что участок должен был быть достаточно большим, чтобы обеспечить культурному дворянину возможность достойно содержать семью, не обращаясь к другим источникам доходов. См.: Ш. *Дворянство в России* // Вестник Европы. 1887. Март. С. 249, 258; Головин К. *Крупное землевладение в Западной Европе и в России* // Русский вестник. 1887. Май. С. 135—136.

18. Терпигоров С.Н. *Потревоженные тени* (М., 1959). С. 283—284.
19. Заломанов Н.П. *Дворянское землевладение и меры к его сохранению и развитию* (СПб., 1899). С. 16.
20. Цит. по: Корелин. *Дворянство*. С. 148.
21. Минарик Л.П. *Статистика землевладения 1905 года как источник по изучению крупного помещичьего землевладения России в начале XX века* // Малоисследованные источники по истории СССР XIX—XX вв. (М., 1964). С. 64—66; Анфимов А.М. *Крупное помещичье хозяйство Европейской России* (М., 1969). С. 31, 382—386. См. также: Минарик Л.П. *Характеристика крупнейших землевладельцев России конца XIX — начала XX в.* // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1963. (Вильнюс, 1964). С. 693—708; и те же: *Происхождение и состав земельных владений крупнейших помещиков России конца XIX — начала XX в.* // *Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР* 6(1965):356—395.
22. Ершов Г. (ред.). *Распределение поземельной собственности в 49-ти губерниях Европейской России в 1877—1878 гг.* (Статистический временник Российской империи. Серия III. Вып. 10) (СПб., 1886). С. 86—89; *Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50-ти губерниям Европейской России* (СПб., 1907). С. XVI. Только в Черниговской и Полтавской губерниях в 1905 г. находилось 24% всех имений в Европейской России площадью в 100 десятин и менее.
23. Егiazарова Н.А. *Аграрный кризис конца XIX века в России* (М., 1959). С. 48, 71; Хромов П.А. *Экономика России периода промышленного капитализма* (М., 1963). С. 205—207; Pavlovsky George. *Agricultural Russia on the Eve of the Revolution* (London, 1930). P. 192; Анфимов. *Крупное помещичье хозяйство*. С. 373; Hamburg Gary M. *Land, Economy, and Society in Tsarist Russia: Interest Politics of the Landed Gentry during the Agrarian Crisis of the Late Nineteenth Century* (Ph.D. diss., Stanford University, 1978) утверждает, что именно аграрный кризис подталкивал дворян в массовом порядке привлекать кредиты под залог земли, что являлось прелюдией к последующей ее продаже. Но при этом те самые регионы, которые, по утверждению Гамбурга, в наибольшей степени пострадали от аграрного кризиса (Центральное Черноземье и Поволжье), показали сравнительно небольшое сокращение площади дворянского землевладения (P. 74—76).
24. О методах ведения хозяйства в степях Причерноморья и Нижней Волги, а также в западных и прибалтийских губерниях см.: Дружинин Н.М. *Помещичье хозяйство после реформы 1861 г. (По данным Валуевской комиссии 1872—1873 гг.)* // Исторические записки, 89 (1972):208—214; Анфимов. *Крупное помещичье хозяйство*. С. 180; Егiazарова. С. 69—70; Маслов П.П. *Развитие земледелия и положение крестьян до начала XX века* // *Общественное движение в России в начале XX века* / Под ред. Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова (СПб., 1909—1914), 1:3—4, 9—11; Першин Н.П. *Аграрная революция в России* (М., 1966), 1:67—78.
25. Robinson. P. 94.
26. Gerschenkron Alexander. *Problems and Patterns of Russian Economic Development* // Black Cyril E. (ed.). *The Transformation of Russian Society* (Cambridge, MA, 1960). P. 44.

27. Яснопольский. С. 214; Анфимов. *Крупное помещичье хозяйство*. С. 81—82, 365; Он же. *Земельная аренда в России в начале XX века* (М., 1961). С. 21; Lyashchenko Peter I. *History of the National Economy of Russia to the 1917 Revolution* (N.Y., 1949). P. 466.

28. Минарик. *Характеристика крупнейших землевладельцев*. С. 624—625.

29. Анфимов. *Крупное помещичье хозяйство*. С. 375.

30. Цит. по: Lyashchenko. P. 466.

31. Анфимов. *Земельная аренда*. С. 195—196.

32. Лаверычев В.Я. *Крупная буржуазия в пореформенной России 1861—1900* (М., 1974). С. 68; Анфимов. *Крупное помещичье хозяйство*. С. 274—278.

33. Все цены выражены в серебряных рублях, причем рубль с конца 1890-х до 1914 г. стоил примерно 50 центов. Данные о ценах на землю за 1854—1858 гг. и за 1863—1902 гг. взяты из: МСДЗ 13(1907): табл. 4; данные за 1903—1905 гг. взяты там же: 21 (1912):XXXII.

34. Суммарные стоимостные оценки были получены умножением показателей площади дворянских земель в 1862 и 1905 гг. (по данным из: МСДЗ 24 (1915): 66—67) на цену земли в каждой из губерний за соответствующую годы. Чтобы сгладить годовые колебания цен, цена за 1862 г. была вычислена как средняя цен за 1854—1858 гг. и за 1863—1867 гг., а цена за 1905 г. была вычислена как средняя за период 1903—1905 гг. Используя разные, не всегда сопоставимые источники, Анфимов приходит к следующим оценкам стоимости земли: 1,345 млрд рублей в 1861 г. и 4,945 млрд рублей в 1905 г., что дает рост агрегированной стоимости на 268% (*Крупное помещичье хозяйство*. С. 358).

35. Основано на данных, взятых в: Струмилин С.Г. *Очерки экономической истории России и СССР* (М., 1966). С. 89—90.

36. Данные о средней цене земли в 1905—1906 гг. взяты из: МСДЗ 21 (1912):XXXII; в 1907—1908 гг.: Там же, 23 (1914):XXI—XXII; в 1909 г.: Там же, 24 (1915):XXI; в 1912 г. из: Анфимов. *Крупное помещичье хозяйство*. С. 358. Оценки темпа инфляции в 1905—1913 гг. колеблются от 2,3 до 3,7% в год, в среднем на 2,8% (Струмилин. С. 89—90).

37. Хромов. *Экономика России*. С. 31—32; Анфимов. *Земельная аренда*. С. 191—192.

38. Ковальченко И.Д., Милов Л.В. *Всероссийский аграрный рынок XVIII — начала XX века. Опыт количественного анализа* (М., 1974). С. 267.

39. Тернер. С. 17, 46, 48—53.

40. Цит. по: Volkov-Muromtsev A.N. *Memoirs of Alexander Wolkoff-Mouromtsov* (London, 1928). P. 363.

41. Зайончковский П.А. *Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г.* (М., 1958). С. 309—310.

42. Предоставлением долгосрочных кредитов занимались следующие учреждения: Дворянский банк (Государственный банк для дворянства), основанный в 1754 г. и превратившийся после реорганизации 1786 г. в Государственный заемный банк; Запасной капитал Петербургского и Московского Воспитательного дома; Запасной капитал губернских при-

казов общественного призрения, учрежденные в 1775 г. См.: Боровой С.Я. *Кредит и банки России (середина XVII в. — 1861 г.)* (М., 1958). С. 46—49, 63, 68—71, 118—123, 183, 192, 194—1195, 197, 200.

43. Pintner Walter M. *Russian Economic Policy under Nicholas I* (Ithaca, 1967). P. 39.

44. *О задолженности землевладения в связи с статистическими данными о притоке капиталов к помещичьему землевладению со времени освобождения крестьян* // Временник центрального статистического комитета. [1888]. № 2. С. V; Боровой. *Кредит*. С. 197.

45. Pavlovsky. P. 101; Анфимов. *Крупное помещичье хозяйство*. С. 318.

46. За исключением прибалтийских губерний, в которых действовали собственные дворянские земельные банки, а также Архангельской, Олонекской, Бессарабской губерний и Области войска Донского. См.: *Цифровые данные о поземельной собственности в Европейской России* (СПб., 1897). С. 38—39.

47. Там же.

48. РГИА. Ф. 593. Оп. 1. Д. 101, 11. 251—253.

49. Показатели для отдельных губерний были рассчитаны так же, как для таблицы 14 и в Приложении Д, с использованием данных об ипотечной задолженности помещичьих владельцев крепостных на 1859 г. (из: *О задолженности землевладения*, табл. след. за с. XX); о пропорциональной ипотечной задолженности всех частнособственнических земель по состоянию на начало 1906 г. (из: *Ежегодник России 1908*. С. XCIV—XCV); и оценочной совокупной стоимости дворянских земель на конец 1862 г. и 1905 г.

50. Анфимов. *Крупное помещичье хозяйство*. С. 320.

51. В Самарской губернии, где сокращение площади дворянского землевладения было особенно быстрым, было много помещиков, которым правительство выделило их имения всего за десять—двадцать лет до освобождения крепостных. Такие помещики никогда даже не пытались вести там собственное хозяйство или создавать усадьбы, а потому с начала 1870-х гг. охотно обращали землю в другие формы капитала.

52. Веселовский Б.Б. *Движение землевладельцев* // Общественное движение в России в начале XX века / Под ред. Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова (СПб., 1909), 1:297. Гамбург приписывает заинтересованности дворянства губерний Черноземья в Дворянском земельном банке тому факту, что «именно в этих областях поместья были в наибольшей степени обременены долгами перед частными земельными банками» (Land. P. 93); в другом месте он утверждает, что «главной причиной высокой степени задолженности [дворянства] представляется аграрный кризис» (Там же. P. 27).

53. Гиндин И.Ф. *Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861—1892 годы)* (М., 1960). С. 106.

54. *Ежегодник России 1908 г.* С. XCII—XCIII.

55. См. ниже в главе 4 о требовании к крестьянам и другим недворянским покупателям в течение десяти лет выкупить у Дворянского земельного банка закладные на приобретаемую землю. При сохранении прежних тенденций (объем выкупленных закладных повышался на 25% каждые пять лет), в 1906—1913 гг. поступления банка от погашения

ипотечных кредитов составили бы 175 млн рублей, тогда как действительные поступления оказались на 41% выше этой расчетной величины.

56. См., например: Милюков П.Н. *Очерки по истории русской культуры*. Ч. 1. 6-е изд. (СПб., 1909). С. 234—235; Плансон А.А. *О дворянстве в России. Современное положение вопроса* (СПб., 1893). С. 60—61; В[оронцов]В.[П]. *Дворянское землевладение после реформы* // Русская мысль. 1898. Октябрь. Ч. 2. С. 91—92, 97.

57. См., например: Слонимский Л.З. *Поземельные задачи* // *Вестник Европы*. 1894. Август. С. 812; 1894. Сентябрь. С. 342.

58. Это наблюдение о дореформенном периоде принадлежит Мишелю Конфино (Confino Michael. *Histoire et psychologie: A propos de la noblesse russe au XVIIIe siecle* // *Annales: Economies-Societes-Civilisations* 22 (1967):1195). О том же см. у: McGrew Roderick E. *The Politics of Absolutism: Paul I and the Bank of Assistance for the Nobility* // *Canadian-American Slavic Studies* 7(1973):26.

59. Анфимов. *Крупное помещичье хозяйство*. С. 320—324; Гиндин. С. 106; Литвак Б.Г. *Русская деревня в реформе 1861 года. Черноземный центр 1861—1895 гг.* (М., 1972). С. 379.

60. Как утверждается в: Manning. *Crisis*. P. 8.

61. Нифонтов А.С. *Формирование классов буржуазного общества в русском городе второй половины XIX в. (По материалам переписей населения г. Москвы в 70—90-х годах XIX в.)* // Исторические записки 54(1955):243.

62. Лаверычев. С. 69.

63. См., например: *Задолженность частного землевладения*. С. 153—154.

64. Лаверычев. С. 69—70; Анфимов. *Крупное помещичье хозяйство*. С. 286—287, 304—305.

Глава 3

КОНТРАТАКА ТРАДИЦИОНАЛИСТОВ

ЗАЩИТА ПРИВИЛЕГИЙ

В то, что дворянству не выжить в пореформенном, освобожденном от крепостного права мире, верили не только недоброжелатели, но и самые горячие сторонники и защитники первого сословия. Обе группы ни на минуту не сомневались в том, что дворяне-землевладельцы прощаются со своими поместьями, принужденные к этому своими неоплатными долгами, падающими ценами на хлеб и, главное, своей врожденной неспособностью к выживанию в условиях свободного рынка земли и рабочих рук. Из общего видения перспектив эти две группы, однако, делали совершенно разные выводы.

Либералы, по определению, не могли не одобрять нового направления развития России в целом и упадка дворянства в частности. Некоторые из них руководствовались убеждениями, близкими убеждениям западников 1840-х гг., которые рассматривали сословное общество в России как тождественное по основным своим характеристикам «старому режиму» в странах Запада, и поэтому верили, что ему суждено пойти по пути, пройденному Западом после Французской революции. Ведущий русский историк В.О. Ключевский сформулировал эту позицию в прочитанной им в 1886 г. лекции об истории сословий в России. Он утверждал, что существует закон истории, определяющий последовательное прохождение обществом трех стадий или этапов развития: стадия примитивного и недифференцированного общества; стадия формирования функциональных экономических групп и государства, которое становится ареной возникновения социальных групп (сословий), отличающихся разным правовым статусом; и, наконец, современная стадия общественного развития, на которой все индивидуумы наделяются равными граждански-

ми правами и обязанностями, такими, как обязательная воинская повинность. На этой стадии неравенство политических прав и экономических обязанностей (скажем, уплата налогов) зависит не от случайностей рождения и принадлежности к определенной социальной группе, а от самого индивидуума и его материального положения. Подобно большинству других открывателей исторических законов, Ключевский воспринимал свое открытие в положительном свете; он не сомневался в том, что «уравнение сословий есть одновременное торжество и общего государственного интереса, и личной свободы»¹.

Сходной была логика и Б.Н. Чичерина — видного либерала, философа, историка и теоретика права. Чичерин полагал, что существование сословий было важной гарантией от тирании в период абсолютной монархии, но что им нет места в обществе, в котором конституция ограничивает власть правительства и гарантирует права личности. В своих статьях по дворянскому вопросу, опубликованных в «Санкт-Петербургских ведомостях» в 1897 г., Чичерин доказывал, что «сословный строй, характеризующий известную эпоху общественного развития, уступает место иному гражданскому порядку, основанному на общей свободе и равенстве всех перед законом». В России эти преобразования начались с реформ 1860-х гг.: «с водворением общегражданской свободы разложение сословного строя составляет лишь вопрос времени»².

Некоторые другие, одобрявшие пореформенное направление социальной эволюции в России, верили в уникальность России. Славянофилы И.С. Аксаков и А.И. Кошелев в 1860-х гг. и видные теоретики права Н.М. Коркунов и барон С.А. Корф поколение спустя настаивали на том, что сословная система была внутренне чуждой России традицией, заимствованной в XVIII в. на Западе, но так по-настоящему и не прижившейся в России из-за фундаментальной несовместимости с эгалитарным наследием русской культуры. Эти комментаторы приветствовали устранение правовых границ между сословиями и возвращение освобожденного от старых привилегий дворянства в единый круг народного братства как возвращение России на собственный путь развития³.

Министр финансов Сергей Витте в 1897 г. также настаивал на уникальности России, по крайней мере в отношении ее политического устройства. Согласно Витте, Российская

монархия, в отличие от старорежимных монархий Запада, всегда стояла над всеми сословиями, никогда не вступала в союзы с тем или иным из них, всегда действовала исключительно в собственных интересах и принуждала сословия действовать в интересах общества в целом. Отвергнув призывы к государству проявить особое великодушие и спасти дворянство от исчезновения, Витте говорил о неизбежности катастрофы, если после стольких лет самодержавие изменит своей исторической природе ради «чуждого нам европейского монархизма с его сословной основой». Однако, что касается экономического и социального развития, Витте не видел в России ничего уникального. На Западе феодализм уступил путь капитализму, и судьба России следовать тем же курсом: «В настоящее время богатство дается не землею, а банковским делом, промышленностью, обрабатывающим производством, и т.п.». А поскольку дворянство представляло собой реликт феодальной системы, Витте предсказывал этому сословию в России ту же судьбу, которая постигла его на Западе. У министра финансов не вызывало ни малейших сожалений обезземеливание большинства дворян, особенно «весьма естественный процесс внутрисословного перераспределения дворянских земель, перехода их из слабых, неумелых рук в руки сильных, знающих и предприимчивых хозяев, являющихся наиболее ревностными представителями русского передового сельскохозяйственного сословия»⁴. Короче говоря, для него происходившее не представляло проблемы и потому не требовало корректирующих действий.

Однако в центре общественного внимания в начале 1880-х гг. дворянский вопрос оказался не стараниями процитированных выше авторов, а благодаря усилиям их оппонентов, считавших отход России от системы наследственных привилегий к всеобщему равенству одновременно недостойным и опасным. Тот факт, что дворянский вопрос превратился в актуальную общественную проблему только в 1880-х гг., через два десятилетия после начала реформ, столь основательно уменьшивших межсословные правовые различия, нуждается в объяснении. Ответ на него содержится в двух основных характеристиках старого режима России: 1) ревностное отношение самодержавия к своему монопольному праву на принятие политических решений; 2) возникновение дворянства

как служилого сословия, наделенного государством правами и привилегиями именно для того, чтобы лучше ему служить.

Когда после унижительного поражения России в Крымской войне Александр II утвердился в необходимости отмены крепостного права (а значит, и ликвидации самой ценной из дворянских привилегий), он не запрашивал мнения первого сословия и привлекал дворян к консультациям только впоследствии и только относительно технических деталей процесса освобождения крестьян и наделения их землей. Хотя «большинство дворян выступали против плана правительства на каждом этапе его судорожного развития», а небольшие группы дворян регулярно выступали против промежуточных формулировок правительственной политики, их выступления неизменно встречались «отпором и укором» со стороны государства, и авторы протестов шли на попятный⁵. Прочно усвоенные привычки беспрекословного повиновения государству в политических вопросах, особенно когда государство выступало в качестве инициативной силы, и всецелого упования на царскую милость в вопросах о наградах и привилегиях надежно удерживали подавляющее большинство дворян в его власти. Как только освобождение крестьян и сопутствующие реформы стали реальностью, эффективная оппозиция протестовавших против размыwania прав и привилегий дворянства стала еще менее возможной. Их целью было сохранение структур и ценностей прошлого, но среди последних на первом месте стояла полная покорность воле государства. И пока Александр II был жив, укрепление принципа правового равенства и его прева-лирование над традицией правовых привилегий было важным направлением внутренней политики. Именно это противоречие объясняет почти полное отсутствие открытого несогласия с ходом реформ в 1860-х и 1870-х гг.⁶

Было, конечно, и небольшое число исключений, и среди них анонимный автор книги «Слияние сословий, или дворянство, другия состояния и земство»⁷. Этот трактат, написанный в ответ на выступления в печати Аксакова и Кошелева, доказывал, что сильное, владеющее землей дворянство жизненно важно для сохранения монархии, а значит, и для спасения России от угрозы анархии. Другим исключением был генерал Р.А. Фадеев, видный деятель консервативного антизападного кружка, рупором которого в 1870-х гг. была Санкт-Петербур-

гская ежедневная газета «Русский мир». Фадеев горячо защищал потомственное, обладающее правовыми привилегиями дворянство, «необходимое для будущности России» как резервуар образования, культуры и политического сознания⁸. Другой диссидент, не столь прямой и откровенный, ограничился изданием краткой популярной истории дворянства XVIII в., в которой с удовлетворением отмечал, что великие реформы не смогли отменить ни основы сословной организации российского общества, ни преимущественного положения дворянства⁹.

По сути дела, он был прав. Некоторые формы привилегий, такие, как сословное деление общества и корпоративная структура дворянского самоуправления, реформами не были затронуты. И остатки былых привилегий все еще были наглядны в доминировании дворянства в сфере частного землевладения, государственной службы и свободных профессий (см. табл. 9 и гл. 6). Сохранение этих внешних форм внушало реакционерам «мечты о том, что в один прекрасный день им удастся поставить на должное место все многообразные классы общества, удастся восстановить, лишь с мелкими необходимыми изменениями, общественное устройство в его прежнем виде»¹⁰. В этой ситуации стоило только Александру III переменить отношение государства и выказать свои симпатии защитникам прежних общественных порядков, как дискуссия по дворянскому вопросу разгорелась в полную силу. Именно так все и получилось в 1880-х гг., когда на страницах ряда ежемесячных толстых журналов и в губернских дворянских собраниях начались жаркие обсуждения проблемы и ее возможных решений.

Либеральный «Вестник Европы» быстро заклеил защитников старорежимных порядков кличкой «сословники»¹¹. Одним из самых красноречивых и влиятельных в этой группе был А.Д. Пазухин, уездный предводитель дворянства из Симбирской губернии. Пространная статья Пазухина, озаглавленная «Современное состояние России и сословный вопрос», появилась в январском номере «Русского Вестника» в 1885 г., а на следующий год вышла отдельным изданием. Катков хлопотал о том, чтобы доставить Пазухину пост начальника канцелярии при министре внутренних дел Толстом, где Пазухин смог бы частично реализовать свою программу¹². В следующие

два десятилетия множество публицистов последовало примеру Пазухина, часто заимствуя его же аргументы. Среди самых плодовитых участников этой группы были А.А. Плансон, уездный предводитель дворянства Уфимской губернии, владевший поместьями не менее чем в пяти губерниях, автор двух книг и нескольких более коротких трудов, и А.И. Елишев, автор многочисленных статей в консервативной печати, многие из которых вошли в выпущенный им в 1898 г. сборник¹³. Новые веяния в государственной политике окрылили также и губернские дворянские собрания — с середины 1880-х гг. они писали проекты, дебатировали, голосовали и направляли в правительство бесконечный поток ходатайств, касающихся различных аспектов дворянского вопроса, но в основном испрашивая государственной помощи дворянскому землевладельцу¹⁴.

В отличие от тех, кто взирал спокойно или с одобрением на установление в обществе правового равенства, сословники были единодушны в своем понимании российских сословий как естественной для России системы учреждений, качественно отличающихся от западных аналогов, а потому и не обязательно обреченных той же судьбе. Защитники привилегий вроде Пазухина и Елишева рассматривали сословия как естественные, спонтанно возникшие в России сообщества, объединенные общими интересами и отличающиеся друг от друга не только общественным положением и стилем жизни, но и уровнем нравственного развития и способностью приносить пользу государству. Эти различия признавались как самодержавной властью, так и самими сословиями. Поэтому все воспринимали раздаваемое государством материальное вознаграждение как справедливое и соответствующее заслугам, все сословия жили во взаимной гармонии и были довольны своим подчинением самодержцу. Идеализированное изображение прошлого России противопоставлялось истории сословий на Западе, где, согласно сословникам, в отношениях сословий между собой и в их отношениях с государством царили бесконечные вражда и соперничество, которые, в конце концов, и привели к разрушению традиционной организации общества, самих сословий и вообще всего достойного и благородного¹⁵. Получалось, что России повезло больше, чем Западу, и что она может избежать его судьбы.

Дворянство было именно тем сословием, которое в высшей степени обладало необходимыми качествами служения государству, приобретенными за долгие годы многими поколениями тех, кто культивировал беззаветную преданность и верность государю, а также умением руководить низшими слоями общества — прежде всего крестьянами, живущими на дворянской земле. Генетическое объяснение превосходства дворянства, с цитированием в свою поддержку Дарвина, предложенное одним из сословников¹⁶, было редким способом защиты своей точки зрения; большинство просто подчеркивало общность этнического происхождения дворян и простых людей как еще одно доказательство гармоничности межсословных отношений и как явный момент превосходства над Западом, где происхождение дворянства от иноземных завоевателей создало барьер недоверия между ним и населением в целом¹⁷. В России дворянство было в равной степени необходимо для стоящего над ним государства и для подчиненных ему крестьянских масс. Государство ценило дворян как наиболее бескорыстных и надежных служителей, с которыми в этом отношении не может сравниться никакая жадная до почестей и карьеры профессиональная бюрократия¹⁸. Крестьяне доверяли дворянам и уважали их как естественных защитников от последствий неурожая и других стихийных бедствий, от собственных грехов пьянства, лени и сварливости, а также от таких врагов рода человеческого, как ростовщики, трактирщики и алчные соседи (кулаки). Такое отношение крестьянства к дворянам, развивали свою мысль сословники, естественным образом распространялось на членов первого сословия, пользующихся властью на государственной службе¹⁹. Другим источником заслуг и претензий дворянства на общественное признание была его роль носителя высокой культуры и нравственности, которые облагораживающе действовали на грубые нравы русской деревни²⁰. Таким образом, и государство и народ ценили дворянство: первое — за его верную службу и поддержку, вторые — за защиту и отеческое руководство.

По крайней мере, так все обстояло до Великих реформ, когда либерально настроенные бюрократы, журналисты и интеллигенты подорвали основы здорового общественного устройства, движимые ложным убеждением, что Россия должна во всем

подражать Западу²¹. После отмены практически всех правовых привилегий и сословных различий при Александре II, Россия начала скользить по наклонной плоскости, ведущей, как продемонстрировала недавняя история Запада, к политическим и общественным беспорядкам и к нравственному разложению. За почти успешной первой атакой на правовое неравенство с логической неизбежностью должны последовать нападения на неравенство в распределении политической власти и богатства. Вытеснение из государственной администрации дворян-землевладельцев профессиональными бюрократами — это только первый шаг по дороге, ведущей через конституционализм и демократию к политической анархии. А крестьяне, оказавшиеся под властью бюрократов, чужаков, которых они не могут уважать, погрузятся в пучину пьянства, безделья и преступности, потеряют уважение к старшим и вышестоящим начальникам, тогда как в обществе вместо чести, верности и самоотречения воцарятся жалкое себялюбие и низкий материализм²².

Путь к исцелению недугов России был недвусмысленно указан диагнозом: государству следовало, пока не поздно, возместить ущерб, причиненный его собственными действиями. Реформы (не осуждалось только освобождение крестьян) или, по крайней мере, их пагубное влияние на общественное устройство следовало отменить, а проявленное правительством вопиющее пренебрежение к дворянству сменить на заботу, причем не ради только дворянства, но государства и общества в целом. Не все еще было потеряно, поскольку сословия сохранились, а общественный организм не утратил способности к сопротивлению и отвергал реформы как чуждый, по ошибке привнесенный элемент²³. Спасение монархии и крестьянских масс зависело от возвращения первому сословию его прежних позиций. Но выполнить свою двойную жизненную функцию служения государству и руководства сельским крестьянским миром дворянин сможет, только обладая достаточным количеством земли, которая обеспечит его семье материальную независимость. Малоземельный или безземельный дворянин неминуемо превратится в члена бюрократической касты, в разночинца, в члена «торгово-промышленного класса», в городского интеллигента. «Дворянин без земли теперь — пустое слово», «явление ненормальное», он враждебен привилегиям и настоящему, т.е. помещиному, дворянству»²⁴. Пазухин и не-

которые другие тогдашние деятели были убеждены, что приостановить бегство дворян с земли можно путем восстановления межсословных различий и доминирующего положения дворянства в сельской жизни; однако подавляющее большинство сословников утверждало, что для усиления дворянского землевладения необходимы более непосредственные формы помощи со стороны государства.

Защитники привилегий отдавали себе отчет, что находятся на передовой линии смертельной схватки между двумя несовместимыми формами организации общества, каждая со своей системой ценностей. Россия, подобно другим традиционным обществам, была страной аграрной, патриархальной и статичной, т.е. была организована таким образом, чтобы обеспечивать наибольшую преемственность и сводить к минимуму любые изменения. В этом обществе производство продуктов питания и других жизненно важных вещей рассматривалось одновременно «как несомненно низкое занятие, которым могут заниматься если не исключительно холопы, то в любом случае люди низкого общественного положения» и при этом связанное с другими занятиями «в цепи отношений неэкономического или только частично экономического значения»²⁵. При крепостном праве поместье одновременно служило не только удовлетворению основных материальных потребностей крестьянства и помещичьей семьи, но и обеспечивало крестьянам покровительство и руководство со стороны владельца поместья. Господин и его работники образовывали своего рода семейную общину.

Не будучи полностью самостоятельными, сельские общины, в которых жило подавляющее большинство любого традиционного общества, всегда до известной степени зависели от купцов, торгующих тем, что производили другие. Оттого ли, что существовало примитивное восприятие продуктов труда как органичной части того, кто их произвел (и, следовательно, торгуя тем, что произведено другими, ощущалась как морально предосудительное дело в традиционных обществах), и наверняка потому, что деятельность купцов воплощала ценности, чуждые сельской общине, — традиционные общества обычно относились к купцам как к посторонним, для которых не было «естественного и пристойного места в обществе» и которые самим своим существованием угрожали ценностям

общества и его стабильности. Вот что написал об этом специалист по проблемам экономического развития: «В деревнях почти всех традиционных обществ очень высоко ставятся сплоченность и обязанность помогать друг другу. Это чувство взаимоподдержки распространяется и на вышестоящих; существует чувство взаимозависимости и взаимных обязательств между простыми людьми и вышестоящими группами элит... Купцы-финансисты не принимают в расчет этих взаимных обязательств. Они являются одинокими волками, или, если угодно, первыми представителями *homo oeconomicus*, которым выгодно совсем не то же самое, что другим членам общества, и которых все остальные в обществе рассматривают как людей аморальных и антиобщественных»²⁶.

Этих посторонних людей обычно держали под контролем с помощью мер, которые Макс Вебер описал как «барьеры на пути свободного развития рынка» и «власти чистой собственности, самой по себе», препятствуя определенным продуктам «путем монополизации участвовать в свободном обмене. Эта монополизация может осуществляться через правовые установления или традиционно»²⁷. В дореформенной России самое ценное благо — земля, населенная крепостными, — была правовыми средствами монополизирована в пользу потомственного дворянства.

Исчезновение этой монополии как следствие освобождения крестьян и превращения сельскохозяйственных земель в самый обычный товар, вместе с разрушением всевозможных цепочек, на которых держались взаимоотношения между дворянами-землевладельцами и крестьянством и место которых заняли чисто экономические отношения (землевладелец и арендатор, хозяин и наемный работник), означало, как сословники это ясно понимали, решающую победу «купеческих ценностей» над ценностями традиционной общины. И в самом деле, Великие реформы отчасти являлись результатом эгалитаризма и стимулом к дальнейшему распространению индивидуалистических ценностей, по самой сути своей враждебных иерархическим и корпоративным ценностям традиционного общества. Уменьшая роль наследственного статуса, реформы увеличивали значение личных достижений. Заменяв прежнюю сеть патриархальных отношений между помещиком и его крепостными чисто экономическими отношениями и обратив землю в обыч-

ный товар, реформы облегчили превращение производительных функций в главный источник социального статуса. Можно сказать, еще раз используя терминологию Макса Вебера, что в последней трети XIX в. Россия была обществом, в котором традиционный «иерархический порядок» оказался подорванным «притязаниями чисто экономических способов приобретения собственности», и превращалась в общество, в котором «функциональные интересы», а не статусные различия будут играть важнейшее значение²⁸.

В России, по сравнению с Западом, традиционная система ценностей и ее способность противиться внедрению «купеческих ценностей» была особенно сильной²⁹. Благодаря самодержавности и централизованности политической власти в России, даже группы вполне чуждые сельскому миру были тем не менее подчинены и включены в традиционный иерархический порядок в такой степени, какая была недостижима для сравнительно децентрализованных и плюралистических стран Запада. Более того, первое сословие, стоявшее на страже традиционных ценностей, относилось к купечеству не только с презрением и беспокойством, обычным в отношении аграрной элиты ко всем, кто не вписывался в строгие рамки сельского мира, но вдобавок еще и с неуважением людей культурно «просвещенных» (благодаря знакомству с западной культурой) к бородатым и одетым в старорежимные кафтаны купцам, служившим, подобно крестьянам и священникам, живым напоминанием о варварстве допетровской России.

Если традиционное общество и его ценности идеализировались сверх всякой меры, новые формы общественной жизни порицались с суровостью и энергией отвращения и презрения, страха и ненависти. Пазухин описывал бессловное общество как «случайные группы имущественников», как бесформенное образование, в котором отдельные люди сгруппированы в соответствии с чисто механическими критериями величины собственности и разъединены «общественным положением, образом жизни, воспитанием и уровнем нравственных понятий», которые и отличают одно сословие от другого. Бессловное общество, доказывал он, «зиждется на зыбкой, ненадежной почве»; если все социальные и политические различия сводятся исключительно к богатству, то только деньги дают чувство уверенности, а общество начинает поклоняться

Мамоне³⁰. Другие защитники традиционного порядка вещей противопоставляли его безмятежность и патриархальную гармонию, в которой тон задавали верные и бескорыстные дворяне, непрекращающемуся соперничеству, эгоизму и материализму общества, в котором господствуют купцы, ростовщики, кулаки, капиталисты, евреи и иностранцы³¹.

Опасность была реальной и насущной, а ставки — очень высоки. И если сословники были не только убеждены в своей правоте, но и верили в возможность успеха, главной причиной этого были ободряющие их заявления и действия правительства.

НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ПОЛИТИКИ

Александр III быстро дистанцировался от реформистских тенденций, характеризовавших царствование его убитого отца. В манифесте от 29 апреля 1881 г. новый император поклялся, что сохранит неизменным принцип самодержавия, и призвал всех верных трону русских людей сплотиться для защиты традиционных ценностей. В 1883 г. он наставлял собравшихся в Москве по случаю его коронации представителей крестьянства: «Следуйте советам и руководству ваших предводителей [дворянства]». А в день коронации Александр многозначительно заверил первое сословие в том, что именно оно является в его глазах «опорой престола» и что он чрезвычайно ценит «полезное и бескорыстное участие дворян в местных делах»³².

Что это подчеркивание традиционных ценностей, роли дворянства как оплота самодержавия и руководителей крестьянской России было не просто риторикой, император продемонстрировал немедленным удалением от трона людей, связанных с реформами предыдущего царствования. Александр III решил довериться тем, кто разделял его взгляды на традиционные ценности и роль дворянства, таким, как М.Н. Катков, граф Д.А. Толстой и князь В.П. Мещерский. Катков часто использовал свою газету, «Московские ведомости», для пропаганды идеи сохранения в России сословной системы, которая была ослаблена, но не совсем разрушена великими реформами. Толстой при своем назначении в 1882 г. на пост министра внутренних дел заверил императора, что эти реформы были тяжчайшей ошибкой. Не в последнюю очередь их пагубность

заклучалась в том, что они ломали межсословные перегородки и тем угрожали общественному спокойствию в империи. Князь Мещерский, один из немногих близких друзей Александра III, в письме от 11 июня 1884 г. предостерегал императора, что уменьшение межсословных различий в предыдущее царствование было шагом к ликвидации самодержавия. В отличие от своего отца, Александр III требовал от своих советников и министров полного единодушия мнений. Н.Х. Бунге, его первый министр финансов, отправленный в 1887 г. в отставку за чрезмерный либерализм, рассматривал дворянство, согласно Мещерскому, как «сословие вымирающее»³³. В глазах императора и его ближайших советников это была чистая ересь.

Сын и наследник Александра III был не менее его предан традиционным ценностям и сословной модели общества. В мае 1896 г., накануне своей коронации, Николай II обратил к собравшимся на торжества представителям крестьянства назидательные слова о необходимости учитывать мнения и советы их предводителей дворянства: «Помните слова, сказанные Им [моим отцом] здесь волостным старшинам при венчании его на царство. Между Вами есть многие, слышавшие их сами. Я хочу, чтобы эти слова всегда служили вам твердым руководством»³⁴. В 1902 г. во время пребывания в Украине, только недавно пережившей серьезные крестьянские волнения, обращаясь к группе волостных старшин и сельских старост, Николай повторил тот же совет³⁵.

Новое акцентирование старого порядка в 1880-х годах конкретизировалось в целом ряде действий, подтверждающих намерение власти устранить выявленные сословниками проблемы. Для разработки правовых механизмов, препятствующих продаже дворянских земель и получению дворянского звания представителями низших сословий, были созданы особые комиссии, хотя практические меры в той и другой области были приняты только в следующее царствование (см. гл. 4 и 5). Государственный дворянский земельный банк был создан в 1885 г., и тогда же были введены ограничения при приеме в средние и высшие учебные заведения, создающие льготный режим приема для детей первого сословия (см. гл. 4 и 6). В том же духе были выдержаны принятые правительством меры по укреплению роли дворян-землевладельцев в местном управлении, для чего был создан институт земских на-

чальников и предпринята общая реформа земских учреждений (см. гл. 7).

Усилия Александра III сохранить и усилить роль привилегий не смогли сколь-нибудь существенным образом повлиять на ход экономического и социального развития, начатого в России в результате великих реформ. Более того, государственная политика поощрения индустриализации эффективно двигала ход преобразований и полностью нейтрализовывала попытки укрепить положение дворянства и тем самым затормозить перемены. Дворянский вопрос не только не был разрешен, но вскоре после воцарения Николая II в 1894 г. он опять оказался в центре общественного внимания.

Тогдашняя пресса служит отличным показателем этого оживления интереса. Число редакционных статей по дворянскому вопросу в реакционных «Московских ведомостях» возросло от одной-двух в год в начале десятилетия до 16 в 1896 г. и до 42 в 1897 г. Эта газета, постоянным читателем которой был Николай II, и «Гражданин», издававшийся князем Мещерским, в конце зимы и начале весны 1897 г. вели по дворянскому вопросу постоянную полемику с либеральными «Санкт-Петербургскими ведомостями»³⁶.

Одновременно дворянскими собраниями была начата новая кампания, требующая от правительства действий в поддержку традиционного общественного устройства. Впервые на национальном уровне губернские предводители дворянства сумели организовать и скоординировать свои действия и, начиная с 1896 г., раз или два раза в году собирались на совещания (см. гл. 7, разд. «Предводители дворянства»). Испытывая некоторую растерянность из-за этой инициативы низов (хотя в этом случае «низами» было первое сословие России) и преодолевая энергичные возражения министра финансов Витте, император и правительство уступили настойчивым требованиям многих дворянских собраний и их предводителей о создании Комиссии для изучения дворянского вопроса и выдвижения адекватных мер его решения. 13 апреля 1897 г. Николай II опубликовал свой рескрипт к председателю Комитета министров И.Н. Дурново, которым назначил его председателем Особого совещания для изучения нужд дворянского сословия и мер по сохранению его традиционной роли на службе обществу и государству, поскольку, как было сказано в рескрипте,

«в непреложной уверенности, что дворянскому сословию для блага России необходимо сохранить занимаемое им доселе в ее судьбах место, Я желаю, чтобы были изысканы средства облегчить современное положение дворянства, всегда самоотверженно служившего родине»³⁷.

Помимо Дурново в Совещании с самого начала участвовали одиннадцать высокопоставленных чиновников, а позднее были добавлены еще трое³⁸. В марте 1898 г. в число участников Совещания были введены три губернских предводителя дворянства, а в феврале следующего года еще шесть предводителей были добавлены в списки одной или обеих из вновь созданных комиссий при Совещании³⁹. На своих первых заседаниях Совещание решило сделать главным объектом изучения положение потомственного дворянства, сохранившего поместья, поскольку члены Совещания считали, что для выполнения дворянством своей исторической миссии владение землей принципиально важно. Действительно, новый орган поначалу был определен как Особое совещание по делам поместного дворянства, однако вскоре это название сменили на Особое совещание по делам дворянского сословия⁴⁰.

Витте выступал категорически против самой идеи совещания по дворянскому вопросу. Он подверг критике императорский рескрипт за то, что тот направил правительство «на неверный путь», за повторение ошибок 1880-х гг., возбудивших «опять обещания и надежды, — которые не будут выполнены уже потому, что они неисчерпаемы, а, следовательно, последуют разочарования». Несмотря на предостережения Мещерского о том, что любая попытка воспрепятствовать деятельности Совещания только погубит его собственную карьеру, Витте 10 мая 1897 г. на первом же заседании Совещания заявил, что невозможно обращаться к нуждам дворянского землевладения без одновременного учета положения всех землевладельцев в целом, и прежде всего крестьянства. Даже после 25 мая, когда план работ Совещания был утвержден, он не оставлял попыток добиться того, чтобы одновременно с дворянским рассматривался и крестьянский вопрос. В начале июня Витте вступил в язвительную переписку с Дурново, виня председателя Совещания в искажении взглядов участников в официальном журнале, приготавливаемом для императора, и в других самовластных поступках и решениях. 20 июня министр

финансов послал императору докладную записку, в которой пытался убедить его, что принятая Особым совещанием повестка дня не отвечает избранному направлению политики правительства. А 29 ноября на первом рабочем заседании Совещания Витте продолжал настаивать, что, пытаясь достичь невозможного — остановить трансформацию России из общества земледельческого в промышленное, — Совещание может только навредить дворянству⁴¹.

Усилия Витте не дали никаких результатов, потому что защитники традиционного общественного устройства опирались на поддержку Николая II. Они вовсе не считали свое предприятие донкихотством, а, напротив, уверили себя в том, что победа была возможна. Приветствуя императорский рескрипт от 13 апреля, «Московские ведомости» триумфально провозглашали: «Теперь вопрос, быть ли России самобытным, сословным государством или же подчиниться роковой и печальной судьбе бессословной Западной Европы — окончательно решен в смысле наших драгоценных исторических заветов»⁴². Но торжество было преждевременным. Совещанию предстояло разбираться в куче петиций, направленных в предыдущие десятилетия в министерство внутренних дел различными губернскими дворянскими собраниями, в предложениях, принятых на съезде губернских предводителей дворянства в 1896 г., и в памятных записках, представленных его собственными членами. В процессе работы Совещания было собрано и написано великое множество дополнительных документов⁴³. Потребуется четыре с половиной года, прежде чем группа сможет сформулировать свои рекомендации, и еще шесть месяцев уйдет на то, чтобы Государственный совет рассмотрел все до единого предложения. И только тогда можно будет решить, в чьих предсказаниях было больше оснований: в пессимистических — Витте или оптимистических «Московских ведомостей».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ключевский, 6:285, 288—289, 298.
2. Чичерин, цит. по публикации: *Вестник Европы*. 1897. Июль. С. 370; и по статье: Соловьев Ю.Б. *Печать о политической роли дворянства в конце XIX в.* // Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Дооктябрьский период (Л., 1972). С. 215. См. также: Schapiro Leonard. *Rationalism and Nationalism in Russian Nineteenth-Century Political Thought* (New Haven, 1967). P. 95—96.
3. Аксаков И.С. *Дворянское дело* // Кошелев А.И. *Голос из земства* (М., 1896), 1:33—49; Кошелев А.И. *Что такое русское дворянство, и чем оно быть должно? и О дворянстве и землевладельцах* // Кошелев. *Голос из земства*, 1:28—41, 52—69; Коркунов, 1: 274—275; Корф С.А., барон. *Предводитель дворянства, как орган сословного и земского самоуправления* // Журнал министерства юстиции. 1902. Март. Ч. 2. С. 109—110. См. также: Кошелев. *О сословиях и состояниях в России* (М., 1881). Схожие взгляды выражал историк К.Д. Кавелин в 1862 г. (*Собрание сочинений* [СПб., 1897—1900]. Т. 2. Стлб. 126—127, 147); и Ш. *Дворянство в России* // *Вестник Европы*. 1887. Июнь. С. 442—447; и Z., 324—325, 327.
4. Цит. по: Соловьев. *Самодержавие и дворянский вопрос в конце XIX в.* // Исторические записки 88 (1971):159—161, 164—165; Гиндин И.Ф., Гефтер М. Я. (ред.). *Требования дворянства и финансово-экономическая политика царского правительства в 1880—1890-х годах* // Исторический архив. 1957. № 4. С. 137.
5. Field. P. 361—362.
6. Слонимский Л.З. *Экономические заметки. Сельскохозяйственный кризис и дворянское землевладение* // *Вестник Европы*. 1897. Июль. С. 318—319; А.И. Елишев в: *Русское обозрение*. 1897. Апрель. С. 930.
7. *Слияние сословий, или Дворянство, другие состояния и земство* (СПб., 1870).
8. Фадеев Р.А. *Русское общество в настоящем и будущем (Чем нам быть?)* // *Собрание сочинений* (СПб., 1889). Т. 1. Ч. 2. С. 64, 66 [серия статей, впервые опубликованных в «Русском мире», потом объединенных в сборник, опубликованный в 1874 г.].
9. Порай-Кошиц И.А. *Очерк истории русского дворянства от половны IX до конца XVIII века, 862—1796* (СПб., 1874). С. VII—X.
10. Leroy-Beaulieu, 1:309.
11. *Вестник Европы*. 1885. Апрель. С. 816.
12. Пазухин А.Д. *Современное состояние России и сословный вопрос* (М., 1886). Согласно Риберу, статья Пазухина в «Русском Вестнике» представляла собой переработанную версию записки, поданной им в правительство за несколько лет до этого, возможно, в период его службы в комиссии Каханова (с. 95, примеч.). Создание в 1889 г. должности земских начальников и проведенная в следующем году реформа земских учреждений — это, главным образом, работа Пазухина. См. гл. 7.
13. Плансон. *О дворянстве в России*; Он же. *Сословия в древней и современной России, их положение и нужды* (СПб., 1899); Елишев А.И. *Дворянское дело* (М., 1898).

14. Свод требований, поднимавшихся в этих ходатайствах, подготовленный в июле 1897 г. для Особого совещания по делам дворянского сословия, см. в: РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 4. Л. 1—3.

15. Пазухин. С. 44—52; Елишев. *Дворянское дело*. С. 78, 125; Он же. *Слияние сословий // Русское обозрение*. 1897. Сентябрь. С. 282—283; Ромер Ф.Е. *Падение дворянства // Русский вестник*. 1900. Февраль. С. 739; Палтов. С. 9—10.

16. Палтов. С. 135. В публичных дискуссиях по дворянскому вопросу тема о благородстве крови и происхождения все время была где-то рядом. В мае 1899 г. Комиссия при Особом совещании по вопросам дворянства рассматривала предложение лишать дворянского звания тех дворян, которые впали в полную нищету и утратили всякие связи со своим сословием, всех неграмотных и живущих как простые пахари, зачастую даже хуже соседних крестьян. Большинство членов Комиссии отвергли эту идею, предложив взамен открыть для обнищавших дворян возможности получить образование, ссуды и даже пожаловать им земли в Сибири, чтобы возродить в их потомках черты характера, от природы свойственные потомственному дворянству, которые были только временно подавлены в силу неподходящего образа жизни (РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 13. Л. 16—17). Убежденность в том, что наследственный характер не может изгладиться под действием низкого образа жизни, опровергала обычное утверждение защитников привилегий, что именно образ жизни дворянства и соответствующее воспитание дают ему высшие способности и силы служить государству, чем и оправдывают существование привилегий.

17. Пазухин. С. 30; Палтов. С. 7; Ромер. С. 738—739; Елишев. *Дворянское дело*. С. 81—82, 125, 148; Елишев // *Русское обозрение*. 1897. Апрель. С. 934—935; Он же. *Очерки дворянского дела // Русское обозрение*. 1897. Ноябрь. С. 285—288.

18. Елишев. *Дворянское дело*. С. 8, 82—85; Поливанов М.К. *Мысли о поместном начале в России* (Владимир, 1897). С. 4—5; Семенов Н.П. *Наше дворянство* (СПб., 1898). С. 13—14; Палтов. С. 158—159.

19. Лясковский Валерий. *Поместная служба // Русское обозрение*. 1893. Июнь. С. 550—553; Палтов. С. 48, 144—148, 154.

20. Семенов. С. 18—25; Елишев. *Слияние сословий*. С. 291.

21. Пазухин. С. 10—11; Елишев. *Дворянское дело*. С. 126, 188; Елишев // *Русское обозрение*. 1897. Май. С. 486; 1897. Сентябрь. С. 280—282; 1898. Май. С. 303, 310; Плансон. *Сословия*. С. 9—10; Палтов. С. 90.

22. Плансон. *Сословия*. С. 15—25; Ромер. С. 747—748; Семенов. С. 14—16, 44—45; Ярмонкин В.В. *Задача дворянства* (СПб., 1895). С. 1—3; Елишев. *Дворянское дело*. С. 87—93; Елишев // *Русское обозрение*. 1897. Май. С. 484—485.

23. Елишев. *Дворянское дело*. С. 61—62; Елишев // *Русское обозрение*. 1898. Май. С. 304; Семенов. С. 14—15.

24. Пазухин. С. 29 (передовая статья) // *Московские ведомости*. 1865. № 8; перепечатано в: Катков М.Н. *О дворянстве* (М., 1905). С. 43; памятная записка, подготовленная И.Н. Дурново для Николая II, 2 апреля, 1897 (РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 236. Л. 1—9); Лясковский. С. 552;

Елишев. *Дворянское дело*. С. 108—109, 118, 187, 193. В чисто техническом смысле разночинцем являлся человек (скажем, выпускник университета), покинувший сословие своих родителей, но не записавшийся ни в какое другое.

25. Parsons Talcott. *Some Principal Characteristics of Industrial Societies* / Black Cyril E. (ed.). *The Transformation of Russian Society* (Cambridge, MA., 1960). P. 20.

26. Hagen Everett E. *On the Theory of Social Change* (Homewood, IL, 1962). P. 60—61.

27. Gerth, Mills. P. 192—193.

28. Там же. P. 192.

29. См., например: Gerschenkron Alexander. *Economic Backwardness in Historical Perspective* (Cambridge, MA, 1962). P. 52—62. Landes David S. *The Unbound Prometheus* (Cambridge, Eng., 1969) — заметил, что «чем дальше продвигаешься на восток Европы, тем больше буржуазия выглядит как иноземный нарост на сеньориальном обществе, как группа сама по себе, целиком презираемая дворянством» (p. 129).

30. Пазухин. С. 13, 42—43.

31. Елишев. *Дворянское дело*. С. 87—93; Плансон. *Сословия*. С. 15—25; Ромер. С. 747—748; Семенов. С. 14—16, 44—45; Ярмонкин. *Задача*. С. 1—3.

32. Цит. по: Государственный совет, *Отчет по делопроизводству за сессии 1899—1900 гг.* (в дальнейшем: Гос. совет, *Отчет за [даты]*), 2:586—587. Относительно манифеста 1881 г. см.: Зайончковский П.А. *Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов* (М., 1964). С. 369—375.

33. Соловьев Ю.Б. *Самодержавие и дворянство в конце XIX века* (Л., 1973). С. 169, 171, 179; Зайончковский П.А. *Российское самодержавие в конце XIX столетия* (М., 1970). С. 48, 61—64, 70—72, 74—77, 89—90, 141; Whelan Heide W. *Alexander III and the State Council: Bureaucracy and Counter-Reform in Late Imperial Russia* (New Brunswick, 1982). P. 76—78.

34. Цит. по: Гос. совет, *Отчет за 1899—1900*, 2:587.

35. *Хрестоматия по истории СССР, 1861—1917* (М., 1970). С. 302—303

36. Соловьев. *Самодержавие и дворянство в конце XIX века*. С. 252—270.

37. Там же. С. 234—235, 246—249. Памятная записка Дурново от 2 апреля с утверждающей пометкой императора на полях хранится в: РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 236. Л. 1—9. Позиция Витте выражена в его письме Победоносцеву от 12 апреля 1897 г. (Переписка Витте и Победоносцева (1895—1905 гг.) // *Красный архив* 30 (1928):98—99. Текст респикта от 13 апреля см.: Блосфельдт Г.Е. (ред.). *Сборник законов о российском дворянстве* (СПб., 1901). С. 213.

38. В числе одиннадцати первоначальных участников Совещания были: А.С. Ермолов, министр земледелия и государственных имуществ; Н.В. Муравьев, министр юстиции; И.Л. Горемыкин, министр внутренних дел; Витте; граф И.И. Воронцов-Дашков, министр императорского двора; А.Н. Куломзин, управляющий делами Комитета ми-

нистров; Н.С. Абаза, член Государственного совета; граф С.Д. Шереметьев, член Государственного совета и бывший московский предводитель дворянства; Плевэ; Д.С. Сипягин, бывший заместитель министра по министерствам государственных имуществ и внутренних дел, после 1895 г. уполномоченный по приему ходатайств к императору, а с 1899 по 1902 г. министр внутренних дел; и А.С. Стишинский, который в конце 1880-х гг. отвечал в Министерстве внутренних дел за разработку программы контрреформ, а потом с 1899 по 1904 г. являлся заместителем министра при Сипягине и Плевэ. В мае 1897 г. в состав Совещания был введен А.А. Голенищев-Кутузов, секретарь и заведующий канцелярией вдовствующей императрицы Марии Федоровны, а в октябре того же года князь А.Д. Оболенский, заместитель министра внутренних дел, и князь А.А. Ливен, управляющий Государственным дворянским земельным банком.

39. В марте 1898 г. в состав совещания были введены следующие три губернских предводителя дворянства: Л.М. Муромцев (Рязанская губ.), П.А. Кривский (Саратовская губ.) и А.А. Арсеньев (Тульская губ.). В списки Комиссий были добавлены следующие шесть предводителей дворянства: В.А. Капнист (Харьковская губ.), М.Н. Леонтьев (Владимирская губ.), П.Н. Трубецкой (Московская губ.), А.Д. Зиновьев (С.-Петербургская губ.), Б.А. Васильчиков (Новгородская губ.) и А.П. Струков (Екатеринославская губ.). РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 236. Л. 11, 16, 23, 44, 50, 64—66.

40. РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 4. Л. 185—193. Там же находятся составленные Совещанием докладные записки, л. 12—53 и 103—66. Первое название Совещания, отпечатанное типографским шрифтом, встречается на записке Дурново Горемыкину от 17 апреля (РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 22. Л. 1); второе название появляется как рукописная правка отпечатанного названия в записке Дурново Витте от 4 июня (РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 4. Л. 174).

41. Цит. по письму Витте Победоносцеву от 12 [апреля] 1897 г. (Переписка Витте и Победоносцева. С. 98—99). См. также: Соловьев. Самодержавие и дворянский вопрос. С. 152—153, 159—161, 164—165. Обращенная к Совещанию докладная записка Витте от 10 мая 1897 г. хранится в РГИА (Ф. 1283. Оп. 1. Д. 4. Л. 98—101); его переписка с Дурново см.: Там же. Л. 174, 177—184.

42. Цит. по: Соловьев Ю.Б. *Правительство и политика укрепления классовых позиций дворянства в конце XIX века // Внутренняя политика царизма (середина XVI — начало XX в.)* (Л., 1967). С. 279.

43. Летом 1897 г. Дурново предложил всем губернским предводителям дворянства представить свои соображения о совершенствовании корпоративных организаций первого сословия, образования дворянской молодежи и о повышении материального благосостояния дворян-землевладельцев. Циркуляр Дурново хранится в РГАДА (Ф. 1254. Оп. 1. Д. 83. Л. 1—2); повестка дня Совещания в РГИА (Ф. 1283. Оп. 1. Д. 4. Л. 195—196).

Глава 4

ТЩЕТНЫЕ ПОПЫТКИ СТАБИЛИЗИРОВАТЬ ДВОРЯНСКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ

ЗАПОВЕДНОСТЬ: НЕОТЧУЖДАЕМОЕ НАСЛЕДОВАНИЕ ЗЕМЛИ

Значение, которое защитники привилегий придавали землевладению как важнейшей характеристике дворянского статуса, переоценить невозможно. Обладание помещьем и проживание в своем поместье олицетворяли традиционный и нравственно превосходный образ жизни, которому противопоставлялись презираемые и вызывающие страх нравы рыночного общества. Публицист Н.П. Семенов в своем панегирике в 1898 г. написал об этом так: «деятельность землевладельца возвышает душу человека, развивает в нем благородные чувства, утверждает нравственность, привязывает к семье и приковывает к месту, тогда как нажива капиталистов ведет к совершенно противоположным результатам»¹.

Точнее говоря, земля обеспечивала дворянам финансовую стабильность, дававшую возможность бескорыстно служить государству, какового отношения нельзя было ожидать от чиновников, целиком зависящих от жалованья. С точки зрения некоторых защитников привилегий, дворянское землевладение и дворянская служба государству были настолько тесно связаны, что одобрение правительственных мер в поддержку землевладения должно было и могло проистекать только из восстановления в той или иной форме обязательной службы государству. А.И. Едишев, например, опасался, что без возвращения «дворянству прежней обязательно-служилой роли» проекты учреждения заповедных имений «приведут к одному результату: создадут сильный, богатый и влиятельный класс земельной аристократии, ничем не связанный с государственной властью и имеющий лишь права безо всяких обязанностей», а созданная таким образом аристократия станет «искусственным сколком с аристократии западно-европейской» и

центром политической оппозиции, с которой государству нелегко будет справиться².

Другие сословники, однако, считали, что землевладение заменило обязательную прежде государственную службу, которая была «отличительным признаком дворянского звания»³. Представление о себе как землевладельце-джентльмене был до некоторой степени результатом ярко выраженной, одновременно спонтанной и поощряемой государством, тенденции российских дворян с XVIII в. заимствовать стиль жизни и правовой статус (но не политическую автономию) западной аристократии. Хотя защитники привилегий не уставали настаивать на совершенной уникальности межсословных отношений в России, сами они были в плену заимствованной на Западе концепции благородного сословия. Но на Западе «существенное значение» дворянства коренилось в том, что «на протяжении тысячи лет основанием для привилегированного статуса дворянина являлись руководство, защита и ответственность за крестьян, живущих на территории его феодального владения»⁴. В России же до 1861 г. привилегированное положение дворянства, включая его монопольное право на владение землей и людьми, покоилось на его службе самодержавию. Но к концу XIX в. служебная роль первого сословия стала существенно менее значимой, и дворяне-землевладельцы все реже всецело посвящали себя государственной службе (см. гл. 6). При этом дворянство сохранило не только достаточно земли, чтобы удерживать господствующие позиции в сельском мире, но и систему корпоративных учреждений, полноправное участие в которых всегда было обусловлено владением землей. Несмотря на всю оригинальность своего исторического пути, русские дворяне-землевладельцы в конце концов оказались, в некоторых отношениях, в положении, аналогичном положению благородного западной знати.

Поскольку в сознании сословников основной характеристикой первого сословия стало владение землей, главная задача свелась к тому, чтобы остановить процесс обезземеливания дворянства. Прогностические расчеты, основанные на сложившихся темпах сокращения дворянских земель, показывали, что в России этот вид землевладения сойдет на нет к 1920, 1950 или 1966 г., по различным прогнозам⁵. Самым прямым путем к предотвращению этой угрозы было восстановить в какой-то форме существовавшие до 1861 г. ограничения на

торговлю землей. Защитники привилегий не уставали осуждать превращение земли в обычный товар, сделавшее ее предметом спекулятивной наживы для купцов и кулаков, и превозносили традиционное воззрение на «землю как на средство обеспечения *быта соответственных сословий*» — дворянства и крестьянства⁶.

Чтобы предотвратить появление безземельного сельского пролетариата, в 1893 г. правительство приняло закон, согласно которому крестьянские наделы нельзя было отдавать в залог под кредит, а полностью выкупленные наделы можно было продать только другому члену той же крестьянской общины или кому-то, кто соглашался стать ее членом⁷. Публицисты Семенов и Елишев, ссылаясь на закон 1893 г. как на удачное решение вопроса, требовали такого же запрета на продажу дворянских земель недворянам. Подобный запрет, инициированный Пазухиным, был уже предложен в 1889 г. дворянским собранием Симбирской губернии и обсуждался в дворянских собраниях других губерний⁸. Содержавшее аналогичное требование ходатайство Тульского дворянского собрания рассматривалось Особой комиссией под председательством Н.С. Абазы, которая в 1891—1895 гг. изучала различные пути укрепления дворянского землевладения.

Идея запрета перехода дворянских земель в руки представителей низших сословий, несмотря на привлекательность ее простоты и наглядности, грозила возникновением ряда крупных проблем и была отвергнута как комиссией Абазы, так и Особым совещанием по делам дворянского сословия в 1898 г. Ограничение состава возможных покупателей дворянских земель кругом богатых дворян неизбежно привело бы к падению рыночной цены на такие земли и, как следствие этого, кредитоспособности ее владельцев. Что еще хуже, такая мера способствовала бы дальнейшей концентрации дворянских земель в руках немногих очень богатых представителей первого сословия, тогда как число безземельных дворян продолжало бы увеличиваться⁹. Чтобы сберечь дворян-землевладельцев в качестве фактора общественного развития, следовало одновременно сохранить их численность и принадлежащие им делятины, а по возможности увеличить и то и другое.

Поскольку большинство защитников старого режима были убеждены, что дворяне продают свои поместья под давлением

денежных обстоятельств, некоторые из них предложили не допускать продажи несостоятельных поместий и тем самым остановить обезземеливание дворянства. В 1896 и 1897 гг. у некоторых дворянских обществ появилась мысль, что либо особые агентства при правительстве, либо сами дворянские общества могли бы принимать на себя управление обанкротившимися имениями, делать их платежеспособными и возвращать прежним владельцам. Самый продуманный план этой операции выдвинуло Херсонское собрание дворянских предводителей и депутатов дворянства, которое предложило выбирать в губерниях дворянские попечительские советы, наделенные властью вступать в управление любым поместьем, которому угрожает продажа за долги. Если в течение десяти лет такое имение удастся вновь сделать платежеспособным, Попечительский совет вернет его владельцу на правах заповедного имения, защитив его таким образом от накопления обременительных долгов в будущем. В случае неудачи Совет выставит поместье на аукцион, на котором преимущество будет у покупателей дворянского сословия и православных¹⁰.

Прошедшее в январе 1898 г. совещание губернских предводителей дворянства отнеслось к плану херсонского дворянства безо всякого энтузиазма. Участники совещания пришли к выводу, что вряд ли удастся найти достаточное число способных людей, которым можно будет доверить управление всеми такого рода поместьями, и что безусловное право попечительского совета брать в управление неплатежеспособные имения явится слишком серьезным покушением на право землевладельцев распоряжаться своей собственностью, поскольку последние, быть может, нуждаются в продаже земли для мобилизации капитала. Хотя план херсонского дворянства и был утвержден в январе 1899 г. следующим совещанием предводителей дворянства, он был отвергнут Особым совещанием по делам дворянства как невыполнимый всего лишь несколько месяцев спустя¹¹.

Заповедность была нами упомянута как часть этого плана, и именно правовое решение проблемы обезземеливания дворянства пришлось по душе большинству защитников привилегий. Заповедность — установление заранее определенного, неизменяемого порядка наследования земельных владений, когда владельцы лишаются права на их отчуждение, — в той

или иной форме издавна практиковалась в знатных семьях Запада, и нигде больше, чем в Англии, в которой она была популярна еще в последней трети XIX в. как среди титулованного, так и среди нетитулованного дворянства. В тот период приблизительно половина всех земель в Англии была подчинена правилам заповедности, причем такой порядок был нормой для имений площадью более 1000 акров (400 га), и не так уж редок для имений площадью от 500 до 1000 акров¹². В континентальных странах в конце XIX в. заповедность быстро выходила из употребления. Во Франции она была аннулирована после революции 1848 г., а там, где сохранилась (скажем, в Дании, Австрии, Венгрии, в большинстве германских государств, включая Пруссию), она включала в себя только очень крупные поместья, составлявшие не более 10% частной земельной собственности¹³.

Заповедность издавна практиковалась в семьях немецких и польских дворян западных окраин России. В 1909 г. в прибалтийских губерниях существовало 266 заповедных владений (*Fideikommiss*) общей площадью 921 100 десятин — 18% от числа дворянских имений в этом крае и 27% площади дворянских земель¹⁴. В других частях Европейской России заповедность до царствования Екатерины II была неизвестна. Стремясь добиться того, чтобы дворяне приносили пользу обществу и государству, а не жили бы праздно на доходы со своих имений, Петр I издал в 1714 г. указ, согласно которому земельная собственность должна была в полном объеме переходить по завещанию отца к одному из его сыновей, при отсутствии сыновей — к дочери, а при отсутствии прямых наследников — к наследникам по боковой линии. Закон 1714 г. ввел не заповедность, а только единонаследие, т.е. неделимость дворянских имений, поскольку владелец сохранял пожизненное право свободно распоряжаться своей недвижимостью. Так как этот закон противоречил русской традиции по ровну делить имущество между сыновьями, нарушали его чаще, чем ему следовало, а всего через шестнадцать лет отменили совсем¹⁵.

Между 1774 и 1830 гг. в ответ на прошения нескольких богатых вельмож сувереном были учреждены первые майораты — заповедные имения, в которых наследование собственности осуществлялось по принципу первородства. Растущая популярность этого установления (между 1831 и 1845 гг. были созданы 14 майоратов) привела к изданию в 1845 г. правил о

майоратах, которые учреждались по просьбе владельца с согласия императора¹⁶. Майораты наследовались по закону старшинства, причем наследники мужского пола имели преимущество перед наследниками женского пола, причем (как и заповедные имения в Шотландии) этот порядок был постоянным и не пресекался, пока сохранялась прямая линия наследников первого владельца майората. Майорат ни при каких условиях не мог отчуждаться или дробиться, даже для уплаты налогов или долгов обанкротившегося владельца. Такое имение можно было заложить только для восстановления ущерба, причиненного военными действиями или стихийным бедствием, либо для завещания денег братьям и сестрам наследника майората.

Правило майората было создано для защиты имений богатейших знатных семей от возможной расточительности наследников. Чтобы обратиться к императору с прошением об установлении майората, дворянин должен был предварительно: (1) выделить имение, включающее не менее 10 тыс. десятин полезных земель или земель, приносящих не менее 12 тыс. рублей годового дохода, не нарушая при этом законных прав младших детей, имеющих право на наследство; (2) выплатить ипотеку на эту землю или перенести ее на другие имения; (3) поместить в государственном кредитном учреждении страховую сумму, равную трехлетнему чистому доходу от отдаваемого в майорат имения. Поскольку число имений требуемого законом размера уменьшилось, Особое совещание по делам дворянства в 1898 г. рекомендовало снизить нижнюю границу площади. И хотя Государственный совет стремился не менять установленные законом ограничения на минимальный размер майоратных имений, аргументируя это тем, что и само установление было рассчитано на помощь только крупнейшим землевладельцам, Николай II в 1899 г. выпустил указ, снижавший минимальные требования к майорату до 5000 десятин, или 6000 рублей годового дохода¹⁷. В 1877 г. в России было только 784 помещика (0,7% от числа всех дворян-землевладельцев), имевших более чем по 10 тыс. десятин; в 1905 г., после снижения нижней границы вдвое, на установление майората могли бы претендовать 1319 дворянских владений (1,2% от числа всех дворянских имений). При этом число дворян, которые могли бы удовлетворить другим требованиям к майоратам, было еще меньше. Практически между 1845 и 1905 гг. было создано только 60 майоратов. Если

исключить прибалтийские и западные губернии, в 38 губерниях Европейской России под законом майората оказались более 3,5 млн десятин — 25—30% площади имений, имевших на это право, но при этом только 10—15% всех дворянских земель этих губерний¹⁸.

Начиная с 1870-х гг. концепция заповедности обсуждалась как решение гораздо более обширной проблемы, чем сохранение нескольких десятков богатых семей от перспективы разорения. Возникло мнение, что, сделав средние по площади имения заповедными, удастся остановить сокращение числа владеющих землей дворян и тем предотвратить окончательное обезземеливание дворянства и исчезновение этого социального элемента из русской жизни. В 1870-х — начале 1880-х гг. появилось несколько проектов использования майората для сохранения гораздо меньших имений, чем те, на которые распространялся закон 1845 г.¹⁹ Но только в 1887 г. вопрос о заповедности привлекает внимание широкой общественности. В мае этого года Н.Е. Баратынский, отставной помещик Казанской губернии, бывший земский деятель и член комиссии, созданной Казанским дворянским собранием для изучения способов прекращения обезземеливания дворянства, опубликовал пространную брошюру в поддержку заповедности как наиболее перспективного решения данной проблемы. Это была первая из пяти публикаций Баратынского на эту тему, появившихся в течение пяти лет. Независимо от работы Казанской комиссии князь А.В. Мещерский, губернский предводитель полтавского дворянства, в июле 1887 г. представил на рассмотрение своего дворянского собрания проект ходатайства, призывавшего установить заповедность для средних по размеру поместий²⁰.

Между 1887 и 1893 гг. сходные ходатайства, основанные большей частью на полтавском ходатайстве, были приняты более чем десятком других губернских дворянских собраний²¹. Заповедным имениям было посвящено дворянскими собраниями больше ходатайств, чем любому другому аспекту дворянского вопроса, за исключением кредита. Эта тема широко обсуждалась в печати и в полемической литературе, и установление права заповедности для средних дворянских имений было рекомендовано комиссией Абазы в 1895 г., Всероссийским совещанием губернских предводителей дворянства в 1896 г., Особым совещанием по делам дворянства в 1898 г., а год спустя и Государственным

советом²². Идея заповедности привлекала тем, что виделась как удачная контрмера, которая позволит убрать дворянскую землю с открытого рынка и таким образом выбить почву из-под ног у всякого рода капиталистических дельцов. Кроме того, очень сильно действовали шарм и притягательность правового института, апробированного западным дворянством, образу жизни которого уже более ста лет старательно подражало первое сословие России. Но чтобы это увлечение не казалось анахронизмом, защитниками привилегий заповедность часто уподоблялась участкам земли (в 160 акров), выделявшимся правительством США фермерам по закону о Гомстеде от 1862 г., которые (как они ошибочно полагали) были защищены от разделов и добровольной или принудительной продажи²³.

Заповедность продвигали как действенное средство реализации интересов общества и государства, которое гарантировало в каждом поколении каждой владеющей землей дворянской семье, что хотя бы один из ее членов будет располагать достаточными средствами для исполнения традиционной роли местного администратора, руководителя и хранителя сельского мира. В центре внимания были владельцы средних по величине поместий, поскольку в целом они намного чаще, чем крупно- и мелкопоместные, жили в своих имениях, а значит, играли самую активную роль в местной жизни²⁴. Но если государственные интересы и выгоды самого дворянства требовали обращения средних по величине дворянских имений в заповедные, то, следуя этой логике, превращение среднепоместных имений в заповедные следовало провести в принудительном порядке, — указывал в 1892 г. «Вестник Европы». И действительно, Баратынский призывал к принудительному введению заповедности на том основании, что на добровольной основе не удалось бы достичь желаемых результатов. Ту же позицию заняло дворянское собрание по крайней мере одной из губерний, Симбирской, в 1890 г. Чтобы подсластить пилюлю принудительного перевода имений в заповедные, Баратынский предложил, чтобы определенные административные посты в местной администрации исключительно или предпочтительно были зарезервированы за владельцами таких поместий. Он предлагал также, чтобы дети тех дворян, имения которых не превышали нижней границы заповедных имений и которые продолжали выплачивать долги, взятые под залог

земли еще до передачи ее в заповедную, получали образование за счет государства²⁵.

Подавляющее большинство защитников привилегий и последовавшие полтавскому примеру дворянские общества были, однако, не готовы поддерживать столь жесткое ограничение прав собственности дворянства и соответственно предпочитали добровольную заповедность. Для осуществления этого плана они предлагали использование таких мер, как налоговые льготы, льготы в получении образования для потомков тех, кто решится на заповедное имение, а также преимущество в занятии постов в центральной и местной администрации и невыборное членство в уездных земских собраниях²⁶. Учитывая прочно укорененную традицию поровну делить имение между наследниками и опасаясь, что дворяне будут саботировать закон об обязательной заповедности точно так же, как они когда-то обошлись с законом Петра Великого о неделимости дворянских поместий, комиссия Абазы предложила не делать этот статус обязательной, а дать владельцам возможность перевести свои имения в заповедность либо при жизни, либо по завещанию; никаких стимулов не предусматривалось. Ни Особое совещание по делам дворянства, ни Государственный совет всерьез не рассматривали возможность сделать заповедность обязательной, но в качестве поощрения они освободили передаваемые в заповедность имения от налога на наследство.

Далеко не простым делом оказалось дать точное определение того, что такое среднее имение. Требование, чтобы минимальный размер земли был достаточен для обеспечения достойного существования дворянской семьи, было совершенно логичным. Но какой именно годовой доход достаточен для семьи из четырех человек в дополнение к крову и столу, которые имение должно было обеспечивать? Разброс оценок был от 1500 до 3500 рублей, что соответствовало стоимости имения от 30 до 70 тыс. рублей. Комиссия Абазы рекомендовала меньшую оценку, соответствовавшую двойной величине состояния, дававшего право непосредственно голосовать на земских и дворянских выборах, и площади имения, в зависимости от уезда, в 250—950 десятин²⁷. Особое совещание сочло, что такое определение минимума несправедливо ограничивает доступ к заповедности, и предложило урезать нижнюю границу вдвое — до 125—475 десятин и стоимости имения в 15 тыс. руб-

лей, оправдывая такое свое решение тем, что и 600 рублей годового дохода в год довольно для скромного существования семьи в деревне, особенно если глава семьи будет получать дополнительный доход от службы в местной администрации. Особое совещание также установило верхнюю границу на уровне, в двадцать раз превышающем нижнюю, а Государственный совет просто принял круглую величину в 10 тыс. десятин, согласившись с предложенным совещанием значением нижней границы. В 1905 г. в эти границы попадало примерно 27 тыс. дворянских имений (25% от их общего числа) в 50 губерниях Европейской России²⁸. В отличие от майоратов, учрежденных по закону 1845 г., заповедные имения нового типа должны были являться цельными хозяйствами с неперменной усадьбой, т.е. с садом, дворовыми постройками и пр.

Хотя были предложения сделать заповедное имение бессрочным, наподобие майората, подавляющее большинство было за то, чтобы второе поколение владельцев, скажем внук того, кто установил заповедное имение, имел бы право выйти из этого состояния²⁹. Именно такое положение и одобрила комиссия Абазы; отсюда возникло временно- или срочно-заповедное имение нового типа, в отличие от майоратов, называемых наследственно заповедными или просто заповедными имениями. Особое совещание по делам дворянства предоставило второму и каждому из последующих унаследовавших временнозаповедное имение право прекратить завещанием этот его статус — но только при условии, что прекращающий является прямым наследником предыдущего владельца имения и, в свою очередь, имеет прямых наследников, которым может его завещать. Автоматическое прекращение предусматривалось в следующих случаях: (1) если последний владелец майората не назначил наследника и не было других прямых наследников первого владельца или учредителя (если при установлении временнозаповедного имения не было предусмотрено других действий в такой ситуации); (2) сам законный наследник и ни один из его прямых потомков не принадлежал к потомственному дворянству. Если на его землях открывалось месторождение полезных ископаемых, заповедность могла быть прекращена в любое время, с разрешения губернского дворянского собрания предводителей и депутатов и пер-

вого департамента Сената. Все эти положения были без каких-либо поправок утверждены Государственным советом.

Государственный совет и Особое совещание, в сущности, приняли предложенный в 1887 г. Мещерским порядок наследования³⁰. Основатель заповедного имения и каждый из его последовательных владельцев должны были выбрать одного наследника, отдавая при этом преимущество прямым потомкам мужского пола, за неимением их — женского и, наконец (если подобное не было запрещено условием учреждения заповедного имения), побочным родственникам, являющимся потомками учредителя. Если ни в одной из этих трех групп не было наследника, его можно было выбрать из числа побочных родственников, не являющихся прямыми потомками учредителя майората.

Сущность концепции заповедности — помешать правовыми средствами пожизненному владельцу имения каким-либо образом принести вред интересам будущих поколений семьи, скажем, обременив собственность долгами. При этом возникла непростая проблема: можно ли сделать заповедным имение, уже отданное в залог (а именно таков был статус 40% всех дворянских земель в 1896 г.). В проекте полтавского дворянства от 1887 г. предполагалось, что заложенные имения не могут быть сделаны заповедными, но дворянские собрания нескольких других губерний, чтобы заручиться поддержкой незаинтересованных и колеблющихся, сочли возможным распространить право превращения в заповедные и такие поместья. Баратынский соглашался с тем, что включение заложенных имений необходимо; этого же мнения придерживался Плансон, который предложил предельную границу долгов на сумму не более 50% от стоимости земли³¹. Комиссия Абазы рекомендовала заручаться согласием всех владельцев закладных или векселей на имение, не устанавливая никакого предела для процента задолженности. Особое совещание установило потолок задолженности в 60% и плюс к этому потребовало согласия всех кредиторов на установление заповедного имения. Государственный совет рекомендовал более ограничительные условия. Чтобы претендовать на установление временнозаповедного имения, поместье могло быть заложенным только в Дворянском земельном банке или в его Особом отделе, величина долга не могла превышать 60% стоимости имения, сто-

имость имения с вычетом долга должна была быть не менее 15 тыс. рублей, и оно должно было быть свободным от налоговых недоимок или закладных.

Менее сложной была проблема долгов, взятых уже после установления заповедности. Все были единодушны в том, что временнозаповедные имения, подобно майоратам, должны служить обеспечением ссуд только в считанном числе ситуаций. Объединив предложения комиссии Абазы и Особого совещания, Государственный совет разрешил закладывать заново заповедные имения только либо для обеспечения приданым детей, не являющихся наследниками имения, либо для проведения необходимых усовершенствований и восстановительных работ после разрушений, вызванных военными действиями или стихийным бедствием. Для проведения ремонтных и восстановительных работ разрешено было брать в долг сумму, не превышающую двухлетний чистый доход от имения или 8% его стоимости; в таких случаях суммарная задолженность имения, с учетом прежней и новой, не должна была превышать 33% его стоимости. Временнозаповедные имения можно было закладывать только в Государственном дворянском земельном банке. Согласно рекомендациям Особого совещания и Государственного совета, временнозаповедное имение можно было продать с торгов только за долги, сделанные до его установления. Заклады, выданные после его установления, и налоговые недоимки не могли быть основанием для принудительной продажи имения.

25 мая 1899 г. император утвердил проект Государственного совета, и временная заповедность стала доступна потомственным дворянам, владеющим среднего размера имениями. Новый закон был принят практически при отсутствии оппозиции в рядах Особого совещания и Государственного совета. Его противники, включая Витте, считали его безвредным, поскольку были убеждены, что на всю Россию найдется лишь несколько сот желающих установить временнозаповедное имение. Даже многие сторонники нового закона, такие, как Дурново и секретарь Государственного совета В.К. фон Плеве, оценивали его будущее столь же пессимистично. В начале 1896 г., в ходе первого обсуждения рекомендаций комиссии Абазы, объединенное заседание департаментов Государственного совета отметило, что предлагаемый закон ничем не улуч-

шил положения мелкопоместных дворян, а его полезность для среднепоместных дворян крайне сомнительна. И все эти соображения оказались справедливыми: добровольно придать своим землям статус временнозаповедных имений решили очень немногие дворяне. В 1899 и 1900 гг. на это решились только тринадцать землевладельцев, а в следующие одиннадцать лет их примеру последовали еще 22 помещика³².

РАЗДРОБЛЕНИЕ И ВЫКУП РОДОВЫХ ИМЕНИЙ

К поощрению временной заповедности прибегли для того, чтобы составить противодействие процессу раздробления и отчуждения родовых имений. Для борьбы только с процессом раздробления имений в 1880—1890-х гг. неоднократно предлагалось, как замена или дополнение политики заповедности, не столь крайнее средство, а именно установление минимального размера площади имений (от 200 до 800 десятин) как допустимой нижней границы для раздела собственности между наследниками³³.

Предложенный запрет на раздробление дворянских владений противоречил существовавшим законам о наследовании имущества. Русское гражданское право проводило разграничение между родовыми имениями, полученными в наследство от кровных родственников, и благоприобретенным имуществом, куда входили купленные или полученные в дар или награду земли, а также все движимое имущество и ликвидные активы. Благоприобретенная земля, будучи переданной по завещанию кровному родственнику, имеющему законное право на долю в наследуемом имуществе, тем самым обращалась в родовое имение, но родовое имение, купленное у кровного родственника, сохраняло статус родового. Кровными родственниками считались члены единого рода, образуемого всеми потомками общего предка, независимо от разности носимых ими фамилий. Благоприобретенной собственностью можно было в завещании распорядиться как угодно. Здесь существовали лишь самые ничтожные ограничения, и человек мог еще при жизни продать благоприобретенные земли или подарить их. Зато наследование родового имения жестко регулировалось законом, не оставлявшим завещателю особой свободы выбора: небольшие доли следовало выделить вдове и дочерям, а

большая часть имения должна была быть поровну разделенной между сыновьями. Владелец родового имения мог при жизни продать его, но не мог подарить его постороннему³⁴.

Комиссия Абазы предпочла не запрещать дробление имений ниже установленного законом минимума, а пойти по пути положительных действий. Она предложила, чтобы независимо от сословия любой владелец родового имения, в котором он ведет собственное хозяйство и имеет усадьбу и которое не более чем в десять раз превосходит ценз, дающий право на непосредственное участие в земских выборах, мог завещать его целиком одному из своих сыновей, а при отсутствии оных — одной из дочерей, при отсутствии же детей — одному из родственников по боковой линии. При таком порядке наследования все остальные законные наследники должны были получить компенсацию деньгами, но их законные доли могли быть уменьшены на 50%. Проект комиссии Абазы не вызвал особого интереса у членов Особого совещания по делам дворянства; с энтузиазмом он был принят только князьями Оболенским и Ливеном, которые возглавляли движение противников майората³⁵.

В следующем десятилетии самым настойчивым сторонником изменения законов о наследстве в части, касающейся родовых имений, стал князь П. Н. Трубецкой, предводитель дворянства Московской губернии, один из немногих противников временной заповедности на совещании предводителей дворянства 1896 г. Трубецкой исходил из того, что не все семьи одинаковы и что глава семьи лучше может судить о ее нуждах, чем законодатель. Он предложил, чтобы владелец родового имения, независимо от своей сословной принадлежности и размера имения, имел право разделить его между своими прямыми наследниками, а при отсутствии таковых — между родственниками по боковой линии, причем мог бы оставить все кому-либо одному или наделить каждого долей в соответствии с собственным разумением. Одобренный февральским 1901 г. совещанием предводителей дворянства и принципиальной поддержкой заключительной сессии Особого совещания в ноябре того же года, проект Трубецкого был передан в министерство юстиции и в комиссию, занимавшуюся пересмотром свода гражданских законов. В 1912 г. предложения Трубецкого об изменении порядка наследования родовых имений были наконец

воплощены в законы — слишком поздно, чтобы как-то повлиять на процесс неуклонного раздробления дворянских имений³⁶.

В порядке наследования родовых имений была еще одна специфическая черта. Когда такое имение продавалось за пределы рода (кроме как для удовлетворения претензий кредиторов), кровный родственник продающего, кроме его прямых наследников, имел право, пока он был жив, в течение трех лет выкупить имение у нового владельца, возместив ему уплаченную при покупке цену плюс налог с продажи и расходы на ремонтные и восстановительные работы. Право выкупа не действовало только в том случае, когда член одного сословия продавал незаселенную землю члену другого сословия. Это исключение возникло в период крепостного права, чтобы облегчить непривилегированным сословиям покупку незначительных участков дворянских земель. Когда освобожденные крепостные крестьяне получили свои земельные наделы (а к концу 1880-х гг. процесс надела крестьян землей был уже завершен), вся дворянская земля попала в категорию «незаселенная», а потому оговорка о праве выкупа при покупке ее недворянами практически перестала действовать³⁷.

В конце 1880-х и в 1890-х гг. несколько дворянских обществ ходатайствовали о распространении права выкупа дворянских родовых имений при продаже их недворянам, а комиссия Абазы склонялась в пользу более общей меры, которая бы затрагивала все продажи родовых имений лицам, принадлежащим другим сословиям³⁸. Подавляющее большинство участников Особого совещания по дворянскому вопросу проголосовало за то, чтобы право на выкуп распространялось только «на родовые земельные имущества, проданные потомственными дворянами лицам других сословий». Они обосновывали это свое решение тем, что, поскольку при продаже родовой земли представителям других сословий речь почти всегда шла о дворянской земле, существующий закон являлся *de facto* дискриминационным по отношению к дворянам. Сторонники такого решения также признали, что они не верили в то, что правом выкупа будут когда-либо пользоваться часто. Несмотря на эту оговорку, меньшинство совещания посчитало предложение о праве выкупа непродуктивным, поскольку оно неизбежно должно было породить осторожность недворян при покупке земли, которую потом могли зат-

ребовать назад. Одним, неизбежным результатом такой ситуации стало бы ослабление спроса на дворянские земли и понижение на них цен. Другим, возможным результатом могло стать распространение договоров о продаже с указанием фиктивных цен. Государственный совет согласился с меньшинством и зарубил проект³⁹.

Право кровных родственников на выкуп проданных недворянам родовых имений никогда не являлось убедительным способом затормозить процесс обезземеливания дворянства. Законы о порядке наследования были изменены слишком поздно, чтобы предупредить или замедлить ход раздробления дворянских имений. Главной (и единственно реализованной) целью кампании по созданию правовых механизмов сохранения дворянского землевладения было создание временнoзаповедных имений. Но достигнутые этим практические результаты оказались абсурдно неадекватны возлагавшимся на эту панацею надеждам. Правовые средства, однако, были не единственными, прописанными сословниками. Различные формы материальной помощи дворянам-землевладельцам казались им еще более привлекательными.

ДОЛГОСРОЧНЫЙ КРЕДИТ

Помимо временной заповедности кредит, как средство стабилизации дворянского землевладения, привлекал наибольшее внимание губернских дворянских обществ и всех тех, кто словом и пером защищал систему привилегий. Правда, среди последних некоторые не доверяли кредиту, видя в нем ловушку, расставляемую плутократами, чтобы погубить честных носителей традиционных ценностей — как дворян, так и крестьян. Как сформулировал в 1880 г. анонимный автор: «Одним словом, не будет преувеличением сказать, что наши землевладельцы... отдали себя в кабалу, которая под изящными формами, оказывается несравненно более жестокою, чем в большинстве случаев было для крестьян крепостное право. Кредит — это страшное орудие и пользование им, как пользование опиумом, может быть допущено лишь в исключительных случаях»⁴⁰. В последующие два десятилетия схожие чувства выражались и другими сословниками, некоторые из которых хотели вообще запретить ипотеку. Одиннадцать из тринадцати

членов комиссии Абазы главным достоинством заповедности считали то, что она закрывает землевладельцам возможность закладывать землю под кредит⁴¹.

Однако большинство защитников привилегий требовали облегчить дворянам-землевладельцам доступ к кредиту. При этом они не имели в виду такого займа, к которому прибегают предприниматели, берущие деньги в долг, чтобы нарастить доход и затем выплатить долг из полученной прибыли. Их интересовали кредиты, которые предоставлялись для содействия государственным интересам в поддержании традиционного общественного порядка. Поскольку государство не настаивало слишком жестко на возврате такого рода кредитов, их следует обозначить точнее — как дотации или субсидии. Привыкнув в царствование Николая I к тому, что государство использует ипотечный кредит именно таким образом, многие дворяне возмущались исчезновением в конце 1850-х гг. этого рода помощи и желали ее возобновления. И сословники часто добавляли, что государство обязано было оказать помещикам такую помощь в качестве частичной компенсации за серьезные потери, которые они понесли в результате освобождения крепостных и последующих реформ⁴².

Именно такого рода соображения, а не труднодоступность частного кредита объясняют, почему в конце 1870-х и в начале 1880-х гг. со всех сторон слышались требования первого сословия о создании государственной системы ипотечного кредита. В ответ на неослабевающий поток ходатайств, направлявшихся дворянскими и земскими собраниями, Александр III в июне 1885 г. учредил Государственный дворянский земельный банк⁴³. По словам императора, целью банка было «облегчить им [дворянам] способы и впредь выполнять с честью столь высокое призвание». Александр надеялся, что с помощью банка «дворяне тем более привлекались к постоянному пребыванию в своих поместьях, где предстоит им преимущественно приложить свои силы к деятельности, требуемой от них долгом их звания. ...Мы, для пользы Государства, признаем за благо, чтобы Российские дворяне и ныне, как и в прежнее время, сохраняли первенствующее место в предводительстве ратном, в делах местного управления и суда, в безкорыстном попечении о нуждах народа, в распространении примером своим правил веры и верности и здравых начал народного образования»⁴⁴.

Банк действовал на условиях, не оставлявших никаких сомнений в причинах его существования⁴⁵. Ссуды предоставлялись потомственным дворянам под залог уже принадлежащих им сельских земель. Банк, как правило, не финансировал операции по покупке земель, если не считать того, что с 1894 г. он выдавал ссуды на покупку земель великороссами у нерусского (главным образом, польского) дворянства в девяти западных губерниях. Польские дворяне, владевшие землями в западных губерниях, не имели прав на получение ссуд⁴⁶, и сфера деятельности банка была ограничена 47 губерниями Европейской России (за вычетом Прибалтийского края) и территориями Северного Кавказа и Закавказья.

В отличие от учрежденного двумя годами ранее Крестьянского поземельного банка, который до 1895 г. взимал с заемщиков коммерческую ставку 7,5—8,5%, Дворянский земельный банк сначала выдавал под залог земли ссуды под всего лишь 5%, в 1889 г. снизил ставку до 4,5%, а в 1894 г. — до 4%. Да и капитализация Дворянского банка была существенно выше, чем у Крестьянского банка: к середине 1890-х гг. сумма кредитов, выданных первым, была примерно шестеро больше, чем у второго⁴⁷. В 1890 г., когда Дворянский земельный банк взял на свой баланс все кредиты, сделанные Обществом взаимного поземельного кредита (в свое время они выдавались под более чем 7% годовых), заемщикам разрешили осуществить рефинансирование своего долга по существенно более низкой ставке процента. Обычно ссуды банка не превышали 60% стоимости имений, но в тех случаях, когда целью кредита было покрытие ссуд, взятых до основания банка, максимальная величина долга могла достигать до 75%. Могло быть выдвинуто (и чаще всего выдвигалось) требование о более высокой оценке собственности; к ноябрю 1896 г. 65% всех имений, заложенных в Дворянском земельном банке, были подвергнуты переоценке⁴⁸. Хотя банк имел право ссужать деньги на срок от 11 до 67 лет, в период между 1902 и 1905 гг. 97% всего числа ссуд (97—99% по стоимости) были выданы на срок от 61 до 67 лет⁴⁹. Через пять лет после получения ссуды заемщик имел право осуществить ее рефинансирование — увеличить срок кредита или повысить его сумму до 60% текущей стоимости имения. Если заложенное поместье приобретал человек, не имеющий дворянского достоинства или

имеющий только личное дворянство, он обязан был в течение пяти лет погасить задолженность перед банком.

Деликатной проблемой было обращение с просрочившими уплату заемщиками, так как задачей Дворянского земельного банка было сохранить заложенные имения в руках их нынешних владельцев. Заемщик, просрочивший полугодовой платеж, должен был в течение первых трех месяцев выплачивать пеню в 0,5%, а за каждый последующий месяц — по 1%. После шести месяцев просрочки банк имел право вступить во владение имением, а в случае просрочки платежей еще на три месяца — продать его с публичного аукциона. У прекратившего платежи заемщика были и другие возможности. Для уплаты просрочки его имение могла взять в управление на срок до шести лет дворянская опека его уезда, либо, на срок до двух лет, сам банк. В период опеки на сумму просрочки платежей начислялись пени в размере 6% годовых. В случае стихийного бедствия, пожара или смерти владельца заложенного имения разрешалось задержать два полугодовых платежа на срок до трех лет, при этом пени начислялись в том же размере, но владелец не лишался права выкупа закладной. Фактически, как указал Витте в обращении к Особому совещанию по делам дворянства, просрочивший уплату заемщик лишался права на выкуп закладной, только просрочив три или более платежа. Большинство заемщиков Дворянского земельного банка всю использовали такую мягкость условий погашения кредита (см. табл. 17). Вероятность принудительной продажи была на практике совсем ничтожной: в период 1891—1896 гг. банк продавал с аукциона в среднем по 41 имению в год — всего лишь три тысячных от числа всех заложенных в нем имений⁵⁰.

Таблица 17

Задолженность заемщиков Дворянского земельного банка по состоянию на 1 ноября 1896 г. (в %)

Задолженность по платежам	Число ссуд	В проценте к совокупной величине выданных ссуд
Своевременная выплата	21	20
Просрочка одного платежа	38	35
Просрочка двух платежей	26	26
Просрочка трех и более платежей	16	19
<i>Источник:</i> РГИА. Ф. 593. Оп. 1. Д. 101. Л. 248.		

Несмотря на всю мягкость своего устава и снисходительность политики, Дворянский земельный банк с самого начала подвергался критике за то, что он мало чем отличался от обычного коммерческого банка. Именно за это атаковали в 1885 г. устав банка, и Мещерский, в частых записках, направлявшихся им Александру III и наследнику престола, и Катков, в передовых статьях «Московских ведомостей». Десять с лишним лет спустя публицист Семенов заклеил банк за предоставление «биржевого банкового кредита» и вообще за «коммерческий взгляд на земли»⁵¹. Еще откровеннее высказывался П.А. Кривский, предводитель дворянства Саратовской губернии, который в 1896 г. утверждал, что замысел Александра III относительно банка был извращен министерством финансов под руководством Витте. В результате при первой же просрочке с платежами по закладным банк выставлял имения на торги и вообще вел свои дела совершенно как «частные жидовские банки», от милости которых до 1885 г. целиком зависели дворяне-землевладельцы⁵². Филиппики Кривского представляли собой обычную для того времени попытку идентифицировать коммерческую ментальность как угрозу чужаков ценностям русской жизни, а дворянство при этом изображали как защитника этих ценностей.

Конкретные предложения об изменении политики Дворянского банка поступали нескончаемым потоком от дворянских обществ, публицистов и совещаний губернских предводителей дворянства. Предлагалось множество всяких решений: шире использовать опеку, чтобы предотвращать или хотя бы оттягивать момент признания заемщиков некредитоспособными; запретить принудительную продажу дворянских имений с торгов или ограничить такого рода продажу так, чтобы к участию в торгах допускали только членов первого сословия; понизить ставки процента; сделать так, чтобы банк финансировал покупку земель дворянами либо покупал земли сам, чтобы потом на льготных условиях перепродать ее им же; передать банки в другое министерство (земледелия или внутренних дел), которое представлялось более отзывчивым к нуждам дворянства, чем министерство финансов; избирать представителей дворянства в управление банком⁵³.

Особенно сильные страсти возбуждал вопрос о задержке выплат по закладным, который лично затрагивал каждого че-

тырех из пяти заемщиков банка. В марте 1896 г. Совещание губернских предводителей дворянства призвало установить на три года мораторий на погашение долгов по закладным, аннулировать часть просрочки, а накопившиеся долги по погашению закладных прибавить к сумме основного долга, и при этом безо всяких пеней в виде повышенного процента на задержанные платежи. Опыт подобного решения проблемы неаккуратных плательщиков уже был — в 1889 г. Дворянский банк списал шесть миллионов рублей просроченных платежей, а оставшиеся пять миллионов рублей прибавил к основной сумме долга. Предложение совещания было поддержано памятными записками Кривского и других предводителей дворянства, а также публицистами вроде Плансона⁵⁴. В марте 1897 г. Витте выступил с альтернативным планом — понизить ставку банковского процента и одновременно ужесточить политику по отношению к неплатежеспособным заемщикам, но это породило бурный протест многих предводителей дворянства и самого Дурново⁵⁵.

В обращении к Витте Указе от 29 мая 1897 г. император попытался установить компромисс между его предложениями и требованиями прошедшего в 1896 г. съезда предводителей дворянства. Николай II отверг идею моратория на платежи по закладным после того, как виднейшие губернские предводители дворянства (П.Н.Трубецкой из Москвы, А.Д. Зиновьев из Петербурга и М.А. Стахович из Орла) убедили его, что такой вопиющий акт правительственного фаворитизма может только уронить репутацию первого сословия в глазах общества. По всем кредитам, полученным до 1 мая 1897 г., ставка была снижена до 3,5% годовых; для кредитов, полученных после этой даты, она осталась на уровне 4%, а в июле 1900 г. была повышена до 5%⁵⁶. Все просроченные платежи по закладным на конец апреля 1897 г. плюс сумма накопленных штрафных платежей образовали особый долг, сумма которого не должна была превышать 12% первоначальной величины кредита по закладной. По этому долгу была установлена ставка в 3,5%, и он подлежал погашению полугодовыми платежами величиной в четверть регулярных выплат в счет погашения закладной. Было установлено, что в будущем пени за несвоевременное внесение платежей в счет ипотечных кредитов должны составлять 0,5% в месяц вплоть до момента погашения просрочки,

а не удваиваться до 1% в месяц после третьего месяца, как это было прежде. В феврале 1900 г. в устав Дворянского банка была внесена статья, позволяющая ему спасти от дефолта самых безнадежных должников, по имениям которых сумма ипотечного кредита и просроченных платежей превосходила 60% стоимости самого имения. Банк получил право с согласия должника выкупать часть имения и использовать вырученные деньги для уменьшения бремени задолженности по остальной части имения. Земля, оказавшаяся таким образом в собственности банка, подлежала продаже в течение двух лет, причем преимущественно в руки потомственных дворян; по прошествии двух лет непроданные участки переходили для продажи в собственность Крестьянского банка.

Эти изменения мало повлияли на уровень просроченности по платежам заемщиков Дворянского банка. В период 1898—1905 гг. предупреждения о возможности принудительной продажи были посланы владельцам 42 839 имений, в среднем по 5355 предупреждений в год, примерно каждому четвертому из владельцев заложенной в банке земли. Число же имений, действительно проданных с торгов за несвоевременное погашение долга, уменьшилось в тот же период относительно предыдущего (крайне низкого) уровня и составило в среднем 29 в год, т.е. 1,3 на тысячу заложенных в банке имений⁵⁷. В 1906—1913 гг. число имений, продаваемых за долги с торгов, в среднем опять выросло до 50 в год, или до 1,8 на тысячу, — по-прежнему очень низкий показатель⁵⁸.

Большинство дворян, становившихся заемщиками банка, таким образом, не только получали щедрые суммы денег под низкий процент и на большой срок, но и продолжали в полной мере использовать снисходительное отношение банка к неаккуратному погашению долгов, часто очень серьезных, понимая, что риск лишиться заложенной земли невелик. И хотя Дворянский земельный банк остался под юрисдикцией министерства финансов, в своей деятельности он не сильно отклонялся от представлений сословников о целях кредитной политики.

Указ Николая II от мая 1897 г. увеличил с 5 до 10 лет срок, в течение которого покупатель заложенного имения, не принадлежащий к потомственному дворянству, должен был погасить долг перед банком. Предоставление лицам недворянс-

кого происхождения возможности приобретать заложенные имения и погашать долг по ним в течение целого десятилетия должно было бы повысить рыночную стоимость этих имений и отвечало бы интересам владельцев продаваемой земли; но смысл существования банка заключался не в облегчении и поощрении продажи таких имений, а в уничтожении самой необходимости их продажи. Указ также запрещал всем правительственным учреждениям дальнейшие дискуссии об изменении устава Дворянского банка. Пытаясь переждать этот период сочувствия дворянству и привилегиям, достигший своего пика с созывом Особого совещания по делам дворянства, Витте делал все, чтобы предотвратить появление вопроса о задачах банка на повестке дня Совещания. И когда в начале 1899 г. на Совещании все-таки был поднят вопрос о кредитной политике, Витте и князь Ливен, тогдашний директор Банка, выдвинули сильный аргумент, заявив, что частые изменения банковского устава за предыдущее десятилетие (периодическое снижение банковской ставки и добавление просроченных платежей на сумму основного долга) вносили в работу банка беспорядок и провоцировали заемщиков задерживать платежи в надежде на дальнейшие льготы; банк нуждался в моратории на такого рода изменения, если его намерением было ответственным образом исполнять свои задачи. Император согласился с этими аргументами и напомнил Особому совещанию, что ему следовало избегать какого-либо обсуждения устава Дворянского банка⁵⁹.

КРАТКОСРОЧНЫЙ КРЕДИТ И КАССЫ ВЗАИМОПОМОЩИ

Смежный вопрос о дворянских кассах взаимопомощи не был запрещен к обсуждению на Особом совещании, но Витте предложил свой собственный план, что обеспечило ему контроль над ходом дискуссий. Интерес к кассам взаимопомощи возник впервые в 1880-х гг., когда зашла речь о том, что дворянские имения нуждаются в системе краткосрочного кредитования. Краткосрочные ссуды под именные векселя заемщиков Государственный банк выдавал с 1884 г. И если коммерческие заемщики платили, в зависимости от срока (от трех до двенадцати месяцев), от 4,5 до 7%, то землевладельцы

за ссуды любой продолжительности платили ровно 6%. Эта разница вызвала к жизни обвинения в том, что землевладельцам приходится платить за кредиты дороже, чем всяким дельцам, что так и было для трех- и шестимесячных ссуд; но, как отметил в 1897 г. Витте, большинство землевладельцев брали кредиты на двенадцатимесячный срок. Кредитная политика Государственного банка имела целью обеспечить землевладельцам до двух третей годовой потребности в оборотных средствах имения, следя при этом, чтобы совокупная величина прежних и новых кредитов не превышала 60% стоимости имения. Землевладельцы злоупотребляли возможностью регулярно обновлять краткосрочные кредиты, превращая их фактически в разновидность долговременных ссуд. Совокупная задолженность землевладельцев перед Государственным банком составила 9,2 млн рублей на начало 1893 г. и 26,8 млн рублей на начало 1896 г.⁶⁰

Таким же образом дворяне использовали товарный кредит, который Государственный банк сделал доступным в 1893 г. Ссуды давали под залог зерна, так что появилась возможность не продавать его сразу после сбора урожая, когда цены минимальны, и брали такой кредит на девять месяцев, осуществляя полный цикл рефинансирования за восемнадцать месяцев. Процентные ставки колебались от 5 до 6%. Чтобы не продавать зерно по ценам, казавшимся малопривлекательными, землевладельцы предпочитали осуществлять рефинансирование кредитов. На начало 1896 г. по схеме товарного кредита было выдано ссуд на сумму 41,8 млн рублей. Совокупная величина кредитов, полученных землевладельцами из Государственного банка под именные векселя и под залог урожая, составила на тот момент примерно 8% от величины ссуд, взятых дворянством под залог земли⁶¹.

Периодические требования к государству обеспечить землевладельцев еще более льготными краткосрочными кредитами достигли кульминации в программе, поддержанной совещаниями предводителей дворянства 1896 и 1899 гг. Они включали: краткосрочные ссуды по ставкам более низким, чем на рынке кредитных средств, и товарный кредит, который можно было бы рефинансировать до тех пор, пока зерно не будет продано⁶². В 1897 г. Витте сделал несколько малозначительных уступок: объем ссуд, предоставляемых землевладельцам Государственным банком

под именные векселя, был увеличен, а процент по ним снижен, а Комитет, рассматривавший обоснованность требований о таком кредите, был укомплектован исключительно землевладельцами, тогда как до этого большинство в нем составляли купцы. При этом, однако, Витте настаивал на погашении краткосрочных кредитов, фактически ставших, в силу непрерывного рефинансирования, долгосрочными или сделавших совокупную задолженность большей, чем установленная законом граница (75% стоимости имения). В итоге резко снизилась сумма предоставленного Государственным банком вексельного кредита — от 27 млн рублей в 1896 г. до менее 8 млн в 1901 г. Хотя частные банки уже в 1898 г. получили право предоставлять такие кредиты землевладельцам, к началу 1902 г. их сумма дошла только до 2 млн рублей⁶³.

Недовольство доступными разновидностями краткосрочного кредита вызвало к жизни идею касс дворянской взаимопомощи, ставшую в 1880-х и 1890-х гг. одной из излюбленных среди защитников привилегий. При всех мелких различиях между разными проектами у них были общие черты: средства фондов взаимопомощи должны были составляться на основе вкладов, сборов или взносов их членов и взносов или кредитов правительства; члены обществ взаимопомощи получают право брать займы у общества и у Государственного банка; правительственные кредиты, предоставляемые непосредственно членам обществ взаимопомощи или самому обществу, будут обеспечиваться совместной земельной собственностью его членов⁶⁴.

На практике кассы взаимопомощи были созданы в начале 1890-х гг. дворянскими обществами Черниговской, Полтавской, Курской и Тульской губерний без государственной помощи, и при этом с вполне конкретными целями — предоставлять кредиты местным дворянам, чтобы те могли рассчитаться с просроченными платежами по закладным⁶⁵. Именно такого типа организации взял за образец Витте, предложивший в 1897 г. создавать на основе равного участия дворян и правительства кассы дворянской взаимопомощи, которые могли бы предоставлять краткосрочные кредиты для спасения имений от принудительной продажи за непогашение ипотечного кредита, полученного в Дворянском земельном банке⁶⁶. План Витте был отвергнут многими губернскими обществами, а в январе 1898 г. — и совещанием предводителей дворянства, которые не

приняли предложенные Витте формулировки задач и способы финансирования касс взаимопомощи. Они доказывали, что кассы должны предоставлять товарные кредиты, займы для пополнения оборотного капитала, а также помогать в погашении задолженности по закладным, взятым как в Дворянском земельном банке, так и в частных банках; создавать же эти кассы, по их мнению, следовало исключительно на деньги правительства, потому что губернские дворянские общества просто не располагали нужными средствами⁶⁷.

В ответ на широкую критику плана Витте Комиссия при Особом совещании, созданная для поддержки дворянского землевладения во главе с министром земледелия А.С. Ермоловым, в феврале 1900 г. поддержала контрпроект касс взаимопомощи, обещавший обеспечить дворянство дешевыми и общедоступными краткосрочными кредитами. Источником средств для них должны были стать преимущественно казенные ссуды в размере 200 млн рублей, а члены касс должны были взять на себя коллективную ответственность за своевременное погашение ссуд. В длинном и резком выступлении, критикующем план Комиссии, Витте доказывал, что 200 млн рублей — непосильный расход для государственной казны (по его собственному проекту расходы государства должны были составить всего 7,5 млн рублей). Он утверждал, что коллективная гарантия своевременного возврата ссуд — звук пустой, если ответственность за нее не будет возложена на всех дворян-землевладельцев, а не только на получателей кредитов-членов касс взаимопомощи. Благодаря страстным возражениям Витте предложение Комиссии даже не было вынесено на обсуждение Особым совещанием⁶⁸. В ноябре 1901 г. Совещание утвердило план Витте с одним только дополнением — право получать ссуды из касс взаимопомощи было предоставлено владельцам имений, заложенных в частных банках. Следующей весной при обсуждении этого проекта в Государственном совете вновь вспомнили обо всех прежних сомнениях и возражениях, но Витте продолжал успешно отстаивать свою позицию: кассы взаимопомощи должны служить только одной цели, а именно выручать землевладельцев, задолжавших с платежами по закладным. Он настаивал на том, что переход дворянских земель в руки представителей низших сословий происходит под действием глубоких экономических и социальных причин. Перед правительством нельзя ставить задачу остановить этот переход, поскольку такая цель в любом

случае недостижима; однако необходимо сделать этот переход постепенным и упорядоченным, чтобы не пострадала производительность российского земледелия. И только этой цели могут и должны служить предложенные кассы взаимопомощи⁶⁹.

Закон, принятый Государственным советом и утвержденный императором 3 июня 1902 г., давал право любому Губернскому дворянскому собранию на учреждение кассы взаимопомощи, чтобы «оказывать местным потомственным дворянам-землевладельцам содействие: а) в платежах по долгам, обеспеченных залогом их имений в видах предупреждения продажи этих имений с публичных торгов...»⁷⁰. Кассы должны были предоставлять ссуды на срок до пяти лет по ставке, не превышающей 6% в год; величина ссуд могла доходить до 20% суммы ипотечного кредита, предоставленного под залог имения, при условии, чтобы величина кредита не превосходила 90% стоимости имения. Кроме того, кассам было разрешено предоставлять ссуды на срок один-два года «б) по случаю разного рода постигших означенных дворян бедственных событий», — скажем, смерти или серьезной болезни главы семейства, пожара, неурожая или массовой болезни скота. Кассам было дано право брать в управление имения за невозврат ссуд или в случае, если Дворянский земельный банк назначал их к продаже на открытых торгах, — в последней ситуации только с согласия владельца и на срок не более шести лет. Если имение, имеющее долги перед кассой взаимопомощи, переходило в руки представителя низшего сословия, последний должен был погасить долг в течение шести месяцев. Средства касс взаимопомощи должны были состояться из разовых взносов правительства, из особых ежегодных налогов на землю дворян, налагаемых решениями губернских дворянских собраний, и из дополнительных взносов правительства в первые десять лет существования кассы взаимопомощи в размере, соответствующем величине средств, принесенных в предыдущий год особым поземельным налогом. Убытки от своей деятельности кассы должны были покрывать из прибыли прежних лет, а в случае их недостаточности — за счет заимствований из основного капитала. Если в результате повторных потерь капитал кассы сокращался наполовину, ее деятельность подлежала прекращению.

Неизвестно, сколько именно касс взаимопомощи было создано на основании закона 1902 г., да и была ли создана хотя

бы одна. В любом случае, после 1902 г. и без того низкий уровень принудительных продаж дворянских имений с торгов не претерпел дальнейшего понижения⁷¹. В свете противодействия, которым встретили план министерства финансов губернские дворянские собрания и предводители дворянства, у Витте не могло быть иллюзий относительно его возможных успехов. Созданные им кассы просто помогли избежать реализации намного более привлекательных для дворянства и более затратных для казны схем предоставления дворянам-землевладельцам краткосрочных многоцелевых кредитов, финансируемых преимущественно государством.

ДОГОВОРНЫЕ КНИЖКИ
ДЛЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ РАБОЧИХ;
РАЗДАЧА КАЗЕННЫХ ЗЕМЕЛЬ

Правовые меры, направленные на то, чтобы покончить с отчуждением и раздроблением дворянских имений и облегчить доступ к кредиту для дворян-землевладельцев, ни в коей мере не исчерпывали выдвигаемых идей об участии государства в решении проблем сокращения численности и площади дворянских имений. Некоторые рекомендации получили незначительную поддержку, например, предоставление дворянским обществам беспроцентного государственного кредита, который бы дал им возможность взять в свои руки торговлю зерном и вытеснить с рынка алчных посредников, или ходатайства об особых привилегиях для дворян, наладивших в своих имениях винокурение и страдавших от утраты монополии на производство водки⁷². Часть такого рода идей была воплощена в законы, но их эффективность в деле сохранения дворянского землевладения оказалась не выше, чем у заповедных имений и касс дворянской взаимопомощи. Среди прочих были реализованы идеи о расширении правовых полномочий дворян-землевладельцев по отношению к нанимаемым ими сельскохозяйственным работникам и о раздаче казенных земель для укрепления дворянского землевладения.

В 1884 г., по инициативе губернского предводителя дворянства П.А. Кривского, Саратовское дворянское собрание обратилось к правительству с прошением ввести обязательные к использованию договорные книжки, в которых для сведения

будущих нанимателей можно было бы фиксировать все работы и все нарушения контракта, за которые работник подвергался штрафу или увольнению. Работник, оставивший место до истечения договорного срока, мог быть насильно возвращен нанимателю даже без решения суда. Когда это предложение обсуждалось на Государственном совете, К.П. Победоносцев возразил (точно так же, как и десятилетием ранее, когда он помог заблокировать сходный проект), что такие жесткие дисциплинарные меры отдают крепостничеством. Но при дворе теперь царили совершенно иные настроения, что и отразилось в поддержке проекта Катковым и Мещерским, и проект был одобрен Государственным советом, а 12 июня 1886 г. утвержден императором⁷³. Но провести этот закон на практике со всей возможной жесткостью оказалось невозможным, и на переломе столетия Кривский и другие все еще горько сетовали, что дворяне-землевладельцы разоряются, не имея возможности с помощью закона найти управу на лень, пьянство и безответственность своих наемных работников⁷⁴.

Если обязательные договорные книжки отдавали крепостничеством, то раздача казенных земель дворянству была еще большим анахронизмом. Секретарь Государственного совета В.К. фон Плеве в 1900 г., обосновывая в выступлении перед Особым совещанием свое предложение осуществить раздачу дворянам государственных земель в Сибири на правах заповедных имений, чтобы они в течение трех поколений не могли перейти в руки низших сословий, без малейшего смущения сослался на опыт Московского государства в XVI в.⁷⁵

Государственные земли, как правило, не передавали в собственность дворянам со времени царствования императора Павла. Однако в XIX в. при случае прибегали к раздачам и льготным продажам казенных земель — либо для помощи обедневшим дворянским семьям губерний, в которых не было достаточного фонда свободных земель, либо для того, чтобы укрепить влияние русского элемента на окраинах. Примером первого рода ситуаций является история расселения в 1840-х гг. почти восьмисот дворянских семей из Смоленской и Рязанской губерний на земельных участках площадью от 60 до 80 десятин в Тамбовской, Симбирской и Самарской губерниях. Попытка пожаловать или продать дворянам казенные земли в 1840—1860-х гг. в Тобольской губернии,

расположенной на самом западе Сибири, оказалась unsuccessful, но в 1870-х гг. почти полмиллиона десятин были отобраны у башкир, населявших Уфимскую и Оренбургскую губернии, и проданы государством дворянам по цене, составлявшей только 20—30% от рыночной. Большинство покупателей не стали заводить хозяйство на купленных землях, а немедленно их перепродали со значительной прибылью. И после 1865 г. государство продало русским дворянам по очень льготной цене более полумиллиона десятин земли, конфискованной в западных губерниях у польских дворян, участвовавших в недавнем восстании⁷⁶.

Получается, таким образом, что многочисленные предложения сословников между 1880-ми и началом 1900-х гг. использовать раздачу казенных земель, чтобы остановить упадок дворянского землевладения, опирались на исторический прецедент. Чаще всего в центре такого рода проектов были безземельные члены потомственного дворянства, делавшие карьеру на государственной службе. Им предлагалось давать участки величиной до восьмисот десятин взамен присвоения очередных чинов, наград, пенсий, а иногда даже и части жалованья. Нередко предлагалось так или иначе ограничить возможность получателей распоряжаться дарованными землями — продавать, завещать частями или закладывать в банке. Было несколько проектов, предлагавших, чтобы Дворянский земельный банк или какое-либо другое государственное учреждение взяли на себя скупку дворянских имений, продаваемых самими владельцами или выставленных на продажу за долги, чтобы затем перепродавать их другим дворянам⁷⁷.

На деле же единственный проект такого рода, привлечший внимание правительств Александра III и Николая II, имел отношение к землям на наименее привлекательной из всех окраин и появился как побочный результат строительства Транссибирской железной дороги. Уже в 1893 г. Комитет Сибирской железной дороги решил выделить в районах, через которые должна была пройти дорога, земли для расселения культурных и образованных землевладельцев, а также и крестьян. Комитет надеялся, что дворяне смогут создать хозяйства, которые послужат образцом для крестьян. Вопрос, породивший оживленные дебаты в правительстве в 1898—1901 гг., был вызван дилеммой: предоставлять ли дворянам предпочтительные, а может быть и исключительные, права на покупку и аренду таких земель? По-

зиция подготовительной комиссии Комитета Сибирской железной дороги и большинства Государственного совета была такова: исходя из интересов экономического развития Сибири, продавать и сдавать казенные земли в аренду всем желающим, кто сможет наладить должную обработку участков независимо от сословной принадлежности (за исключением евреев, инородцев и иностранцев). Иную позицию заняло Особое совещание по делам дворянства и меньшинство Государственного совета, которые считали, что создание поместного дворянства в Сибири имеет не менее важное государственное значение, чем перспективы экономического развития края⁷⁸. Дворянские землевладельцы были нужны в Сибири одновременно как источник «местного служилого сословия» и как руководители крестьянского населения. Трудно было ожидать, однако, что дворянство сможет успешно конкурировать с буржуазными элементами в покупке и аренде казенной земли. Следовательно, в своих собственных интересах, государство должно было продавать и сдавать землю в аренду исключительно дворянам. Закон, утвержденный Николаем II 8 июня 1901 г., был компромиссным: участки казенной земли в Сибири должны сдаваться в аренду на 99 лет с правом выкупа на льготных условиях по истечении срока аренды исключительно дворянам, тогда как продавать аналогичные участки, ради повышения доходов государства, следует независимо от сословной принадлежности тому, кто даст на открытых торгах наивысшую цену⁷⁹.

Тем временем попутное предложение Комитета Сибирской железной дороги, утвержденное императором 22 июня 1900 г., предусматривало меры для дворян, не имевших средств для покупки или аренды более крупных участков (вплоть до 3000 десятин), чему был посвящен закон 1901 г. Закон 1900 г. предлагал бесплатные участки казенной земли площадью от 60 до 100 десятин в Тобольской и Томской губерниях, а также в Иркутском, Амурском и Степном генерал-губернаторствах — «потомственным дворянам, обрабатывающим землю личным трудом своим и членов семьи своей». Запросы на нарезку таких участков следовало подавать губернатору по месту жительства просителей, причем запросы должны были получить одобрение уездного и губернского предводителей дворянства. Бесплатные участки подлежали конфискации, если земля не будет заселена в течение двух лет, или будет оставлена на пять или более лет,

или если в течение пяти лет за нее не будут вноситься налоги; эти участки нельзя было ни отчуждать, ни закладывать⁸⁰. Неизвестно, сколько таких участков земли было роздано по этому закону, но, учитывая отсутствие интереса дворянства к этим краям, можно с уверенностью предположить, что успех программы был минимальным.

Что касается закона 1901 г. о продаже и аренде крупных участков земли, то оценка его Государственным советом как безвредного, но потенциально неэффективного совершенно подтвердилась. Вдоль железной дороги вплоть до Иркутской губернии было размечено 59 участков пригодной к обработке земли, каждый в среднем площадью по две с лишним тысячи десятин. Из-за противодействия местных властей, защищавших интересы крестьянства, а также из-за массовых выступлений крестьян Енисейской губернии в 1902 г. против продажи или аренды крупных земельных участков, которые прежде сдавались местному крестьянству как пастбища и сенокосы, до революции 1905 г. ни один участок не был продан или сдан в аренду. После 1905 г. была заново проведена разметка земли, и новые участки ушли под крестьянские поселения⁸¹.

Во всех рассмотренных в этой главе проектах и предложениях общим было желание сохранить поместное дворянство, оградив его от свободной игры рыночных сил. Для сословников это было принципиальным вопросом, и они даже гордились тем, что в условиях правового равенства, воцарившегося в результате Великих реформ, дворяне оказывались не в состоянии успешно конкурировать с агрессивными и практичными купцами и кулаками. Почти все принятые по их настоянию меры, вроде заповедности, были встречены с удивительным равнодушием дворянами-землевладельцами — большинство не воспользовалось даже той защитой, которая была предложена. Такое отношение позволяет нам предположить, что защитники привилегий не имели ни малейшего представления о чувствах и желаниях подавляющего большинства среднепоместных дворян. Именно эта группа землевладельцев, которую сословники превозносили как основную и стержневую, почти единодушно предпочитала свободу продавать, делить или закладывать свои имения любой перспективе вечно хранить как семейное гнездо и залог неизменности их общественного устройства. Добровольная заповедность

и другие меры, такие, как раздача земель в Сибири, не могли не провалиться: воображение поборников подобных мер было целиком подчинено образам идеализированного прошлого, тогда как подавляющее большинство дворян-землевладельцев заботилось о том, как лучше всего наладить отношения с настоящим.

Значительный положительный отклик получили только меры, связанные с получением легкого кредита. Исключение в высшей степени поучительное. Легкий кредит нужен был традиционалистам по их собственным причинам. Но такой кредит являлся не менее привлекательным для самих дворян-землевладельцев по совершенно другим причинам — как способ покрытия текущих и экстраординарных житейских расходов, а также как источник средств для вложения в торговлю, производство и даже собственно в земледелие. Как объект инвестирования, сельское хозяйство привлекало сравнительно немногих — но именно этой малочисленной группе аграриев-предпринимателей предстояло составить костяк поместных остатков первого сословия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Семенов. С. 74.
2. Елишев А.И. // *Русское обозрение*. 1898. Май. С. 311—313. См. также: Поливанов. *Мысли*. С. 108. Данилов Ф. *Общая политика правительства и государственный строй к началу XX века* // Общественное движение в России в начале XX века / Под ред. Л. Мартова, П. Маслова, А. Потресова (СПб., 1909—1914), 1:441 — цитирует опасения, высказанные ранее в «Московских ведомостях».
3. Лясковский. С. 566—567.
4. Blum. *End of the Old Order*. P. 419.
5. Елишев. *Дворянское дело*. С. 118; Карышев Н. *Междусословная мобилизация земель в 45 губерниях в 1893-м г.* // Русское богатство. 1898. Январь. Ч. 2. С. 16; Бехтеев С.С. *Хозяйственные итоги истекшего сорокапятилетия и меры к хозяйственному подъему* (СПб., 1902—1911), 1:12.
6. Елишев. *Дворянское дело*. С. 210. См. также: Семенов. С. 59—61; Баратынский Н.Е. *Сборник статей о дворянских неделимых имениях* (СПб., 1892). С. 124; Д.В. *Государственный сословный кредит* // Русский вестник. 1885. Июнь. С. 848—849, 859—860.
7. Pavlovsky. P. 119—120, 129; Зайончковский. *Российское самодержавие*. С. 200—203.

8. Семенов. С. 70—72; Елишев. *Дворянское дело*. С. 210; и *Русское обозрение*. 1898. Май. С. 313; РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 4. Л. 1—3; *Северный вестник*. 1889. Декабрь. С. 104—106.

9. РГИА. Ф. 593. Оп. 1. Д. 101. Л. 268; Соловьев. *Самодержавие и дворянство в конце XIX века*. С. 210—211.

10. *Русская мысль*. 1896. Апрель. Ч. 2. С. 185—186; Смоленский А. *Дворянский вопрос // Новое слово*. 1897. Август. Ч. 2. С. 134—135; РГА-ДА. Ф. 1254. Оп. 1. Д. 86. Л. 3а—7а.

11. РГАДА. Ф. 1254. Оп. 1. Д. 86. Л. 7а; Соловьев. *Самодержавие и дворянство в конце XIX века*. С. 350; Он же. *Самодержавие и дворянский вопрос*. С. 202; РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 236. Л. 66.

12. Thompson F.M.L. *English Landed Society in the Nineteenth Century* (London, 1963). P. 66—68. Сторонники свободной торговли требовали отмены заповедности. Хотя их требования в полном объеме были реализованы только в 1925 г., ситуация радикально переменялась уже с принятия в 1882 г. Закона о заповедных имениях (Settled Land Act), который разрешил пожизненным пользователям заповедных имений продавать имение целиком или частично, но при этом требовал, чтобы распоряжение всеми вырученными от продажи деньгами, не истраченными на устроительные работы, подчинялось законам заповедности. Иными словами, с 1882 г. предметом заповедности стала не сама земля, а ее капитализированная стоимость. См.: Thompson. P. 283—284; и Spring David. *The English Landed Estate in the Nineteenth Century: Its Administration* (Baltimore, 1963). P. 175.

13. Blum. *End of the Old Order*. P. 428—429.

14. Данные за 1909 г. взяты в: Анфимов. *Крупное помещичье хозяйство*. С. 42; из-за арифметической ошибки Анфимов дает суммарную площадь заповедных владений в 991 тыс. десятин. Процентные соотношения вычислены на основе данных о дворянском землевладении за 1905 г. из «Статистики землевладения 1905 г.» (с. 12), и если бы их пересчитали по данным за 1909 г., мы получили бы чуть более высокие значения показателей.

15. ПСЗ. Собр. 1. Т. 5. № 2789; Романович-Славатинский. С. 248—252.

16. Анфимов. *Крупное помещичье хозяйство*. С. 43; Романович-Славатинский. С. 254—255. Закон от 16 июля 1845 г. приводится у Блосфельдта (*Сборник законов*. С. 252—264). Майораты, созданные в рамках этого закона, официально именовались *заповедными наследственными имениями*, но чаще всего их называли просто майоратами (название, использованное также и для заповедных имений польских дворян в западных губерниях), поскольку они наследовались старшим сыном.

17. РГИА. Ф. 593. Оп. 1. Д. 101. Л. 307; Государственный совет. *Всеподданнейший отчет председателя за сессию 1898—1899 годов*. С. 18—19.

18. Данные о численности дворян-землевладельцев, имевших в 1877 г. право на установление майората, основаны на материалах книги Ершова (с. 35); соответствующие данные за 1905 г. взяты в: *Статистика землевладения 1905 г.* С. 78. При сохранении неизменной нижней границы майората, в 1905 г. на это могли бы претендовать только 527 имений (0,5%). Между 1845 и

1870 г. были основаны 17 майоратов (Романович-Славатинский. С. 256); в период 1871—1888 г. — тринадцать (Мещерский А.В. *Пояснительная записка № 2-й по поводу ходатайства полтавского дворянства о свободе завещания заповедных имений* [М.: 1888]. С. 2); в 1889—1898 г. было создано 25 майоратов (РГИА. Ф. 593. Оп. 1. Д. 101. Л. 271); в 1899—1905 г. — пять майоратов (Тернер. Дворянство // *Вестник Европы*. 1905. Август. С. 489). Данные о суммарной площади майоратных владений в 1914 г. взяты в: Анфимов. *Крупное помещичье хозяйство*. С. 46. Процентные значения (22% и 10%) вычислены на базе данных, найденных в «Статистике землевладения 1905 г.» (с. 12, 28, 36, 56, 58, 78), но после 1905 г. площадь дворянских земель резко снизилась.

19. Орлов-Давыдов В.П. *Земледелие и землевладение* // *Вестник Европы*. 1873. Июнь. С. 856; *Русская мысль*. 1880. Апрель. Ч. 5. С. 64; Баратынский Н.Е. *О неделимых имениях* // *Русский вестник*. 1892. Май. С. 276. См. также: Leroу-Beaulieu, 1:360—361, 394.

20. Баратынский Н.Е. *Из губернии* (СПб., 1887); повторная публикация в его книге: *Сборник статей о дворянских неделимых имениях* (СПб., 1893). С. 1—57. В сборник вошли также четыре других работы Баратынского, опубликованных в 1888—1892 г. В связи с ходатайством полтавского дворянства князь Мещерский опубликовал записку (см. выше примечание 18) и два памфлета: «О заповедных имениях» (СПб., 1888) и «О заповедных имениях» (М., 1894).

21. РГИА. Ф. 593. Оп. 1. Д. 101. Л. 265; Баратынский. *О неделимых имениях*. С. 277; *Вестник Европы*. 1892. Апрель. С. 845. Относительно кампании подачи дворянскими собраниями ходатайств об установлении заповедных имений см.: Hamburg. *Land*. Chap. 5.

22. О ходе обсуждения заповедности комиссии Абазы см.: Соловьев. *Правительство и политика*. С. 243—250; о работе особого совещания см.: РГИА. Ф. 593. Оп. 1. Д. 101. Л. 265—282, 295—299; о дискуссии в Государственном совете см.: Там же. Л. 464—478, 498—505; а также: Государственный совет. *Всеподданнейший отчет председателя за сессию 1898—1899*. С. 17—19.

23. На закон о Гомстеде, как на образец, ссылались: Мещерский. *Пояснительная записка*. С. 10—13; и *О заповедных имениях* (1888). С. 4, 14; Баратынский. *Сборник статей*. С. 116—117; и *О неделимых имениях*. С. 268—275; *Русский вестник*. 1892. Май. С. 387—389; Заломанов. С. 36—37. Вопреки всем утверждениям этих авторов, земли, нарезанные правительством по закону о Гомстеде, были неотчуждаемыми только в течение первых пяти лет, которые фермер должен был отработать на земле, чтобы получить ее в полную собственность. Как только после пяти лет проживания на участке и его возделывания за ним закреплялись права собственности, он получал право как угодно этой землей распоряжаться — продавать, закладывать, сдавать в аренду. Земля была защищена от принудительной продажи по требованию кредиторов только в одном случае — когда долги были сделаны до закрепления земли в собственность. См.: *Revised Statutes of the United States, passed at the First Session of the Forty-Third Congress, 1873—1874*. 2d ed. (Washington, D.C., 1878). Title

32. Шар. 5. Сек. 2289, 2291, 2296. Именно это издание цитировал Мещерский.

24. В Казанской губернии в 1888 г. чаще всего жили за пределами своих имений те, кто владели менее чем 200 и более чем 2000 десятин. Баратынский Н.Е. *Неделимые дворянские участки* // Русский вестник. 1888. Май. С. 74—76.

25. *Вестник Европы*. 1892. Апрель. С. 840—841, 853—854; Баратынский Н.Е. *Семейные участки в бытовом отношении* // Русский вестник. 1890. Май. С. 210—211; Он же. *О неделимых имениях*. С. 277—280; Он же. *Сборник статей*. С. 48—49, 118, 121; Он же. *Неделимые дворянские участки*. С. 83.

26. Мещерский. *Пояснительная записка*. С. 9; Он же. *О заповедных имениях* (1894). С. 15; Д.В. *Государственный сословный кредит*. С. 861—862; Вестник Европы. 1892. Апрель. С. 844.

27. *Вестник Европы*. 1893. Март. С. 377; *Современные дворянские вопросы* (СПб., 1897). С. 30.

28. В 37 губерниях, в которых проводились дворянские выборы, примерно 18 000 имений имели площадь выше установленного минимума (см. гл. 7), из которых 500 были слишком велики, чтобы претендовать на временную заповедность (см. выше примеч. 18). В девяти западных, а также в Вятской и Пермской губерниях, где в 1899 г. была установлена минимальная площадь в 125—475 десятин (Блосфельдт. *Сборник законов*. С. 273—276), в установленные для временной заповедности границы попадали дополнительно еще 9300 имений.

29. *Вестник Европы*. 1892. Апрель. С. 852; 1893. Март. С. 377; *Современные дворянские вопросы*. С. 32; Плансон. *О дворянстве в России*. С. 45. В Англии майорат обычно устанавливался только в расчете на три поколения: для отца, его сына и для сына последнего до достижения им 21 года. Обычно в каждом поколении при женитьбе старшего сына заново утверждалось правило майората.

30. Мещерский. *Пояснительная записка*. С. 9; Он же. *О заповедных имениях* (1894). С. 15—16.

31. В.А. *К дворянскому вопросу* // Русское богатство. 1897. Ноябрь. Ч. 2. С. 15—16; Баратынский. *Сборник статей*. С. 47; Плансон А.А. «*Особое совещание*»: *Записка* (СПб., 1897). С. 21.

32. Соловьев. *Самодержавие и дворянство в конце XIX века*. С. 316—317; Он же. *Правительство и политика*. С. 249—250; Он же. *Самодержавие и дворянский вопрос*. С. 187; РГИА. Ф. 593. Оп. 1. Д. 101. Л. 266; Государственный совет. *Стенографические отчеты, 1911—1912 гг.* Стлб. 1608.

33. *Русская мысль*. 1880. Апрель. Ч. 5. С. 60—61; Брятинский. *Неделимые дворянские участки*. С. 76—77; Д. *К вопросу о дворянском землевладении* (М., 1888); *Русская мысль*. 1896. Апрель. С. 186; РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 4. Л. 1—3. См. также: Головин. *Крупное землевладение* // Русский вестник. 1887. Май. С. 136—137; и Семенов. С. 74.

34. *Свод законов гражданских* (изд. 1900). Ст. 396—399, 1067—1068, 1112; СЗ. Т. 10. Ч. 1. Всероссийское совещание губернских предводите-

лей дворянства в конце 1890-х гг. отвергло предложение законом уравнивать доли, наследуемые дочерьми и сыновьями. РГАДА. Ф. 1254. Оп. 1. Д. 104. Л. 1а—1б.

35. РГИА. Ф. 593. Оп. 1. Д. 101. Л. 268—269, 307—309.

36. РГИА. Ф. 593. Оп. 1. Д. 101. Л. 178; различные варианты законодательных предложений Трубецкого см. в: РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 87. Л. 133, 200—205; и в: РГАДА. Ф. 1254. Оп. 1. Д. 97, 103, 104; РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 187, 726, 187а; *Свод законов гражданских* (изд. 1900). Ст. 1068 с дополнением от 3 июня 1912 г. См. также: Wagner William G. *Legislative Reform of Inheritance in Russia, 1861—1914* // Butler William E. (ed.). *Russian Law: Historical and Political Perspectives* (Leyden, 1977). P. 167—175.

37. *Свод законов гражданских* (изд. 1900). Ст. 1346—1373; Тернер. Дворянство // Вестник Европы. 1903. Март. С. 23—24; 1905. Август. С. 495—496.

38. РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 4. Л. 1—3; Зиновьев А.Д. *Записка о мерах к облегчению положения заемщиков Государственного дворянского земельного банка и по др. вопросам* (СПб., 1899). С. 91—99; РГИА. Ф. 593. Оп. 1. Д. 101. Л. 309—314.

39. РГИА. Ф. 593. Оп. 1. Д. 101. Л. 493—496.

40. *Задолженность частного землевладения* // Отечественные записки. 1880. Февраль. Ч. 2. С. 160.

41. Кабанов В. // *Русский вестник*. 1889. Август. С. 304—305; Елишев. *Дворянское дело*. С. 3, 53; Заломанов. С. 16—17; Соловьев. *Самодержавие и дворянство в конце XIX века*. С. 206.

42. См., к примеру, разные места у Семенова.

43. Веселовский. *Движение землевладельцев*, 1:297; Соловьев. *Самодержавие и дворянство в конце XIX века*. С. 170, 172—174, 185. О кампании ходатайств, направлявшихся дворянскими собраниями по вопросу о государственном кредитовании, см.: Hamburg. *Land*. Chap. 4.

44. Цит. по рескрипту Александра III от 21 апреля 1885 г., данному в ознаменование столетия опубликования Екатериной Великой Жалованной грамоты дворянству, в которой он впервые публично объявил о своем намерении учредить банк. Блосфельдт. *Сборник законов*. С. 277—278.

45. При отсутствии особых примечаний, все нижеследующее заимствовано из устава банка, со всеми исправлениями по 1900 г. включительно, опубликованного в: Блосфельдт. *Сборник законов*. С. 278—314, а также по материалам М.Н. Покровского (*Общая политика правительства 1866—1892 гг.* // История России в XIX веке (СПб., 1907—1911), 5:49, 53).

46. *Вестник Европы*. 1886. Январь. С. 385.

47. Pavlovsky. P. 154; *Ежегодник России 1908 г.* С. xciii. В 1895 г. Крестьянский банк понизил ставку по закладным до 4,5 процентов, и к 1905 г. сумма выданных им кредитов составляла уже более половины кредитов Дворянского банка.

48. *Цифровые данные*. С. 42—43.
49. Показатели за 1906—1913 гг. почти идентичны. Данные за 1902—1907 гг. см. в: *Ежегодник России 1909 г.* С. 403; за 1908—1913 гг. — в: *Ежегодник России 1914 г.* С. 43.
50. Тернер. *Дворянство // Вестник Европы*. 1903. Март. С. 33. По состоянию на 1 ноября 1896 г. банк владел складными на 12 801 имение в 39 губерниях. *Цифровые данные*. С. 42—43.
51. Соловьев. *Самодержавие и дворянство в конце XIX века*. С. 186—188; Семенов. С. 37—38, 59.
52. РГАДА. Ф. 1254. Оп. 1. Д. 80. Л. 46 — 56.
53. РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 4. Л. 1—3; *Упадок дворянского землевладения в Саратовской губ. // Мир Божий*. 1897. Январь. Ч. 2. С. 25; Палтов. С. 215; Заломанов. С. 36—37, 40—41; *Вестник Европы*. 1897. Июль. С. 359; РГАДА. Ф. 1254. Оп. 1. Д. 86. Л. 10а; Там же. Д. 80. Л. 6а; Ярмонкин. *Задача*. С. 28—29.
54. Соловьев. *Самодержавие и дворянство в конце XIX века*. С. 241—242; Гиндин. С. 108; РГАДА. Ф. 1254. Оп. 1. Д. 80. Л. 10—12; Плансон. «*Особое совещание*». С. 22—23; см. также: Семенов. С. 82—83.
55. Соловьев. *Самодержавие и дворянство в конце XIX века*. С. 234—237, 241—242; Он же. *Правительство и политика*. С. 267—272.
56. Блосфельдт. *Сборник законов*. С. 278—314, 323; Соловьев. *Правительство и политика*. С. 270—273.
57. *Ежегодник России 1904 г.* С. 396—397; *Ежегодник России 1908 г.* С. 210—211. В 1897 г. не было продано с торгов ни одного имения, так что среднегодовой показатель за 1891—1905 гг. составляет ровно 32. По состоянию на 1 января 1902 г. в банке были заложены 22 758 имений (*Ежегодник России 1904 г.* С. 398).
58. Анфимов. *Крупное помещичье хозяйство*. С. 324—325.
59. РГИА. Ф. 593. Оп. 1. Д. 101. Л. 404—411; РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 22. Л. 263; Соловьев. *Самодержавие и дворянский вопрос*. С. 198—199.
60. Гиндин. С. 333—334; РГАДА. Ф. 1254. Оп. 1. Д. 80. Л. 6—8; Гиндин, Гефтер. С. 148—150.
61. Гиндин и Гефтер. С. 150—152. Оценка величины полученных дворянством ипотечных кредитов на начало 1896 г. была 875 млн рублей, вычислена методом интерполяции данных, приведенных в главе 2.
62. *Северный вестник*. 1889. Декабрь. С. 104; РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 4. Л. 4; Там же. Д. 87. Л. 123, 130—131.
63. Анфимов. *Крупное помещичье хозяйство*. С. 331—332; Гиндин, Гефтер. С. 150; Тернер. *Дворянство // Вестник Европы*. 1905. Август. С. 476, 479—480.
64. Новосельский Н. *Усиление дворянского элемента в земстве и краткосрочный кредит для помещиков // Русский вестник*. 1885. Март. С. 225—228; *Московское губернское дворянское собрание 18—25 февраля 1890 г. Журналы, отчеты, доклады* (М., 1890). Л. 21а—21б; РГАДА. Ф. 1254. Оп. 1. Д. 86. Л. 196—206; Зиновьев. С. 23—28.

65. Гос. совет. *Отчет за 1901—1902*. С. 206.
66. РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 4. Л. 188.
67. РГАДА. Ф. 1254. Оп. 1. Д. 86. Л. 1а — 2б; Семенов. С. 67—69. См. также: *Доклад и.д. казанскаго губернскаго предводителя дворянства очередному собранию дворянства Казанской губернии о представленных Особому Совещанию по делам дворянскаго сословия сведениях по требованию Председателя Особого Совещания Статс-Секретаря Дурново* (Казань, 1898). С. 15—16.
68. Соловьев. *Самодержавие и дворянский вопрос*. С. 203—207; РГИА. Ф. 593. Оп. 1. Д. 101. Л. 800—803.
69. Соловьев. *Самодержавие и дворянский вопрос*. С. 207—208; РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 726. Л. 1; Гос. совет. *Отчет за 1901—1902 гг.* С. 203—207.
70. Блосфельдт Г.Е. (ред.). *Новейшия узаконения о российском дворянстве. 1901—1902 гг.* (СПб., 1903). С. 14—26.
71. *Ежегодник России 1904 г.* С. 396—397; *Ежегодник России 1908 г.* С. 210—211.
72. Ярмонкин. *Задача*. С. 29—31; Тернер. *Дворянство* // *Вестник Европы*. 1903. Март. С. 33—36; Гиндин, Гефтер. С. 139—141; РГАДА. Ф. 1254. Оп. 1. Д. 80. Л. 4а—4б; Анфимов. *Крупное помещичье хозяйство*. С. 257—258.
73. Зайончковский. *Российское самодержавие*. С. 195—197; *Вестник Европы*. 1885. Ноябрь. С. 405; В.А. С. 5—6.
74. Маслов. *Аграрный вопрос*. С. 361—365; РГАДА. Ф. 1254. Оп. 1. Д. 80. Л. 2б—3а; Платов. С. 241—242.
75. РГИА. Ф. 593. Оп. 1. Д. 101. Л. 700—708; Соловьев. *Самодержавие и дворянский вопрос*. С. 193—196. Предложение Плеве было отвергнуто Особым совещанием.
76. Романович-Славатинский. С. 65; *Русская мысль*. 1895. Апрель. Ч. 2. С. 141—142; Соловьев. *Самодержавие и дворянский вопрос*. С. 190; Степынин В.А. *Из истории попыток насаждения в Сибири дворянского землевладения* // *Учен. зап. / Красноярский гос. пед. ин-т*. 1955. Вып. 4. № 1: 134—135; Анфимов. *Крупное помещичье хозяйство*. С. 357—358. В 1878—1882 гг. средняя рыночная цена десятины земли составляла 8,17 рубля в Уфимской и 6,37 рубля в Оренбургской губернии. Корелин А.П. *Дворянство в пореформенной России 1861—1904 гг.* // *Исторические записки* 87 (1971):163, утверждает, что в 1876—1881 гг. в этих двух губерниях 461 300 десятин земли были проданы за общую сумму 871 300 рублей, и таким образом средняя цена составляла 1,89 рубля за десятину, а не 19, как указывает Корелин.
77. Баратынский. *Неделимые дворянские участки*. С. 75—76; *Современные дворянские вопросы*. С. 34, 36; РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 87. Л. 123, 130—132; Палтов. С. 205—206, 212, 215, 217, 219—223.
78. В 1897 г. на всю Сибирь было только 1314 дворянских имений общей площадью 524 437 десятин, и большая часть этих площадей была не возделана. 48% имений, составлявших 54% от площади дворянских имений, располагались только в Тобольской губернии.

79. Степынин. С. 137, 139—144, 147—149; РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 4. Л. 1—3; Там же. Д. 22. Л. 299; *Русская мысль*. 1895. Апрель. Ч. 2. С. 141—144; Соловьев. *Самодержавие и дворянский вопрос*, С. 190—193; Он же. *Самодержавие и дворянство в конце XIX века*. С. 331—333; Корелин. *Дворянство*. С. 154; Государственный совет. *Всеподданнейший отчет председателя за сессию 1900—1901*. С. 59—62. Закон от 8 июня 1901 г. см.: Блосфельдт. *Новейшие узаконения*. С. 32—36.

80. Блосфельдт. *Новейшие узаконения*. С. 27—29.

81. Степынин. С. 151—160.

Глава 5

КАК ВОЗВЫШАЛИСЬ ДО ДВОРЯНСТВА

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА КАК ПУТЬ К ДВОРЯНСТВУ

Свою главную задачу сословники видели в создании правовых и материальных преград на пути оттока потомков старых дворянских семей в городской, ориентированный на модернизацию мир, в котором господствовали силы, чуждые, как полагали сословники, ценностям дворянства. Именно этим объясняются все направленные на стабилизацию дворянского землевладения меры. Не менее важным делом, с точки зрения традиционалистов, было создание барьеров против наплыва (отчасти действительного, но в основном, как мы увидим, химерического) тех самых чуждых сил в дворянство. Никакие другие аспекты дворянского вопроса не привлекали большего внимания в 1880-х и 1890-х гг., и первое, чем занялось в 1897 г. Особое совещание, был вопрос о критериях приема в ряды дворянского сословия.

Концепции привилегий и исключительности неразделимы, и переход представителей низших сословий в дворянство, особенно за службу в гражданской администрации, со времен царствования Екатерины Великой приводил защитников привилегий в ужас. У представителей низших сословий было три способа обрести статус потомственного дворянина: получить жалованную грамоту монарха; дослужиться до определенного чина Табели о рангах; либо удостоиться членства в одном из четырех почетных орденов, открытых для лиц низших сословий. Первый путь не имел почти никакого практического значения: с 1872 по 1896 г. лишь 23 человека получили жалованные грамоты, что и объясняет слова современника, считавшего этот механизм «почти что мертвою буквой»¹.

Достижение определенного чина на гражданской и военной службе объясняет большинство случаев появления новых

дворянских семей в XVIII и первой половине XIX в. Уже в ходе работы Комиссии, назначенной Екатериной II для сочинения проекта нового уложения, первое сословие оказывало на Комиссию сильное давление в надежде ликвидировать механизм автоматического получения простолюдинами дворянского звания по достижении определенного служебного чина. Это давление было вызвано следующими факторами: растущее осознание первым сословием исключительности своего положения; обесценивание чинов, вызванное тем, что повышение давалось чиновникам не за достоинства, а за выслугу лет; возрастающее (в абсолютных цифрах) количество чиновников, произведенных в дворянское звание, по мере увеличения бюрократического аппарата². Николай I и Александр II предпочли сохранить автоматическую связь между служебным ростом и возведением в дворянство, но повысили чин, дающий дворянство, — в 1845 г. от классов 14-го для офицеров и 8-го для чиновников до классов 8-го для офицеров и 5-го для чиновников и в 1856 г. — 6-й класс для офицеров и 4-й класс для чиновников. Для офицеров 6-й класс соответствовал званию армейского полковника и флотского капитана первого ранга. У чиновников гражданской службы 4-й класс соответствовал званию действительного статского советника (то же, что генерал-майор или контр-адмирал), которое носили директора департаментов, управляющие канцеляриями министерств, обер-прокуроры департаментов Сената, председатели губернских судебных палат и губернаторы. В отличие от низших званий, 4-й класс присваивался не просто за количество проведенных на службе лет, но только по представлению соответствующего министра или главы департамента и после утверждения императором³.

В результате повышения границы чинов, дающих право на получение дворянского достоинства, во второй половине XIX в. главным путем к дворянству стало получение какого-либо из почетных орденов. Между 1875 и 1884 гг. 60% всех случаев возвышения в дворянство были результатом награждения орденами, а не продвижения по чиновной лестнице; в 1882—1896 гг. этот показатель повысился до 72%⁴. Как в военной, так и в гражданской службе стало легче заслужить дворянство через награды, а не путем продвижения по службе. На 1 января 1897 г. 852 армейских обер- и штаб-офицеров и 87 морских офице-

ров получили дворянство за службу; при этом 74% первых и 63% вторых получили потомственное дворянство благодаря награждению орденами св. Георгия и св. Владимира, а остальные — за рост в чинах⁵. Орденом св. Георгия офицеры награждались за выдающиеся заслуги, орденом св. Владимира — за безупречную 25-летнюю службу⁶. Потомственное дворянство давалось за награждение четвертой (низшей) степенью каждого из этих орденов. Для чиновников гражданской службы и лиц, не состоявших на службе, в период с 1825 по 1856 г. возможность получения дворянского достоинства была последовательно ограничена награждением орденом св. Владимира всех степеней, а также первыми степенями орденов св. Анны и св. Станислава. Этими тремя орденами, и особенно двумя последними, отмечались не только выдающиеся заслуги высокопоставленных государственных служащих, но и достижения в бизнесе, науке, искусствах и профессиональной деятельности. Но таким образом потомственное дворянство могли получить только личные дворяне и почетные граждане, а орденом св. Анны первой степени редко награждались даже члены этих сословных групп. Чаще всего дворянство приносил орден св. Владимира 4-й степени, которым, как правило, награждали чиновников гражданской службы 7-го класса и выше за выдающиеся заслуги или за долгую беспорочную службу⁷. Знаток сословных прав и обычаев заметил в 1886 г., что «теперь и коллежский советник [шестого класса] редко не имеет ордена Владимира в петличке», и в связи с этим сокрушался, что «насколько для воина трудно получить Георгия 4-й степени, настолько чиновнику легко достигнуть ордена Владимира 4-й степени...»⁸. А поскольку ряды офицеров и чиновников гражданской службы все в большей степени пополнялись выходцами из низших сословий, их доля в числе награждаемых орденом св. Владимира четвертой степени возросла от 12% в 1875—1881 гг. до 22% в 1892—1896 гг.⁹

Пополнение потомственного дворянства за счет деятелей из низших сословий и членов их семей шло следующими темпами: примерно по 1000 человек в год в 1825—1845 гг.; по 1270 человек в год в 1875—1884 гг.; по 1393 человека в год в 1882—1896 гг.; и по 1569 человек в год в 1892—1896 гг., — за 70 лет этот показатель вырос более чем на 50%. В целом за 1859—1897 гг. ряды дворянства пополнились приблизительно

на 50 тыс. человек — на 20 тыс. за 1858—1874 гг. и на 30 тыс. за 1875—1896 гг.¹⁰ Но несмотря на приток выходцев из низших сословий, главным образом по каналам государственной службы, — удельный их вес оставался поразительно стабильным. В 1858 г. примерно от 6,5 до 7% дворян составляли лица, произведенные в дворянство за 33 года после 1825 г., а также члены их семей и наследники (41—42 тыс. из 610—626 тыс.). В 1897 г. примерно 7,5% состояло из лиц, получивших дворянство за 39 лет, начиная с 1858 г., а также члены их семей и наследники (66—67 тыс. из 886 тыс.)¹¹. Все сведения о возведении в дворянское достоинство подтверждены сообщениями Департамента Герольдии Сената в ответ на запросы лиц, получивших дворянство. Даже если предположить, что после 1858 г. число таких запросов снизилось (несмотря на то, что материальная выгода дворянского статуса быстро понижалась, он сохранял свою привлекательность для чиновников и офицеров среднего ранга), в 1897 г. удельный вес новых дворян вряд ли мог превосходить 8%; вообще, если бы не чистка рядов польского дворянства в 1860-х гг., этот показатель был бы ниже 7%, т.е. таким же, как за четыре десятилетия до этого. Таким образом, не было никакого ускоренного размывания чистоты дворянских рядов, которое могло бы служить оправданием тревоги, поднятой по этому поводу защитниками привилегий в конце XIX в. Вернее всего, причину их обеспокоенности следует искать в быстрой потере дворянством статуса сословия землевладельцев — трансформации, которую возведение в дворянское сословие безземельных чиновников и офицеров могло только ускорить.

Перекрытие пути или, по крайней мере, сужение доступа к дворянству через государственную службу было любимой темой сословников¹². Суммируя их аргументы, «Русский вестник» писал в 1890 г., что владеющий землей дворянин, который поступает на государственную службу из чувства долга и чести, является человеческим образцом совершенно иного качества, чем бюрократ из простых, которого привлекала в карьере только собственная выгода. И когда последнего возводят в дворянское достоинство, общественное сознание перестает отличать одного от другого. Но это, с точки зрения «Русского вестника», было еще не самым худшим. Любой удачливый функционер, сумевший раболепством и терпением

дослужиться до дворянства, получал возможность, купив землю и записавшись в дворянское общество, претендовать на роль в местной администрации наравне с отпрысками благородных старых семей, издавна владевших землей. В прежние времена, продолжал «Русский вестник», пожалуй, и был смысл в том, чтобы, пользуясь дворянством как приманкой, привлекать на государственную службу расчетливых разночинцев; но сейчас все изменилось, поскольку сопряженные с дворянским званием выгоды преимущественно исчезли¹³.

Иной была точка зрения либерального «Вестника Европы», который полагал, что дворянство не стало совершенно лишенным содержания статусом, что с ним пока еще сопряжены определенные права и привилегии, которые, скорее всего, возрастут, если будут реализованы хотя бы некоторые из замыслов сословников. Исходя из того постулата, что «вред, приносимый привилегией, растет обратно пропорционально к числу лиц, ею обладающих», «Вестник Европы» делал вывод, что раз от дворянства избавиться совсем невозможно, следует, по крайней мере, как можно шире открыть таланту доступ к этому сословию. «Русская мысль» усиливала позицию либералов, справедливо указывая, что пополнение рядов первого сословия за счет возведенных в дворянство любыми путями не может сравниться с увеличением благородного сословия путем естественного прироста¹⁴.

В этом вопросе с либералами солидаризировались даже некоторые защитники привилегий. Генерал Фадеев в начале 1870-х гг. и Катков в 1885 г. доказывали, что русское дворянство не «замкнутая каста» и никогда ею, в отличие от феодальной аристократии Франции или Германии, не была, а всегда являла собой лишь «верхний слой народа, воспитанный исторически и постоянно освежаемый притоками снизу». Повышение дающего право на дворянство чина, как это многократно предлагалось, было бы предательством этой традиции, придало бы дворянству несвойственный ему характер исключительности и кончилось бы появлением группы высших должностных лиц, которые, не имея возможности получить дворянство, стали бы врагами первого сословия. В 1897 г. сходные возражения выдвинул Витте, указавший на опасность для дворянства того возможного в будущем положения, когда «Россия будет управляться не дворянами», а лицами, которым от-

казали в переходе в первое сословие. В 1885 г. это же соображение в применении к офицерскому корпусу развивал военный министр П.С. Ванновский. Ванновский считал, что отказ офицерам «из простых» в доступе к дворянскому достоинству приведет к тому, что недворяне высших чинов будут командовать многочисленными потомственными дворянами, имеющими чины штаб- и обер-офицеров. Такая ситуация обострит проблему, отчасти существовавшую еще с 1856 г., когда чин майора и даже подполковника перестал давать статус потомственного дворянина¹⁵.

В марте 1883 г. Александр III откликнулся на беспокойство, вызванное притоком выходцев из нижних сословий в дворянство, назначением особой комиссии под председательством управляющего Собственной его императорского величества канцелярии, С.А. Танеева, для изучения данного вопроса. Хотя император склонялся к тому, чтобы вообще отменить Табель о рангах, комиссия Танеева в январе 1885 г. рекомендовала ограничиться повышением до третьего класса чина, дающего право на дворянство служащим как по военной, так и по гражданской части. Чиновник третьего класса имел ранг тайного советника, чему соответствовала, например, должность заместителя министра; офицер третьего класса имел звание генерал-лейтенанта или вице-адмирала. Комиссия Танеева также предложила отменить возведение в дворянство награжденных орденами св. Владимира третьей и четвертой степени, св. Георгия четвертой степени, св. Анны и св. Станислава первой степени. По оценке комиссии, если бы ее предложения в 1875 г. получили силу закона, за период 1875—1884 гг. дворянское достоинство за чины и награды получили бы только 70 человек, включая членов семей, а не 12 701 человек, как это было в действительности. Благодаря оппозиции Ванновского и других министров, рекомендации комиссии Танеева были похоронены в Государственном совете¹⁶. При Александре III единственным шагом по ограничению возможностей получения дворянства за успехи на государственной службе было введение более жестких критериев награждения орденом св. Владимира четвертой степени за беспорочную службу — в 1887 г. был установлен срок 20 лет, а в 1892 г. он был увеличен до 35 лет. Кроме того, награждение Владимиром четвертой степени перестало быть основанием для присвоения дворянского

звания за филантропическую или другую деятельность, не связанную с государственной службой¹⁷.

В середине 1880-х гг., после краткого затишья, усилия по ограничению доступа к дворянству для лиц низших сословий стали более настойчивыми, чем прежде. На протяжении следующего десятилетия в правительство непрерывно поступали ходатайства от дворянских собраний многих губерний, призывавшие либо ограничить, либо вовсе запретить производство в дворянство за чины и награды. И первое общегосударственное совещание предводителей дворянства в 1896 г. почти единогласно проголосовало за то, чтобы право на дворянство получали только дослужившиеся до 3-го класса в гражданской службе и до 4-го класса — в военной; и одобрило большинством голосов рекомендацию оставить орден св. Георгия единственной наградой, дающей право на дворянство¹⁸.

Большинство Особого совещания по делам дворянского сословия сочувствовало желанию одного из своих членов «избавить поместное дворянство от чуждого ему чиновничьего элемента»¹⁹. Совещание, однако, признало, что мало чего можно достичь, подняв дающий право на дворянство чин, так как у многих из дослужившихся до четвертого класса чиновников уже был орден св. Владимира. Поэтому в конце января 1898 г. подавляющее большинство Совещания проголосовало за то, чтобы Владимир четвертой степени перестал давать право на дворянство, а Владимиром третьей степени награждать только чиновников четвертого и более высоких классов, офицеров шестого и более высоких классов, которые, даже будучи простого происхождения, уже достигли чинов, дающих дворянство²⁰.

Несмотря на некоторую склонность к более жестким ограничительным мерам в Государственном совете, в начале 1900 г. это учреждение в конце концов одобрило рекомендации Особого совещания, и 28 мая 1900 г. именным высочайший указ Сенату придал им статус закона. Хотя для чиновников гражданской службы чин, дающий право на дворянство, остался неизменным, однако по новым правилам, принятым в 1898 и 1900 гг., получить нужный чин стало труднее. Теперь, чтобы получить продвижение в класс четвертый Табели о рангах, чиновник должен был не менее пяти лет прослужить в пятом классе, имея при этом должность, соответствующую

этому рангу, а также при условии, что его общий срок службы в классных чинах был не менее двадцати лет²¹. Как следствие этих новых правил, а также отмены статуса ордена св. Владимира четвертой степени как «пропуска» в первое сословие, возможности лиц низших сословий дослужиться до дворянства на государственной службе резко сократились.

Указ от 28 мая устранил еще один путь получения дворянства. Практически безо всяких споров и при полном единогласии Особое совещание и Государственный совет рекомендовали отменить правило, согласно которому человек, и дед и отец которого отслужили не менее 20 лет на государственной службе в чине, дающем личное дворянство, мог претендовать на потомственное дворянство при вхождении в службу. Николай II согласился, что такие лица должны на общих основаниях доказать свое право на дворянство²².

Личное дворянство

В ходе десятилетних дискуссий о мерах по ограничению доступа к дворянскому достоинству через государственную службу особые страсти кипели по поводу представителей низших сословий, занимавших средние чины в гражданской службе. Речь шла о «недворянах», принадлежавших к личному дворянству, т.е. к группе, которая со времен Петра Великого была хотя и не вполне полноценной, но неотъемлемой частью первого сословия. В течение столетия с четвертью личное дворянство получали чиновники простого происхождения, занимавшие низшие чины в Табели о рангах (с девятого класса по четырнадцатый)²³. После того как сначала в 1845 г., а потом еще раз в 1856 г. был повышен чин, дающий потомственное дворянство, был увеличен и чин, дающий личное дворянство гражданским чиновникам — от четырнадцатого до девятого класса в 1856 г. Одновременно не потомственным, а личным дворянством в 1845 г. стали вознаграждать недворян, дослужившихся до обер-офицерского чина в армии и на флоте. Чиновники гражданской службы могли также получить личное дворянство через награждение орденами, прежде дававшими потомственное дворянство: с 1845 г. орденом св. Анны второй, третьей и четвертой степени; с 1855 г. орденом св. Станислава второй и третьей степени и с 1900 г. орденом св.

Владимира четвертой степени. Личное дворянство могло быть пожаловано купцам, заслужившим благотворительной или общественно полезной деятельностью чин девятого или более высокого класса, а также, по изволению императора, любому, кого он счел бы заслуживающим такой чести²⁴.

В результате этих изменений с середины XIX в. начался быстрый рост численности личных дворян, намного опережавший рост числа потомственных дворян. Точные цифры отсутствуют, потому что при оценках населения, начиная с 1858 г. и при переписи 1897 г., личные дворяне включались в группу чиновников (точнее говоря, лиц низших сословий, достигших на гражданской службе чинов 10—14-го класса). По оценкам 1858 г., общее число личных дворян и чиновников, включая жен и несовершеннолетних детей, составляло 276 809 человек, а по переписи 1897 г., уже 486 963 человек — рост на 76%, тогда как численность потомственного дворянства выросла только на 45%²⁵.

Вопрос о соотношении между личным и потомственным дворянством был двусмысленным с самого начала. В соответствии с Жалованной грамотой 1785 г. личные дворяне не были наделены корпоративными правами, пожалованными потомственным дворянам: их имена не вписывались в родословные книги дворянских обществ; они не участвовали в созывавшихся каждые три года дворянских собраниях; они не могли занимать такие выборные должности, как предводитель дворянского собрания, депутат или секретарь²⁶. Кроме того, они были лишены ценнейшей привилегии первого сословия — права владеть землей с крепостными крестьянами. С другой стороны, на личных дворян распространялись все полезные личные права, которыми были наделены потомственные дворяне. Освобождение крепостных уменьшило правовую дистанцию между потомственным и личным дворянством, но распространение общих личных прав дворянства на членов других сословий одновременно уничтожило самое важное, что объединяло две подгруппы первого сословия.

Другие связи были менее существенные. В дореформенное время личные дворяне могли быть избраны на определенные должности в местной администрации, которые обычно занимали потомственные дворяне по выбору или назначению дворянских собраний. После того как в 1860-х гг. подавляющее

большинство этих должностей было отменено, личные дворяне могли, в чрезвычайных случаях, быть выбраны только на одну должность — заседателя уездного полицейского управления. В 1889 г. владевшие землей и удовлетворявшие ряду других требований личные дворяне получили право на выдвижение и назначение на новую должность земского начальника, если не было квалифицированных кандидатов из потомственных дворян. Количество владеющих землей личных дворян было невелико, но с 1890 г. они на равных с потомственными дворянами-землевладельцами вошли в первую курию избирателей уездного земского собрания. Но в любом случае личные дворяне имели право в случае необходимости претендовать на финансовую поддержку со стороны губернских дворянских обществ, хотя последние, разумеется, отдавали предпочтение своим собственным членам при распределении благотворительных и учебных фондов. Нет сомнения в том, что именно благодаря этому праву на поддержку земли личных дворян, начиная с 1851 г., облагались губернскими дворянскими обществами налогами на тех же основаниях, что и земли потомственных дворян. Уездный и губернский предводители дворянства, так же как губернские дворянские депутатские собрания, могли, в случае отхода от православия или крайнего злоупотребления правом собственности, учредить опеку над именными как потомственных, так и личных дворян. А предводители дворянства в определенных ситуациях были обязаны удостоверить факт умственного расстройств и давать письменное свидетельство о поведении и характере как личных, так и потомственных дворян, проживающих на подведомственной им территории²⁷.

Потомственные дворяне изначально сторонились личных дворян, и как общество, так и государство фактически воспринимали их как членов городского сословия. Со времени царствования Николая I детей личных дворян по достижении зрелого возраста записывали в разряд потомственных почетных граждан, да и сами личные дворяне, если желали, получали права потомственных почетных граждан²⁸. В своем университетском курсе лекций «История сословий в России» в 1886 г. В.О. Ключевский сформулировал общепринятую точку зрения, в соответствии с которой личное дворянство, строго говоря, всего лишь «особый разряд дворянства, потому что лишено отличительных дворянских прав...; это не более как

почетное пожизненное звание, которому усвоен титул дворянства не по сходству прав, а по одинаковости способов приобретения того и другого звания: как личное, так и потомственное дворянство приобретается пожалованием, чинами по службе и получением ордена. Действительные права личных дворян одинаковы с состоянием так называемых *потомственных почетных граждан*»²⁹.

Чтобы понять отношение общества к личному дворянству, стоит обратиться к знаменитому образу русской классической литературы XIX в. — скромному чиновнику Акакию Акакиевичу, охарактеризованному Гоголем как «вечный титулярный советник». Гоголю не нужно было объяснять своим современникам, что чин титулярного советника (девятый класс гражданской службы по Табели о рангах), как и все более низкие чины, до 1856 г. давал человеку личное дворянство. Повышение на один чин (в восьмой класс) до 1845 г. приносило потомственное дворянство. Выражение «вечный титулярный советник» вошло в язык и стало обозначать вообще всех Акакиев Акакиевичей, обреченных не достигнуть звания потомственных дворян путем повышения в чине. Даже после повышения критериев в середине столетия чин титулярного советника продолжал давать право на личное дворянство. Так что до самого конца старого режима каждый грамотный русский мгновенно понимал, что Акакий Акакиевич является личным дворянином.

Вопрос о будущем соотношении между статусами личного и потомственного дворянства многократно поднимался в дискуссиях по дворянскому вопросу. В начале 1870-х гг. Фадеев предложил даровать личным дворянам абсолютное равенство, «с полным приравнением ко всем политическим и другим дворянским правам пожизненно», а в январе 1898 г. Казанское собрание предводителей и депутатов предложило допустить в состав Казанского дворянского общества тех личных дворян, кто в силу своих интересов в земледелии и по образованию имел общие интересы с потомственными дворянами³⁰. Защитники привилегий, однако, склонялись к тому, чтобы совершенно разделить потомственное и личное дворянство. Иногда появлялись даже предложения ликвидировать статус личного дворянства, чему примером могут служить

высказывания (анонимного публициста в 1881 г. и предводителей дворянства, и дворянских депутатов в Санкт-Петербургской губернии в декабре 1898 г.)³¹.

Большинство Особого совещания по делам дворянского сословия высказалось за менее крайнее, хотя и достаточно радикальное, решение. Охарактеризовав на своем первом заседании личное дворянство как независимое сословие, не имеющее ничего общего с настоящим, т.е. потомственным дворянством, Совещание затем предложило: выбрать в девятом томе Свода законов все законы, касающиеся личного дворянства, изъять из разделов, имеющих отношение к потомственному дворянству, и поместить отдельно в том же томе; освободить предводителей дворянства и дворянские депутатские собрания от всякой ответственности за личных дворян; перевести личных дворян из первой курии избирателей уездных земских собраний во вторую, включавшую индивидуальных владельцев земли из низших сословий, а также всех корпоративных собственников земли, кроме сельских обществ. Личный дворянин, разумеется, был лишь низшей разновидностью такого же чиновника, дослужившегося до статуса потомственного дворянина. С точки зрения Особого совещания, ценности и жизненные установки обеих групп были целиком сформированы их воспитанием и службой, а потому не сопоставимы с достоинствами традиционных, то есть владеющих землей потомственных дворян. Существенное меньшинство Особого совещания, однако, возражало против любых изменений в сложившихся отношениях между двумя подгруппами первого сословия на том основании, что служба государству, а не владение землей, была основным призванием и главной характеристикой дворян. Большинство личных дворян были возвышены до своего положения за службу государству, и дальнейшей службой многие из них получают также и статус потомственного дворянства³².

Хотя небольшая группа членов Государственного совета соглашалась с большинством Особого совещания в том, что для защиты потомственного дворянства следует воздвигнуть как можно более прочную границу между ним и личным дворянством, подавляющее большинство Совета выступило за сохранение сложившегося положения, указывая, что за 180 лет связь между личным и потомственным дворянством не нанесла

ни малейшего ущерба второму. Николай II, убежденный сторонник петровской системы, привязавшей дворянское состояние к государственной службе, принял в 1902 г. рекомендации Государственного совета, оставив неразрешенным двусмысленный статус личного дворянства³³.

Одновременно император принял сторону меньшинства Совета и декретировал перемены, закрепившие связь между двумя подгруппами первого сословия. Самое важное, что эти изменения оказались выгодными дворянским обществам. С 1851 г. губернские дворянские общества облагали сельскую недвижимость личных дворян на той же основе, что и поместья потомственных дворян. Но если после 1883 г. личное имущество и земельная собственность потомственных дворян в случае отсутствия наследников переходили в собственность дворянских обществ, то выморочное имущество и земли личных дворян по-прежнему отходили в собственность государства³⁴. Хотя подавляющее большинство личных дворян не имели никакой земельной собственности, да и вообще были людьми малосостоятельными, в отдельных случаях выморочное наследство бывало очень значительным, а если взять Москву и Санкт-Петербург, среди населения которых было много личных дворян, то разговор шел о значительных суммах денег. Точно так же в некоторых губерниях поступления от налогов на недвижимость, принадлежавшую личным дворянам, были желанным пополнением для казны дворянских обществ. Предпочтя материальные соображения желаниям разграничить потомственное и личное дворянство, как совещание предводителей дворянства в январе 1898 г., так и Особое совещание по делам дворянского сословия рекомендовали дать дворянским обществам неограниченное право на выморочное имущество, движимое и недвижимое, городское и сельское, обеих категорий дворян³⁵. Однако Государственный совет согласился с возглавлявшейся Сипягиным Комиссией при Особом совещании и — во имя принципов жертвуя материальными интересами — проголосовал за то, чтобы не только отказать губернским дворянским обществам в правах на выморочное имущество личных дворян, но и лишить их права взимать налоги с их земельных владений. В условиях российского самодержавия Государственный совет мог всего лишь предполагать, а самодержец — располагает. Николай II

присудил спорное имущество дворянским обществам, одновременно подтвердив их право на налогообложение сельских земельных владений личных дворян³⁶.

Начиная с 1894 г. городская недвижимая собственность, принадлежащая и личным, и потомственным дворянам, облагалась налогом дворянскими обществами, а не муниципалитетом города, в котором эта собственность находилась. Сходным образом Николай II решил вопрос с правами на выморочную городскую собственность — в 1898 г. потомственных дворян и в 1902 г. личных³⁷.

ПОЛУЧЕНИЕ ДВОРЯНСТВА ЧЕРЕЗ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ

Отделение потомственного дворянства от личного и дальнейшее затруднение получения чиновниками потомственного дворянства — все это были отрицательные методы укрепления традиционной связи первого сословия с землевладением. Положительный подход заключался в том, чтобы возводить в звание потомственного дворянина тех представителей низших сословий, которые обладали значительными земельными владениями. С 1860-х гг. появилось много проектов того, как воплотить эту идею на практике, причем в царствование Александра III многие из этих проектов предлагались дворянскими обществами. Как комиссия Танеева в 1885 г., так и первое совещание предводителей дворянства в 1896 г. рекомендовали разрешить дворянским обществам обращаться в правительство с ходатайствами о приписании к дворянству землевладельцев, проявивших свою полезность для сельского мира, наличие определенных внутренних достоинств и владеющих в течение длительного срока обширными земельными владениями³⁸.

За идеей возведения богатых землевладельцев в дворянское достоинство стояла насущная, с точки зрения защитников привилегий, задача — остановить и даже обратить вспять процесс сокращения числа дворян-землевладельцев. Пазухин, например, был обеспокоен тем, что даже при изменении правительственной политики по отношению к привилегиям численность поместного дворянства в некоторых районах настолько уменьшилась, что «без притока в его среду новых сильных элементов» дворяне не смогут выполнять роль верных слуг

отечества и надежных защитников крестьянства. Говоря о «новых сильных элементах», он имел в виду богатых землевладельцев, которые жили, как подобает дворянам. Анонимный защитник привилегий спустя несколько месяцев после статьи Пазухина, в том же «Русском вестнике» повторил тот же аргумент и прибавил следующее соображение: возможность стать дворянином будет поощрять землевладельцев жить, как положено благородным людям, и участвовать в общественно полезной деятельности. Другой сословник, В. Лясковский, защищал это предложение, аргументируя тем, что, «когда была служба, она же была и тем естественным путем, которым достигал дворянства разночинец»; но государственная служба, за возможным исключением принадлежности к офицерскому корпусу, перестала быть монополией дворян или жизненным занятием большинства из них. А поэтому логичней было бы, чтобы именно владение землей, а не служба государству определяли статус дворянина и получение им дворянского звания. В любом случае, собственник, живущий в имении, которое принадлежало нескольким поколениям его семьи, будет иметь намного больше общего с дворянами-землевладельцами своего края, чем с рожденным и воспитанным в городе чиновником³⁹.

Другую линию аргументов выбрало значительное большинство Особого совещания 1897 г., которое утверждало, что деятельность в земских учреждениях и другие формы активного участия в жизни сельского мира являются одной из форм служения государству, а потому и должны считаться достаточным основанием для возведения в дворянство. Оценку такой службы следует поручить дворянским собраниям, располагающим для этого куда лучшими возможностями, чем какие-нибудь Санкт-Петербургские чиновники. Военный министр А.Н. Куропаткин, приглашенный участвовать в обсуждении этого вопроса на Особом совещании, выдвинул еще один аргумент в пользу облагораживания крупных землевладельцев званием дворянина. Он был убежден, что наилучшее физическое и нравственное воспитание будущие офицеры могут получить только в лоне деревенских дворянских семейств. Учитывая уменьшение численности таких семей после освобождения крестьян и увеличение нужды в офицерах, он считал безотлагательными обсуждав-

шие меры, способные поддержать условия, благоприятные для воспитания офицеров⁴⁰.

Главным препятствием для выдвижения дворянскими обществами землевладельцев в дворяне было то, что этот проект двойным образом порывал с давно устоявшейся традицией. Он открывал альтернативный (помимо государственной службы) доступ к дворянскому достоинству, и он позволял органам дворянского самоуправления самим контролировать прием новых членов. Оба нововведения вызвали возражения со стороны не только либералов, но и консерваторов, таких, как министр внутренних дел граф Д.А. Толстой. Давая Александру III совет отклонить в 1885 г. поступившее от дворянского собрания Рязанской губернии ходатайство на эту тему, Толстой напирал на то, что «русское дворянство не феодального происхождения и что ему право самоопределения как сословию служилому представлено быть не может без изменения его исторического значения»⁴¹. Либеральный «Вестник Европы», со своей стороны, указывал, что наделение дворянских обществ правом кооптации новых членов было бы не только нарушением исторически установившихся отношений дворянства к государству, но и стало бы источником серьезных злоупотреблений. В отличие от объективного и безличного механизма дарования дворянства за чины и награды, механизм повышения сословного статуса землевладельцев самим дворянством не сможет обходиться без субъективных и неизбежно приблизительных оценок кандидатов. Более того, губернские дворянские собрания были слишком многочисленными организациями, со слишком текучим в трехгодичный перерыв между сессиями составом и со слишком узким кругом интересов, чтобы им можно было доверять такие оценки. Критерии приема новых членов неизбежно будут понижаться по мере уменьшения численности и влияния старых дворянских семей, потребность в притоке новой крови будет возрастать; и в любом случае, собрание — плохой оценщик пользы, приносимой человеком на службе обществу и государству, — единственного, чем оправдывается привилегированное положение⁴².

Другой либеральный журнал, «Русская мысль», восторженно одобрил тот факт, что начиная с 1860-х гг. средние и крупные землевладельцы, как дворянского, так и не дворянского

происхождения, образовали группу, аналогичную английским джентри, для которых главное — не наличие правовых привилегий, а роль лидерства в сельском мире. Наличие же такого лидерства было очевидным из того, что в земстве доминировали избиратели из первой курии. (Журнал не мог, разумеется, предвидеть того, что Положением о земских учреждениях от 1890 г. недворяне будут исключены из первой курии.) Если учесть, что в предыдущие годы земельная собственность часто переходила из рук в руки, сама идея привязать право на потомственные привилегии к владению землей была абсурдной⁴³. Это соображение было отмечено двумя участниками совещания предводителей дворянства 1896 г. Предводитель харьковского дворянства В.А. Капнист и предводитель курского дворянства А.Д. Дурново доказывали, что возведение в дворянство просто за владение крупными имениями не только подорвет историческое значение перехода в дворянство, но и ускорит процесс скупки земли богатеющими представителями низших сословий⁴⁴.

Небольшая группа участников Особого совещания по делам дворянского сословия, в которую входили Витте, министр юстиции Н.В. Муравьев, Д.С. Сипягин и С.Д. Шереметьев, настаивала, что собственность на землю и успехи в земледелии не могут рассматриваться как служба государству, а потому не могут быть основанием для возведения в дворянское достоинство. Более того, только правительство, а не органы дворянского самоуправления в состоянии правильно оценить государственную службу. По мнению самого Витте, дворянство меньше выиграет от привлечения в свои ряды землевладельцев буржуазного происхождения, чем от собственного дальнейшего обуржуазивания. Только более активное участие в промышленном и финансовом развитии спасет первое сословие от окончательного превращения в социальный анахронизм, идентифицируемый исключительно с сельским хозяйством и государственной службой. Если уж вознаграждать собственников дворянством, то за оказанные государству услуги, и пусть группа избранных будет включать всех собственников, а не только господ землевладельцев. Развивая свою мысль, Витте предложил расширить понимание государственной службы, чтобы оно отвечало духу времени. От министров и директоров департаментов следует требовать, чтобы они

предлагали на рассмотрение Комитета министров также деятелей науки, искусства, коммерции и свободных профессий, заслуживающих возведения в дворянство, — особенно если орден св. Владимира четвертой степени, которым иногда награждали этих людей, перестанет быть основанием для возведения во дворянство. Предложение Витте было принято Особым совещанием практически без обсуждения (в немалой степени потому, что трудно было ожидать широкого потока новых дворян в результате его предложений, учитывая, как скупно жаловали дворянством по воле императора). Против были только Сипягин и Шереметьев, считавшие, что служить государству можно только в офицерском или чиновничьем мундире, но не в костюме для верховой езды или сюртуке⁴⁵.

Рекомендации Особого совещания по возведению в дворянство талантливых промышленников, финансистов, профессиональных деятелей, ученых и т.п. были отклонены Государственным советом на том основании, что все подобные лица уже в полной мере материально вознаграждены и в дополнительных признаниях или поощрениях не нуждаются⁴⁶. Николай II эту позицию поддержал. Зато предложение Особого совещания о предоставлении губернским дворянским собраниям права ходатайствовать о возведении крупных землевладельцев в дворянство было без всяких поправок принято незначительным большинством Государственного совета. Кандидаты должны были иметь законченное среднее образование; владеть в губернии землей, которая была бы собственностью семьи в течение не менее 20 лет и двух поколений и при начислении налогов оценивалась бы в 30 тыс. рублей или более того, проживать в своем районе постоянно и быть активным участником в делах общества в течение ряда лет. Если выдвинутая кандидатура получает поддержку двух третей собрания предводителей и депутатов дворянства, ее направляют для утверждения губернскому предводителю дворянства, губернатору, министру внутренних дел, Комитету министров и, наконец, императору⁴⁷.

В именном указе Сенату от 28 мая 1900 г. Николай II принял сторону значительного меньшинства Государственного совета, возглавляемого четырьмя из тех, кто на Особом совещании уже выступал против наделения землевладельцев дворянским званием⁴⁸. Основным критерием принадлежности к

первому сословию России осталась, как и встарь, государственная служба. Остановить процесс сокращения численности дворян-землевладельцев было очень важной задачей, но еще важнее, с точки зрения самодержавия, было сохранить связь между принадлежностью к дворянству и службой государству, при этом оставив только за государством право решать, кто достоин быть дворянином. Попытки возродить идею предоставления дворянским обществам права кооптации землевладельцев недворян непосредственно перед революцией 1905 г. и сразу после нее оказались безуспешными⁴⁹. Оставалась возможность неформальным образом и не привлекая внимания публики предлагать вниманию правительства кандидатуры отдельных землевладельцев, заслуживающих возведения в дворянство. Действовать этим путем настойчиво рекомендовал губернским дворянским обществам сенатор Ф.Г. Тернер, который, будучи членом Государственного совета, голосовал за то, чтобы дать обществам право выдвигать кандидатуры землевладельцев для приема в члены первого сословия⁵⁰.

ВНЕСЕНИЕ НОВЫХ ДВОРЯНСКИХ РОДОВ В ГУБЕРНСКУЮ РОДОСЛОВНУЮ КНИГУ

Новые дворянские семьи имели право быть зачисленными в губернское дворянское общество. Если семья владела землей, она должна была быть приписанной к обществу губернии, где находилось ее имение. Но обычно главой такой семьи был безземельный чиновник, которому разрешалось приписаться к любому обществу по его выбору⁵¹. Хотя этот последний не имел права голоса на проходивших раз в три года выборах, он мог быть избран на любую должность, а при наличии классного чина или полного среднего образования — голосовать по всем вопросам, кроме выборов. Чтобы предохранить дворянские общества от неблагоприятного влияния получивших дворянство чиновников и их потомков, защитники привилегий пытались создать преграды против зачисления новых дворян в общество. В ответ на давление губернских дворянских обществ в предшествующее десятилетие правительство в 1895 г. увеличило не менявшуюся с 1840 г. максимальную плату за внесение новой дворянской семьи в губернскую родословную книгу с 60 до 200 рублей. Но это решение мира не принесло:

новые требования были за дальнейшее повышение платы, по сути, направленной на исключение возможности записи; так, калужское дворянство предложило взимать 10 тыс. рублей за приписание к дворянскому обществу⁵². В январе 1898 г. Особое совещание по делам дворянства предложило дифференцировать регистрационные взносы: максимум 200 рублей для дворян, владеющих недвижимостью на сумму, дающую право прямого голоса на дворянских и земских выборах (125—475 десятин земли, в зависимости от уезда, или другой недвижимости стоимостью в 15 тыс. рублей), и 1000 рублей — для всех остальных. В 1900 г. рекомендация Особого совещания была отвергнута Государственным советом, который предпочел лобовое решение — отказать в регистрации тем, кого губернские дворянские общества сочтут неприемлемыми⁵³.

По-настоящему радикальный способ сохранения традиционного характера дворянских обществ был предложен в 1890-х гг. публицистом А.А. Плансоном: бесплатная и обязательная регистрация всех дворян-землевладельцев и исключение всех прочих. Если бы его предложение было реализовано, в родословных книгах регистрировались бы не роды и семьи, а отдельные лица, и всякий дворянин, расставшийся с землей, автоматически вычеркивался бы из состава дворянского общества. Дворяне-землевладельцы, вовремя не присоединившиеся к дворянскому обществу губерний, в которых были их имения, подлежали бы штрафу. Различие между составом дворян-землевладельцев и составом губернских дворянских обществ, таким образом, исчезло бы⁵⁴. Проект Плансона не оградил бы дворянские общества от притока получивших дворянство чиновников, если последние владели бы хотя бы клочком земли. Поэтому он оказался гораздо менее привлекательным, чем идея предоставления дворянским обществам хоть какого-то контроля над приемом новых членов.

Свод законов давал губернским дворянским депутатским собраниям только право проверки достоверности свидетельств о дворянстве кандидатов, но не наделил их властью выражать мнение о желательности сделать кандидата членом дворянского общества. Когда в 1888 г. Владимирское депутатское собрание отказало в приеме нежелательному кандидату, Сенат принял сторону кандидата и принудил собрание занести его

имя в родословную книгу. Начиная с 1885 г. ряд дворянских обществ ходатайствовали об изменении закона, чтобы получить право отказывать в приеме нежелательным лицам и исключать принятых туда ранее. В 1896 г. совещание предводителей дворянства эту идею единодушно поддержало⁵⁵. Хотя Особое совещание по делам дворянства отвергло предложение позволить дворянским обществам исключать нежелательных членов (Государственный совет позднее поддержал Совещание в этом вопросе), большинство тем не менее выступало за то, чтобы дать обществам право отказывать в приеме дворянам, не владеющим настоящей собственностью в их губернии. Объяснение последнего требования заключалось в том, что дворяне, не платившие дворянскому обществу налогов на недвижимость, не могли иметь доступа к благотворительным фондам, создаваемым за счет этих налогов⁵⁶.

Одобрив своим Указом от 28 мая 1900 г. предложение Особого совещания, Николай II тем самым отверг план Государственного совета предоставлять обществам право отказывать в приеме любому кандидату вне зависимости от того, владел он настоящей собственностью или нет. Государственный совет в ответ выдвинул веский довод — право на принадлежность к дворянскому обществу должно определяться добродетельностью и личными достоинствами претендента, а эти качества не всегда сопутствуют владению земельной собственностью. Более того, землевладельцы обладали куда большими правами и возможностями влиять на дворянские общества, к добру или худу, чем безземельные дворяне⁵⁷. Проблема заключалась в несовместимости двух поставленных целей: с одной стороны, в желании преградить путь в губернские дворянские общества новым дослужившимся до дворянства чиновникам, обладавшим земельной собственностью и, с другой — желание укрепить идентификацию этих обществ как ассоциацию дворян-землевладельцев. Поскольку претендентов из числа чиновников-землевладельцев было немного, император выбрал вторую из этих двух целей и свел к минимуму право дворянских обществ регулировать доступ в свои ряды.

В июне 1904 г. Николай II утвердил мнение Государственного совета об учреждении Общей для всей империи родословной книги для регистрации дворян, не приписанных к

какому-либо из губернских обществ. Герольдмейстеру Сената было поручено вносить в эту книгу членов следующих трех групп: безземельных дворян, которым было отказано в приеме в члены губернского общества; дворян, имевших собственность в губерниях, не имевших дворянских обществ; и дворян иудейского происхождения. За исключением евреев, любой дворянин, внесенный в Общую для всей империи дворянскую родословную книгу, за чисто символическую плату по три рубля с члена семьи, имел право стать членом губернского дворянского общества, особенно если у него была земля в губернии, в которой такое общество было⁵⁸.

В контексте обсуждения дворянского вопроса, вопрос о праве евреев на членство в дворянских обществах открывает одно из самых любопытных противоречий российского общества. Еврей-дворянин в императорской России был парадоксальным феноменом. Статус дворянства олицетворял высшие правовые привилегии, тогда как статус еврея означал крайнее поражение прав; меньше прав, чем у еврея, было только у осужденных преступников. Тем не менее перепись 1897 г. зафиксировала в 50 губерниях Европейской России 108 потомственных дворян (обоего пола и всех возрастов) еврейского происхождения плюс еще 88 — в других частях Империи. Их было ничтожно мало — мизерная доля 3,7-миллионного еврейского населения 50 губерний, но это явление требует объяснения.

Правовое положение евреев в России конца XIX в. было уникальным⁵⁹. Евреи, так же как северный кочевой народ самоедов, как не знавшие оседлости казахи и калмыки, относились к числу *инородцев*, что резко отличало их статус от положения как «природного» населения (правовая категория, включавшая русские и не только русские этнические группы, как то поляки, грузины и пр.), равно как и от постоянно проживающих в России иностранцев. Но вопреки этой классификации, закон определял евреев как низшую разновидность природного населения, определяя их статус не в положении об инородцах, а в особом разделе Свода законов о состояниях. Другие инородцы могли переменить свой статус, для чего было достаточно отказаться от кочевого образа жизни и записаться в одно из сословий природного населения. Религия не играла никакой роли в перемене правового статуса. Евреи,

однако, уже были оседлыми людьми, а их место в сословной системе было вполне определенным — *мещанство*. В 1897 г. среди еврейского населения 50 губерний Европейской России 95,0% относились к *мещанам*; 1,7% — выбились в купечество, а 0,15 % достигли состояния почетных граждан; 2,75% были крестьянами⁶⁰. Но евреи не обладали той же полнотой прав, что и другие члены соответствующих сословий; для них обращение в православие или другую признаваемую законом разновидность христианства было единственным выходом из этой правовой ущербности.

До Великих реформ достичь дворянского достоинства евреи могли только через крещение, и такие случаи были крайне редки. Александр II был первым императором, который даровал дворянство некрещеным евреям⁶¹. Намного важнее было то, что при нем евреям стала частично доступна государственная служба. Хотя доступ в офицерский корпус был закрыт для них вплоть до 1917 г., но с 1860-х гг. евреи, получившие медицинское или другое высшее университетское образование, могли быть приняты на гражданскую службу⁶². При зачислении на государственную службу еврей-специалисты получали чин от восьмого до десятого класса. Девятый класс приносил личное дворянство, а награждение орденом св. Владимира 4-й степени (до 1900 г.) или чин действительного статского советника давали право на потомственное дворянство. Именно таким путем обрели свой привилегированный статус подавляющее большинство выявленных переписью 1897 г. евреев-дворян (108 потомственных и 2905 личных дворян). Отношение числа потомственных дворян к числу личных (1:27 для евреев, 2:1 для всего остального населения губерний Европейской России) отражает и тот факт, что доступ в первое сословие был открыт евреям только за поколение до этого, и то, что сложности, с которыми сталкивались евреи при переходе в более высокие классы, были труднопреодолимы⁶³.

Дворяне-евреи, подобно своим единоверцам из других сословий, были поражены в правах по сравнению с дворянами-неевреями. Постановления Сената 1898 и 1901 гг. подтвердили, что дворяне еврейского происхождения не имеют, в отличие от всех других, безусловного права поступления на государственную службу — этот путь открывался перед ними (как и перед евреями из более низших сословий) только при

наличии высшего образования. С другой стороны, правда в декабре 1898 г., Сенат постановил, что некто Гринкруг, обжаловавший отказ депутатского собрания о приеме его в члены дворянского общества Санкт-Петербурга, имеет безусловное право на прием в это общество, потому что надежно доказана его принадлежность к дворянству. До этого решения Сената какие-то немногочисленные евреи, вероятно, были приняты в дворянские общества; другие получали отказ, но никто больше не пытался его оспаривать. По одному из посланных в правительство отказов было получено решение от министра юстиции Александра III, Н.А Манасеина, что Московское дворянское общество никоим образом не обязано принимать в свой состав евреев⁶⁴.

Сенатское постановление по делу Гринкруга вызвало негодование защитников привилегий. Придравшись к техническим деталям, Петербургское дворянское общество вторично отказало ему в приеме. В ноябре 1899 г. общегосударственное Собрание губернских предводителей дворянства заявило о необходимости дать дворянским обществам право исключать евреев, и уже на следующий месяц Н.В. Муравьев, преемник Манасеина, рекомендовал ту же самую меру⁶⁵.

В начале 1900 г. Особое совещание по делам дворянского сословия наконец разрешило проблему принципиальной несовместимости иудаизма со статусом российского дворянина, предложив, что в будущем «евреи не могут приобретать потомственное дворянство чинами на службе и пожалованием орденов». Если участники Совещания смотрели на бюрократов из недворянских сословий как на элемент, чуждый драгоценным традициям первого сословия по своему воспитанию и особенностям, то бюрократы из иудеев воспринимались ими ни больше ни меньше как смертельная угроза дворянству. Члены религиозного сообщества, сумевшие, живя в христианском обществе, сохранить в течение полутора тысячелетий свою самобытность, евреи так и остались в теле дворянства чужеродным элементом. В то время как число евреев, дослужившихся до дворянства на службе, считали сословники, скорее всего, никогда не станет значительным, их потомство непременно будет весьма многочисленным, и они все будут дворянами. Хуже того, если позволить евреям «проникать в дворянское сословие» и присоединяться к губернским дворянским обществам, они

окажут «вредное... разлагающее влияние» на жизнь и нравственность первого сословия. Почему дворянство должно быть столь подвержено страху заразиться «обособленностью и склонностью к эксплуатации остального населения» евреев, их одержимой сосредоточенностью на материальной выгоде, их духом интриг, словом, всем, что признавалось столь чуждым ценностям самого дворянства, — этот вопрос ни одному из участников Совещания в голову не пришел⁶⁶.

Вопреки мнению Особого совещания, большинство Государственного совета не считало, что возведение небольшого числа чиновников еврейского происхождения в дворянское достоинство представляет собой угрозу первому сословию, если только не позволить проникновению евреев в дворянские общества. Губернские дворянские собрания заслуживали такой же защиты, как земства и городские Думы, участие в деятельности которых было запрещено евреям с 1890 г. Указ Николая II от 28 мая 1900 г. узаконил рекомендацию Государственного совета и запретил включение дворян-евреев в губернские родословные книги.

Предложенный в начале столетия метод урегулирования различных аспектов проблемы принадлежности к дворянству и дворянским обществам отражал заинтересованность государства в сохранении сути дворянства как прежде всего служилого сословия (сохранение службы как основного пути к получению дворянского статуса, даже для евреев, и связи между личным и потомственным дворянством) и в сохранении централизованного контроля над процессом возведения в дворянство (отказ в предоставлении губернским обществам права кооптации новых членов). Этот метод урегулирования отражал также стремление защитников старого общественного порядка сохранить традиционный характер первого сословия, который — с их точки зрения — был неразрывно связан с землевладением (усиление ограничений на получение дворянского достоинства выходцами из чиновничества и буржуазии, предоставление губернским обществам права исключать из своего состава безземельных дворян). Фактически лейтмотив многолетних споров о возведении в дворянство, о принадлежности к дворянским обществам и соотношении между личным и потомственным дворянством был тот же, что и в случае

дебатов, о которых говорилось в предыдущей главе: это был страх перед тем, что дворянство быстро утрачивает связь с землей. Традиционно «дворянин» и «землевладелец» были почти синонимами. После освобождения крестьян между этими понятиями с каждым проходящим десятилетием оставалось все меньше и меньше общего.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 5. Т. 1, приложение, с. 123; Устимович. С. 11.

2. Романович-Славатинский. С. 44, 63; Dukes. P. 146—151; Torke. *Continuity*. P. 464—466. Относительно установленной в 1722 г. Табели о рангах см.: ПСЗ. Собр. I. Т. 6. № 3890; Относительно окончательной ее формы см.: *Устав о службе по определению от правительства* (изд. 1896), приложение к ст. 244 СЗ, т. 3. См. также: Малкова З.И., Плюхина М.А. *Документы высших и центральных учреждений XIX — начала XX в. как источник биографических сведений* // Некоторые вопросы изучения исторических документов XIX — начала XX века (Л., 1967). С. 206—209; и Романович-Славатинский. С. 420.

3. Малкова, Плюхина. С. 208—209, 212; Романович-Славатинский. С. 27—28; *О составе*. С. 12, 15—16; Корелин. *Дворянство*. С. 98. Повышение в чинах от 14-го класса до 5-го происходило следующим образом: носитель данного ранга мог занимать должности, соответствующие этому рангу, а также двух следующих рангов; кроме того, он мог быть повышен в чине на один ранг, оставаясь в той же должности. Таким образом, повышение в чине за заслуги либо просто за выслугу лет могло вести к повышению в должности, а должностной рост мог способствовать повышению в чине. См.: Orlovsky Daniel T. *High Officials in the Ministry of Internal Affairs, 1855—1881* // Pintner Walter M., Rowney Don K. (eds.). *Russian Officialdom* (Chapel Hill, 1980). P. 270; and Bennett Helju A. *Chiny, Ordena and Officialdom* // *Ibid.* P. 166—168.

4. РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 13; Там же. Д. 148а. Л. 4.

5. РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 109. Штаб-офицеры имели чины 6, 7 и 8-го классов (полковник, подполковник и майор); офицеры имели чины от 9-го и ниже (капитан и ниже).

6. Малкова, Плюхина. С. 210—211; Коркунов, 1:290; Зайончковский П.А. *Самодержавие и русская армия на рубеже XIX—XX столетий, 1881—1903* (М., 1973). С. 206 пр.

7. Малкова, Плюхина. С. 210—211; *Учреждение орденов и других знаков отличия* (изд. 1892 г.). Ст. 86, 90, 106, 143—144, 148; СЗ. Т. 1. Ч. 2; Блосфельдт. *Сборник законов*. С. 376, 379; Зайончковский. *Самодержавие и русская армия*. С. 206 пр.; Коркунов, 1:290. Присвоение чинов в ознаменование выдающихся заслуг частных лиц, не состоящих на государственной службе, не влекло производства в потомственное дворянство.

8. Устимович. С. 14, 17.

9. РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 5. Т. 1, приложение, с. 121—122.

10. Среднегодовая величина за 1825—1845 гг. вычислена по данным из: Корелин. Российское дворянство. С. 60; за 1875—1884 гг. — по данным из: РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 13; за 1882—1896 гг. — по данным из: РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 13; за 1882—1896 гг. по данным отсюда же (Д. 148/а. Л. 4); и за 1892—1896 гг. по данным отсюда же (Д. 5. Т. 1. Л. 32, и приложение, с. 127). Общая величина за 1858—1874 гг. представляет собой оценку, полученную из интерполированной среднегодовой величины за период — 1100. Корелин («Российское дворянство»), дающий для периода 1875—1896 гг. цифру 37 000, исходит при этом из того, что 20 889 человек за 1882—1896 гг. относится к числу членов семей новых дворян, а не к числу награжденных, плюс число членов их семей (с. 60). При таком толковании за 1882—1891 гг. число ежегодно получавших дворянское звание составляло в среднем 1899 человек в год, что очень отличается от показателей за предыдущий и последующий периоды.

11. Относительно методов вычисления этих оценок см. ниже: Приложение Б.

12. См., например: Баратынский. *Сборник статей*. С. 49; Устимович. С. 12—13, 17; Елишев. *Дворянское дело*. С. 202; Плансон. *О дворянстве в России*. С. 20—23.

13. *Русский вестник*. 1890. Март. С. 327—330.

14. *Вестник Европы*. 1885. Апрель. С. 812—816; 1893. Март. С. 374; *Русская мысль*. 1890. Март. Ч. 2. С. 223—230. Рубакин Н.А. *Россия в цифрах*. [СПб., 1912]. С. 58—59. С другой стороны, преувеличивал статистическое влияние притока новых дворян на состав первого сословия.

15. Фадеев. С. 67, 76; передовая статья в: *Московские ведомости*. 1885. № 108; перепечатано в сб.: Катков М.Н. *О дворянстве* (М., 1905); Соловьев. *Самодержавие и дворянство в конце XIX века*. С. 176. Высказывание Витте взято в: Соловьев. *Самодержавие и дворянский вопрос*. С. 166.

16. РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 13—15, 18; Соловьев. *Самодержавие и дворянство в конце XIX века*. С. 176; Половцов А.А. *Дневник государственного секретаря А.А. Половцова, 1883—1892* (М., 1966), 1:306—309, 466; Whelan. P. 136.

17. Корелин. *Дворянство*. С. 98; Палтов. С. 196.

18. РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 1—7, приложение, с. 99—108; Там же. Д. 4. Л. 5—6; *Русский вестник*. 1890. Март. С. 327—330; *Вестник Европы*. 1893. Март. С. 368—370; *Русская мысль*. 1890. Март. Ч. 2. С. 223—230.

19. Воронцов-Дашков, цит. по: Соловьев. *Самодержавие и дворянский вопрос*. С. 168.

20. РГИА. Ф. 1283: Оп. 1. Д. 148а. Л. 1—9. Лица, не находящиеся на государственной службе и не имеющие требуемых законом чинов, потеряли право на награждение орденом св. Владимира третьей степени.

21. Блосфельдт. *Сборник законов*. С. 379, 381; Корелин. *Дворянство*. С. 100.

22. РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 148а. Л. 9—10; Государственный совет. *Отчет за 1899—1900*, 2:580, 590, 641; *Свод законов о состояниях* (изд. 1899 г.) Ст. 24; СЗ. Т. 9. В семьях, три последовательных поколе-

ния которых имели чины, дающие личное дворянство, независимо от срока службы в этих чинах, представители четвертого поколения при поступлении на службу получали право на потомственное дворянство. Корелин. (*Дворянство*. С. 115) — смешивает два установления и утверждает, что представители четвертого поколения могли претендовать на потомственное дворянство, если представители каждого из трех предыдущих поколений отслужили не менее двадцати лет в чинах, дающих личное дворянство.

23. Закон 1722 г., утвердивший Табель о рангах, оговаривал, что потомки любого лица низшего сословия, получившего дворянство по достижении восьмого класса на гражданской службе и четырнадцатого класса на военной, являются полноправными членами дворянского сословия, но при этом дети тех, кто на гражданской службе поднялся не выше девятого класса, «не суть Дворяне». Двамя годами позже указ явным образом установил, что канцелярские служащие получают дворянское достоинство при присвоении самого нижнего классного чина, но об их детях там ничего не сказано. Екатерина II в Жалованной грамоте дворянству упорядочила статус этой выпадающей из всех рамок группы младшего чиновничества — их «почитать надлежит за имеющих лишь личное дворянство, но не наследственное» (*ПСЗ. Собр. I. Т. 6. № 3890. Ст. 11, 15; Там же. Т. 22. № 16187. Ст. 92*).

24. Свод законов о состояниях (изд. 1899 г.). Ст. 46—48, 514—515. Награжденный орденом купец мог быть пожалован званием потомственного почетного гражданина. Начиная с 1856 г. чиновники гражданской службы десятого — четырнадцатого классов награждались званием личного почетного гражданина.

25. *Статистическая таблицы Российской империи*. Вып. II (1863). С. 267; *Общий свод результатов переписи*, 1:160.

26. *Свод законов о состояниях* (изд. 1899 г.). Ст. 111, 188, 963.

27. Гос. совет. *Отчет за 1901—1902*. С. 177—179; Коркунов, 1:293; Зайончковский. *Российское самодержавие*. С. 397; *Свод законов о состояниях* (изд. 1899 г.). Ст. 350, 382.

28. Романович-Славатинский. С. 21—22.

29. Ключевский, 6:279.

30. Фадеев. С. 74; *Доклад казанского предводителя дворянства*. С. 7.

31. А.Ч. *Желательная реформа* (СПб., 1881). С. 20—26; Зиновьев. С. 38.

32. РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 4. Л. 185—193; Там же. Д. 13. Л. 209, 211, 235; Гос. совет. *Отчет за 1901—1902*. С. 155.

33. РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 13. Л. 282—283, 315—317; Гос. совет. *Отчет за 1901—1902*. С. 161. 181—84; Гос. совет. *Всепооданнейший отчет председателя за сессию 1901—1902*. С. 24.

34. Гос. совет. *Отчет за 1901—1902*. С. 176—177, 179; РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 4. Л. 1—3; Блосфельдт. *Сборник законов*. С. 346—347.

35. РГАДА. Ф. 1254. Оп. 1. Д. 86. Л. 7б — 8а.

36. РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 13. Л. 13, 84, 204, 210, 234—235, 238—246, 277—281, 312—315; Гос. совет. *Отчет за 1901—1902*. С. 160—161, 173—181; Гос. совет. *Всепооданнейший отчет председателя за сессию 1901—1902 гг.* С. 23—24; Блосфельдт. *Новейшия узаконения*. С. 7.

37. Гос. совет. *Всеподданнейший отчет председателя за сессию 1898—1899*. С. 19—21; Гос. совет. *Отчет за 1901—1902*. С. 177; Блосфельдт. *Сборник законов*. С. 347.

38. РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 1—7, 13—15; Там же. Д. 4. Л. 5—6; Корелин. *Российское дворянство*. С. 65; *Русский вестник*. 1890. Март. С. 327—330; *Вестник Европы*. 1893. Март. С. 368—370. Предложенная в 1896 г. совещанием предводителей дворянства минимальная величина имений, дающая право на дворянство, в десять раз больше минимальной площади имений, дающих право прямого участия в дворянских и земских выборах, — была больше, чем площадь 90% имений потомственного дворянства на конец XIX в.

39. Пазухин. С. 61; Д.В. // *Русский вестник*. 1885. Август. С. 788—789; Ляковский. С. 566. См. также: Фадеев. С. 77; Евреинов Г.А. *Прошлое и настоящее значение русского дворянства* (СПб., 1898). С. 91; Елишев. *Слияние сословий*. С. 286.

40. РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 148а. Л. 15—17.

41. Цит. по: Корелин. *Российское дворянство*. С. 65.

42. *Вестник Европы*. 1885. Март. С. 385; 1885. Апрель. С. 812—816; 1883. Март. С. 370—373.

43. *Русская мысль*. 1890. Март. Ч. 2. С. 223—230.

44. РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 4. Л. 5—6; Там же. Д. 5. Т. 1. Л. 1—7.

45. РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 148а. Л. 11—14; Там же. Д. 4. Л. 98—101; Соловьев. *Самодержавие и дворянский вопрос*. С. 165—174, 176.

46. Журналы сессий Государственного совета по этому вопросу см.: РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 5. Т. 2. Л. 420—487; итоговый отчет см.: Гос. совет. *Отчет за 1899—1900*, 2:585—641.

47. РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 148а. Л. 25; Гос. совет. *Отчет за 1899—1900*, 2:583. Для получения права непосредственно участвовать в дворянских выборах достаточно было любой не сельскохозяйственной землей стоимостью в пятнадцать тысяч рублей — вдвое меньше, чем для кандидатов на возведение в дворянское достоинство.

48. Блосфельдт. *Сборник законов*. С. 225.

49. Корелин А.П. *Дворянство в пореформенной России 1861—1904* (М., 1979). С. 152. См. также гл. 8, разд. «Реформа местного управления».

50. Тернер. *Дворянство* // *Вестник Европы*. 1905. Сентябрь. С. 71—74. См. также статью Тернера под тем же заглавием в том же журнале за март 1903 (С. 11—12).

51. *Свод законов о состояниях* (изд. 1899 г.). Ст. 961.

52. *Свод законов о состояниях* (изд. 1876 г.) Ст. 148; (изд. 1899 г.). Ст. 158; Корелин. *Российское дворянство*. С. 64—65; *Вестник Европы*. 1893. Март. С. 375.

53. Корелин. *Российское дворянство*. С. 65; Гос. совет. *Отчет за 1899—1900*, 2: 584—585, 596, 639.

54. Плансон. *О дворянстве*. С. 14—16, 18; Он же. «*Особое совещание*». С. 25; Он же. *Сословия*. С. 64. С точки зрения Плансона, крайне желательной была бы русификация: (1) дворянских обществ западных, южных и восточных окраин, где дворяне великорусского происхождения

нередко владели землей, но не являлись членами местных дворянских обществ; (2) польских дворян, владевших имениями на территории великорусских и украинских губерний, но остававшихся членами дворянских обществ западных губерний, где прежде располагались их родовые поместья. Яростный шовинист, Плансон предполагал, что устранение всяких различий между составом дворянских обществ и составом местных дворян-землевладельцев даст великороссам преобладание в корпоративной жизни дворянских обществ окраин и приведет к ассимиляции основной массы польского дворянства. Вследствие репрессивных мер, принятых после восстания 1863 г., в 1897 г. 17% польских дворян жили за пределами территорий, отошедших к России после трех разделов Польши в XVIII в., т.е. за пределами девяти губерний Западного края и Курляндии. Рассеяние было осуществлено с такой тщательностью, что только в восьми из пятидесяти губерний Европейской России было менее 250 польских дворян и ни в одной не было менее 140. Поляки составляли от 12 до 21% дворянства Ливонской, Псковской, Екатеринославской, Херсонской, Бессарабской, Пермской, Вятской и Архангельской губерний и от 2 до 10% дворянства в других 31 губерниях. Об этническом составе дворянства см.: Приложение Б.

55. Корелин. *Российское дворянство*. С. 64; *Свод законов о состояниях* (изд. 1876 г.). Ст. 267. См. также: Зиновьев. С. 40.

56. РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 148а. Л. 26—31, 34; Гос. совет. *Отчет за 1899—1900*, 2:596.

57. Гос. совет. *Отчет за 1899—1900*, 2:593—595, 629—638.

58. Гос. совет. *Отчет за 1903—1904*. С. 306—310; Блосфельдт Г.Е. (ред.). *Российское дворянство. Узаконения и разъяснения 1901—1910* (СПб., 1910). С. 44—46. Общая для всей империи родословная книга охватывала все территории империи, за исключением трех прибалтийских губерний, Польши и Финляндии.

59. Данное обсуждение основано на: *Свод законов о состояниях* (изд. 1899 г.). Ст. 762—763, 767—816; и *Еврейская Энциклопедия* (СПб., 1906—1913). Т. 13. Стлб. 620—625.

60. *Общий свод результатов переписи*, 2:378.

61. Чиновник гражданской службы и дипломат Петр Павлович Шафиров и финансист Людвиг Штиглиц получили баронское достоинство из рук Петра I и Николая I соответственно; оба были сыновьями выкрестов. Среди евреев, возведенных во дворянство Александром II, были Я.С. и С.С. Поляковы, отмеченные за службу империи в банковском деле и в строительстве железных дорог, и семья барона Горация Гинзбурга, также финансиста — император признал его титул, полученный им от Великого герцога Гессен-Дармштадтского.

62. *Еврейская энциклопедия*. Т. 3. Стлб. 160—164, 167—170; Kenez Peter. *A Profile of the Prerevolutionary Officer Corps // California Slavic Studies* 7 (1973): 137, 148; *Устав о службе по определению от правительства* (изд. 1896 г.). Ст. 9, 40, 48—49, 57—58; СЗ. Т. 3.

63. Хотя к 1900 г. среди персон второго и третьего классов не было типично еврейских фамилий, в четвертом классе они уже встречались. Характерными примерами являются Яков Маркович Гальперн, чинов-

ник министерства юстиции, который получил дворянство в 1887 г. после 18 лет службы по награждению орденом св. Владимира 3-й степени; Леонард Леопольдович Гиршман, профессор медицины Харьковского университета, получивший звание действительного статского советника и потомственное дворянство в 1889 г. после 21 года службы; и Борис Михайлович Шапиров, лекарь пограничной стражи, который, отслужив 21 год, получил в 1896 г. звание действительного статского советника (*Список гражданским чинам первых трех классов, 1900; Список гражданским чинам четвертого класса, 1900*). Из 18 евреев, служивших в 1904 г. в рангах в министерстве путей сообщения, двое были сыновьями потомственных дворян, а десять получили личное дворянство на государственной службе. Один из этих десяти был в очереди на получение действительного статского советника и потомственного дворянства. См.: Amburger Erik. *Behordendienst und sozialer Aufstieg in Russland um 1900 / Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas, n.s., 18 (1970):133.*

64. Роговин Л.М. (ред.) *Систематический сборник действующих законов о евреях* (СПб., 1913). С. 336. Относительно Гринкруга см.: РГИА. Ф. 593. Оп. 1. Д. 101, II. Л. 687—688. Яков Соломонович Поляков был в числе тех, кому было отказано в приеме, но он не стал опротестовывать это решение. См.: Витте С.Ю. *Воспоминания* (М., 1960), 1:121. *Еврейская энциклопедия* (Т. 7. Стлб. 34) — утверждает, что до конца XIX в. евреев обычно без сопротивления принимали в состав дворянских обществ. Относительно решения Манасеина см.: РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 87. Л. 127.

65. РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 87. Д. 127; Там же. Д. 22. Л. 275—276.

66. РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 13. С. 33—34; и Л. 17—18; РГИА. Ф. 593. Оп. 1. Д. 101. Л. 687—691; Гос. совет. *Отчет за 1899—1900*, 2:651—664.

Глава 6

НОВЫЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ

ДВОРЯНСТВО И ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА

Дворянство традиционно олицетворялось с землевладением, но еще в большей степени — со службой государству, особенно в XVII и XVIII вв., когда сословная организация Российской империи принимала свою окончательную форму. Через столетие после того, как в 1762 г. закон освободил первое сословие от принудительной службы, служба государству, предпочтительно военная, оставалась единственной подобающей карьерой для дворянина, понуждаемого к ней финансовыми обстоятельствами или честолюбием. Но даже не отягощенные первым и не мучимые вторым, дворяне обычно отдавали службе многие годы своей жизни, чтобы получить чин, который обеспечивал им положение в глазах общества и признание государства, что они исполнили свой долг. В первой половине XIX в. типичный дворянин являлся не только владельцем небольшого поместья, но и отставным чиновником или офицером, добившимся скромного продвижения в чинах.

После Великих реформ картина изменилась, но не столь радикально, как утверждали советские и западные ученые, внимание которых было целиком поглощено двумя явлениями: сокращением доли потомственных дворян среди чиновников гражданской службы и офицеров и уменьшением доли землевладельцев в обеих группах. При этом обычно ссылаются на статистические выкладки, которые, как и в случае с дворянским землевладением, важны для понимания ситуации, но не дают всей картины.

В период между 1755 и серединой 1850-х гг., несмотря на громадное — примерно на 4000% — увеличение числа чиновников и растущую профессионализацию бюрократии в первой

половине XIX в., процент потомственных дворян на службе снизился до удивления незначительно — с 50 до 44%. В последующие четыре десятилетия, при более скромном росте числа чиновников (всего лишь на 295%), удельный вес дворян в их рядах снизился до 31%. При этом больше всего уменьшился процент дворян среди чиновников низших и средних рангов (см. табл. 18)¹. К концу XIX в. большинство чиновников средних и низших рангов рекрутировались из сыновей личных дворян (в большинстве своем также чиновники или офицеры), священнослужителей, почетных граждан и купцов. Среди чиновничества высших рангов, однако, выходцы из семей потомственных дворян составляли почти монополию. В 1903 г. они составляли 98% среди Государственного совета, 100% состава Комитета министров, 88% сенаторов, 84% заместителей министров и руководителей департаментов, 100% губернаторов и 94% вице-губернаторов. Показатели практически те же, что и в 1853 г.² Вероятнее всего, увеличивающееся число этих дворян являлись сыновьями или внуками чиновников, дослужившихся до дворянства, но точно определить их удельный вес не представляется возможным³.

Таблица 18
Дворяне на гражданской службе, 1755—1897

Доля чиновников дворянского происхождения, %				Процент относительно суммарной численности чиновников из дворян, в 1897 г.
Классы	1755	1850-е	1897	
Высшие	87,6	77,6	71,6	3,3
Средние	76,9	52,5	37,9	60,9
Низшие	34,4	33,2	22,3	35,8
Всего	49,8	43,7	30,7	100,0

Источник: Данные за 1755 г. взяты у: Троицкий С.М. *Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.* (М., 1974). С. 215; для периода 1850-х гг. расчеты делались на основе данных из: Pintner Walter M. *The Evolution of Civil Officialdom, 1755—1855* // Pintner Walter M.; Rowney Don K. (eds.). *Russian Officialdom* (Chapel Hill, 1980). P. 192, 199—200; данные за 1897 взяты в: Корелин А.П. *Дворянство в пореформенной России (1861—1904 гг.)* // Исторические записки 87 (1971):160.

Примечание: В 1755 и 1850-х гг. в категорию высших чиновников включены служащие с 1-го по 5-й класс, в категорию средних — с шестого по восьмой. В 1897 г. в категорию высших чиновников включены служащие с первого по четвертый класс, в категорию средних — с пятого по восьмой. Если бы в 1897 г. служащие пятого класса были включены в состав высшего чиновничества, процент дворян среди чиновников высших и средних классов оказался бы более низким.

По сравнению с гражданской службой офицерский корпус являет несколько иную картину. Начиная с высшего уровня (86—88%) в 1720—1750-х гг. XVIII в.⁴, процент офицеров дворянского происхождения снизился за последующее столетие до всего лишь 56% в 1864 г., что объясняется, помимо всего прочего, высокими карьерными возможностями для военнотружущих недворянского происхождения в военное время. Но в следующие три десятилетия удельный вес офицеров-дворян снизился крайне незначительно (см. табл. 19). А среди генералов и адмиралов (классы с первого по четвертый) и штаб-офицеров (классы с шестого по восьмой) процент офицеров дворянского происхождения даже увеличился. Есть два фактора, объясняющие успех дворянства в сохранении своих позиций в офицерском корпусе: скромные темпы роста численности последнего (всего на 16% за 33 года)⁵ и более высокие карьерные перспективы у выпускников кадетских корпусов (подробнее об этом в разделе об образовании). Дворяне приспособились к новым условиям службы, созданным растущей профессионализацией, — средняя продолжительность военной службы всех офицеров выросла с десяти лет в царствование Николая I до восемнадцати лет в первом десятилетии XX в.⁶ Можно даже сказать, что дворяне обратили в свою пользу преимущественные возможности обучения в военных учебных заведениях, которые во многом определяли процесс растущей профессионализации офицерского корпуса.

Таблица 19

Дворяне в офицерском корпусе армии и флота, 1864 и 1897

Классы	Доля офицеров дворянского происхождения, %		Процент относительно суммарной численности офицеров из дворян	
	1864	1897	1864	1897
1—4 Генералы	87,7	91,9	2,8	5,1
6—8 Штаб-офицеры	68,8	71,0	16,6	20,4
9—13 Обер-офицеры	53,0	46,3	80,5	74,6
Всего	55,8	51,2	99,9	100,1

Источник: Корелин. *Дворянство*. С. 157.

Примечание: В XIX в. в классах пятом и четырнадцатом не было военных чинов. Суммы 99,9 и 100,1 объясняются неточностями при округлении данных.

Глядя на цифры из таблицы 19, можно подумать, что жалобы защитников привилегий на захват офицерского корпуса людьми низкого происхождения надуманны. Однако до известной степени они были обоснованы. Хотя выходцы из дворян по-прежнему составляли большинство офицерства, к концу века три четверти офицеров дворянского происхождения служили в обер-офицерских чинах (классы 9—13), где они составляли меньшинство; более половины офицеров-дворян служили в пехоте, где большинство (60%) составляли выходцы из низших классов (см. табл. 20). На флоте ощущение, что «простолюдины» теснят, было менее острым. Инженеры и технические специалисты (в подавляющем большинстве недворянского происхождения) были выделены в отдельный корпус со своей системой чинов (например, полковник вместо капитана флота), тогда как среди строевых офицеров большинство по-прежнему составляли выходцы из дворян⁷.

Таблица 20
**Распределение дворян-офицеров всех чинов
по видам вооруженных сил, 1895**

Вид вооруженных сил	Доля офицеров дворянского происхождения, %	Процент относительно суммарной численности офицеров из дворян
Гвардейские части кавалерии	96,3	3,7
Гвардейские части пехоты	90,9	6,2
Гвардейские части артиллерии	89,4	1,2
Регулярные части артиллерии	74,4	19,4
Регулярные части кавалерии	66,7	11,7
Корпус военных инженеров	66,1	4,8
Регулярные части пехоты	39,6	53,0
Всего	50,8	100,0

Источник: Рассчитано по данным: Зайончковский П.А. *Сословный состав офицерского корпуса на рубеже XIX—XX веков* // История СССР. 1973. № 1. С.149.

Из людей недворянского происхождения, которые к концу столетия составляли почти половину офицерского корпуса, 46% были сыновьями личных дворян, т.е. обер- и штаб-офицеров, а также чиновники⁸. Поскольку офицерский корпус на три четверти состоял из сыновей потомственных дворян либо профессиональных государственных служащих, утверждение о том, что в канун Первой мировой войны офицерство превратилось в «профессию среднего класса», ошибочно. В действительности в первое десятилетие нового века потомственное дворянство усилило свои позиции в вооруженных силах: к 1912 г. они составляли 55,0% всего офицерского корпуса и 50,8% младших офицеров⁹.

Во второй половине XIX в., когда процент дворянства среди гражданских чиновников сокращался весьма ощутимо, а

среди офицерства — довольно умеренно, историческая связь между службой государству и землевладением ощутимо ослабевала. В 1755 г. приблизительно 60—65% всех чиновников являлись землевладельцами. Спустя сто лет, всего через поколение после начала процесса профессионализации государственной службы, лишь 25—28% чиновников владели землей. Даже среди высших чиновников, где доля родившихся дворянами уменьшилась совсем незначительно, удельный вес землевладельцев снизился от 88—90% в 1755 г. до 57% в 1853 г. и до 29% в 1902 г.¹⁰ Доля землевладельцев в Государственном совете упала в период с 1853 по 1903 г. с 93 до 57%, в Комитете министров — с 94 до 59%, в Сенате — с 73 до 48%, а среди заместителей министров и глав департаментов с 64 до 31%¹¹. Начавшееся уже в середине XIX в. отделение элиты чиновничества от землевладельческой элиты за следующие пять десятилетий стало еще более ощутимым¹². Две силы способствовали движению в этом направлении, и сказать, какая из них была важнее, невозможно. С одной стороны, в высших слоях чиновничества все больше, видимо, становилось выходцев из семей, которые из поколения в поколение посвящали себя государственной службе и никогда не владели землей. С другой стороны, в составе чиновничьей элиты было немало отпрысков землевладельческих семей, недавно обменявших свои поместья на акции и облигации (см. гл. 2).

Хотя данные об удельном весе землевладельцев среди средних и низших слоев чиновников на переломе столетий отсутствуют, но если предположить, что в 1902 г. соотношение между долей землевладельцев среди высших слоев чиновничества и среди чиновничества в целом осталось таким же, как в 1853 г., то можно с достаточной уверенностью считать, что в 1902 г. 13—14% всех чиновников являлись землевладельцами. Среди верхнего состава офицерского корпуса (первые четыре класса), состоявшего почти исключительно из детей дворян по рождению, доля землевладельцев была даже ниже, чем среди равной по чинам элиты чиновников гражданской администрации, — всего лишь 17% в 1903—1904 гг.¹³

Если среди высших должностных лиц военной и гражданской службы многие владели значительной неземельной собственностью, не приходится сомневаться, что «основная масса оберофицеров и среднего чиновничества жила на сравнительно

скромное жалование, не имея других сколько-нибудь существенных источников доходов». Эти дворяне в такой степени зависели от получаемого жалования, что в 1892—1896 гг. ежегодно более шестисот офицеров, в большинстве своем потомственных дворян, не заботясь о потере престижа, переводились на вышеоплачиваемые должности в гражданские ведомства¹⁴.

От демонстрации снижения относительного участия дворян и землевладельцев в различных отраслях государственной службы пора перейти к другим проблемам и рассмотреть приведенные данные с их точки зрения. Первый вопрос: Какое количество дворян и землевладельцев было на государственной службе в середине и в конце девятнадцатого столетия и какова их доля относительно общей численности дворян и землевладельцев? На государственной службе состояло примерно 37 600 чиновников (1857) и 19 400 офицеров (1864) из семей потомственных дворян; к 1897 г. число чиновников дворянского происхождения выросло до 104 400 человек, а офицеров — только до 20 700¹⁵. Таким образом, несмотря на резкое падение удельного веса потомственных дворян среди чиновников гражданских ведомств, их абсолютное число выросло во второй половине столетия на 178%. Исследователи истории дворянства много внимания уделили падению численности, но не заметили прироста. Шестипроцентного роста числа потомственных дворян в составе офицерского корпуса хватило для того, чтобы сделать минимальным падение удельного веса офицеров-дворян в наиболее медленно расширявшейся ветви государственной службы. Таким образом, как гражданская, так и военная служба по-прежнему привлекали к себе много потомственных дворян, и их число продолжало расти.

Чтобы покончить с вопросом об отношении дворянства к государственной службе, необходимо сопоставить число тех, кто выбрал карьеру служащего, с числом дворян, имевших возможность сделать такой выбор. В губерниях Европейской России число дворян, служивших по гражданской части и имевших чин, оценивалось в 17—19% от числа взрослых, пригодных к службе дворян в 1857/1858 г. и 34—36% — в 1897 г. Доля дворян, выбравших военную службу, составила 8—9% в 1863/1864 г. и 7% в 1897 г. Удвоение за четыре десятилетия

после 1857/58 г. числа дворян, выбравших карьеру гражданских чиновников, было совершенно иллюзорным. Непосредственно перед освобождением крестьян дворяне, как правило, выходили в отставку после максимум десяти лет службы. Процент взрослых дворян, когда-либо состоявших на государственной службе, вероятно, в два-три раза превышал процент тех, кто состоял на ней в любой данный момент времени. Таким образом, в начале Великих реформ в губерниях Европейской России от 34 до 57% взрослых дворян в тот или иной момент своей жизни обладали каким-нибудь чином в бюрократической структуре государства, а от 16 до 27% дворян побывали офицерами. К 1897 г. в результате профессионализации гражданской и военной службы традиция ранней отставки практически исчезла¹⁶.

Таким образом, во второй половине столетия процент дворян в гражданской службе, вероятно, немного уменьшился; процент же дворян в офицерском корпусе уменьшился значительно. Из-за замедлившегося темпа расширения численности офицерского состава и удлинения среднего срока службы возможности выслуги для офицера были сужены. Не приходится сомневаться, что эти факторы в куда большей степени объясняют умаление служебной роли дворянства, чем те, на которые ссылается Мэннинг: относительный упадок кавалерии (предпочитаемой дворянством) и возвышение роли артиллерии (якобы презираемой дворянством), а также повышение расходов, которых требовала служба в гвардейских и кавалерийских полках¹⁷. Приведенные в таблице 20 данные показывают, что 77% дворян-офицеров в 1895 г. служили в частях, не являвшихся ни гвардейскими, ни кавалерийскими, и что только в артиллерии служило почти такое же количество дворян, как в гвардии и кавалерии, вместе взятых.

В случае гражданских ведомств сходную картину дает статистика числа чиновников-землевладельцев — хотя здесь в большей степени приходится полагаться на оценки, чем на надежные данные. В период между 1853 и 1902 гг. число чиновников-землевладельцев возросло от 21—24 тыс. до 44—48 тыс. человек, т.е. почти удвоилось. В рядах офицерского корпуса в 1864 г. число землевладельцев, по подсчетам, составляло 4500—5200, а в 1903—1904 гг. — всего лишь 3400, т.е. снизилось примерно на 30%. Если предположить, что все чиновники-зем-

левладельцы являлись дворянами (предположение бесспорно верное в канун освобождения крестьянства и весьма близкое к реальности в конце столетия), получим, что в Европейской России число дворян-землевладельцев, состоявших на службе по гражданской части, составляло от 18 до 24% в 1864 г. и от 40 до 51% в 1902 г. Для офицерского корпуса аналогичные оценки дают 4—5% в 1864 г. и 3—4% в 1902/1903 г. Если ввести поправки на ранние отставки, получим для 1864 г. оценки — 36—72% для гражданских чиновников и 8—15% для офицеров. Как и в случае взрослых дворян мужского пола, процент дворян-землевладельцев на гражданской службе сократился умеренно, а на военной — очень сильно.

Из приведенных выше расчетов можно с достаточным основанием заключить, что в начале 1860-х гг. в Европейской России большинство и даже, пожалуй, три четверти взрослых дворян и примерно столько же дворян-землевладельцев в тот или иной период своей жизни отдали дань государственной службе. К концу столетия только 40% дворян и примерно 50% дворян-землевладельцев связывали себя с государственной службой. За эти четыре десятилетия число дворян, пригодных к несению службы, существенно выросло, а число дворян-землевладельцев значительно сократилось. Отсюда ясно, что, несмотря на падение удельного веса дворян среди государственных служащих, и прежде всего среди чиновников, ни дворяне в целом, ни дворяне-землевладельцы не отказались от своей исторической роли — служения государству.

Дворянские традиции служения государству сохранялись, но времена, когда почти каждый дворянин одновременно владел землей и имел чин, даваемый за службу государству, были живы только в умах сословников. В 1867 г. в Европейской России 36—38% взрослых мужского пола дворянского происхождения состояли на службе, две трети из них не имели никакой земли, а подавляющее большинство остающейся трети владели незначительными поместьями, в которых появлялись редко. В другой группе от 14 до 22% дворян постоянно проживали в своих поместьях¹⁸. Таким образом, 50—60% взрослых дворян мужского пола все еще исполняли традиционные роли — служили государству и владели землей. Однако эти роли, которые в XVIII и в первой половине XIX в. обычно совмещались одними и теми же людьми, теперь исполнялись

исключительно дворянами, которые были либо землевладельцами, либо государственными служащими или офицерами, но не тем и другим одновременно. Почти все, кто делал карьеру на государственной службе, были так же отрезаны от традиционного образа жизни дворянства, укорененного в землевладении, как и те (чуть не половина всех дворян империи), кто нашли для себя роли, не имеющие ничего общего с теми двумя функциями, с которыми дворянство исторически отождествлялось.

Эти новые роли образовались во второй половине столетия в результате экономического и социального развития России в сферах свободных профессий, искусства, коммерции и промышленности; одна из новых ролей — революционера — появилась в результате политической косности России. Особенно велико было участие дворян среди нового профессионального класса, быстро расширявшегося после 1860-х гг., — ученых, инженеров, юристов, врачей, учителей, профессоров, журналистов, литераторов и пр. В выборке 1880 г. из 826 университетских профессоров 18% были сыновьями потомственных дворян¹⁹. По данным городской переписи населения Москвы за 1882 г., около 3000 дворян (14—15% от всех материально самостоятельных потомственных дворян) работали в свободных профессиях²⁰. Об этом рассуждает один из второстепенных персонажей в романе Толстого «Анна Каренина», действие которого происходит в 1870-е гг. Этот оставшийся безымянным отставной армейский офицер, живущий на земле помещик, которого Левин встречает на губернском дворянском собрании. Традиционный дворянин, он не видит в будущем места для таких, как он. Его сын «не имеет никакой охоты к хозяйству. Очевидно, ученый будет. Так что некому будет продолжать»²¹.

Еще одним полюсом притяжения для многих дворян и их капиталов был деловой мир. Более состоятельные и знатные нередко становились членами правлений директоров банков, железнодорожных компаний и любых других корпоративных деловых предприятий. Такие должности иногда оказывались финансовым спасением для попавших в стесненное положение дворян, типа героев «Оскудения» Терпигорева, или брата Раневской, Гаева, в «Вишневом саде», или аристократического мота, князя Облонского из «Анны Карениной». Облонский

страстно желает получить должность в правлении железной дороги, которая принесет ему 7—10 тыс. рублей в год и позволит не расставаться с его государственной службой, приносящей ему жалованья всего лишь 6000 рублей в год²².

Его финансовые трудности достаточно серьезны, чтобы преодолеть сомнения, вызываемые тем, что он первым в своем роду вступит в деловое сотрудничество с евреями — железнодорожными магнатами. Облонский оказался в неплохой компании: к началу XX в. список аристократических семей, украсивших своими именами правления директоров только банков, включал Бобринских, Волконских, Воронцовых, Голицыных, Мещерских, Оболенских, Шаховских и Щербатовых. Некоторым, как и придуманному Толстым Стиву Облонскому, платили просто за использование их имен, придающих респектабельность предприятиям разбогатевших выходцев из низших классов; другие активно участвовали в делах своих предприятий, в которые они часто вкладывали и собственные деньги²³. Небольшое, но важное меньшинство создало собственные фирмы и играло в них ведущую роль капитанов промышленности и торговли, подобно тем, кто возглавил предпринимательские группы Москвы, Петербурга и юга России²⁴.

В 1882 г. в Москве было 730 дворян-предпринимателей, возглавлявших торговые и промышленные заведения, часто весьма скромные по размеру. Но этим участие дворян в бизнесе не ограничивалось. В том же 1882 г., по данным переписи городского населения, 2413 дворян работали управляющими и служащими в торговых, промышленных и транспортных предприятиях; вместе с предпринимателями 15,5% всех обеспечивающих себя дворян работали в этом секторе хозяйства. Если присоединить сюда 14—15% тех, кто был занят в свободных профессиях, а также 4,9% опустившихся на дно общества (домашние слуги, проститутки и лица без определенных занятий), станет очевидным, что более трети всех проживавших в 1882 г. в Москве финансово независимых дворян были заняты в нетрадиционных для них профессиях. Более того, многие из 24,7% раньше получали доход от вложений в несельскохозяйственный сектор²⁵. Нет сомнений, что в Москве процент дворян в нетрадиционных сферах деятельности был выше, чем в целом по Европейской России, но всего через 15 лет пятьдесят губерний достигли и даже, может быть, превзошли в этом от-

ношении московский уровень 1882 г. Впрочем, за эти годы Москва ушла еще дальше в этом направлении.

Роль революционера привлекала сравнительно немногих дворян, но без них революционное движение не было бы украшено громкими именами своих лидеров: Герцен, Бакунин, Писарев, Лавров, Михайловский и Плеханов представляют собой яркие образы благородных революционеров. В конце 1870-х гг. из 384 радикалов в Петербурге 38% были детьми дворян-землевладельцев, еще 24% вышли из семей дворян-чиновников²⁶.

Дворянство и служебные привилегии

В России дворянство было исторически настолько слито со службой государству, что этого факта не могли игнорировать даже те из сословников, кто в наибольшей мере попал под обаяние заимствованного на Западе XVIII в. идеала дворянской жизни. А большинство сословников и не намеревались игнорировать эту историческую связь. Для громадного большинства традиционалистов поместье было единственным подобающим местом жизни для настоящего дворянина, но служба государству была все-таки основной причиной существования дворянства и его сословных привилегий. Перед сословниками соответственно стояли две главных задачи: остановить процесс растущего обезземеливания дворянства и восстановить тождественность дворянского статуса службе государству. К решению проблемы они подошли с двух сторон: прямые ограничения для недворян и привилегии для дворян на государственной службе плюс обучение и подготовка дворянской молодежи к службе.

Ни военная, ни гражданская служба никогда не были исключительной территорией дворянства. Тем не менее государство постоянно оказывало дворянам предпочтение при выдвижении на ответственные должности. Вполне определенная форма была задана этой традиции еще Петром Великим, который, стремясь обеспечить казенные потребности в людских ресурсах без привлечения низших сословий, сделал дворянскую службу пожизненной повинностью. Даже постановление Петра, что все служащие в определенных классах Табели о рангах «имеют оных законные дети и потомки в вечныя времена, лучшему старшему Дворянству во всяких достоинствах

и авантажах равно почтены быть, хотя бы они и низкой породы были...»²⁷, не имело целью стимулировать приток простонародья на службу государству. Скорее это была попытка сохранить за службой ее идентификацию с дворянством за счет включения в состав первого сословия любого, кто сумел добиться известных чинов в армии, на флоте или в бюрократическом аппарате. Фактически указом 1724 г. Петр запретил назначать недворян — во всех случаях, кроме совершенно исключительных, — на должности, привязанные даже к низшему чину Табели о рангах²⁸.

Не успело государство освободить дворян от принудительной службы, как прибегло к целому ряду мер, рассчитанных и на ограничение доступа к государственной службе выходцам из низших сословий, и на обеспечение дворянству формального преимущества перед простолюдинами, которые осмелились конкурировать с ними. В офицерском корпусе, где выходцы из низших сословий в XVIII в. встречались относительно редко, унтер-офицеры дворянского происхождения, начиная с 1764 г., получили преимущественные права на производство в низший обер-офицерский чин, и минимальный срок ожидания производства в обер-офицеры был для них значительно короче, чем для недворян. В начале XIX в. производство недворян в обер-офицерский чин было запрещено в принципе; при Николае I им опять был открыт доступ в офицерский корпус, но, как правило, только после двенадцати лет службы по сравнению с двумя годами для дворян.

Гражданская служба, если не считать дипломатического корпуса, всегда была для дворян менее привлекательна, чем военная. Даже до освобождения дворянства от обязательной службы половина всех чиновников были простого происхождения. До царствования Екатерины Великой служба по гражданской части была открыта для всех, кроме крепостных, но в последней четверти XVIII и в первой четверти XIX в. социальная база, поставлявшая чиновников, постепенно уменьшалась. Начиная с 1827 г. служба в гражданских ведомствах, как правило, была доступна только для потомственных дворян, а также для сыновей личных дворян, офицеров и чиновников, православных служителей, коммерц-советников и купцов первой гильдии, обладателей ученых степеней, художников и канцелярских служащих. Но нужда в обученном персонале

перевесила пристрастие государства к привилегированным сословиям, и законом 1827 г. образованию было позволено компенсировать недостаток низкого происхождения. За исключением евреев, любой, не имевший доступа на государственную службу по причине низкого происхождения, теперь получал это право, если у него было высшее, а в некоторых случаях — среднее образование²⁹.

Обладатели дипломов университетов или медицинских факультетов, а также окончившие с отличием гимназический курс обучения автоматически зачислялись на службу с присвоением надлежащего чина; все прочие начинали в качестве канцелярских служащих. С начала царствования Николая I канцелярские служащие были разделены согласно социальному происхождению. Потомственные дворяне имели право на повышение в низший чин Табели о рангах после значительно более короткого периода ученичества, чем выходцы из низших сословий, — два года при наличии начального и год при наличии среднего образования. Чиновники дворянского происхождения быстрее продвигались по служебной лестнице, чем простолюдины. Начиная с 1834 г. от представителей низших классов требовалось примерно вдвое дольше прослужить в девятом чине до продвижения в восьмой. Это была именно та ступенька, которая до 1845 г. давала право на звание потомственного дворянина. Однако преобладание дворян на высших и средних этажах чиновничьей иерархии в середине столетия объясняется не столько этими формальными преимуществами, сколько тем фактом, что, «если не считать низших ступеней губернской администрации, дворяне больше были ориентированы на государственную службу и начинали служить с более высоких ступеней, чем недворяне»³⁰.

Эпоха Великих реформ покончила практически со всеми правовыми преимуществами, которые были у дворян при поступлении на военную и гражданскую службу и при продвижении от чина к чину. Производство в низший офицерский чин отныне основывалось только на результатах экзаменов. Гражданская служба осталась закрытой для мещанства и крестьян, но с 1861 г. на нее начали принимать евреев, имевших диплом об окончании университета или медицинского факультета. А с 1856 г. правила повышения в чинах стали едиными для всех чиновников, независимо от сословия. Единственные

привилегии, сохраненные за потомственными дворянами, были следующие: (1) более быстрое производство из канцелярских служащих в низший чин гражданской службы для дворян, не имевших диплома университета или медицинского факультета либо аттестата об окончании гимназии с отличием; (2) автоматическое повышение при переходе с военной службы на гражданскую и в случае ухода в отставку, если выслуга лет в последнем чине перед уходом в отставку была не менее года; и (3) право на переход с гражданской службы на военную с сохранением чина³¹.

Как на гражданской, так и на военной службе дворяне продолжали пользоваться формальными преимуществами образования и социальных связей, что облегчало доступ к ответственным должностям, особенно с начала 1880-х гг., когда самодержавие начало проводить откровенно продворянскую политику. (О взаимосвязи между образованием и службой речь будет идти в следующем разделе.) Любопытным образцом правительственной политики была попытка военного министра П.С. Ванновского содействовать распространению дуэлей между офицерами, чтобы укрепить образ корпуса как сферы дворянства. Позаимствовав закон (1874 г.) Германской империи, единственного западного государства, все еще позволявшего дуэли, Ванновский распорядился в 1894 г. считать дуэль обязательной, если по решению военного суда в ней было единственное спасение офицерской чести. Офицер, отказывающийся в такой ситуации от дуэли, был обязан в течение двух недель подать в отставку или претерпеть бесчестье увольнение из армии. Вслед за этим приказом количество зарегистрированных дуэлей увеличилось с одной в год в период 1876—1890 гг. до восемнадцати-девятнадцати в год в период 1894—1904 гг. Хотя военным юристам законность дуэлей представлялась сомнительной, Николай II энергично одобрил эту новацию, и с 1897 г. были разрешены дуэли между военными и штатскими³². Такого рода меры вполне могли обескуражить недворян, подумывавших о военной карьере.

Защитники традиций предлагали целый ряд мер, способных вернуть высшее сословие к исполнению его исторического призвания. Примером крайней позиции могут служить Фадеев и Елишев, которые в 1870-х и 1890-х гг. соответственно настаивали на восстановлении обязательной службы для дворянства. Они

утверждали, что только такая радикальная мера способна вырвать контроль над гражданской службой из рук разночинцев — людей, не имеющих корней ни в одном традиционном сословии. Такого рода люди якобы могут получить формальное образование, необходимое для выполнения служебных обязанностей, но им недоступны нравственная высота, самодисциплина, бескорыстная преданность благу государства, которые передаются исключительно по наследству и могут быть воспитаны только в лоне дворянской семьи. Даже среди сословников предложение Фадеева и Елишева широкой поддержки не получило. Более популярна была другая идея — не принуждать дворян к государственной службе, а защитить их на службе от конкуренции низших сословий. В 1890-х гг. Плансон агитировал в пользу восстановления ощутимых служебных привилегий для дворянства. «Московские ведомости» и «Гражданин» пошли еще дальше и призывали к установлению монополии дворянства на государственную службу, которой не было у первого сословия даже в безмятежном XVIII в.³³

По этому аспекту дворянского вопроса самодержавие и сословники не соглашались. Настоятельную потребность государственной власти в квалифицированных служащих больше не удавалось удовлетворить только за счет первого сословия. К концу XIX в. большинство взрослых дворян мужского пола выбирали карьеру, далекую от службы в государственном аппарате, и изменить эту тенденцию можно было только путем восстановления принудительной службы; но у этой идеи не было сильной поддержки ни в обществе, ни в правительстве. В правительстве Александра III споры шли преимущественно по вопросу, нужно ли сохранять или уменьшать далее еще сохранявшиеся дворянские привилегии по службе³⁴. К согласию прийти не удалось, и в первые годы нового царствования вопрос о пересмотре закона о государственной службе был доверен комиссии, которую до самой своей смерти возглавлял бывший секретарь Государственного совета Е.А. Перетц. Чтобы избежать дублирования, этот вопрос был исключен из круга проблем, рассматривавшихся Особым совещанием по делам дворянского сословия. Это не помешало ряду членов этого Совещания, включая Сипягина и Стишинского, открыто заявить об опасностях, подстерегающих общество в случае полного упразднения дворянских привилегий в гражданской службе. Компромиссный про-

ект закона, переданного в 1901 г. Комиссией Перетца в Государственный совет, открывал низшие должности государственной службы для всех получивших среднее образование без различия сословия, но «для должностей высших и вообще влиятельных необходимы люди не только серьезно образованные, но и хорошо воспитанные», т.е. дворяне³⁵. Законопроект обсуждали в течение пяти лет, и только революционные потрясения убедили правительство в именном указе в октябре 1906 г. «предоставить всем российским подданным безразлично от их происхождения, за исключением инородцев, одинаковые в отношении государственной службы права, применительно к таковым правам лиц дворянского сословия, с упразднением всех особых преимуществ на занятие по определению от Правительства некоторых должностей в зависимости от сословного происхождения»³⁶.

Окончательный триумф правового равенства над сословными привилегиями в гражданской службе завершил процесс, длящийся весь XIX в. и зашедший к концу XIX в. уже очень далеко. Мешать этому процессу государство явно не желало. С другой стороны, офицерский корпус оставался по преимуществу дворянским, и казалось, что доминирование это удастся сохранить. Здесь дворянство занимало более прочные позиции, чем на гражданской службе, и государство в большей степени было склонно оказать ему поддержку. Наилучшим инструментом для этого представлялись учебные заведения, готовившие молодежь к военной службе.

ОБРАЗОВАНИЕ

В первой половине XIX в. большинство новых офицеров были выпускниками предназначенных только для дворян кадетских корпусов, которые одновременно давали военную подготовку и общее среднее образование. Первый кадетский корпус был создан в 1731 г.; к 1825 г. их было уже пять — четыре в Санкт-Петербурге и его окрестностях и один в Москве. Кадетские корпуса привлекали дворян потому, что их выпускники получали первый обер-офицерский чин прямо при выпуске и направлении на службу, а сыновья дворян не должны были общаться со сверстниками из низших сословий, чего было не избежать при обучении в гимназиях. При Николае I

в ответ на требования дворян о расширении сети этих учебных заведений, а также размещении их ближе к местам проживания большинства дворян и желание государства свести объем производства в офицеры из рядовых к абсолютно необходимому минимуму — в провинциях были открыты еще четырнадцать кадетских корпусов³⁷.

В середине 1860-х гг. все кадетские корпуса (за исключением Пажеского корпуса³⁸ и Финляндского кадетского корпуса) решением военного министра Д.А. Милютин были преобразованы в открытые для выходцев из всех сословий военные гимназии с расширенным курсом обучения и гражданскими учителями. К концу царствования Александра II в стране было восемнадцать реформированных военных школ. Их выпускники, наравне с выпускниками гражданских средних школ, поступали для прохождения дополнительной двухлетней или трехлетней военной подготовки в специально созданные высшие военные училища, также открытые для всех сословий, и только после этого получали звание поручика (с 1884 г. — подпоручика), двенадцатого класса по Табели о рангах³⁹.

Генерал Ванновский, преемник Милютин на посту военного министра, восстановил в 1882 г. прежнее название кадетских корпусов военным учебным заведениям, уволил гражданских преподавателей и утвердил сословную исключительность этих школ, зафиксировав следующий порядок предпочтительности при приеме составлявших большинство казеннокоштных и своекоштных учащихся (в отличие от экстернов): (1) сыновья офицеров, будь то из потомственных или личных дворян; (2) сыновья потомственных дворян, имевших чин на гражданской службе; (3) сыновья потомственных дворян, не бывших ни в офицерском корпусе, ни на гражданской службе, а также сыновья войсковых священников и врачей. Только Сибирский, Донской, Второй Оренбургский и Николаевский кадетские корпуса принимали на учебу выходцев из других социальных групп. С середины 1880-х гг. несколько высших военных учебных заведений стали брать на учебу только выпускников кадетских корпусов, т.е. практически только дворян. Созданный в 1894 г. в Петербурге морской кадетский корпус принимал в первую очередь сыновей морских офицеров, а во вторую — сыновей потомственных дворян, не служивших в морском офицерском корпусе⁴⁰.

Попытки Милютин демократизировать военные гимназии привели за период с 1870/71 по 1880/81 г. к росту общего числа учащихся на 80%, сопровождавшемуся крайне незначительным снижением удельного веса сыновей дворян и чиновников в гимназиях и прогимназиях — с 89 до 83%. Вследствие изменения политики в царствование Александра III численность учащихся кадетских корпусов до конца столетия оставалась на уровне 1881 г. Среди учащихся кадетских корпусов в 1881—1897 г. потомственные дворяне составляли 62—71%, а в высших военных училищах — 54—55%⁴¹. Эти цифры объясняют сохранявшееся преобладание дворян среди высшего и среднего офицерства: в последние два десятилетия XIX в. стандартным условием успешной военной карьеры было шесть лет обучения в кадетском корпусе плюс два года в специализированной высшей военной школе. Те, кому суждено было закончить свои карьеры в младшем офицерском чине, напротив, были выпускниками двухлетних юнкерских училищ, созданных Милютиным для подготовки не имевших законченного среднего образования к экзаменам в офицерский корпус. В 1897 г. среди учащихся юнкерских училищ было только 27% потомственных дворян⁴².

Несмотря на введенные в 1882 г. ограничения в приеме и сохранявшееся в кадетских корпусах доминирование дворян, защитники привилегий были недовольны. Они жаловались на то, что в конкуренции за ограниченное количество мест в кадетских корпусах сыновья дворян все чаще проигрывают, потому что сыновьям купечества легче оплачивать довольно чувствительные расходы на обучение. Купечество, не обладающее наследственным дворянским характером, было, с точки зрения сословников, негодным материалом для воспитания хороших офицеров. Если вовремя не вмешаться, предостерегал в 1897 г. анонимный публицист, намекавший на дело Дрейфуса, в России это развитие даст те же результаты, с которыми уже столкнулись армии Франции и Австро-Венгрии. В них даже евреи, эта квинтэссенция купечества, дослужились до командных позиций, и дело дошло до «колоссального безобразия»⁴³. Чтобы защитить Россию от подобной судьбы, лучше всего расширить для дворян возможности получения образования в кадетских корпусах. Защитники старого порядка видели в кадетских корпусах не только место для подготовки

будущих офицеров, но и идеальные школы, в которых обращается особое внимание на такие традиционные ценности, как чувство чести, верности и готовности служить, воспитанники которых получают физическое и нравственное воспитание, включая и книжное обучение; такие заведения обеспечивают для молодых дворян соответствующую среду, где они могут жить и развиваться в общении с равными себе. Исходя из столь широкого представления о задачах кадетских корпусов, несколько дворянских собраний и совещание губернских предводителей дворянства 1896 г. призвали включить агрономию в учебный план этих заведений⁴⁴.

Фактически, в 1897 г. только 25% дворянских мальчиков средних школ учились в кадетских корпусах, но было ли это результатом сознательного выбора, следствием нехватки мест или дороговизны обучения, сказать невозможно⁴⁵. В 1890-х гг. годовая плата за полный пансион в гимназии или в кадетском корпусе составляла от 400 до 500 рублей⁴⁶. В конце XIX в. в тридцати семи губерниях, в которых проводились дворянские выборы, три четверти дворянских земельных владений были слишком малы и не давали своим владельцам права прямого голоса; иными словами, они стоили меньше 15 000 рублей, можно, следовательно, предположить, что их годовой доход составлял менее 750 рублей. Легко представить, что дать образование даже одному сыну было серьезной нагрузкой для семейного бюджета этих помещиков.

Выход представлялся очевидным: расширить набор учащихся в кадетские корпуса и найти средства для оказания финансовой помощи дворянским семьям, не способным самостоятельно оплатить военное образование сыновей. Соответствующие предложения были сформулированы многими дворянскими собраниями и прошедшим в 1896 г. совещанием губернских предводителей дворянства и в 1898 г. получили поддержку Особого совещания по делам дворянского сословия⁴⁷. Витте выразил на словах полное одобрение доводам Особого совещания, заявив, что в силу более высокого физического и нравственного развития, а также благодаря семейным традициям служения государству из сыновей дворян, и прежде всего землевладельцев, выходят лучшие офицеры. Но при этом он выразил сомнение в том, что государственные расходы на содержание кадетских корпусов давали до тех пор

должную отдачу. В предшествующий период 10% каждого выпуска кадетских корпусов и высших военных училищ уклонялись от службы в армии ради другой карьеры, а более шестисот офицеров ежегодно переводились в резервные части; гражданская служба, где жалованье было выше, а жизнь легче, чем в армии, весьма привлекала выпускников кадетских корпусов и высших военных училищ. По логике Витте, простое увеличение числа мест для сыновей дворян в кадетских корпусах не поможет увеличить число дворян, идущих на военную службу. Министр финансов предложил либо ввести обязательный десятилетний срок службы в армии для выпускников военных училищ, либо запретить им переводиться в резервные части до получения определенного чина, одновременно отменив имевшиеся у них привилегии, которые облегчали переход в гражданские ведомства.

Военный министр А.Н. Куропаткин, которого Особое совещание пригласило принять участие в обсуждении проблем образования, возразил Витте, что после реализации существующих планов о повышении жалованья офицеров их уход в гражданские ведомства сократится, и добавил при этом, что из офицеров в любом случае получают превосходные чиновники. Совещание одобрило предложение Куропаткина о создании двух новых кадетских корпусов, доведя их количество до двадцати трех, не считая Пажеского корпуса и кадетского корпуса Великого княжества Финляндского⁴⁸; оно также поддержало идею об учреждении 415 стипендий для обучения на казенный кошт сыновей потомственных дворян, не являвшихся офицерами. Витте согласился выделить по 450 рублей на каждого из 415 стипендиатов, что составило ежегодную сумму в 186 750 рублей. Если добавить это количество к уже существовавшим 585 казеннокоштным воспитанникам, которые обучались за счет предоставляемых различными дворянскими обществами и частными филантропами средств, получалось, что обучение каждого шестого кадета было оплачено не им. Рекомендации Совещания были целиком и полностью одобрены сначала Государственным советом, а 25 мая 1899 г. утверждены императором. Награждение стипендиями должно было производиться кадетскими корпусами и дворянскими обществами; государство должно было обеспечить суммы, равные любой новой стипендии, учреждаемой дворянскими

обществами для использования в гражданских средних и высших школах. При награждении обеими стипендиями общества должны были отдавать предпочтение сыновьям дворян, которые служат или служили по земским или дворянским выборам, а также сыновьям земских начальников, и только потом предоставлять пособия «сыновьям недостаточных членов дворянского общества, проживающих в своих имениях и занимающихся сельским хозяйством»⁴⁹.

Два новых кадетских корпуса были созданы в 1899 г. в Одессе и Варшаве, еще два в следующем году в Сумах Харьковской губернии и в Хабаровске, и еще одно в 1902 г. во Владикавказе. Но от увеличения числа студентов в кадетских корпусах на 20% с 1897 по 1903 г. выиграли не дворяне, а выходцы из низших сословий, так как процент потомственных дворян среди воспитанников регулярно снижался — от 67% в 1897 г. и до 62% в 1903 г.⁵⁰

Тульский предводитель дворянства А.А. Арсеньев привлек внимание Особого совещания к положению обедневших дворян-землевладельцев, которые были не в состоянии дать своим детям не то что среднее, но даже начальное образование. До военной реформы 1874 г. сыновья таких дворян всегда могли достойно устроиться в жизни путем военной службы, поскольку рядовые из дворян имели право на внеочередное производство в офицеры. После военной реформы все кандидаты на офицерский чин, независимо от сословной принадлежности, должны были сдавать экзамен, предполагающий наличие хотя бы начального образования. В марте 1899 г. Арсеньев предложил создать за государственный счет начальные трехлетние школы для сыновей нуждающихся дворян; выпускников этих школ должны были автоматически принимать на учебу в одиннадцать уже существовавших двухлетних юнкерских училищ для подготовки к экзамену на офицерский чин. Куропаткин был не в восторге ни от вероятного уровня обучения в предлагаемых школах, ни от реального качества преподавания в юнкерских училищах. Совещание одобрило его предложение заменить предлагавшиеся Арсеньевым начальные школы и юнкерские училища новыми пятилетними сельскими школами-пансионами, учебные программы которых дублировали бы предметы, изучавшиеся в первых пяти классах семилетних кадетских корпусов. Правительство обязалось

выделить до 150 тыс. рублей на строительство каждой из школ, а также оплачивать 50—75% ее ежегодных расходов, с тем чтобы остальные деньги предоставляло дворянское общество, выступившее с инициативой об учреждении школы и отбирающее для нее учеников. Это предложение прошло Государственный совет и было 2 апреля 1903 г. утверждено Николаем II, однако план создания так называемых кадетских школ остался нереализованным по причине отсутствия интереса к нему со стороны губернских дворянских обществ⁵¹.

В представлениях традиционалистов кадетские корпуса существовали как идеал учебных заведений для сыновей дворян, в действительности же только 25% (5900) всех сыновей потомственных дворян, посещавших среднюю школу на 1 января 1897 г., стали учащимися военных училищ; 56% (13 200) обучались в мужских гимназиях и прогимназиях, а 19% (4600) — в реальных училищах⁵². Российские гимназии, средние учебные заведения с академическим уклоном, учебные программы которых включали изучение греческого и латыни, были созданы еще в середине XVIII в., но оказались в центре системы образования только с первой четверти XIX в. К этому времени гимназии уже существовали почти в каждой губернской столице, их целью была подготовка студентов для расширенной в то время системы университетского образования. В царствование Николая I гимназии и университеты предназначались прежде всего для сыновей потомственных и личных дворян, а также чиновников. В 1860-х гг. были созданы еще два вида средних учебных заведений. Прогимназии, предлагающие объем образования аналогичный тому, что давали первые четыре года семилетних гимназий, и находящиеся преимущественно в уездных, а не в губернских городах, готовили выпускников к немедленному поступлению на службу по гражданской части. Реальные училища представляли собой, подобно гимназиям, семилетние учебные заведения, только в них вместо греческого и латыни изучали современные иностранные языки, а упор делался на изучение естественных наук, математики, инженерного дела, бухгалтерии и прочих практически полезных дисциплин. Выпускников реальных училищ готовили к тому, чтобы они могли сразу войти в мир торговли и промышленности либо (что случалось нечасто) продолжать образование в технических институтах.

В начале 1860-х гг. при наборе учащихся во все три типа школ и в университеты перестали как-либо учитывать социальное происхождение, что привело к уменьшению количества студентов из дворянских и чиновничьих семей (см. табл. 21). В царствование Александра III правительство ограничило доступ к среднему и высшему образованию для выходцев из низших сословий, что остановило падение процента сыновей дворян и чиновников среди студентов университетов и реальных училищ и несколько повысило значение этого показателя для гимназий и прогимназий. При Николае II политика приема в учебные заведения в очередной раз стала менее пристрастной к сословному происхождению. В начале 1897 г. одни только потомственные дворяне составляли 20% учащихся мужских гимназий и прогимназий и 15% — реальных училищ⁵³. Если допустить, что соотношение между численностью сыновей потомственных дворян, с одной стороны, и численностью сыновей личных дворян и чиновников — с другой, оставалось стабильным, то в 1853 г. каждый третий гимназист был потомственным дворянином, а в 1904 г. только каждый шестой. В университетах потомственные дворяне составляли 23% от числа студентов в 1880 г. и ровно столько же в 1897 г.⁵⁴

Таблица 21

Процент выходцев из семей потомственных и личных дворян и чиновников по отношению к общему числу учащихся

Год	Мужские гимназии и прогимназии	Реальные училища	Университеты
1853	80	—	65 (1855)
1865	70	—	67 (1864)
1870—1871	60—65	55—60	—
1875	52	50	46
1880—1881	48	41	47
1890—1891	56	40	—
1894	56	37	46 (1895)
1897—1898	52	36	52 (1900)
1904	44	31	—

Источник: Данные по гимназиям и реальным училищам взяты у: Hans Nicholas. *History of Russian Educational Policy (1701—1917)* (London, 1931). P. 236 (за 1853, 1865, 1875, 1894, 1904 гг.); Бескровный Л.Г. *Русская армия и флот в XIX веке* (М., 1973). С. 180—181 (за 1870—1871,

1880—1881, 1890—1891 гг.); данные по университетам взяты у: Sinel Allen. *The Classroom and the Chancellery: State Educational Reform in Russia under Count Dmitry Tolstoy* (Cambridge, MA, 1973). P. 101 (за 1864 и 1881 гг.); Камоско Л.В. *Изменения сословного состава учащихся средней и высшей школы России (30—80-е годы XIX века) // Вопросы истории*. 1970. № 10. С. 204 (за 1855 и 1875 гг.); Лейкина-Свирская В.Р. *Интеллигенция в России во второй половине XIX века* (М., 1971). С. 60, 62—64 (за 1880, 1895, 1900 гг.).

Примечание: Прочерки означают, что мне не удалось найти соответствующих данных.

Любопытно не то, что после уравнивающих реформ 1860-х гг. процент дворян в гражданских средних и высших учебных заведениях снизился, а то, что его падение было не слишком резким. Этот факт особенно примечателен в свете того, что в царствования Александра II и Николая II система среднего и высшего образования сильно расширилась — между 1855 и 1904 гг. численность учащихся мужских гимназий и прогимназий выросла на 405%, а университетов — на 488%⁵⁵. Относительно небольшое уменьшение процента дворян среди учащейся молодежи объясняется не только тем, что для них система среднего и высшего образования осталась более доступной, чем для низших сословий, но и повышением среди них спроса на образование. Между 1880 и 1897 гг. абсолютное число обучающихся в университетах потомственных дворян выросло на 90%, т.е. в два с лишним раза больше, чем увеличение численности этого сословия за тот же период⁵⁶. О возраставшем интересе дворянства к высшему образованию свидетельствует и тот факт, что, по данным переписи 1897 г., 19,4% всех дворян и чиновников мужского пола в возрасте от 20 до 59 лет (т.е. все родившиеся после 1837 г., а значит, закончившие среднее образование после воцарения Александра II) сообщили о получении того или иного невоенного образования уже после окончания средней школы, а среди тех, кому было 60 лет и более, таких было только 11,7%⁵⁷. Этот растущий спрос на расширение формального образования отражал перемены в природе российского общества в целом и первого сословия в частности. По наблюдениям современника, в пореформенной России «принадлежность к тому или другому сословию имела гораздо меньшее значение с точки зрения легальной, чем обладание той или другой степенью образования»⁵⁸. Даже на

государственной службе образование стало столь же значимым фактором, как и принадлежность к первому сословию, и дворянству удалось сохранить свои позиции в высших бюрократических слоях в том числе и за счет существенного повышения образовательного уровня⁵⁹. А для того чтобы сделать карьеру в деловой жизни или в свободных профессиях, т.е. в тех сферах, куда с нарастающей энергией устремились дворяне после Великих реформ, нужно было куда более основательное образование, чем требовалось для успеха на государственной службе и в управлении помещьем в традиционном понимании дворянства. Так что в том факте, что на каждого дворянского сына, учившегося в 1897 г. в кадетском корпусе, приходилось трое таких, кто получал образование в невоенных средних учебных заведениях, следует видеть не только нехватку мест в кадетских корпусах, столь любимых традиционалистами⁶⁰, но также сознательный выбор многих юных дворян или их родителей в пользу более широкого образования, открывавшего путь к обучению в университете и карьере в свободных профессиях.

Большинство защитников привилегий относились к гимназиям с напряженной подозрительностью. Гимназии, открывающие двери для сыновей честолюбивых купцов, чиновников и прочего низкого люда, являлись мощным инструментом социального уравниательства. Эти учебные заведения, в которых преподавали и обучались люди без роду и племени, могли нанести неизмеримый ущерб податливым, в силу незрелости, умам и душам дворянской молодежи. Поэтому сословники не ограничивались требованиями о расширении сети кадетских корпусов, но призывали и к перестройке самих гимназий.

Пытаясь преодолеть предрассудки дворянства относительно обучения их сыновей в школах совместно с сыновьями купцов, попов и чиновников недворянского происхождения, правительство с самого начала XIX в. разрешило дворянским обществам создавать пансионы-приюты или интернаты исключительно для тех дворянских детей, у родителей которых не было средств для проживания в губернских городах, где находились гимназии. К середине XIX в. такие интернаты были созданы при 47 из 70 гимназий. Гимназисты, жившие в интернате, носили особую форму и в классных комнатах сидели отдельно от остальных⁶¹. В либеральной атмосфере 1860-х гг. пансионы были упразднены. Хотя два традиционалистски ориентированных

министра образования, Д.А. Толстой и И.Д. Делянов, в 1870-е и 1880-е гг. поощряли их восстановление, к началу царствования Николая II только в семи губерниях по инициативе дворянских обществ были вновь созданы пансионаты⁶². Идея организации пансионатов для дворянской молодежи чрезвычайно привлекала публицистов, выступавших за поддержание привилегий. Елишев доказывал, что, если во всех губерниях, где существуют дворянские общества, на деньги правительства и под его присмотром будут созданы пансионаты, это послужит двум главным целям. Во-первых, тем самым будет обеспечено нравственное руководство для молодых людей, вынужденных жить вне дома, т.е. для тех молодых дворян, которые в настоящее время вынужденно делят кров с сыновьями бывших поваров и ливрейных слуг своих отцов и которые без должного надзора со стороны взрослых скатываются к таким грехам, как чтение Чернышевского, Писарева и Ткачева. Во-вторых, пансионаты полезны для противодействия пагубному влиянию самих гимназий, которые, открыв свои двери для сыновей безродных и честолюбивых разночинцев, оказывают *«развращающее влияние на детей-дворян»*⁶³.

По крайней мере, семь дворянских обществ в 1897 г. поддержали идею расширения системы пансионатов для дворян, и Особое совещание увидело в них возможность обеспечить обучающимся в гимназиях молодым дворянам такую же домашнюю по духу атмосферу, что и в кадетских корпусах. Совещание рекомендовало создать пансионаты во всех губерниях, в которых проводились дворянские выборы, оправдывая государственное финансирование их тем, что студенты, которым жизнь в пансионатах поможет получить образование, — это будущие государственные служащие. Витте к проекту проявил благосклонность и предложил каждому губернскому обществу до 100 тыс. рублей государственной помощи на учреждение пансионата и покрытие половины ежегодных расходов, с тем чтобы остальные расходы взяли на себя сами дворянские общества. Государственный совет оказался еще более щедрым, и в соответствии с законом от 25 мая 1899 г. правительство целиком оплатило расходы на строительство пансионатов и половину их текущих расходов, что составило 2 млн рублей в 1900 г. и по 1 млн в 1901 и 1902 гг.⁶⁴ За работой пансионатов присматривали министерство народного просвещения и дво-

рянские общества соответствующих губерний; каждый пансион обслуживал дворянских сыновей, обучающихся в любом из средних учебных заведений своего губернского города. При распределении мест в полных пансионах (стол и кров) преимущество отдавалось сыновьям местных дворян, служивших по дворянским или земским выборам, а также земских начальников.

Хотя пансионы для дворянских детей были крайне важны тем, что изолировали их от детей буржуазии (которых среди гимназистов было большинство), но была нужда и в других мерах, чтобы удовлетворить недовольство сословников административным и педагогическим персоналом гимназий и содержанием преподаваемых в них предметов. Плансон, в частности, обвинял преподавателей, инспекторов и директоров гимназий и реальных училищ (в большинстве своем людей низкого происхождения) в дискриминации своих воспитанников благородного происхождения и в благоволении сыновьям простых родителей за взятки и подношения. Плансон предложил предоставить дворянским обществам и губернским предводителям дворянства право надзирать за средними учебными заведениями, чтобы обеспечить справедливое отношение к учащимся из первого сословия⁶⁵. Хотя совещания предводителей дворянства в 1896 г. и, как минимум, пяти губернских обществ в 1897 г. заняли ту же позицию и рекомендовали те же меры, Особое совещание не поставило на обсуждение ни обвинений в дискриминации, ни вопроса об увеличении полномочий дворян для надзора за системой гражданского среднего образования. Оно, однако, отозвалось на часто звучавшую критику классической программы в гимназиях, которую один из сословников осудил следующим образом: «Это не русская здравая и честная мысль, идущая в глубь вещей, а римская формальная и бездушная логика, на которой покоится весь плутократический и конституционный строй Западной Европы»⁶⁶. Взгляды Особого совещания на программу, как и призыв к созданию большего количества реальных училищ, были поддержаны Государственным советом, но результатов это не принесло.

Если сегрегация дворян от низшего сословия в средних учебных заведениях была желательной целью, то эксклюзивные школы для дворян казались еще более эффективным

инструментом, чем пансионы. Хотя идею гимназий только для дворян в прошлом уже предлагали, и в 1897 г. реализации ее просили пять губернских дворянских собраний, но Особое совещание ее проигнорировало. Управляющий делами Комитета министров А.Н. Куломзин и А.А. Арсеньев выступали за создание новых учебных заведений по образцу Императорского Александровского лицея и Императорского училища правоведения — девятилетних учебных заведений, дававших среднее и отчасти высшее образование и принимавших только дворян. Но остальные члены Совещания чувствовали, что такого рода училища не смогут дать образования, сравнимого с университетским⁶⁷.

К концу XIX в. система образования в России давно уже утратила свою некогда основную функцию — готовить дворян к государственной службе. Даже самодержавие к этому времени признало, что образованность населения полезна с точки зрения военной силы и экономического роста. И если низшие сословия открывали для себя пользу образования в обществе, в котором завоевание новых ролей освобождало от наследственных, детерминирующих их социальное положение, то для дворянства образование создавало возможность профессиональных занятий за пределами государственной службы, для которых сословные различия были неважны. Вот этого изменившегося отношения к образованию не желали видеть сословники, продолжая настаивать на различных реформах и обновлениях, но их предложения почти не находили поддержки ни в государственном руководстве, ни среди рядовых членов дворянства. Как правительственная позиция, так и визионерская природа претензий традиционалистов к целям образования ясно изложены в следующем отрывке из записки от 6 марта 1899 г., написанной в ответ на обращенные к Особому совещанию требования о выделении казенных средств на создание пансионатов для учащихся дворянок. Автором записки был граф Н.А. Протасов-Бахметьев, куратор Александровского лицея и главноуправляющий Собственной Его Императорского Величества канцелярией по учреждениям Императрицы Марии (главным образом женским учебным учреждениям): «...Да вряд ли педагогично и полезно было бы возлагать на школу поддержание сословной обособленности, когда последняя так слабо поставлена в самой жизни. Мы видим, что, с одной

стороны, ряды нашего потомственного дворянства постоянно пополняются притоком новых сил из служилого сословия; с другой же стороны, — потомственное дворянство путем браков постоянно смешивается то с купечеством, то с чиновничеством.

Нам также думается, что и “своя усадьба, свой родной семейный очаг” уже не представляет теперь такого неотъемлемого коэффициента дворянской семьи, как то было прежде. Ведь ныне, с отдалением от земли прикрепленного к ней труда, прежнее поместье — недвижимая родовая собственность — превратилась в капитал, который, по экономическому закону, обладает способностью весьма быстрого передвижения от одного владельца к другому. А потому нам кажется, что вряд ли следует дворянок готовить по преимуществу к усадьбе, которых у большинства дворян уже не существует»⁶⁸.

Мир, который защитники привилегий стремились сохранить, постепенно исчезал с добровольной помощью большей части дворянства, и исчезал быстрее, чем традиционалисты были готовы это признать.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Pintner Walter M. *The Social Characteristics of the Early Nineteenth-Century Russian Bureaucracy* // *Slavic Review* 29 (1970): 435. Абсолютное число чиновников выросло от 2051 в 1755 г. (Троицкий С.М. *Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.* [М., 1974]. С. 173) до 86 066 в 1857 г. и приблизительно до 378 000 в 1903 г. См.: Зайончковский П.А. *Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в.* (М., 1978). С. 71. Относительно нарастающей профессионализации чиновничества см.: Pintner Walter M. *The Evolution of Civil Officialdom, 1755—1855* // Pintner Walter M., Rowney Don K. (eds.). *Russian Officialdom* (Chapel Hill, 1980). P. 224.

2. Зайончковский. *Правительственный аппарат*. С. 130—161 и 199—215.

3. Whelan. P. 147, 152.

4. Троицкий. С. 221—222.

5. По данным Л.Г. Бескровного (*Русская армия и флот в XIX веке* (М., 1973). С. 40, 44, 547—548), численность офицерского корпуса выросла от 34 790 в 1864 г. до 40 352 в 1897 г.

6. О средней продолжительности военной службы офицеров см.: Garthoff Raymond L. *The Military as a Social Force* // Black Cyril E. (ed.). *The Transformation of Russian Society* (Cambridge, MA, 1960). P. 327.

7. Garthoff. P. 325—336.
8. См.: Зайончковский П.А. *Сословный состав офицерского корпуса на рубеже XIX—XX веков* // История СССР. 1973. № 1. С. 149.
9. Kenez. P. 143.
10. Проценты для 1755 г. рассчитаны по данным, взятым у Троицкого (с. 300—301); для 1853 и 1902 г. — см.: Зайончковский. *Правительственный аппарат*. С. 91—93, 95—96. Пинтнер (Pintner. *Evolution of Civil Officialdom*), работавший с меньшей выборкой данных, чем Зайончковский, пришел к такому же показателю доли чиновников, владевших крепостными в середине XIX в. (р. 204—207); Корелин (*Дворянство*) дает схожие цифры для чиновников высших классов за 1858 г. и 1902 г. — 54% и 27% соответственно (с. 98); Мэннинг (Manning. *Crisis*) также ссылается на работу Зайончковского (*Правительственный аппарат*. С. 90—97), но при этом непостижимым образом приходит к утверждению, что «к моменту освобождения (крепостных. — *Пер.*) [дворяне-землевладельцы] составляли 81,3 %» чиновников первых четырех классов (р. 26—27).
11. Зайончковский. *Правительственный аппарат*. С. 208.
12. Pintner Walter M. *Civil Officialdom and the Nobility in the 1850s* // Pintner Walter M., Rowney Don K. (eds.). *Russian Officialdom* (Chapel Hill, 1980). P. 242.
13. Рассчитано по данным: Зайончковский. *Сословный состав*. С. 150—152. Данные Зайончковского охватывают 75 из 130 генералов, не являвшихся членами правящих домов России или других стран, 255 из 410 генерал-лейтенантов, 185 из 208 генерал-майоров генерального штаба и 283 из 308 полковников генерального штаба. Из вошедших в выборку генералов 97,5% были дворянами по рождению; среди генерал-лейтенантов таковых было 96,0%, среди генерал-майоров — 85,9%, а среди полковников — 74,2%.
14. Корелин. *Дворянство*. С. 162. Этот факт опровергает утверждение Мэннинг, что «профессионализация гражданской службы в конечном итоге сделала невозможным переход офицеров из вооруженных сил в гражданскую администрацию» (*Crisis*. P. 31).
15. Об оценке числа потомственных дворян и землевладельцев на гражданской и военной службе см.: Приложение Е.
16. Утверждение Лероя-Болье, сделанное им в 1880-х гг., что большинство поступивших на службу дворян после пяти максимум десяти лет службы выходят в отставку, было, видимо, простым повторением сделанного поколением ранее наблюдения Гакстхаузена. См.: Leroy-Beaulieu, 1:382; и Haxthausen-Abbenburg. *Russian Empire*, 2:214—215.
17. Manning. *Crisis*. P. 30—32.
18. В 1897 г. на территории Европейской России проживало 100—101 тыс. дворянских семей, владевших землей (Приложение В), к которым принадлежало 111—112 тыс. дворян-землевладельцев, в том числе 15—20% женщин, являвшихся либо единственными собственниками земли в семье, либо женами дворян-землевладельцев. Это дает цифру 85—95 тыс. дворян-землевладельцев мужского пола, 44,6% которых (по данным, приведенным в главе 2), или 40—42 тыс. мужчин, имели в собственности более 100 десятин земли каждый, а остальные, т.е. 49—

53 тыс. дворян, имели в собственности по 100 и менее десятин земли. Если предположить, что 60—80% средних и крупных, но только 20—40% мелких землевладельцев проживали в своих поместьях круглый год, получим, что таковых насчитывалось 34—55 тыс. (или 14—22% из проживавших в 50 губерниях европейской части страны 250 тыс. взрослых дворян мужского пола). Я также предположил, что примерно 10% из 40—42% взрослых дворян, состоявших на государственной службе по дворянской традиции, намеревались рано выйти в отставку и постоянно проживали в своих поместьях. Чтобы не считать дважды одних и тех же людей, я уменьшил долю дворян, состоявших на службе, до 36—38%.

19. Frieden Nancy M. *Russian Physicians in an Era of Reform and Revolution, 1856—1905* (Princeton, 1981). P. 204.

20. Нифонтов А.С. *Формирование классов буржуазного общества в русском городе второй половины XIX в. (По материалам переписей населения г. Москвы в 70—90-х годах XIX в.)* // Исторические записки 54 (1955):244.

21. Толстой Л.Н. *Анна Каренина*. Ч. 6. Гл. 29.

22. Терпигорев. *Оскудение*, 1:223; Толстой. Ч. 7. Гл. 17. 6000 рублей годового жалованья, которое получал князь Облонский, были очень приличными деньгами. Согласно Рубакину (с. 66), в 1906 г. только 2,6% чиновников гражданских ведомств получали в год более 5000 рублей; 25,3% получали от 2 до 5 тыс. рублей, а 72,1% — от 1 до 2 тыс. рублей.

23. Ярмонкин. *Задача*. С. 29; Анфимов. *Крупное помещичье хозяйство*. С. 271—274, 278—279.

24. Rieber. P. 135—137, 158—160, 251, 422.

25. Нифонтов. *Формирование*. С. 243—244; Иванов Л.М. *О сословно-классовой структуре городов капиталистической России* // Проблемы социально-экономической истории России (М., 1971). С. 338. Остальные дворяне из числа экономически самостоятельных состояли на службе по военной и гражданской части (20—21%), были пенсионерами (18,7%) и крупными землевладельцами (1,5%). Иванов причисляет последних к группе промышленных предпринимателей. В С.-Петербурге в 1869 г. 548 дворян являлись служащими частных предприятий, 263 дворянина — работниками физического труда, а 355 — независимыми ремесленниками. См.: Корелин. *Дворянство*. С. 124.

26. Brower. P. 42.

27. ПСЗ. Собр. 1. Т. 6. № 3890. Ст. 11.

28. Pintner. *Evolution of Civil Officialdom*. P. 192; Givens Robert D. *Eighteenth-Century Nobility Career Patterns and Provincial Government* // Pintner Walter M., Rowney Don K. (eds.). *Russian Officialdom* (Chapel Hill, 1980). P. 109—110.

29. *Устав о службе по определению от правительства* (изд. 1896 г.). Ст. 5, 7, 9, 40; СЗ. Т. 3; Градовский, 7:351. Коммерц-советник — этим почетным званием вознаграждали купцов после двенадцати лет пребывания в первой гильдии (Грибовский В.М. *Государственное устройство и управление Российской империи* [Одесса, 1912]. С. 46).

30. Pintner. *Civil Officialdom*. P. 236; *Устав о службе*. С. 28—29, 57—58, 295, 305; McFarlin Harold A. *The Extension of the Imperial Russian Civil*

Service to the Lowest Office Workers: The Creation of the Chancery Clerkship, 1827—1833 // *Russian History I* (1974): 16—17; *О составе*. С. 104—105; Романович-Славатинский. С. 226.

31. *Устав о службе*. Ст. 326. При выходе в отставку пятый класс получали только дворяне, отслужившие не менее четырех лет в шестом классе, четвертый — отслужившие пять лет в пятом классе. Производство в первые три класса при отставке производилось только по усмотрению императора (Там же. Ст. 792). Начиная с 1847 г. чиновники из низших сословий также получили право на автоматическое повышение в чине при выходе в отставку, но только не выше шестого класса (с 1856 г. — не выше пятого), т.е. последнего класса, за которым следовало получение потомственного дворянства, да и то лишь в том случае, если перед выходом в отставку они отслужили в этом чине требуемый законом минимальный срок, дающий состоящим на службе право на повышение в чине (Там же. Ст. 794).

32. Зайончковский. *Самодержавие и русская армия*. С. 240—245.

33. Фадеев. С. 49—88, 132; Елишев А.И. *Служебные права дворян* (М., 1894). С. 55; Он же. *Дворянское дело*. С. 123—127, 162, 165, 170—174; Плансон. *О дворянстве*. С. 95—98; Он же. «*Особое совещание*». С. 27; Соловьев. *Самодержавие и дворянство в конце XIX века*. С. 369.

34. Соловьев. *Самодержавие и дворянство в конце XIX века*. С. 362—365, 367; Елишев. *Дворянское дело*. С. 152—154.

35. Цит. по: Соловьев. *Самодержавие и дворянство в конце XIX века*. С. 371. См. также: Корелин. *Дворянство*. С. 93.

36. ПСЗ. Собр. III. Т. 26. № 28392.

37. Бескровный. С. 123—125; Alston Patrick L. *Education and the State in Tsarist Russia* (Stanford, 1969). P. 8—10; Романович-Славатинский. С. 82—85, 217—219.

38. Пажеский Его Императорского Величества Корпус готовил учащихся к службе в обер-офицерском чине в элитных гвардейских полках и был доступен, по императорскому изволению, только для сыновей и внуков дворян, достигших на гражданской или военной службе трех первых классов — генерал-фельдмаршалов, генералов, генерал-лейтенантов, генерал-адмиралов флота, адмиралов и вице-адмиралов, канцлеров, действительных тайных советников и тайных советников. См.: Блосфельдт. *Сборник законов*. С. 329—330.

39. *О составе*. С. 122; Бескровный. С. 174—176; Kenez. С. 125.

40. Блосфельдт. *Сборник законов*. С. 329—331; Бескровный. С. 177—179, 182, 185; *О составе*. С. 122—123.

41. Бескровный. С. 181; Зайончковский. *Самодержавие и русская армия*. С. 311—312, 315—316; РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 167. Л. 9. В 1880/81 г. в стране было 10 четырехлетних военных прогимназий, а спустя десять лет их осталось только две. Мэннинг (Manning. *Crisis*) ошибочно утверждает, что «потомственные дворяне все в большей степени пренебрегли этими возможностями» получить среднее и высшее военное образование, потому что утрачивали интерес к военной карьере (Р. 32).

42. РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 167. Л. 9. Относительно юнкерских училищ см.: Kenez. P. 126—127; и РГИА. Ф. 593. Оп. 1. Д. 101. Л. 343. В

начале 1890-х гг. примерно половину всех вновь произведенных в офицеры составляли выпускники юнкерских училищ. См.: Корелин. *Дворянство*. С. 83.

43. *Современные дворянские вопросы* (СПб., 1897). С. 39—43.

44. РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 4. Л. 4—6, 8—11. См. также: Проинциал. *Враги поместного дворянства* // *Русское обозрение*. 1897. Август. С. 807.

45. РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 167. Л. 9, 66.

46. РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 167. Л. 32; РГАДА. Ф. 1254. Оп. 1. Д. 86. Л. 16—18.

47. РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 4. Л. 4—6, 8—11; Там же. Ф. 593. Оп. 1. Д. 101. Л. 323, 329—344, 360—371. См. также: *Вестник Европы*. 1893. Март. С. 377—378; Плансон. «*Особое совещание*». С. 15—16; Он же. *Сословия*. С. 61.

48. В 1881 г. существовало восемнадцать кадетских корпусов, два были добавлены в царствование Александра III (Донской и Второй Оренбургский) и еще один в 1896 г. (Ярославский) (Зайончковский. *Самодержавие и русская армия*. С. 312).

49. Относительно узаконения от 25 мая 1899 г. см.: Блосфельдт. *Сборник законов*. С. 332—334; относительно дискуссий на Особом совещании см.: РГИА. Ф. 593. Оп. 1. Д. 101. Л. 388—391.

50. Бескровный. С. 181; Зайончковский. *Самодержавие и русская армия*. С. 311—312.

51. РГИА. Ф. 593. Оп. 1. Д. 101. Л. 606—609; Тернер. *Дворянство* // *Вестник Европы*. 1905. Август. С. 484—487; Зайончковский. *Сословный состав*. С. 154. См. закон от 2 апреля 1903 г. в: Блосфельдт. *Российское дворянство*. С. 15—16.

52. РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 167. Л. 9, 66. Того же 1 января 1897 г. — 10 600 дочерей потомственных дворян обучались в женских гимназиях и прогимназиях.

53. РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 167. Л. 9, 66. Этот документ содержит статистические данные о числе дворянских детей в различных типах школ по состоянию на 1 января 1897 г., подготовленные для Особого совещания по делам дворянского сословия. В текст закралась опечатка, и приводимая общая сумма численности учащихся гимназий и реальных училищ (69 418) не совпадает с истинной величиной (96 418). Эта опечатка стала причиной неверной оценки доли потомственных дворян в обоих типах школ (25,6% вместо 18,4%), которая вошла в документ и в журнал № 5 Совещания (РГИА. Ф. 593. Оп. 1. Д. 101. Л. 333), а также воспроизводится в книге Корелина «*Российское дворянство*» (с. 70).

54. Лейкина-Свирская В.Р. *Интеллигенция в России во второй половине XIX века* (М., 1971). С. 62; РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 167. Л. 66. Относительно 1880 г. см. также: Frieden. P. 202.

55. Hans Nicholas. *History of Russian Educational Policy (1701—1917)* (London, 1931). P. 235, 238. Только в 1881—1894 гг. процесс увеличения численности студентов университетов слегка замедлился, тогда как число учащихся мужских гимназий и прогимназий снизилось.

56. В 1880 г. в университетах учились 1885 потомственных дворян, а в 1897 г. — 3578 (Лейкина-Свирская. С. 62; РГИА. Ф. 1283. Оп. 1.

Д. 167. Л. 66). В период с 1870 по 1897 г. численность дворянства увеличилась на 54—63%, а в 1880—1897 гг. увеличение должно было составить 34—40%.

57. Из данных по пятидесяти губерниям Европейской России из: *Общий свод результатов переписи*, 1:198, 200. Из числа мужчин, вошедших в эту составную социальную группу в 1897 г., 65,8% являлись потомственными дворянами.

58. Слиозберг Г.Б. *Дореволюционный строй России* (Париж, 1933). С. 100.

59. Rowney Don K. *Organizational Change and Social Adaptation: The Prerevolutionary Ministry of Internal Affairs* // Pintner Walter M., Rowney Don K. *Russian Officialdom* (Chapel Hill, 1980). P. 310, 314—315.

60. В 1897 г. гимназий и прогимназий было в одиннадцать раз больше, чем кадетских корпусов, а учащихся соответственно в восемь-девять раз больше (Бескровный. С. 180—181).

61. Alston. P. 27—28, 35; Романович-Славатинский. С. 85—86.

62. РГИА. Ф. 593. Оп. 1. Д. 101. Л. 332—333; Корелин. *Российское дворянство*. С. 69—70.

63. Елишев. *Дворянское дело*. С. 233—234, 237—238. См. также: Провинциал. С. 800; и Семенов. С. 85.

64. Тернер. *Дворянство* // Вестник Европы. 1905. Август. С. 484.

65. Плансон. *О дворянстве*. С. 79—81; Он же. «*Особое совещание*». С. 17—18.

66. Провинциал. С. 801—802.

67. В 1811 г. императором Александром I был создан неподалеку от С.-Петербурга лицей для обучения сыновей дворян, фамилии которых были записаны в пятом или шестом разделе губернских родословных книг (т.е. титулованные семьи и такие, дворянство которых было подтверждено ранее 1685 г.), а также сыновей дворян-офицеров чином не ниже полковника и дворян-чиновников чином не ниже статского советника. Воспитанников Александровского лицея готовили к службе по гражданской части, прежде всего по министерству внутренних дел. Императорское училище правоведения, созданное в 1818 г. в С.-Петербурге, имело сходные ограничения по приему и готовило своих воспитанников к судебной карьере. В конце царствования Александра III оба учебных заведения были открыты для всех потомственных дворян. См.: Блосфельдт. *Сборник законов*. С. 324, 326.

68. РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Ч. II. Ед. хр. 3878. Л. 69—70.

Глава 7

НАПРАСНЫЕ СТАРАНИЯ: ПОПЫТКИ ВЕРНУТЬ ДВОРЯНАМ РУКОВОДЯЩУЮ РОЛЬ В ДЕРЕВНЕ

КОНТРЕФОРМЫ АЛЕКСАНДРА III

Ключевым элементом старого порядка в России была сохранявшаяся до 1860-х гг. патерналистская роль дворянства по отношению к крестьянству и сельской жизни в целом. Члены первого сословия исполняли эту роль индивидуально, как владельцы крепостных, и коллективно, через губернские общества и избираемых ими должностных лиц. Фактическое упразднение этой роли вследствие Великих реформ составляло главную заботу традиционалистов, и большая часть их энергии была направлена на поиск путей восстановления в той или иной форме роли дворянства в деревенской жизни.

Уже в начале 1870-х гг. генерал Фадеев настаивал, что уездное управление «должно бы находиться исключительно в руках лиц, избранных дворянством» или в крайнем случае в руках местных дворян, назначенных в должность правительством¹. С реализацией этого предложения пришлось ждать до тех пор, пока с воцарением Александра III не возникла благоприятная атмосфера. В 1884 г. саратовский предводитель дворянства П.А. Кривский совершенно серьезно выдвинул идею нового типа чиновника, назначаемого из числа местных дворян, который осуществлял бы попечительство по отношению к крестьянству. Его предложение было благосклонно воспринято рядом традиционалистски настроенных губернаторов, земских деятелей и предводителей дворянства, включенных в ноябре 1884 г. в Кахановскую комиссию по реформе местного управления².

В составе этой группы был А.Д. Пазухин, которого после роспуска Кахановской комиссии в мае 1885 г. министр внутренних дел Толстой пригласил для работы над усилением сословных различий в системе местного управления, что Пазухин и

предлагал в своей знаменитой статье в январе 1885 г.³ Сформулированный Пазухиным в 1886 г. план создания должности земского начальника был по духу очень близок предложению Кривского (последний, кстати говоря, участвовал в обсуждении проекта Пазухина в министерстве внутренних дел).

Большинство Государственного совета поддержало идею сохранения новой должности для дворян, но отвергло два принципиальных для Пазухина предложения: слияние административной и судебной власти в одном официальном лице и распространение ее только на крестьян, так, чтобы остальное население уезда этой властью затронуто не было. Большинство Государственного совета опасалось, что новая административная структура будет воспринята «в смысле меры, направленной к восстановлению, хотя бы и в измененном виде, тех прав дворянства над крестьянами, которые утрачены первыми с освобождением последних от крепостной зависимости и во всяком случае как закон, вредный для полноправности крестьян и их самоуправления» (что, собственно, и было целью проекта)⁴. Вместо этого Государственный совет большинством 3:1 принял предложение министра императорского двора Воронцова-Дашкова о создании института уездных начальников, своего рода мини-губернаторов, в ведении которых находилось бы все население уездов, без различия сословий. Уездному начальнику должны были быть подчинены участковые начальники со сходными полномочиями на уровне участков. Ни первые, ни вторые не должны были иметь судебных полномочий⁵. Под влиянием Толстого и Мещерского Александр III встал на сторону меньшинства Государственного совета и 12 июля 1889 г. утвердил проект закона Пазухина.

Земские начальники заменили не только уездные и губернские по крестьянским делам присутствия в роли опекунов сословных крестьянских организаций, но и мировых судей, выбиравшихся уездными земскими собраниями. Каждый земский начальник отвечал за свой участок, которых в уезде могло быть до пяти. Кандидат на пост земского начальника выбирался совместным решением губернатора и губернского предводителя дворянства (последний должен был предварительно проконсультироваться с уездным предводителем дворянства и членами губернского дворянского собрания от

данного участка), после чего его утверждал в должности министр внутренних дел. В принципе кандидатами на этот пост могли быть бывшие предводители дворянства, отслужившие в этой должности не менее трех лет, а также потомственные дворяне в возрасте двадцати пяти лет и старше, земельные владения которых составляли не менее половины земельного ценза для личного голоса на дворянских и земских выборах, а также либо окончившие высшее учебное заведение, либо отслужившие три года в качестве мирового посредника, члена местного по крестьянским делам присутствия или мирового судьи. При отсутствии отвечающего этим критериям потомственного дворянина, разрешалось назначить личного дворянина — при условии, чтобы он соответствовал определенным требованиям собственности, образования или службы. Если не было подходящего кандидата из потомственных или личных дворян, министерство внутренних дел могло назначить дворянина из другого уезда или губернии, в крайнем случае даже человека из низших сословий. Действие закона 1889 г. было ограничено территорией Европейской России без прибалтийских и девяти западных губерний, где дворянские выборы были временно приостановлены⁶.

С момента своего создания институт земских начальников не удовлетворял наиболее откровенных сословников. «Гражданин» Мещерского настаивал, что земских начальников следует назначать решением дворянских собраний, а не по соглашению губернаторов и губернских предводителей дворянства, многие из которых имели репутацию чрезмерно либеральных и потому доверием сословников не пользовались. «Московские ведомости» сомневались в том, что предоставленные земским начальникам полномочия достаточны для поддержания порядка среди крестьян⁷.

Противники привилегий критиковали этот же институт с иных позиций. «Вестник Европы» опроверг аргументы, приводившиеся в статье Пазухина 1885 г., напомнив читателям, что за столетие, предшествовавшее освобождению крестьян, дворянство никак особенно не проявило себя в области местного управления. В том же самом журнале в 1887 г. анонимный землевладелец указал на полную алогичность решения закрепить местное управление исключительно за дворянами, тогда как лица из низших сословий участвовали в работе бо-

лее высоких уровней управления. Не было большого смысла и в попытке возродить монополию дворянства в области местного управления, учитывая, что монополия на владение землей была давно утрачена. Перестраивать систему местного управления в надежде остановить исход дворян с земли таким образом, каким Пазухин предлагал это сделать, будет хуже, чем просто бесполезно⁸.

Нечто похожее высказывалось человеком, относившимся к вопросу о привилегиях с куда большим сочувствием, чем авторы и читатели «Вестника Европы». По словам Ф.Д. Самарина, предводителя дворянства Богородского уезда Московской губернии и племянника знаменитого славянофила, «было бы большим заблуждением думать, что этим путем государство может сколько-нибудь поддержать дворянское сословие. Ведь несомненно, что, где еще сохранилось довольно многочисленное и не совсем разорившееся дворянство, там и все уездные должности, замещаемые по выбору, остаются в его руках. В прочих же местностях и при действии нового закона едва ли удастся обойтись без замещения многих вакансий земских начальников лицами недворянского происхождения». Даже дворянин из другого уезда или губернии, назначенный на должность из-за отсутствия подходящих кандидатур среди местных, «при отсутствии всякой связи с местностью... будет таким же чиновником, как и всякий другой», — указывал Самарин⁹.

Спустя несколько лет граф Витте высказал куда более циничный приговор всей затее с земскими начальниками. Согласно Витте, Александр III «был соблазнен мыслью, что... в каждом участке будет почтенный дворянин, который пользуется в данной местности общим уважением... На практике оказалось, что эта идиллия о благородном помещике, который в земском участке судит и рядит, была иллюзией. Таких помещиков и с самого начала оказалось незначительное число, а в настоящее время их почти совершенно нет»¹⁰.

«Числа» действительно являлись проблемой. В январе 1889 г. император заявил, что корпус сельских мировых судей придется распустить, «чтобы обеспечить наличие необходимого числа надежных земских начальников»¹¹. Несмотря на упразднение мировых судей, набрать от 2200 до 2300 местных помещиков, удовлетворявших требованиям образовательного

или служебного ценза, оказалось невозможным. В конечном итоге эти вакансии пришлось заполнять оказавшимися в стесненных обстоятельствах дворянами-землевладельцами, для которых 1600 рублей годового жалования плюс 600 рублей на служебные расходы были самой привлекательной частью новой работы. Были использованы для заполнения вакансий и отставные армейские офицеры, чужие для местного общества и «неизвестно откуда появившиеся», а также и чиновники, из которых некоторые даже не были дворянами. К 1893 г. «Гражданин» с презрением писал о земских начальниках, которые превратились «в чиновников, в автоматов, живущих изо дня в день, читающих губернские циркуляры, отписывающихся, ставящих на подобающих местах запятыя»¹². Проведенное правительством в 1903 г. обследование десяти губерний, в которых числилось 584 земских начальника, подтвердило нехватку квалифицированных дворян: у 21% земских начальников не было законченного среднего образования, а 5% не являлись ни потомственными, ни личными дворянами¹³. По оценкам уже нашего времени публикации, процент местных дворян-землевладельцев среди земских начальников сократился от двух третей или более в начале 1890-х гг. до «много ниже половины» в 1905 г., и в последующие годы этот показатель продолжал снижаться¹⁴.

Создание института земских начальников никаким образом не удовлетворило желания традиционалистов восстановить право первого сословия на контроль над местной администрацией. Только нехватка дворянских землевладельцев во многих уездах помешала в 1898 г. петербургским дворянам потребовать установления монополии первого сословия на должности в местном управлении. Вместо этого они предложили провести закон, по которому право делать назначения на эти должности имели бы только местные дворяне. Отсутствие подходящих кандидатур, однако, не помешало публицисту Н.П. Семенову в том же году настаивать на том, что исключительно потомственные дворяне должны иметь право служить в местных органах власти, иначе они потеряют свою основную характеристику служилого сословия¹⁵.

Даже в 1904 г. публицист Владимир Палтов, не обескураженный очевидными трудностями, связанными с отсутствием подходящих людей на посты земских начальников, пред-

ложил детальный план, по которому 30 тыс. не получающих жалованья чиновников, *приходских начальников*, избирались бы уездными дворянскими собраниями из числа дворян, владеющих в соответствующем приходе не менее чем 200 десятинами земли. При нехватке же подходящих кандидатур правительство должно было их создать, наделив чиновников из дворян участками из состава казенных земель или из заложенных земель, владельцы которых утратили право на их выкуп. На приходских начальников предполагалось возложить функции сборщиков налогов, полицейских, судей и администраторов, в помощь им следовало выбирать должностных лиц от местных дворян, священнослужителей и глав крестьянских хозяйств. Существовавшие полицейские власти на уровне волости и уезда подлежали упразднению; уездное земское собрание предполагалось заменить собранием приходских и земских начальников уезда, возглавляемым предводителем дворянства¹⁶. Проект Палтова являлся чистейшим воплощением мечты традиционалистов об идеальном устройстве сельского мира, свободного от влияния купцов, кулаков и чиновников-недворян и вверенного отеческому попечительству помещиков, осуществляющих власть от лица государства.

После революции 1905 г. институт земских начальников претерпел два важных изменения. В мае 1913 г. министерство внутренних дел признало, что принятый в октябре 1906 г. указ об упразднении «всех особых преимуществ на занятие... должностей в зависимости от сословного происхождения» распространяется на земских начальников. Таким образом, эта должность утратила свой особый характер и превратилась в еще один элемент чиновничьего аппарата. Тем же указом 1906 г. у земских начальников (равно как и у глав семьи, сельского общества и волости) была отнята власть над отдельным крестьянином. А в июне 1912 г. был восстановлен институт сельских мировых судей, в юрисдикции которых оказались как крестьяне, так и все остальные, и тем самым земские начальники были лишены судебных полномочий, принадлежавших им с 1889 г. Но последняя перемена проводилась в жизнь медленно, особенно после начала войны, так что к 1917 г. ею были охвачены не более двадцати губерний¹⁷.

В той мере, в какой система попечительства по отношению к крестьянству была идеалом традиционалистов, земство

было для них проклятием. Фадеев выражал мнение многих сословников, когда выступил за «сосредоточение всего земского самоуправления в руках дворянства, отрицая всякую мысль о всесословности в современной России, как вопиющую, сочиненную и опасную ложь против русской действительности»¹⁸.

Идея перестройки земств по сословному принципу была одобрена традиционалистами с энтузиазмом; в 1884 г. Толстой ввел их в Кахановскую комиссию по реформе местного управления, в которой до этого доминировали либералы. Возникший в результате этого раскол среди членов комиссии дал Толстому повод убедить императора распустить Комиссию после того, как последняя опубликовала доклад, предложивший ликвидировать крестьянские сословные учреждения на уровне волости и сельского общества с тем, чтобы заменить их всесословными волостными организациями под управлением должностного лица, избираемого уездным земским собранием. Доклад этот едва ли являлся «обращенным в прошлое документом, полным ностальгии по дореформенной России» и выражением «дворянских предубеждений», как его охарактеризовали уже в наше время в некоторых монографиях¹⁹. Уездные земские учреждения действительно находились под контролем дворян-землевладельцев, только в большинстве своем они были либералами, а не ностальгирующими традиционалистами. Более того, сословники питали отвращение к земству именно за то, что там собственники были представлены группами по типу собственности, а не по сословной принадлежности. Предложение пренебречь сословными различиями и на уровне волости едва ли можно назвать реакционным или предубежденным в пользу дворян в каком бы то ни было смысле, который устроил бы традиционалистов.

К 1886 г. Пазухин подготовил проект нового положения о земских учреждениях, в котором недвусмысленно закреплялись традиционные формы социальных различий и неравенства²⁰. Основными пунктами его плана были: (1) новое определение трех курий, которые избирали бы уездные земские собрания по сословному признаку, а не по типу собственности, как это было по положению 1864 г.²¹; (2) распределение мест в уездных земских собраниях таким образом, чтобы первая курия (потомственные и личные дворяне и чиновники недворяне) получила

преимущество над второй (купцы и мещане) и были бы сокращены представители третьей курии (крестьяне)²²; (3) понижение имущественного ценза, дающего личное право голоса в первой курии, чтобы компенсировать сокращение дворянского землевладения в период после 1864 г.²³; (4) повышение площади земельного владения, дающего право мелким землевладельцам участвовать в избрании выборщиков в первую курию²⁴; (5) предоставление уездным предводителям дворянства, председательствующим на уездных земских собраниях, членства в губернских земских собраниях (ранее состоявших исключительно из депутатов, выбираемых уездными собраниями); (6) автоматическое предоставление членства в земских собраниях обеих уровней собственникам крупных (более определенной установленной величины) поместий, владеющих собственностью более десяти лет, почти 80% из которых были дворянами²⁵; и (7) замена избираемых земскими собраниями губернских и уездных земских управ исполнительными присутствиями из предводителей дворянства и трех человек, состоящими на уездном уровне из назначаемых губернатором гласных, — по одному от дворянства, городского сословия и крестьянства, а на губернском уровне — из председателя, назначаемого императором, и из трех дворян, назначаемых совместным решением губернатора и губернского предводителя дворянства.

В 1887 г. проект Пазухина получил широкую поддержку дворянских собраний; на некоторых из них предлагали сделать еще один шаг и совсем ликвидировать земства. В январе следующего года Толстой внес проект закона на рассмотрение Государственного совета с объяснением, что, обращаясь еще раз к дворянам за помощью в местном управлении, государство тем самым публично признает тот факт, что именно сословная система остается в основе политической и социальной организации России. Толстой настаивал на изменении состава курий, особенно первой, в земских выборах, сетуя на то, что «существующий порядок избрания земских гласных передает все земское дело в руки безсословной массы плательщиков земских налогов». В 1860-х гг. первая курия состояла почти исключительно из дворян, но «теперь возник новый разряд землевладельцев, преимущественно из торгового класса, с интересами и стремлениями, совершенно противоположными дворянскому землевладению, и с каждым годом увеличи-

вается число случаев вытеснения из земства коренного дворянского сословия этим пришлым элементом»²⁶.

Новое положение о земстве, после прохождения через Государственный совет и утверждения императором 2 июня 1890 г., только в трех важных пунктах отличалось от проекта Пазухина. Положение переместило крестьян-собственников из третьей курии во вторую, не дало крупным землевладельцам автоматического права участия в земских собраниях и сохранило выборность земских управ на уездном и губернском уровнях. Таким образом, земские учреждения воплотили сословный принцип (хотя не столь полно, как этого хотелось Пазухину). Земства сохранили несколько более автономии, чем предусматривал Пазухин, но их деятельность в каждой губернии попала под надзор вновь созданного губернского по земским делам присутствия, в которое, среди прочих, входили вице-губернатор и губернский предводитель дворянства, под председательством губернатора²⁷.

По положению 1890 г. 55% мест в уездных земских собраниях закреплялось за первой курией; в 1883—1886 гг. только 42% мест было занято дворянами, потомственными и личными, и чиновниками недворянского происхождения. В губернских земских собраниях доля мест, принадлежавших этим социальным группам, возросла от 82% в 1883—1886 гг. до 90% в 1897 г.; представленность этих групп в уездных и губернских земских управах возросла от 56 до 89% соответственно, в 1883—1886 гг. до 72% и 94% в 1903 г.²⁸ Но увеличение количества дворян, при том, что они уже были представлены довольно значительно, никак не сказалось на деятельности земских учреждений, которые, вообще говоря, в 1890-х гг. постоянно демонстрировали растущую неприязнь к сословным различиям²⁹. Дворянство явно не использовало своего численного превосходства в составе земских учреждений, как этого ожидали Пазухин и другие сословники. Более того, земство продолжало привлекать к себе либерально настроенных дворянских землевладельцев, одушевляемых идеями служения обществу, тогда как большинство их собратьев по классу, в том числе приверженцы традиций, продолжали его игнорировать.

Контрреформы 1889—1890 гг. не достигли поставленных традиционалистами целей — восстановить влияние дворян на крестьянство и сельскую жизнь в целом — по ряду причин:

быстро уменьшалось число помещиков, имеющих право и желающих служить; земский начальник в конечном итоге был больше чиновником, чем землевладельцем, наслаждающимся уважением ниже себя стоящих; и даже реформированное земство не стало привлекательным для традиционно ориентированных помещиков. Но проблема была еще глубже: корпоративные учреждения самого дворянства, бывшие прежде жизненно важным элементом его руководящей роли в деревне, также вызывали глубокую озабоченность сословников.

ДВОРЯНСКИЕ ОБЩЕСТВА

За четыре десятилетия, прошедшие после Великих реформ, демографическая база губернских дворянских обществ и сфера влияния последних резко сузились: первая постепенно, по мере того как сокращалось дворянское землевладение, вторая — неожиданно, вследствие самих реформ. Все вместе привело к росту равнодушия, которое в общем-то всегда отличало отношение дворянства к своим корпоративным учреждениям.

Освобождение крепостных, перераспределение земель и, как следствие, сокращение совокупной площади дворянских поместий сделали необходимым пересмотр имущественного ценза, определявшего участие в трехгодичных выборах губернских обществ. На 1870 г., чтобы располагать правом личного голоса, дворянину требовалось иметь, в зависимости от уезда, от двухсот до восьмисот десятин земли (приблизительно на 10 тыс. рублей по ценам 1870 г.), та же величина, что была шестью годами ранее установлена как имущественный ценз личного голосования в первой курии на уездных земских собраниях; как вариант, нужно было иметь несельскохозяйственной недвижимости на пятнадцать тысяч рублей. Чтобы участвовать вместе с другими мелкими землевладельцами своего уезда в избрании выборщика, дворянину надлежало иметь минимум от десяти до сорока десятин земли³⁰. В 1877 г. из примерно 88 тыс. помещиков тридцати семи губерний Европейской России, в которых проводились дворянские выборы, предположительно 20% имели собственность, дававшую право лично участвовать в выборах, а еще 50% могли по своему имущественному положению участвовать в избрании выборщиков. Остальные 30% дворян-землевладельцев могли

голосовать на собрании по всем вопросам, кроме избрания должностных лиц³¹. Продолжала действовать практика, установленная в конце 1830-х гг., когда право личного голоса на выборах предоставлялось и дворянам, имевшим в силу имущественного положения право только на не прямое участие, но достигшим шестого класса на военной службе (полковник) или четвертого на гражданской (действительный тайный советник), а также дворянам (вне зависимости от того, были ли они землевладельцами), которые отслужили три года в должности предводителя дворянства³².

До 1875 г. не только владение землей, но и достижение определенного чина или награждение почетным орденом давали право голосовать на дворянском собрании. А в 1875 г. было признано, что полное среднее образование, а также трехлетний срок службы в одной из таких заново созданных должностей, как мировой судья, член земской или городской управы, в правовом смысле являются эквивалентом достижения чина³³. Совершенно несомненно, что потребность в этих переменах была обусловлена тем, что расстояние между помещиками, владевшими значительной земельной собственностью, и дворянами, состоявшими на государственной службе, продолжало увеличиваться.

Между 1875 и 1889 гг. правом на выборные должности могли обладать только дворяне, обладавшие чином, имевшие полное среднее образование или отслужившие три года в земских, городских и подобных местных учреждениях; от занимающих выборные должности владения землей не требовали с 1831 г. Однако в 1889 г., одновременно с созданием института земских начальников, все взрослые потомственные дворяне мужского пола опять получили право претендовать на выборные должности, как это и было до 1875 г.³⁴ Но даже при таком расширении числа возможных претендентов было трудно, а порой и невозможно найти соответствующих выборным должностям дворян.

В 1890 г. пересмотренное положение о земстве понизило имущественный ценз для личного голосования в первой (теперь вполне помещичьей) курии; в 1896 г. Сенат распространил это изменение также на дворянские собрания. С этого момента для прямого участия в проводившихся каждые три года дворянских выборах достаточно было иметь от 125 тыся-

тин (в некоторых уездах черноземного центра) до 475 десятин (в некоторых восточных и северных уездах), т.е. в ценах 1890 г. достаточно было иметь земель сельскохозяйственного назначения (или другого недвижимого имущества) на сумму примерно в пятнадцать тысяч рублей. Владение, равное одной двенадцатой доле этой площади, давало собственнику право на участие в непрямых выборах, как это было до 1831 г. Понижение имущественного ценза помогло удержать на прежнем уровне число тех, кто имел право личного голоса, но уменьшение количества дворян-землевладельцев вообще привело к значительному сокращению имевших право на участие в непрямых выборах. В 1905 г. из примерно 73 тыс. дворянских имений тридцати семи губерний, в которых проводились дворянские выборы, около 25% имений были достаточно большими, чтобы дать своим владельцам право участвовать в прямых выборах, а еще 45% могли участвовать в непрямых выборах. И в 1877 и в 1905 гг. численность первой группы составляла предположительно 18 тыс. имений, тогда как численность второй сократилась с 44 до 33 тыс.³⁵

В 1905 г. эти 18 тыс. дворян, обладавшие всей полнотой избирательных прав, являлись частью группы в 31 тыс. дворян из пятидесяти губерний Европейской России, имения которых отвечали тому же имущественному цензу, который был включен в тот год в закон о выборах в Думу³⁶. Эти 31 тыс. землевладельцев, семьи которых составляли только 12% потомственных дворян Европейской России, выдержали переход от системы производства на основе крепостного труда и в условиях ограниченного земельного рынка к рыночной системе хозяйства, в которой цены на труд, на землю и на сельскохозяйственные продукты определялись соотношением спроса и предложения. Хотя эта группа являлась лишь крошечной частью первого сословия, но эта 31 тыс. помещиков составляла доминирующий элемент в группе тех, кто владел 200 и более десятинами: на 1905 г. им принадлежало 59% таких имений, составлявших 69% от суммарной площади всех крупных и средних имений³⁷. Отделенная от подавляющего большинства дворян родом занятий и стилем жизни и отнюдь не всегда сочувствующая обращенной в прошлое программе сословников, эта небольшая группа состоятельных помещиков контролировала корпоративные учреждения, созданные для всего

первого сословия в царствование Екатерины Великой, когда статус дворянина и владение землей являлись практически синонимами.

Губернские дворянские общества, представлявшие и обслуживавшие интересы все уменьшавшейся группы первого сословия, сами пережили период резкого сокращения своей деятельности после отмены крепостного права, когда от них больше не требовалось обеспечивать людьми местную администрацию, полицейские и судебные органы, и их существование свелось почти исключительно к узкосословным заботам. За предпринятой рядом дворянских обществ в 1859—1865 гг. неудавшейся попыткой играть активную политическую роль последовали десятилетия апатичного существования.

Приглашенные правительством для избрания комитетов, которые должны были прорабатывать детали отмены крепостного права и посылать выборных представителей в Петербург для консультаций с работавшим над новым законодательством чиновничеством, дворянские общества вскоре обнаружили, что правительство не намерено было терпеть никакой критики основных принципов реформы. Гневный запрет Александра II в ноябре 1859 г. на дальнейшее дебатирование крестьянского вопроса в дворянских собраниях только стимулировал в последующие два года обширные дискуссии во многих собраниях на темы политического, социального и административного устройства пореформенной России, кульминацией которых стала серия предложений о создании некоего представительного законодательного собрания³⁸. Когда в январе 1865 г. дворянское собрание Московской губернии проголосовало за то, чтобы послать императору адрес с просьбой создать две отдельные палаты — одну от представителей земства, другую от дворянства, — Александр ответил рескриптом министру внутренних дел П.А. Валуеву, протестуя против того, что «Московское Губернское Дворянское Собрание вошло в обсуждение предметов, прямому ведению его не подлежащих, и коснулось вопросов, относящихся до изменения существенных начал государственных в России учреждений». Настаивая на том, что «ни одно сословие не имеет законного права говорить именем других сословий. Никто не призван принимать на себя, перед Мною, ходатайствовать об общих пользах и нуждах всего государства», Александр наказал, чтобы ему не пришлось

«встречать впредь никаких затруднений со стороны русского дворянства...». В результате этих инструкций императора было аннулировано дарованное дворянским собраниям в 1831 г. право обращаться к правительству с представлениями относительно злоупотреблений и недостатков местной администрации, даже когда такие злоупотребления затрагивали интересы не дворянства, а других сословий³⁹.

Если не считать прибалтийских губерний, где до 1880-х гг. дворянские собрания (Landtage) играли более значительную роль в разрешении местных политических вопросов, чем где бы то ни было в дореформенный период⁴⁰, и девяти западных губерний, где вследствие польского национального восстания 1861—1863 гг.⁴¹ дворянские собрания и выборы были запрещены на неопределенное время, все остальные дворянские общества после 1865 г. вели спокойное существование и занимались вопросами, не способными вызвать интерес большинства своих членов. Вероятно, наиболее важной из выполняемых ими сословных функций была опека над собственностью сирот, душевнобольных, одряхлевших и по разным иным причинам юридически недееспособных дворян. Число находившихся в опеке дворянских имений в 1885 г. достигло 15 670, а в 1895 г. — 16 429; совокупная стоимость этих имений в 1895 г. составляла более 243 млн рублей, валовой доход от них был равен 16 млн, а чистый доход — 3,6 млн рублей. В каждом уезде или группе уездов вопросами опеки ведал Комитет в составе от двух до четырех человек, избиравшийся Губернским дворянским собранием во главе с уездным предводителем дворянства. На протяжении всей последней трети XIX столетия дворянство успешно сопротивлялось повторявшимся попыткам со стороны чиновничества передать все дела об опеке, независимо от их сословной принадлежности, в ведение единого административного органа⁴².

В составе бюджета, утвержденного в 1890 г. Московским губернским дворянским собранием, расходы на осуществление опеки были крупнейшей статьёй расходов — 53 100 рублей, или 29% всех расходов. Второй по значению статьёй были расходы на нужды депутатского собрания, т.е. на ведение родословной книги и внесение в нее имен новых семей после тщательного изучения их личных данных, — 42 720 рублей, или 24% бюджетных расходов. Следующей по величине статьёй (34 500 рублей,

или 19% бюджета) были расходы на содержание пансионатов для дворянских мальчиков, обучавшихся в средних учебных заведениях Москвы. Кроме того, дворянские общества участвовали в благотворительной деятельности в пользу финансово нуждающихся членов — они выплачивали пенсии и пособия вдовам и престарелым, стипендии — учащимся, содержали сиротские приюты, дома для престарелых и места в больничных приютах. В 1890-х гг. Петербургское дворянское собрание за три года отпустило на эти цели почти 12 тыс. рублей, а Московское — еще более того⁴³.

Благотворительная деятельность дворянских обществ проводилась, отчасти, на проценты с капиталов разных фондов, учреждаемых членами этих обществ на протяжении целого ряда лет. В 1898 г. в Петербурге таких фондов с общим капиталом в 360 890 рублей было шесть. Но примерно 90% бюджета этих обществ составляли поступления от 1-процентного ежегодного налога на доход городского и сельского недвижимого имущества в губернии, которое принадлежало равно приписанным и неприписанным потомственным и личным дворянам. Московская и Петербургская губернии были нетипичны тем, что в них находилось неординарно большое количество городского недвижимого имущества, принадлежащего дворянам этих и других губерний, и потребность в благотворительных ресурсах в них была необычайно высокой. В 1880-е гг. ряд дворян-домовладельцев в Москве, все еще крепко связанных с родными губерниями, безуспешно пытались оспорить законность взимания с них налога в пользу членов Московского дворянского общества⁴⁴.

Уже в первой половине XIX в. правительство было чрезвычайно обеспокоено безразличием дворянства к проходившим раз в три года дворянским собраниям, но после Великих реформ ситуация значительно ухудшилась. Даже в начале 1860-х гг., на пике политической активности губернских дворянских обществ, голосовавшие по принципиальным вопросам в собраниях дворяне часто составляли лишь небольшой процент от обладавших этими правами: например, 20% в Рязани в 1859 г., во Владимире в 1860 г. — 29%, в Твери в 1859 г. — 34%, а в 1862 г. — всего лишь 15%. Избирательная активность была выше только в столицах: в Москве в 1862 г. участвовало 50%, а в 1865 г. — 43%; в Петербурге в 1860 г. участвовало 88%, а в 1862 г. — 64%⁴⁵.

Дворянским собраниям было особенно трудно пробудить серьезный интерес со стороны своих членов к своей деятельности после того, как они утратили роль поставщика местных кадров для государства и право ходатайствовать перед правительством по важным для сельского общества общим вопросам в целом. В 1869 г. либеральный славянофил А.И. Кошелев именно этими явлениями объяснял тот факт, что «собрания дворянства бывают столько же малочисленны, сколько и пусты». Кошелев привел в пример несколько случаев, когда в определенных уездах дворяне не могли составить кворума для выбора предводителя или Комитета дворянской опеки, так что решение этого вопроса приходилось передавать на объединенное дворянское собрание двух уездов или даже на губернское собрание в целом. Согласно Кошелеву, только дворянские собрания Петербургской и Московской губерний благодаря тому, что в столицах проживало много дворян, и тому, что эти города притягивали себе дворянских обитателей провинции, отличались хорошей посещаемостью. По данным Особого совещания по делам дворянского сословия на конец 1890-х гг., в двадцати шести губерниях из 91% дворян с правом прямого участия в выборах на проходивших каждые три года дворянских собраниях только 21% дворян это право использовали⁴⁶.

Этот уровень участия подтверждается имеющимися данными по ряду других губерний. В Московской губернии в 1905 г. из 1842 дворянских имений самых разных размеров примерно 550 давали право прямого участия в дворянских выборах. В 1890 г. за губернского предводителя дворянства здесь было подано 283 голоса, в 1899 г. — 312 голосов и в 1902 г. — 256 голосов. Если внести поправки на то, что отдельные дворяне владели несколькими именьями и что некоторые землевладельцы по своему образовательному уровню и неучастию в государственной службе не имели права голоса, получим, что в выборах принимало участие примерно 50% из имевших на это полное право. В Саратовской губернии в 1905 г. было 1275 дворянских имений разного размера, из которых примерно 600 были достаточно большими, чтобы давать своим владельцам право напрямую участвовать в выборах. На выборах губернского предводителя дворянства в этой губернии в 1902 г. было подано 225 голосов, т.е. участвовавшие составляли примерно 40% от имевших на это право. Воп-

росы менее актуальные, чем выборы должностных лиц, привлекали еще меньшее внимание. Только половина тех, кто в Саратове в 1902 г. участвовал в выборах предводителя, присутствовали в 1896 г. на собрании, посвященном обсуждению упадка дворянского землевладения в губернии. Когда в начале 1890-х гг. на внеочередных дворянских собраниях обсуждался вопрос о снижении барьеров к установлению заповедных имений, менее 15% дворян-землевладельцев Пензенской и всего лишь 5% Херсонской губерний приняли участие в составлении ходатайства правительству по этому вопросу⁴⁷.

Ведущий защитник сословных привилегий А.А. Плансон, владевший имениями в пяти губерниях и служивший предводителем дворянства в Уфимском уезде, сетовал на то, что проводившаяся правительством с 1860-х гг. политика настолько деморализовала дворянство за прошедшие три десятилетия, что «большинство не принимает никакого участия в делах своего сословия и мало-помалу становится совершенно чуждым дворянским интересам». В пример Плансон приводит собственный уезд, где в феврале 1892 г. на созванном внеочередном собрании дворянства из 167 обладавших всеми избирательными правами дворян в нем приняли участие только три человека. Сетует Плансон и на то, что из четырех действительных статских советников, которые участвовали в земских выборах, все дворянского происхождения и давно живущие в своих имениях, лишь он «один оказался причисленным к местному дворянству, остальные же пролетные птицы относительно местного дворянства; в земских же делах они принимают постоянное и деятельное участие потому, что с делами этими связаны их денежные и личные интересы»⁴⁸.

И в самом деле: мало того что большинство дворян уезжало из сельских местностей в поисках городских карьер, но и среди сокращающегося количества остававшихся на земле либерально ориентированные дворяне вплоть до 1905 г. предпочитали в качестве форума для своей общественной деятельности земство, оставляя дворянские собрания для традиционалистов типа Плансона. Последние часто использовали собрания для оглашения своих притязаний по таким вопросам, как заповедность, дворянский кредит и наделение дворянским достоинством недворян, но большинству эти сюжеты были неинтересны, и деятельность собраний они просто

игнорировали. Именно это отсутствие согласованности между взглядами сословников, бывших в 1880-х и 1890-х гг. источником многих ходатайств по дворянскому вопросу, с одной стороны, и отношением подавляющего большинства имевших землю дворян, не говоря уже о не имевших ее, и было ахиллесовой пятой традиционалистского дела. И этот фактор куда серьезнее искажал цели сословников, чем надуманные объяснения вроде потери «чувства ориентации» дворянами или даже их «социальной разнородности»⁴⁹.

Ни в коей мере не подействовал на равнодушие дворянства к своим собраниям и символический акт доверия к ним со стороны Александра III. В ответ на заявленные в 1881 г. ходатайства нескольких дворянских обществ, император рескриптом от 14 апреля 1888 г. восстановил принадлежавшее губернским дворянским собраниям в 1831—1865 гг. право обращаться к губернаторам и высшему правительству с представлениями «о прекращении местных злоупотреблений или об устранении неудобств, замеченных в местном управлении, хотя бы они происходили и от общего какого-либо постановления», т.е. затрагивали интересы не только дворянства, но и других сословий⁵⁰. На самом деле этот жест даже встревожил некоторых традиционалистов. «Московские ведомости» пришли к выводу, что дворянству «необходимо теперь гораздо больше думать о своих обязанностях, нежели о своих правах», и они предостерегали дворян, что восстановление права на ходатайства не следует истолковывать как право ходатайствовать «не только по вопросам *сословным и местным* (курсив в подлиннике), но и по делам общего значения»⁵¹. Другие требовали дальнейшего движения в этом направлении и хотели, чтобы дворянским собраниям было даровано право непосредственно обращаться к императору по местным вопросам, затрагивающим интересы других сословий. За предоставление такого права выступили Особое совещание по делам дворянского сословия и Государственный совет, и 10 июня 1902 г. утвержденный императором закон включил это право⁵².

В этом же законе была сделана слабая попытка решить давнишнюю проблему увеличивающейся неявки на проходившие каждые три года собрания: штраф до 75 рублей за первое неучастие и выговор со стороны губернского предводителя —

за второе (порядок, обратный принятому до этого). Наказание за третий прогул осталось неизменным — исключение из членов собрания на период как максимум одной сессии⁵³. Возглавлявшаяся Сипягиным Комиссия при Особом совещании была против штрафов за первый прогул, да и вообще против системы дисциплинарных взысканий. Председатель Комиссии и восемь членов ее полагали, что «замечаемое в настоящее время неохотное посещение собраний дворянства является признаком некоторого упадка сословных интересов...», и верили, что, «как только последует то оживление местной дворянской жизни, которой можно ожидать как результат предпринятых в настоящее время правительством работ по улучшению экономического и политического положения этого сословия, несомненно снова прильют в губернские центры те дворянские элементы, которые в настоящее время не находят в них достаточного поля деятельности для приложения своих знаний и своего труда»⁵⁴. На деле оживление, которого ожидала Комиссия, так и не наступило, и вплоть до потрясений 1904—1906 гг. дворянство заметного интереса к губернским дворянским собраниям так и не проявило⁵⁵.

Два других раздела закона 1902 г. были результатом проходившей между сословниками в течение нескольких лет дискуссии о путях и способах усиления дворянских обществ. В одном из разделов закон впервые наделил общества статусом юридических лиц, имеющих право владеть и распоряжаться собственностью, заключать контракты, возбуждать судебные иски и быть ответчиком по судебным искам⁵⁶. Второе изменение состояло в следующем: чтобы обеспечить функционирование обществ в трехгодичных перерывах между губернскими собраниями, собрание предводителей и депутатов дворянства (созданное в 1831 г. в основном для подтверждения права отдельных дворян голосовать на выборах) получило новую для себя роль исполнительного комитета, которую оно неформально и так при случае осуществляло. Другие решения проблемы функционирования дворянских собраний в промежутках между выборами, в том числе предложение об ежегодных губернских собраниях и об использовании в качестве исполнительного комитета либо Собрания губернских и уездных предводителей, либо Губернского дворянского депутатского собрания (с одним представителем от каждого уезда и являющееся чем-то вроде

секретариата общества), Особое совещание отвергло. Закон 1902 г. расширил полномочия Собрания предводителей и депутатов дворянства, наделив их следующими правами: (1) обсуждать и решать вопросы, возбуждаемые правительством или губернским предводителем (председательствовавшим в этом собрании); и (2) готовить повестку дня для губернского собрания, включая любые ходатайства на имя императора⁵⁷.

Пока подавляющее большинство дворян, включая землевладельческое меньшинство, не проявляло большого интереса к дворянским обществам, результаты структурной реформы 1902 г. не имели практически никакого значения. Но до известной степени эта реформа помогла подготовить дворянские общества к их новой роли после 1905 г., когда они выступили в качестве лобби не столько дворянского *сословия*, сколько всего *класса* крупных и средних землевладельцев, господствующим элементом которого являлись дворяне. Вообще говоря, некоторые из ходатайств, посылавшиеся дворянскими обществами в конце 1880-х и в 1890-х гг. в Петербург, особенно связанные с вопросами о легком кредите и о доступности его вообще, о зернохранилищах, железнодорожных тарифах для сельскохозяйственной продукции и т.п., можно рассматривать как первые проявления этой новой роли.

ПРЕДВОДИТЕЛИ ДВОРЯНСТВА

Хотя в 1860-х гг. дворянские собрания по большей части лишились роли в политической жизни на уровне уездов и губерний, институт предводителей дворянства, особенно его уездное звено, развивался в ином направлении. В дореформенный период предводитель являлся прежде всего представителем, выразителем интересов и главой избравших его дворян, хотя время от времени из-за нехватки собственного административного персонала правительство возлагало на него и другие обязанности. Административные обязанности предводителя были не столь обширны, чтобы требовать постоянного внимания, и в его отсутствие их исполнял уездный судья. Последний, подобно предводителю, избирался на дворянских выборах, но, в отличие от него, получал жалованье и должен был неотлучно находиться в уездном городе.

Для координации работы и надзора за земством, за органами крестьянского самоуправления и другими местными организациями, созданными в ходе Великих реформ, правительство все в большей степени полагалось на уездных предводителей дворянства. Не имея надежного представителя своей власти на уездном уровне, правительство сделало предводителей дворянства фактическими руководителями уездной администрации. Предводитель дворянства выполнял функции председателя уездного земского собрания и играл важную роль на земских выборах в качестве председателя в первой курии, объединявшей помещиков, владения которых превышали установленный законом минимум, и уполномоченных от землевладельцев, владения которых были ниже этого минимума, а также съезда мелких землевладельцев, на котором избирались уполномоченные для первой курии. Кроме того, уездный предводитель дворянства председательствовал в уездном съезде мировых посредников, выдвинутых дворянством для проведения землеустроительных работ в соответствии с отменой крепостного права, а с 1874 г. — в сменившем его уездном по крестьянским делам присутствии. Когда в том же году была введена всеобщая воинская повинность, предводитель стал председателем уездного по воинской повинности присутствия; кроме этого, он председательствовал в уездном по питейным делам присутствии, созданном в 1885 г., а затем руководителем уездного комитета попечительства о народной трезвости, сменившего в 1895 г. это присутствие. Начиная с 1887 г. он являлся и председателем уездной оценочной комиссии, устанавливавшей компенсацию землевладельцам за недвижимость, экспропрированную для решения общественных нужд⁵⁸.

Поучительный пример отношения правительства к предводителям дворянства в период реформ относится к 1873—1874 гг. Озабоченный ростом активности популистов и стремясь остановить распространение вредных для благополучия семьи, общества и государства идей, Александр II принял предложение своих консервативных советников передать надзор над начальными школами губернским и уездным предводителям дворянства. В указе на имя министра народного просвещения графа Д.А. Толстого император призвал «верное мое дворянство стать на страже народной школы... [против] тлетворных и пагубных влияний», сохранить «дело народного об-

разования в духе религии и нравственности», напоминая, что члены первого сословия всегда служили «примером доблести и преданности гражданскому долгу...»⁵⁹. И уездный предводитель дворянства законом 1874 г. был сделан председателем уездного училищного совета, несущего ответственность за открытие новых школ и поддержание порядка в уже действующих, с правом увольнения неугодных учителей. Одновременно же на губернского предводителя дворянства возложили наблюдение за всеми начальными школами его губернии⁶⁰.

Как признание его расширенных обязанностей, сделавших обязательным его постоянное пребывание в уездном городе, в 1878 г. чин уездного предводителя был повышен с шестого класса до пятого, — правда, для получения пятого класса нужно было отслужить в этой должности три срока и быть переизбранным на четвертый. Предводители не получали жалованья от дворянских обществ, но земства нередко выплачивали им денежное содержание в качестве компенсации за время и энергию, которые они тратили помимо своих непосредственных предводительских функций и которые стали более трудоемкими, чем их чисто сословные обязанности. Помимо этого, некоторые дворянские собрания оплачивали предводителям дорожные и административные расходы. В самом прямом смысле слова, уездные предводители дворянства были «теперь не столько представители дворянства, сколько органы правительственного режима, исполнители его воли и разных административных распоряжений»⁶¹.

Поскольку на губернском уровне органы государственной власти были представлены в большем объеме, чем на уездном, губернский предводитель дворянства являлся в первую очередь руководителем и представителем первого сословия и только во вторую — агентом правительства. Тем не менее он также оказывался членом различных губернских административных образований и непременным председателем двух органов — земского собрания и училищного совета, по поводу чего Свод законов справедливо отметил, что он «в случае общих присутствий с губернскими чинами, занимает первое место после Губернатора»⁶².

По свидетельству А. Романовича-Славатинского, автора образцовой работы по истории дворянства, до освобождения крестьян немногие дворяне стремились занять должность пред-

водителя, поскольку она требовала больших расходов, включая ожидаемые дворянами роскошные обеды, особенно в период проводимых каждые три года собраний, и поэтому «могла манить только весьма богатых, досужих помещиков». Небольшое число достаточно богатых и готовых служить дворян, пишет автор, переизбирались по нескольку раз — три срока были почти правилом, не редки были пять сроков, но и семь или девять сроков тоже не были чем-то неслыханным. Предводители, замечает также Романович-Славатинский, обычно принадлежали к ничем не выделяющимся, провинциальным семьям — без титула и не древнего происхождения⁶³. Эта характеристика дореформенных предводителей дворянства хорошо согласуется с их изображением Терпигоревым, которое относится к первому пореформенному десятилетию: «Наш уездный предводитель, бессменно прослуживший четыре трехлетия, месяца за два умер, и теперь предстояло многотрудное дело выбрать человека, который удовлетворял бы в одно и то же время и всем “партиям” и всем требованиям предводительского ранга, т.е. чтобы это был человек сильный и умный, стоящий выше всех сословий, или чтобы это была бесцветная личность; но в том и в другом случае чтобы был человек если и не богатый, то уж во всяком случае с хорошими средствами»⁶⁴. Писавший в начале двадцатого века исследователь права барон С.А. Корф также утверждал, что предводители дворянства служили по много сроков подряд, но при этом он, в отличие от Романовича-Славатинского, объяснял это тем, что небольшая группа видных дворян, имеющих в каждой губернии, стремилась занять эту должность и практически монополизировала ее, привлекая к ней сопутствующими этому положению властью и почетом. Об этом же пишет и советский исследователь, утверждающий, что в пореформенный период треть губернских предводителей дворянства оставалась на этом посту дольше чем по три срока⁶⁵.

Это общепринятое представление нуждается в корректировке, по крайней мере в отношении губернских, а вероятно, и уездных предводителей дворянства. Между 1777 и 1910 гг. в сорока семи губерниях Европейской России, в которых в те или иные годы существовала эта должность, 983 дворянина служили на посту губернского предводителя⁶⁶. Из них 888 были избраны, а остальные назначены — сорок девять в западных

губерниях, где по причине польского восстания с 1860-х гг. выборы были приостановлены, четыре в Олонецкой губернии между 1812 и 1858 гг., и сорок два, назначенные губернаторами временно, чтобы заполнить неожиданные вакансии до конца срока, но так и не избранные своим электоратом. Существенно более половины всех выбранных на свой пост предводителей были избраны только на один срок и более трех четвертей — не дольше чем на два срока (см. табл. 22)⁶⁷.

Таблица 22
**Губернские предводители дворянства,
избранные в Европейской России:
распределение по срокам пребывания в должности
(1777—1910)**

Число сроков	Число предводителей	В % к суммарному числу предводителей
1	521	58,7
2	163	18,4
3	90	10,1
4	54	6,1
5—7	53	6,0
8—10	7	0,8

Источник: Любимов С. *Предводители дворянства всех наместничеств, губерний и областей Российской империи, 1777—1910 гг.* (СПб., 1911), в разных местах.

Распределение по срокам пребывания в должности примерно одинаково для предводителей, избранных в первый раз до и после 1861 г. Приблизительно один из пяти губернских предводителей дворянства принадлежал к семье, среди членов которой один человек, а иногда и больше также занимал должность предводителя⁶⁸. Только в Могилевской губернии в течение некоторого времени этот пост стал фактически собственностью одной семьи: И.О. Голынский, его брат и трое сыновей занимали должность предводителя в течение сорока восьми лет из шестидесятитрехлетнего периода, с 1781 по 1844 г. В считанных случаях семья поставляла предводителей для двух или более губерний⁶⁹. Но это были исключения. В подавляющем большинстве случаев пост

губернского предводителя не становился исключительным достоянием какой-либо одной семьи или группы семей, и нормой была регулярная сменяемость людей на этом посту, а не длительное пребывание в должности.

Аналогичного анализа длительности пребывания на посту уездных предводителей по всем губерниям Европейской России не существует, но если считать Московскую губернию типичной, мы получаем сходную картину продолжительности пребывания уездных предводителей в остальных губерниях (см. табл. 23). В Московских уездах чаще, чем на уровне губерний, случалось так, что должность предводителя переходила от отца к сыну. В двух уездах из тринадцати пост предводителя на долгое время стал достоянием одной семьи⁷⁰. И если в Москве частота сменяемости уездных предводителей была почти такой же, как губернских предводителей в Европейской России, здесь несколько чаще случалось, что этот пост оказывался монополией определенных семей.

Таблица 23

**Уездные предводители дворянства Московской губернии:
распределение по срокам пребывания в должности
(1782—1910)**

Число сроков	Число предводителей	В % к суммарному числу предводителей
1	189	61,2
2	55	17,8
3	28	9,1
4	20	6,5
5—7	10	3,2
8—10	7	2,3

Источник: Московское дворянство. Списки служивших по выборам, 1782—1910 (М., 1910), в разных местах.

Чтобы получить типичный портрет дворянина, избравшегося на пост губернского предводителя в конце XIX в., я проанализировал послужные (формулярные) списки 29 человек, занимавших пост губернского предводителя в двадцати шести губерниях Европейской России с января 1899 г. по декабрь 1904 г.⁷¹ В выборку вошли двадцать девять (57%) из группы в

пятьдесят один человек, занимавших пост в тот период в тридцати семи губерниях, в которых проходили выборы предводителей. Большинство людей в этой группе были впервые избраны на пост предводителя в возрасте 45 лет или моложе (см. табл. 24).

Таблица 24
**Распределение губернских предводителей
по возрасту первого избрания на эту должность,
1899—1904**

Возраст	Число	%%
31—35	5	17,2
36—40	4	13,8
41—45	8	27,6
46—50	7	24,1
51—55	3	10,3
56—60	1	3,4
61—65	0	0,0
66—70	1	3,4

Источник: Формулярные списки: РГИА. Ф. 1283. Оп. 1 (разные дела).

Восемнадцать предводителей (62,1%) имели то или иное высшее образование, из них тринадцать в то или иное время побывали студентами университета⁷². Из одиннадцати предводителей со средним образованием семь являлись выпускниками пажеского или кадетского корпуса. Двадцать два предводителя (75,9%) прошли через государственную службу — тринадцать в составе гражданской бюрократии, один — армейской, а восемь служили и по гражданской и по военной части. Средняя выслуга лет у двадцати одного человека, служивших по гражданской части, составляла одиннадцать лет, а девять бывших военных прослужили в среднем только по пять лет. Все, кроме пятерых, имели опыт службы в качестве почетных мировых судей или смотрителей уездных училищ, либо, в ряде случаев, членов земского собрания, земской управы или городской думы. У двадцати был семилетний (в среднем) опыт службы в качестве уездных предводителей дворянства.

Все двадцать девять предводителей из нашей выборки были землевладельцами. Только в двух случаях нам неизвестна площадь их владений (см. табл. 25).

Таблица 25
**Распределение губернских предводителей
 по размеру землевладений, 1899—1904**

Площадь, десятин	Число предводителей (или их жен)	%%
500—1000	3	11,1
1001—5000	10	37,0
5001—10 000	6	22,2
10 001—20 000	3	11,1
20 001—50 000	3	11,1
50 001—80 000	2	7,4

Источник: Формулярные списки: РГИА. Ф. 1283. Оп. 1 (разные дела).
Примечание: Площадь вычислялась как сумма того, что принадлежало самому предводителю и/или его жене во всех губерниях.

Большинство имели от 1000 до 10 000 десятин⁷³. Двадцать пять унаследовали свои имения, четырнадцать — купили землю, у семерых земель владели жены, а десять имели землю не только в тех губерниях, где их избрали предводителями, но и в других.

Из нашей выборки следует, что спустя сорок лет после освобождения крестьян типичный губернский предводитель происходил из умеренно богатой семьи провинциального землевладельца и обладал университетским образованием. Начинал он свою карьеру на гражданской службе, довольно быстро после тридцати лет выходил в отставку и удалялся в родительское поместье, имевшее 5000—6000 десятин земли в одной губернии. В течение следующих десяти лет он служил местному сельскому обществу, занимая самые разные должности, после двух сроков в качестве уездного предводителя, лет в сорок пять, избирался на пост губернского предводителя, в пятьдесят выходил в отставку. Эта схема типичной карьеры предводителя не подтверждает утверждения Мэннинг, что дворяне зачастую использовали должность предводителя как «ступень к высокой должности в государственном аппарате»⁷⁴. Предводители, как бывшие, так и пребывающие в должности, часто призывались к участию в правительственных комиссиях, таких, как Кахановская комиссия и Особое совещание по делам дворянского сословия, но это уже совсем другая история.

На стыке столетий губернский предводитель, подобно возглавлявшейся им корпоративной организации, никоим образом не был характерным порождением сословия, официальным представителем которого он являлся. Он был землевладельцем в то время, когда большинство дворянских семей стали безземельными; он совмещал службу государству с участием в жизни сельского мира, как того и требовал долг дворянина, в то время как подавляющее большинство других дворян его поколения уже отказались от одной из этих двух форм выполнения сословного долга перед обществом, а почти половина отказались от обоих. Далее, он принадлежал к явному меньшинству (менее 9% всех помещиков и примерно 4% всех дворян) тех, чьи имения превышали 1000 десятин. Как пост предводителя дворянства, так и вся корпоративная организация первого сословия превратились в представительство не сословия и даже не его большинства, а всего лишь незначительного меньшинства, образовавшего доминирующий элемент нового класса богатых сельских землевладельцев.

Эту перемену не признали ни самодержавие, ни защитники привилегий. И Александр III, и Николай II начинали царствование с превознесения предводителей дворянства как естественных руководителей не только дворянства, но и всего сельского мира. Предводители дворянства, особенно уездные предводители, являлись ключевым компонентом всех традиционалистских планов реформ местного управления, составлявшихся в двадцатипятилетие, предшествовавшее 1905 г. Пазухин, благодаривший судьбу за то, что «институт предводителей дворянства был каким-то чудом не снесен реформенным ураганом» 1860-х гг., рассматривал его как пример бескорыстного и честного служения обществу и государству. Он утверждал, «что из многочисленных властей нынешнего уездного управления предводитель дворянства есть самый популярный человек среди крестьян». Его план сделать предводителя председателем уездного съезда земских начальников увенчался успехом. Уездный предводитель должен был также председательствовать в назначаемом присутствии, которым Пазухин (безуспешно) попытался заменить уездную земскую управу⁷⁵.

В целом традиционалисты разделяли пазухинскую идеализацию предводителей дворянства и были заняты проблемой

привлечения способных людей к исполнению должности предводителя, особенно уездного, несмотря на продолжающийся исход дворян из деревни. Достичь этого они рассчитывали разными методами, среди которых наиболее серьезно рассматривались три следующих: назначение жалованья, назначение помощника и предоставление статуса и чина государственного служащего с соответствующим пенсионным обеспечением.

Идея жалованья уездным предводителям дворянства сипягинской Комиссией при Особом совещании по делам дворянского сословия была отвергнута. В мае 1899 г. Комиссия признала все увеличивающееся число дворян, вполне удовлетворявших требованиям этой должности, но не обеспеченных нужными для исполнения ее средствами. Тем не менее группа Сипягина продолжала настаивать на том, что суть службы предводителя по природе своей оплачена быть не может, что на этом именно и держится в местном самоуправлении авторитет предводителя, и такое положение следует сохранять как можно дольше⁷⁶. Тем дело и кончилось.

Другим средством облегчить личные и финансовые тяготы, связанные с должностью уездного предводителя, считалось назначение ему помощника, который взял бы на себя исполнение рутинных обязанностей. Весной 1900 г. Особое совещание одобрило идею, что процедура избрания помощника уездного предводителя должна была быть точно такой же, как избрание самого предводителя. В отличие от схожего, выдвинутого за семь лет до этого публицистом Плансоном, данное предложение по рекомендации Совещания не обещало помощнику жалованья⁷⁷. Государственный совет в 1902 г. к плану Совещания отнесся настороженно, возражая, что разделение ответственности ослабит авторитет должности. Поэтому Государственный совет постановил, что помощник предводителя должен брать на себя его обязанности в тех случаях, когда предводитель будет не в силах их исполнять сам, но не являться его действительным помощником. Николай II, однако, принял сторону меньшинства Государственного совета и Особого совещания; закон от 10 июня 1902 г. позволял вводить должность помощника уездного предводителя в тех уездах, в которых дворянские общества считали эту должность нужной, а каждому предводителю давалось право использовать своего помощника по усмотрению. На практике лишь немногие об-

щества использовали разрешение облегчить своим предводителям бремя должностных обязанностей. И дворянские собрания, и сами предводители к любому разделению власти предводителя относились с подозрительностью⁷⁸.

Хотя Особое совещание отвергло идею выплаты предводителям жалованья, оно высказалось за то, чтобы присваивать им чин и назначать пенсии. После избрания на четвертый срок уездным и губернским предводителям дворянства, имевшим до этого меньший или никакой чин, присваивали соответственно чин статского советника (пятый класс) и действительного статского советника (четвертый класс). Совещание рекомендовало присваивать уездным предводителям чин коллежского советника (класс шестой) после двух полных трехлетних сроков и статского советника после трех полных сроков; губернский предводитель после двух полных сроков получал чин статского советника и действительного статского советника после трех сроков. Все предводители дворянства имели право на государственную пенсию, определяемую сроком пребывания в должности. Государственный совет все эти предложения отклонил, мотивируя это тем, что дворянин должен служить предводителем в силу обязательств перед сословием и что она сама по себе уже является наградой; рассматривать же ее как средство продвижения по лестнице чинов нельзя. Но и в этом случае император пошел против решения большинства Совета, и в соответствии с рекомендациями Особого совещания закон 1902 г. закрепил за всеми предводителями право на получение чинов в гражданской службе после двух и трех полных сроков пребывания в должности⁷⁹.

Некоторые сословники относились к предводителям с поразительным пренебрежением. В качестве примера можно процитировать А.И. Елишева, горько сетовавшего на тот факт, что «предводитель дворянства — радикал, проповедующий уничтожение сословности вообще и своего сословия в частности, — совсем не редкость в наше время»⁸⁰. Необязательно соглашаться с использованием Елишевым термина «радикал», но не приходится отрицать, что позиция предводителей дворянства нередко шла вразрез с требованиями традиционалистов о защите сословных различий. Далеко не исключительным является пример новгородского губернского предводителя дворянства князя Б.А. Васильчикова, который в 1897 г., отве-

чая на вопросник, разосланный Особым совещанием, заявил: «интересы каждого отдельного дворянина гораздо полнее выражаются интересами той профессии, к которой он принадлежит, нежели интересами сословия... Ждать в конце девятнадцатого столетия пробуждения в этой разнохарактерной массе сословного самосознания не представляется возможным»⁸¹.

Важнейшим форумом для выражения подобного рода либеральных, равно и традиционалистских, взглядов дворянскими предводителями были общенациональные совещания губернских предводителей, которые начиная с 1896 г. собирались регулярно. Уже в 1884 г. Полтавское дворянское общество при поддержке дворян нескольких других губерний ходатайствовало о созыве общенационального совещания губернских предводителей дворянства, на котором, в ознаменование первого столетия дарования Екатериной Великой Жалованной грамоты дворянству, они выступили бы в качестве выразителей интересов и нужд первого сословия. Правительство, проявив обычную для него сверхчувствительность к малейшей угрозе политического соперничества, отказалось от предложения увенчать сеть сословных дворянских учреждений организацией общеимперского уровня. Министр внутренних дел Толстой отверг ходатайство Полтавского дворянского общества на том основании, что: (1) поскольку это предложение затрагивает интересы всего первого сословия, оно выходит за границы компетенции полтавского дворянского собрания, да и (2) Свод законов не предусматривает созыва совещания губернских предводителей дворянства. Самодержавие никогда не позволяло каким-либо социальным интересам, в том числе дворянским, отодвинуть на второй план свои собственные, если чувствовалось малейшую возможность конфликта интересов, и верность этому принципу оно сохраняло до конца. Но в январе 1896 г., когда дворянство Петербургской губернии в очередной раз призвало к проведению совещания предводителей дворянства, правительство уступило. Николаю II хотелось превратить в дело свои прекрасноречивые слова о ведущей роли дворянства, и, помимо этого, М.А. Стахович, орловский губернский предводитель и видный выразитель идей дворян-землевладельцев умеренного направления, предупредил Николая, что, если правительство не поспешит на помощь

дворянам, члены этой группы вскоре окончательно утратят возможность служить государству⁸².

Министр внутренних дел И.Л. Горемыкин соответственно созвал в Петербург в феврале и марте 1896 г., сроком на месяц, двадцать семь губернских предводителей дворянства на совещание, на котором обсуждались различные меры поддержки дворянского землевладения, а также вопросы возведения представителей низших сословий в дворянское достоинство и корпоративной роли дворянства в системе местного управления. Горемыкин пристально наблюдал за ходом совещания и по окончании его наложил восьмимесячный запрет на публичное обсуждение записки, представленной предводителями императору. Этот документ содержал обвинение правительства в том, что начиная с 1860-х гг. его действия наносили материальный ущерб первому сословию, а позднейшая политика поощрения и поддержки промышленности, банков и железных дорог велась за счет интересов сельского хозяйства⁸³.

В последующие тринадцать лет совещания губернских предводителей проходили в Москве раз или два раза в году и длились по четыре-пять дней. В отличие от организованной правительством конференции 1896 г., все последующие, в которых участвовало от пятнадцати до двадцати пяти предводителей, представляли собой «частные, неофициальные обсуждения». Для созыва каждого очередного совещания, по крайней мере до 1905 г., они получали предварительное согласие министра внутренних дел и обычно информировали его о результатах обсуждений⁸⁴. Но разрешение не означало безоговорочного одобрения собраний, поскольку ощущение беспокорности, вызываемое потенциальной угрозой этих собраний монополии правительства на власть, правительство не покидало. В 1902 г. министр внутренних дел В.К. фон Плеве следующим образом выразил это двойственное отношение: «...Полагаю, что съезды господ предводителей дворянства для обмена мыслей по вопросам сословного характера могли бы быть полезны не только для установления общности взглядов и единства действий, но и для обеспечения должного соответствия сих действий видам Правительства... Проходившие до настоящего времени беседы в Москве некоторых губернских предводителей дворянства не дали достаточного материала для заключения о том — возможно ли при установлении програм-

мы подобных собраний провести грань между делами сословными и вопросами общегосударственными»⁸⁵. Сомнения Плеве вполне оправдались три года спустя, когда совещания губернских предводителей дворянства, в которых задавали тон люди, разделявшие взгляды князя Васильчикова на приоритет профессиональной и классовой принадлежности перед сословной, стали влиятельным лобби конституционных реформ.

ЗАКРЫТИЕ ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ

Закон от 10 июня 1902 г., посвященный корпоративным учреждениям первого сословия, был последним крупным законодательным актом, подготовленным Особым совещанием по делам дворянского сословия⁸⁶. Последнее заседание этого Совещания состоялось 24 ноября 1901 г. Предвидя, что по закрытии Особого совещания внимание к нуждам дворянства ослабнет, «Московские ведомости» весной 1897 г. выдвинули идею создания постоянного государственного учреждения, через которое можно было бы осуществлять связь с губернскими дворянскими обществами. В 1900 г. эту идею подхватил новый министр внутренних дел Д.С. Сипягин, который предложил создать в своем министерстве особый департамент по делам дворянства. Высочайший рескрипт, распустивший 1 января 1902 г. Особое совещание, также указывал, что Николай II «признал за благо, чтобы дальнейшее упрочение судеб первенствующего в империи сословия, оставаясь предметом Моего особого попечения, заняло приличествующее ему место в текущей деятельности государственного управления и преподал необходимые к осуществлению таковой Моей воли указания Министру Внутренних Дел»⁸⁷.

Но идея Сипягина быстро увязла, наткнувшись на безразличие и даже противодействие Государственного совета. Большинство Совета чувствовало, что задуманное учреждение не будет служить никаким полезным целям, и опасалось, что такой акт официального покровительства по отношению к дворянству может вызвать негативную реакцию других сословий. Кроме того, большинство беспокоило равнодушие дворянства к новому учреждению; январское 1902 г. совещание губернских предводителей дворянства возражало, что такое учреждение может стать только бюрократическим барьером между дворянством и само-

державием. В.К. фон Плеве, занявший место Сипягина после убийства последнего в апреле 1902 г., отмахнулся от аргументов большинства на том основании, что (1) оппозицию губернских предводителей дворянства не следует считать за несогласие всего дворянства, и (2) даже если большинство дворянства было действительно против предлагаемого учреждения, правительство имеет полное право действовать ради достижения своих высших интересов. Последний аргумент очень многое открывает в отношениях между самодержавием и дворянством. 12 июня 1902 г. император одобрил создание при министре внутренних дел Канцелярии по делам дворянства⁸⁸. Новое учреждение оправдало пророчество Государственного совета: за шесть лет своего существования оно не создало ничего, кроме бумажной канцелярщины.

Относительно интенсивный период публичных дискуссий и законодательной активности, длившийся с середины 1890-х гг., оставил традиционалистов в состоянии раскола. На одном полюсе были деятели типа А.А. Чемодурова, самарского губернского предводителя дворянства, который в сентябре 1902 г. возмущался тем, что «Особое совещание по делам дворянского сословия не выработало радикальных мер по спасению дворянства». Чемодуров призывал к созданию в каждой губернии комитетов дворян-землевладельцев, которые бы обсуждали меры по спасению, как это делали губернские дворянские комитеты, образованные в конце 1850-х гг. для разработки законодательных проектов в период освобождения крестьян⁸⁹. У большинства защитников привилегий, однако, интерес к дальнейшей помощи государства в области законодательства неожиданно исчез, как только Особое совещание продемонстрировало незначительность того, чего оно могло достигнуть в этой области. И в дворянских обществах, и в прессе обсуждение дворянского вопроса потеряло свою интенсивность по сравнению с пиком напряженности в конце 1890-х гг. Противоположную Чемодурову позицию занимал бывший наставник Александра III сенатор Ф.Г. Тернер, с удовлетворением отметивший в 1903 г., что «острый период дворянских стяжаний окончился; все, что правительство считало возможным сделать в удовлетворение желаний дворянства, — сделано, и дворянский вопрос можно считать получившим, по крайней мере временно, свое завершение»⁹⁰.

Сенатор Тернер заблуждался. Проведенные Особым совещанием по делам дворянского сословия законодательные меры были в лучшем случае паллиативами, а не панацеей от недугов, которыми, по диагнозу сословников, страдало российское общество. Даже при самых благоприятных обстоятельствах эти меры не смогли бы остановить или даже заметным образом замедлить превращение России из общества, основанного на сословных привилегиях, в общество, базирующееся на равенстве граждан перед законом. Неудача программы традиционалистов в значительной степени объясняется тем, что российские дворяне, не ожидая, когда государство защитит их от ветров перемен, сами стали активными участниками процесса своих экономических и социальных преобразований. К концу столетия первое сословие уже утратило целостность и единство. Его место в сельской жизни занимал отчетливо понимающий свои интересы класс крупных и средних землевладельцев. И революция 1905 г. ускорила этот процесс.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Фадеев. С. 75, 85.
2. Зайончковский. *Российское самодержавие*. С. 196, 227—228.
3. Зайончковский. *Кризис*. С. 431—434; Он же. *Российское самодержавие*. С. 217—233; Захарова Л.Г. *Земская контрреформа 1890 г.* (М., 1968). С. 69, 73, 77—82; *Вестник Европы*. 1885. Март. С. 386; 1886. Январь. С. 385—386.
4. Цит. по: Зайончковский. *Российское самодержавие*. С. 393—394. См.: Там же. С. 366—396. Томас Пирсон (Pearson Thomas S. *The Origins of Alexander III's Land Captains: A Reinterpretation* (Slavic Review 40 [1981]):384—403) совершенно верно подчеркивает «практичность государственных соображений», лежавших в основе идей Толстого и нашедших выражение в проекте закона о земских начальниках, но слишком далеко заходит в принижении вклада Пазухина. Вейлан доказывает, что неверно связывать политику Толстого с «дворянской реакцией»; его сочувствие к дворянским нуждам покоилось на представлении, что «дворянство это самые подготовленные и действенные слуги государства. Таким образом, его поддержка их интересов исходила из того, что то, что полезно дворянству, будет хорошо и для государства» (р. 67). В этом Вейлан следует точке зрения Джорджа Иейни, изложенной им прежде всего в: Yaney George. *The Systematization of Russian Government* (Urbana, 1973). P. 375—376; а потом более детально в: *Urge to Mobilize*. В последней работе Иейни напористо, но неубедительно доказывает, что институт земских начальников был учрежден не для восстановления власти дворян-землевладельцев над крестьянством, а, скорее, воплощал стремление Санкт-петербургских реформаторов вызвать к жизни и поставить

на службу государству «действенных подвижников», которые смогли бы принести в деревню современные методы рационального управления (р. 52—54). Это позволило бы реформаторам реализовать свою идею «мобилизации крестьянства» (р. 78), иными словами, «принудить сельское население жить в соответствии с “современными” представлениями о природе человека», чтобы реализовать «внутреннюю потребность» этих вестернизированных реформаторов в том, чтобы навязать «свою веру в упорядоченность мироздания» «всем русским людям» (р. 5—7). Относительно равно неубедительных попыток Иейни представить в образе «современных реформаторов» не только Толстого, но и самого Пазухина см.: Там же. Р. 71—75, 90—92, 396. Но по крайней мере в этом пункте Вейлан отказался следовать за Иейни (см.: Whelan. Р. 175, 178, 184—185). Вейлан и Иейни создают ложную дихотомию, поскольку ни одному традиционалисту никогда и в голову не приходило проводить различие между интересами дворянства и подлинными интересами государства, а ключевым элементом мировоззрения сословников было убеждение, что дворянство представляет собой не только лучших слуг государства, но что все дворянские привилегии — это закономерное следствие их роли в создании и сохранении государства, той самой роли, об укреплении которой и хлопотали традиционалисты (см. гл. 6). Никто и не пытался проводить различие между интересами дворянства и государства (в понимании сословников), по крайней мере в случае контрреформ. И утверждение Иейни, что «Александр III “покровительствовал” своему дворянству примерно так же, как Ленин и Сталин “покровительствовали” своим рабочим», никак не помогает понять ситуацию 1880-х гг. (*Urge to Mobilize*. Р. 79).

5. Yaney. *Urge to Mobilize*. Р. 85—86.

6. *О составе*. С. 55—59; Зайончковский. *Российское самодержавие*. С. 396—401.

7. По сообщению *Вестника Европы* (1890. Март. С. 383—385).

8. *Вестник Европы*. 1885. Март. С. 378—382; III. *Дворянство в России* // *Вестник Европы*. 1887. Март. С. 277—278, 282; см. также: *Вестник Европы*. 1897. Май. С. 345—349; и Евреинов. С. 42—43, 46—48, 97, 102—103.

9. Самарин Ф.Д. Заметки по поводу закона о земских начальниках (предположительно написано в 1889—1990 гг.) // НИОР РГБ. Ф. 265. Папка 117. Ед. 1. Л. 3—4.

10. Витте, 1:299—300.

11. Цит. по: Yaney. *Systematization*. Р. 375. Пазухин и до этого заявлял, что для создания института земских начальников необходимо ликвидировать институт сельских мировых судей, но тогда ему противостоял министр юстиции Манасеин. См.: Whelan. Р. 176—178.

12. Цит. по: Данилов, 1:442. См. также: В.А. С. 15; Плансон. «*Особое совещание*». С. 15; и взгляды С.С. Бехтеева, уездного предводителя в Орловской губернии в изложении: В[оронцова] В.[П.]. *Недочеты сословных программ* // *Вестник Европы*. 1903. Январь. С. 363—364. Относительно сведений об общем числе земских начальников в начале века и об их характеристиках см.: Гос. совет. *Отчет за 1903—1904*. С. 124.

13. Зайончковский. *Российское самодержавие*. С. 398. Зайончковский утверждает, что по десяти обследованным губерниям процент недворян среди земских начальников был несомненно выше, чем в среднем по стране.

14. Yaney. *Urge to Mobilize*. P. 99—101.

15. Зиновьев. С. 129; Семенов. С. 46—47, 84.

16. Палтов. С. 226—229, 234—237.

17. Yaney. *Urge to Mobilize*. P. 100, 103—104, 104n. Относительно указа от 1906 г. см. главу 6.

18. Фадеев. С. 75, 85.

19. Whelan. P. 174. См. также: Yaney. *Systematization*. P. 349, 373

20. Относительно первого проекта Пазухина см.: Зайончковский. *Российское самодержавие*. С. 401—404; Захарова. *Земская контрреформа*. С. 91, 101—102, 105—106; Цейтлин С.Я. *Земское самоуправление и реформа 1890 г. (1865—1890)* // История России в XIX веке (СПб., 1907—1911), 5:130—131.

21. По положению от 1864 г. первая курия состояла из всех частных индивидуальных владельцев земли в сельской местности; вторая — из всех частных индивидуальных владельцев городской недвижимости и корпоративных собственников, за исключением крестьянских обществ; третья — из крестьян в качестве владельцев общественных наделов. Первая и вторая курии включали членов всех четырех сословий — дворян, священнослужителей, горожан и крестьян; третья курия состояла исключительно из крестьян, но только в силу уникальности системы общинного землевладения. Поэтому Рибер не прав, когда утверждает, что установленная в 1864 г. система выборов «строилась на владении собственностью и сословной принадлежности» и что реформа 1890 г. «дала перевес сословному принципу» (р. 95—96). На самом деле пересмотренное в 1890 г. положение о земстве впервые разделило избирателей по сословиям.

Вейлан ошибочно утверждает, что по положению 1864 г. «крестьяне, горожане и дворяне... избирали на отдельных собраниях депутатов в земские собрания на уровне уездов» (р. 172). Нет сомнений, что именно эта неточность является причиной ошибочного заключения, что проведенные в 1890 г. изменения в законе о выборах имели «второстепенное значение» и что «углубление разрыва между социальными классами [sic] в провинции... в основном согласовывалось с подлинным положением 1864 г.» (р. 189, 193).

22. По положению 1864 г. две первые курии имели право на одного делегата уездного земского собрания от каждых тридцати единиц земли, принадлежащей членам этих курий. При этом за единицу земельного владения была принята площадь, дававшая землевладельцу личное право голоса в первой курии. В третьей курии один депутат являлся представителем трех тысяч крестьян мужского пола. Пазухин предложил изменить порядок, чтобы первая курия получила одного делегата уездного земского собрания за двадцать единиц земли, вторая курия — тридцать, а третья — четыре тысячи крестьян мужского пола.

23. Проект Пазухина предусматривал понижение имущественного ценза для личного голоса в первой курии, с 200—800 десятин до 125—475 десятин, в зависимости от уезда.

24. Пазухин предложил поднять минимальный размер землевладения, дающий право избирать выборщиков, с одной двадцатой до одной десятой площади, дающей право личного голоса в первой курии.

25. Автоматическое право на участие в земских собраниях давала бы земля, площадью в тридцать (и более) раз превосходящая тот минимум, который обеспечивал личное право голоса на выборах, т.е. от 3750 до 14 250 десятин; в тридцати четырех губерниях, по которым проводились земские выборы, было более 1120 таких земельных магнатов.

26. Зайончковский. *Российское самодержавие*. С. 404, 406—407; Цейтлин. С. 127—128, 132; Захарова. *Земская контрреформа*. С. 132, 136.

27. Цейтлин. С. 135—138; Зайончковский. *Российское самодержавие*. С. 408; *О составе*. С. 51; Положение о губернских и уездных земских учреждениях (изд. 1892 г.). СЗ. Т. 2.

28. Веселовский Б.Б. *История земства* (СПб., 1909—1911), 3: 433—434, 680—681. *Статистика Российской империи* (9 (1890): 50—51) дает следующие оценки участия потомственных и личных дворян в 1883—1886 гг.: 35% в уездных собраниях и 70% — в губернских, 44% в уездных управах и 74% — в губернских.

29. Веселовский. *История земства*, 3:352, 681.

30. *Свод законов о состояниях* (изд. 1876 г.). Ст. 102, 119, 121; СЗ. Т. 9; Яблочков М.Т. *История дворянского сословия в России* (СПб., 1876). С. 675—676.

31. Вычислено по данным, приводимым Ершовым. С. 34—35. Когда в 1865 г. из состава Оренбургской была выделена Уфимская губерния, там было создано собственное дворянское общество, и число таковых в Европейской России дошло до сорока шести, но дворянские выборы и собрания проводились только в тридцати семи. В 1878 г. дворянство Терской области получило разрешение создать собственные дворянские организации, так что на Кавказе стало четыре дворянских общества (см.: Любимов).

32. *Свод законов о состояниях* (изд. 1876 г.). Ст. 102.

33. *О составе*. С. 79; *Свод законов о состояниях* (изд. 1876 г.). Ст. 96; ПСЗ. Собр. II. Т. 50. № 55219. Мэннинг (Manning. *Crisis*) утверждает, что «законное право участвовать в местных дворянских собраниях имели только дворяне-землевладельцы, у которых был чин на военной или гражданской службе» (р. 85). Мэннинг игнорирует перемены, происшедшие в 1875 г., и одновременно путает условия, дававшие право участвовать в голосовании и просто принимать участие в дворянских собраниях.

34. *Свод законов о состояниях* (изд. 1876 г.). Ст. 188; ПСЗ. Собр. II. Т. 50. № 55219; *О составе*. С. 84.

35. Корелин. *Дворянство*. С. 142; *Положение о земских учреждениях* (изд. 1892 г.). Прил. к ст. 16; СЗ. Т. 2; *Свод законов о состояниях*. 1899. Ст. 118, 132. Только в одном уезде Самарской губернии минимальный земельный ценз был установлен на уровне 550 десятин. Число имений, дающих право на участие в прямых и непрямых выборах, было подсчитано по данным из *Статистики землевладения 1905 г.* (с. 18—78) и вполне согласуются с приводимой Баратынским (*Сборник статей*. С. 25) оцен-

кой числа дворян-землевладельцев (16 тыс.), пользовавшихся всей полнотой избирательных прав в середине 1880-х гг.

36. Хотя в тридцати семи губерниях, в которых проводились дворянские выборы, для личного участия в первой курии в земских выборах (с 1890 г.), в дворянских (с 1896 г.) и в Государственную Думу (с 1905 г.) требовалось иметь, в зависимости от уезда, минимум от 125 до 475 десятин земли, я ради простоты принял для всех пятидесяти губерний Европейской России нижний порог в 200 десятин, которому и соответствует оценка численности группы — 31 000. Цифра 34 107, рассчитанная по данным из *Статистики земледелия 1905 г.* (с. 78), после учета числа личных дворян и ситуаций, когда человек владел несколькими именьями, как раз и дает нам 31 тыс. дворян-землевладельцев и 28 тыс. дворянских семей, к которым в 1905 г. принадлежало 126 тыс. человек, или 12 процентов всех потомственных дворян (см. далее: Приложение В). К численности дворян-землевладельцев в 31 тыс. приводят разные методы, и эта оценка почти в точности совпадает с 30 тыс. дворян-землевладельцев, имущественное положение которых давало право прямого участия в выборах по первой курии (см.: Manning Roberta T. *The Russian Provincial Gentry in Revolution and Counterrevolution, 1905—1907* [Ph.D. diss., Columbia University, 1975]. P. 623; а также: Haimson Leopold H. *Introduction*. P. 19 and n., and *Conclusion*. P. 292—293 // Haimson Leopold H. (ed.). *The Politics of Rural Russia, 1905—1914* (Bloomington, 1979). P. 19, 19n, 292—293). Однако в своей работе «Crisis» Мэннинг сокращает прежнюю оценку на треть и утверждает, что «дворянами являлись приблизительно 18—20 тыс. человек из примерно 30 тыс. частных землевладельцев, обладавших всей полнотой прав на выборах в Государственную Думу» (p. 325 and n). Мэннинг цитирует «Статистику землевладения 1905 г.» (с. 78), согласно которой в 1905 г. в пятидесяти губерниях дворянам принадлежало 18 102 имени площадью более 500 десятин и 21 732 имени площадью более 400 десятин. Но подавляющее большинство дворянских землевладельцев проживали в уездах, где имущественные цензы были меньше 400 десятин. Минимум в 400 или более десятин требовался в 46 из 116 уездов тринадцати губерний, девять из которых располагались на севере или востоке Европейской России, где численность дворян была незначительной. См.: *Свод учреждений государственных* (изд. 1906 г.). Прил. к ст. 28; СЗ. Т. 1. Ч. 2.

37. Рассчитано по данным из «Статистики землевладения 1905 г.» (с. 78). В 1905 г. дворянам принадлежало 52% имений площадью более 100 десятин и 68% площади таких имений (см. табл. 9).

38. Корнилов, 2:156, 221—223; Emmons Terence. *The Russian Landed Gentry and the Peasant Emancipation of 1861* (Cambridge, Eng., 1968). P. 267—269, 284—298, 309—310, 378—380; и далее в разных местах.

39. Emmons. *Russian Landed Gentry*. P. 396—397, 408—411; ПСЗ. Собр. II. Т. 40. Отд. 1; *Свод законов о состояниях* (изд. 1857 г.). Ст. 135; Там же (изд. 1876 г.). Ст. 142.

40. Корелин А.П. *Дворянство*. С. 106—107; Коркунов, 2:624—627. В прибалтийских губерниях существовало четыре дворянских собрания, поскольку в Эстонии на острове Эзель был отдельный ландтаг.

41. В 1864 г. дворянские общества пяти губерний Царства Польского, созданные только за полтора десятилетия до этого, были упразднены. В губерниях, приобретенных при разделе Польши Екатериной II, в которых большинство дворян в 1860-х гг. были поляками (кроме Минской и Могилевской губерний) и где они владели большей частью земель, губернские и уездные предводители дворянства и уездные депутаты с этого времени назначались министром внутренних дел — в Минской, Могилевской и Витебской губерниях и генерал-губернатором Северо-Западного края (Ковенской, Виленской и Гродненской) и Юго-Западного края (Волынской, Подольской и Киевской), причем выбирали их преимущественно из числа местных землевладельцев «непольского происхождения» (*Свод законов о состояниях* 1899 изд., 1906 г. доп., ст. 1791 и 1792). Самым знаменитым из всех назначенцев этого рода оказался П.А. Столыпин, который с 1889 по 1902 г. служил сначала уездным, а потом и губернским предводителем дворянства в Ковно. Хотя в марте 1905 г. в Комитете министров обсуждалось восстановление дворянских собраний и выборов в западных губерниях, никаких действий так и не было предпринято (Корелин. *Дворянство*. С. 110). После восстания 1863 г. полякам было запрещено приобретение земли в западных губерниях, кроме как в порядке наследования, но к концу века им все еще принадлежало 33—40% всех частных земельных владений в Могилевской и Киевской губерниях, 47—54% в Витебской, Волынской, Подольской, Минской и Гродненской губерниях и 73—75% в Виленской и Ковенской губерниях (Кастелянский А.И. (ред.) *Формы национального движения в современных государствах* [СПб., 1910]. С. 363; Корелин. *Дворянство*. С. 109).

42. Корелин. *Российское дворянство*. С. 68—69; Блосфельдт. *Сборник законов*. С. 365—372.

43. *Московское губернское очередное дворянское собрание (18—26 февраля 1890 г.)* (М., 1890). С. 78; Зиновьев. С. 88.

44. Зиновьев. С. 80—81, 83—84, 87; *Московское дворянское собрание (1890 г.)*. С. 79; *Московское губернское дворянское собрание, 1893* (М., 1893); ЦИАМ. Ф. 4. Д. 522. Л. 15.

45. Для подсчета процентов число тех, кто принял участие в голосовании по существенным вопросам (по данным: Emmons. *Russian Landed Gentry*. P. 268, 285, 292, 297, 340, 377, 379, 409n), было разделено на число землевладельцев, владевших, по данным 1859, сотней и более крепостных (Тройницкий. С. 45). На самом деле по существенным вопросам принимали участие в голосовании и те, кто владел всего пятью крепостными, но всей полнотой избирательных прав обладали только владельцы сотни и более душ.

46. Кошелев. *О дворянстве и землевладельцах*. С. 50—51; Корелин. *Российское дворянство*. С. 80—81. Точно такой же (21%) была доля имевших право голоса землевладельцев, участвовавших в земских выборах в 1883—1886 гг. (Цейтлин. С. 91).

47. Данные о дворянском землевладении в четырех губерниях взяты из «Статистики землевладения 1905 г.» (с. 36, 60, 76); данные об имущественном цензе для прямого голоса на выборах из «Положения о земских учреждениях» (1892, прил. к ст. 16). Данные о Московских дворянских выбо-

рах взяты из: *Московское дворянское собрание 1890 г.* (Журналы. Л. 266 — 27а; РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 15. Л. 6; Там же. Д. 35. Л. 9). Данные о выборах 1902 г. в Саратовской губернии взяты там же (Д. 78 (1905). Л. 8—14); о голосовании 1896 г. из: *Упадок дворянского землевладения в Саратовской губ.* // Мир божий. 1897. Январь. Ч. 2. С. 25. Данные о голосовании в Пензенской и Херсонской губерниях взяты из: *Вестник Европы.* 1892. Апрель. С. 846.

48. Плансон. *О дворянстве.* С. 17.

49. Hamburg. *Land.* P. 41, 129. Корелин (*Дворянство.* С. 15, 260) совершенно справедливо отмечает, что большинство дворян не сочувствовало большинству ходатайств, заявлявшихся дворянскими собраниями.

50. Содержавшаяся в «Своде законов о состояниях» (изд. 1857 г.) статья 135, предоставлявшая дворянским собраниям право обращаться к правительству с прошениями по поводу не только своих нужд, но и общих административных проблем местного характера, затрагивавших интересы и других групп, была выброшена из издания Свода законов от 1876 г., но опять появилась в издании 1899 г. в виде статьи 169. Относительно восстановления этого права см.: Leroy-Beaulieu, 2:155—156; *О составе.* С. 89—90; Корелин. *Российское дворянство.* С. 75—77; Он же. *Дворянство.* С. 254, 259—260; *Вестник Европы.* 1890. Март. С. 386—387.

51. Цит. по: *Вестник Европы.* 1890. Март. С. 187. На самом деле, императорский рескрипт 29 января 1865 г. (ПСЗ. Собр. II. Т. 40. Отд. 1 (1865). № 41729), который оговорил, что губернское дворянское собрание «не должно входить в обсуждение предметов, прямому его ведению не подлежащих, и касаться вопросов, относящихся до изменения существенных начал государственных в России учреждений», включен в ст. 142 «Свода законов о состояниях», 1876 г. изд., не отменился в 1888 г. Статья 142 из издания 1876 г. была без изменений воспроизведена в издании 1899 г. как статья 152. Недобрые предчувствия, вроде выраженных «Московскими ведомостями», были причиной единодушного решения Комиссии при Особом совещании по делам дворянского сословия, которая в мае 1899 г. отвергла идею создания общегосударственной организации первого сословия (Корелин. *Дворянство.* С. 137).

52. РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 13. Л. 39, 42; Гос. совет. *Отчет за 1901—1902.* С. 159—160; Блосфельдт. *Новейшие узаконения.* С. 7.

53. Гос. совет. *Отчет за 1901—1902.* С. 155—156, 165—166; Блосфельдт. *Новейшие узаконения.* С. 9.

54. РГИА. Ф. 1283. Оп. 1-1897. Д. 13. 1-е д-во. Л. 34 об.

55. Пренебрегая этими фактами, Мэннинг настаивает, что в пореформенную эпоху имело место «возрождение дворянских собраний» и что «их новая популярность среди дворянства» была связана с тем, что все большее число дворян отказывались от чиновничьей карьеры и «обращались к земле» (Manning. *Crisis.* P. 38, 45).

56. РГАДА. Ф. 1254. Оп. 1. Д. 86. Л. 13а; Зиновьев. С. 41; РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 13. Л. 12—13; Блосфельдт. *Новейшие узаконения.* С. 7.

57. *Вестник Европы.* 1893. Март. С. 378; РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 4. Л. 6; Там же. Д. 13. Л. 48—58, 211—216, 304—305; *Доклад казанского предводителя дворянства.* С. 6—7; Зиновьев. С. 41, 49—50; РГАДА. Ф. 1254.

Оп. 1. Д. 86. Л. 13б; Гос. совет. *Отчет за 1901—1902*. С. 166—168; Блосфельдт. *Новейшие узаконения*. С. 9—11.

58. Корф. *Предводитель дворянства*. С. 111; *Свод законов о состояниях* (изд. 1876 г.). Ст. 295; Там же (изд. 1899 г.). Ст. 384; Трубецкой П.П. *Памятная книга для уездного предводителя дворянства* (Одесса, 1887). С. 38—40; *О составе*. С. 49—50, 65, 68—69, 72—73. Сравните это описание круга обязанностей уездных предводителей дворянства с утверждением Иейни, что прежде всего губернские, но также и уездные предводители дворянства «не играли заметной роли в администрации» (Yaney. *Systematization*. P. 341).

59. Цит. по: Татищев С.С. *Император Александр II* (СПб., 1903), 2:101—102.

60. Цейтлин. С. 104.

61. *О составе*. С. 85; Leroy-Beaulieu, 2:165; Плансон. *О дворянстве*. С. 25—26; Корф. *Предводитель дворянства*. С. 111. Цит. по: *Современные дворянские вопросы*. С. 18. До 1831 г. должность уездного предводителя дворянства соответствовала 7-му классу. В 1831 г. должность губернского предводителя дворянства была поднята с 5-го класса до 4-го (до уровня губернаторов), где и осталась (Корелин. *Дворянство*. С. 221).

62. *Свод законов о состояниях* (изд. 1876 г.). Ст. 299. См.: Там же. Ст. 294; и *О составе*. С. 48—50, 68—69, 72—73. Относительно ex officio круга обязанностей уездных и губернских предводителей дворянства см. также: Блосфельдт. *Сборник законов*. С. 145 пр., 383—405.

63. Романович-Славатинский. С. 70, 456—462. См. также: Emmons. *Russian Landed Gentry*. P. 13.

64. Терпигорев. *Оскудение*, 1:108.

65. Корф. *Предводитель дворянства*. С. 100; Корелин. *Дворянство*. С. 225. Этой же точки зрения придерживается и Мэннинг, утверждающая, что «пребывание на таких постах [как уездный предводитель] обычно бывало продолжительным, иногда даже двадцать лет подряд» (*Crisis*. P. 39).

66. В этом разделе все данные заимствованы из работы Любимова.

67. По данным Гамбурга, ситуация с предводителями в период с 1859 по 1916 г. была схожей (Hamburg. *Land*. P. 19—22), но, включив в вычисления данные о назначенных предводителях, которые обычно оставались на своем посту более длительное время, он получил несколько более низкий коэффициент сменяемости.

68. С 1777 по 1910 г. в 41 губернии было восемьдесят случаев, когда должность предводителя занимали двое и более членов одной семьи; при этом в 35 случаях сын сменял на этом посту отца, но обычно не сразу, а спустя один или несколько сроков.

69. Самыми известными примерами этого являются Бобринские и Капнисты. В.А. Бобринский служил губернским предводителем дворянства в Туле с 1862 по 1863 г., его сын — в Москве с 1875 по 1883 г., его племянник в С.-Петербурге с 1869 по 1872 г., а сын последнего также в С.-Петербурге с 1876 по 1888 г. и еще раз с 1891 по 1895 г. Также и пять членов семьи Капнистов отслужили одиннадцать сроков на посту губернского предводителя дворянства в Киевской, Екатеринославской, Полтавской и Харьковской губерниях в период с 1784 по 1901 г.

70. В Богородском уезде с 1869 по 1908 г. с двумя краткими перерывами в 1872—1875 и 1896—1899 гг. пост предводителя занимали Н.Ф. Самарин и трое его племянников. В Верейском уезде с 1873 по 1912 г. пост предводителя непрерывно занимали В.К. Шлиппе, его брат и его сын. Очень сходную картину о губернских предводителях дают сведения об уездных предводителях дворянства в шестнадцати губерниях в период с 1885 по 1917 г. (Hamburg. *Land*. P. 19—22).

71. Формулярные списки хранятся в: РГИА. Ф. 1283. Оп. 1 (разные дела).

72. По расчетам Гамбурга, средний возраст впервые избранных на пост 86 губернских предводителей составлял 48 лет (период не определен) (Hamburg. *Land*. P. 32); в другом месте он сообщает, что в 1903 г. 18 из 40 губернских предводителей (45%) имели, по крайней мере незаконченное, высшее образование (*Portrait of an Elite: Russian Marshals of the Nobility, 1861—1917 // Slavic Review* 40 [1981]:595).

73. В 1895 г. на каждого из двадцати двух губернских предводителей приходилось в среднем немного более 5500 десятин (Hamburg. *Portrait*. P. 592). По данным Мэннинг, в 1905 г. на каждого из двадцати девяти губернских предводителей (в выборке из тридцати одной губернии) приходилось в среднем по 5552 десятины (*Crisis*. P. 377).

74. Manning. *Crisis*. P. 28. За период 1861—1911 гг. Мэннинг насчитала девятнадцать бывших предводителей, получивших назначение на должность «губернаторов, вице-губернаторов или руководителей департаментов» в министерстве внутренних дел (р. 28н). Девятнадцать — это лишь небольшая часть и губернских предводителей, служивших в этот период, и губернаторов, вице-губернаторов и руководителей департаментов. И было бы бесполезно знать, сколько из этих девятнадцати, подобно Столыпину, были назначены предводителями дворянства в западные губернии.

75. Пазухин. С. 33—34. Характерную для традиционалистов идеализацию фигуры предводителя дворянства подверг сомнению сенатор Г.А. Евреинов в работе, опубликованной в 1888 г., где он отметил, что в два предыдущих десятилетия уездные предводители попадались на растрате земских средств чаще, чем любая другая группа служащих местного самоуправления. На работу Евреинова ссылается Веселовский (*История земства*, 3:333—334).

76. РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 13. Л. 75. Плансон (*О дворянстве*. С. 28) также выступил против того, чтобы платить уездным предводителям дворянства жалованье. Анонимный публицист предложил назначить им минимальное годовое жалованье в 3000 рублей, которое бы покрывало и расходы на исполнение должности председателя уездной земской управы (*Современные дворянские вопросы*. С. 18—20). Жалованье получали только предводители, назначавшиеся правительством в девяти западных губерниях (Корелин. *Дворянство*. С. 226).

77. РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 13. Л. 218—219, 222, 238—246; Плансон. *О дворянстве*. С. 27—28.

78. РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 13. Л. 296, 299, 321—325; Гос. совет. *Отчет за 1901—1902*. С. 158, 163—164, 169, 190—199; Он же. *Всеподдан-*

нейший отчет председателя за сессию 1901—1902 гг. С. 26—27; Корелин. *Дворянство*. С. 225. Закон от 10 июня 1902 г. см. в: Блосфельдт. *Новейшие узаконения*. С. 7—13.

79. Относительно обсуждения этих вопросов Особым совещанием см. архивные источники, указанные выше в сноске 77, Государственным советом — в сноске 78. Мэннинг вводит в заблуждение, ограничиваясь утверждением, что «избрание на пост предводителя дворянства обеспечило высокий служебный чин» (*Crisis*. P. 74, а также p. 28).

80. Елишев А.И. // *Русское обозрение*. 1897. Май. С. 479.

81. Цит. по: Корелин. *Дворянство*. С. 173.

82. Корелин. *Российское дворянство*. С. 79; Он же. *Дворянство*. С. 135; Соловьев. *Самодержавие и дворянство в конце XIX века*. С. 193, 219—220.

83. Соловьев. *Самодержавие и дворянство в конце XIX века*. С. 221—225, 227; Он же. *Правительство*. С. 255—259.

84. См., например, письма князя П.Н. Трубецкого, московского губернского предводителя и председателя совещаний до 1906 г., министру внутренних дел фон Плеве от 16 октября 1902 г. и 13 октября и 17 ноября 1903 г. (РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 87. Л. 2, 262—263, 268). Записки о ходе и результатах многих совещаний см. в: РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 87.

85. Письмо Плеве Трубецкому, 31 октября 1902 г. (РГИА. Ф. 1283. Оп. 1—1902. Д. 87. Л. 6—7).

86. В дальнейшем появились еще два незначительных законодательных акта: закон от 2 апреля 1903 г. о пятилетнем обучении в кадетских школах и закон от июня 1904 г. о создании общей для всей империи родословной книги для дворян, не внесенных в книги ни одного из губернских обществ (см. выше гл. 5 и 6).

87. «Московские ведомости» цит. по: *Вестник Европы*. 1897. Июль. С. 364; рескрипт Николая II Дурново см. в: *Правительственный вестник*. 1902. 1/14 января.

88. Gurko V.I. *Features and Figures of the Past: Government and Opinion in the Reign of Nicholas II* (Stanford, 1939). P. 84; *Дневник А.А. Половцева [1901—1903]* // *Красный архив* 3 (1923):140—142, 146—148; Гос. совет. *Отчет за 1901—1902*. С. 110—121; Он же. *Всеподданнейший отчет председателя за сессию 1901—1902 гг.* С. 30—32; Блосфельдт. *Новейшие узаконения*. С. 43.

89. Цит. по: Корелин. *Российское дворянство*. С. 78 (сноска).

90. Тернер. *Дворянство* // *Вестник Европы*. 1903. Март. С. 5.

Глава 8

РОЖДЕНИЕ КЛАССА: ДВОРЯНЕ-ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЫ В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ И ПОСЛЕ НЕЕ

1905 — К ПРАВОВОМУ РАВЕНСТВУ

В последние годы период 1905—1914 гг. привлек обостренное внимание советских и западных ученых. Это освобождает меня от необходимости сколь-нибудь детально воспроизводить историю этих лет и дает возможность просто проследить развитие дворянского вопроса и вопроса о привилегиях на последнем этапе существования режима, опираясь на результаты, полученные в предыдущих главах.

Хотя порожденные ею надежды быстро сменились разочарованием, все же революция 1905 г. обозначила начавшуюся с большим запозданием политическую модернизацию России. Как система самодержавного господства, так и режим правовых привилегий были серьезно повреждены, хотя не достаточно серьезно, чтобы изменить природу власти. Революция и вызванные ею изменения материально затронули первое сословие. Более того, представители дворянства играли важную роль в этих драматических событиях. Если у разнообразных революционных элементов и было нечто вроде общей программы в 1905 г., то это была программа освободительного движения, образованного преимущественно интеллигентами из той части первого сословия, которая вполне вписалась в жизнь современного городского сектора тогдашнего российского общества. Их поддерживали либеральные провинциальные дворяне, земские деятели, являвшиеся, в духовном плане, членами той же субкультуры¹.

В первые годы двадцатого столетия эмигрантский журнал «Освобождение» и незаконный Союз Освобождения организовали кампанию за выборы законодательного собрания, и одновременно ряд ежегодно проводившихся общегосударственных земских съездов призвал к укреплению земства и к

реформированию административных учреждений, управляющих жизнью крестьян. Деятели обеих групп твердо верили в необходимость отказа от сословной организации общества, где таковая еще сохранилась, в пользу системы правового равенства. Ободренное победами Японии в Маньчжурии, которые обнажили уязвимость старого режима, освободительное движение после трех лет активной борьбы добилось в ноябре 1904 г. созыва земского съезда. Одиннадцать пунктов принятой съездом резолюции содержали изложение программы либеральной интеллигенции и земских либералов, призывая, среди всего прочего, к парламентскому правлению и охраняемым законом гражданским свободам, к равенству политических и гражданских прав для всех граждан, независимо от сословного происхождения, и к освобождению системы земских выборов от начал сословного представительства².

Либералам, опиравшимся теперь на принятую съездом программу, удалось всего за несколько месяцев заручиться поддержкой значительной части провинциального дворянства. Поддержка пришла не только из земских организаций, в которых преобладали дворяне, но и, что особенно поразительно, от губернских дворянских собраний, которые традиционно привлекали более консервативных дворян, чем земство. Из семнадцати дворянских собраний, состоявшихся в декабре 1904 г. и январе 1905 г., одиннадцать поддержали призыв земского съезда о созыве общегосударственного представительного собрания³. Поведение дворянских корпоративных организаций можно объяснить влиянием нескольких факторов: давнишнее неприятие чиновничества со стороны дворян-землевладельцев, особенно консервативно настроенной ее части; связанная с этим неприязнью убежденность некоторых (как либерально, так и консервативно настроенных) дворян, что первое сословие должно иметь право участвовать в управлении страной; и тот факт, что либералам удалось на время овладеть инициативой в дворянских собраниях.

Дворяне-землевладельцы рассматривали чиновничество, которое к концу века довольно далеко отошло от них, как чуждое и враждебное образование, составленное из потерявших корни приспособленцев и введенных в заблуждение поклонников Запада. Более десяти лет эти чиновники жертвовали интересами сельского хозяйства ради промышленности

и торговли. Традиционалистски мыслящие дворяне не могли также смириться с тем, что бюрократия захватила место, искони принадлежавшее дворянству, — место советников самодержцев и исполнителей их воли. В 1905 г. эти эмоции воплотились в готовность поддержать требования освободительного движения об участии народа в законодательном процессе — дворяне предполагали, что именно они окажутся вождями любого законодательного собрания.

Столь же важен был и тот факт, что зимой 1904/05 г. в работе дворянских собраний участвовало лишь меньшинство тех, кто имел на это право; хотя посещались собрания более активно, чем обычно, но только либералы на этих собраниях были организованны и имели конкретную программу действий⁴. Подавляющее большинство помещиков либо, по обыкновению, игнорировали заседания, либо посещали их в состоянии обиды за прошлое, озабоченности за будущее и недоумения перед лицом усиливающихся нападков на самодержавие. И, как и само самодержавие, консервативные дворяне-землевладельцы были атакуемой стороной. Они ждали руководящих указаний из Петербурга, но видели там лишь слабость и шатания. Понятно, что в такой ситуации многие дворянские собрания временно подпали под влияние более либеральных, активных и лучше организованных членов.

Либеральные требования конституционных реформ были усилены общим негодованием по поводу сдачи Порт-Артура и Кровавого воскресенья в Петербурге. Потрясенный этими событиями и убежденный советниками, что требования реформ дольше игнорировать невозможно, 18 февраля Николай II указом на имя министра внутренних дел А.Г. Булыгина объявил о своем намерении создать совещательное собрание народных представителей. В манифесте, составленном в нарочито традиционных выражениях, император призвал «всех истинно русских... людей доброй воли всех сословий и состояний...» встать на защиту трона и отечества⁵. Поскольку летом и осенью 1905 г. революционный натиск продолжал усиливаться, Николай был принужден сначала согласиться на принцип представительства в соответствии с собственностью, а не сословной принадлежностью, а затем даже на предоставление ожидавшемуся собранию народных представителей не совещательных, а законодательных функций.

Губернские предводителя дворянства, *de jure* являвшиеся вождями первого сословия, а на деле — представителями нарождавшегося класса крупных землевладельцев, на своем мартовско-апрельском совещании 1905 г. отвергли принцип сословного представительства. Двадцатью голосами против шести они высказались за то, чтобы булыгинская Дума, как позднее стали называть совещательное собрание, избиралась разделенными на группы по интересу или классы и по принципу, установленному для проведения земских выборов в 1864 г. Хотя некоторые дворянские собрания на внеочередных летних сессиях продемонстрировали отсутствие согласия по вопросу о природе избирательного права, июньское совещание двадцати пяти губернских предводителей, вопреки возражениям традиционалистского меньшинства, предпочитавшего сословное представительство, подтвердило принятую на апрельском совещании резолюцию. Источником массового давления в пользу выборов, основанных на принципе правового равенства, стали три общегосударственных земских съезда, проведенные весной и в начале лета, которые единодушно высказались против сословного представительства и поддержали требование Союза Освобождения о проведении всеобщих, равных, тайных и прямых выборов. Майский земский съезд даже послал к императору делегацию во главе с князем С.Н. Трубецким, профессором философии Московского университета и единокровным братом московского губернского предводителя дворянства. Предостерегая 6 июня Николая II от попыток организации выборов на основе сословной принадлежности, Трубецкой заявил, что «русский царь — не царь дворян, не царь крестьян или купцов, не царь сословий, — а царь всея Руси...»⁶.

Последняя попытка защитить принцип сословного представительства в Думе была сделана четверьмя из пяти народных представителей, включенных в проходившее в двадцатых числах июля преимущественно бюрократическое Петергофское совещание по обсуждению проекта Думы. Среди этих четверых были бывшие губернские предводители граф А.А. Бобринский и А.П. Струков, которых поддержал А.С. Стишинский, бывший товарищ министра внутренних дел и член Особого совещания по делам дворянства, являвшийся в то время членом Государственного совета. Стишинский направил импера-

тору личную просьбу, в которой предупреждал, что система выборов, основанных не на сословной принадлежности, а на собственности, явится роковым ударом, от которого дворянство не оправится. Пятым народным представителем был историк В.О. Ключевский, который за два десятилетия до этого характеризовал в своих лекциях сословия как анахронизм. Ключевский присоединился к большинству совещания, рекомендовавшего разделить избирателей не по сословной принадлежности, а по владению собственностью⁷.

По избирательному закону, принятому в августе 1905 г., члены Думы, не считая депутатов от двадцати шести крупнейших городов, избирались в соответствии с принципами, по которым проводились выборы в уездные земские собрания в 1864—1890 гг. В каждой губернии депутатов Думы должны были избирать собрания выборщиков, назначенные тремя куриями избирателей, а именно: частных землевладельцев, владельцев городской недвижимости и представителей крестьянских обществ. Когда четыре месяца спустя Думу наделили ограниченными законодательными правами, а избирательный закон был изменен во исполнение обещаний, данных в октябрьском манифесте, была добавлена четвертая курия для промышленных рабочих и был отменен имущественный ценз для голосования в курии мелких землевладельцев. Курия мелких землевладельцев избирала представителей, которые заседали в первой курии вместе с крупными землевладельцами, имения которых давали право на прямое участие в голосовании. Благодаря отмене имущественного ценза, в первой курии появилась обширная, даже доминирующая фракция крестьян, владевших кроме наделов купленными участками земли; в некоторых губерниях, где крупное землевладение не получило распространения, они даже оказались в большинстве. В рамках всей страны в результате выборов 1906 г. почти 30% губернских выборщиков по первой курии составили крестьяне, а 54—55% — крупные землевладельцы, преимущественно дворяне⁸.

Но прогресс духа правового равенства не остановился на принятии закона о выборах в Думу, а проявился также в октябрьском указе 1906 г., который покончил со многими ограничениями личных прав крестьян и ликвидировал в системе государственной службы все особые преимущества, основанные на сословном происхождении⁹.

Несмотря на это победное шествие принципа правового равенства и сужение сферы сословных привилегий, сделавшие еще более бессмысленным сохранение правовых межсословных различий, сами различия сохранились в полном объеме. И этот факт нашел отражение, хотя и не вполне явственное, в организации Государственного совета после его восстановления в феврале 1906 г. как верхней палаты нового российского парламента. С этого момента только половина членов Совета назначалась императором. Вторая половина избиралась, но таким образом, что роль корпоративных сословных учреждений дворянства и купечества получалась довольно двусмысленной — двусмысленной, потому что было неясно, избраны они как представители традиционного социального порядка или как современные группы, объединенные общими интересами. Последнее предположение кажется более вероятным: государство обратилось к использованию корпоративных сословных учреждений из соображений удобства¹⁰. Из девяноста восьми выборных членов Государственного совета семьдесят четыре были представителями сельских землевладельцев: восемнадцать членов избирались общегосударственным съездом выборщиков, избранных, в свою очередь, дворянскими обществами губерний, в которых проводились дворянские выборы; тридцать четыре члена избирали губернские земские собрания; шестнадцать членов избирали землевладельцы (независимо от сословной принадлежности) тех губерний Европейской России, в которых не было земства; и шестерых избирали землевладельцы десяти привислянских губерний. Из этих семидесяти четырех членов Государственного совета только восемнадцать должны были по закону принадлежать к дворянству, но на деле подавляющее большинство их принадлежало к этому сословию, которое до сих пор владело большинством площади частных земельных владений России. В Государственном совете дворяне-землевладельцы по большинству вопросов занимали различные позиции, но обычно выступали единым фронтом в защиту собственных классовых интересов¹¹.

Небольшим меньшинством в Совете были двенадцать представителей торговли и промышленности, выбиравшиеся из их членов общегосударственным съездом выборщиков от ряда организаций: комитетов торговли и промышленности,

комитетов бирж и купеческих управ. Шесть выборных членов Совета представляли православную церковь и еще шесть — Академию наук и университеты. Таким образом, избиравшаяся половина Государственного совета должна была представлять несколько основных групп интересов, но избирательные процедуры превратили ее в корпоративное сословное представительство дворянства и купечества.

Революция 1905 г. обозначила еще одну важную ступень в эволюции России от сословного общества, основанного на узаконенных привилегиях, к обществу массовому, опирающемуся на принцип правового равенства, но при этом не порвавшего окончательно с принципом межсословных различий. Сохранению этого принципа суждено было внести путаницу в гораздо более значительные аспекты политики в период после 1905 г., чем просто состав Государственного совета.

ЭКСПРОПРИАЦИЯ ЗЕМЛИ

И РЕФОРМА ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА

Движение, начавшееся как кампания за конституционные реформы, после Кровавого воскресенья стало массовым. Крестьянское восстание, развернувшееся весной 1905 г. и продлившееся до лета 1907 г., было самым серьезным из такого рода событий за 130 лет. Мы уже говорили об экономических аспектах его воздействия на дворянское землевладение (см. главу 2, особенно разделы «Продажа и покупка дворянских имений» и «Долги по закладным»). Его политические последствия были не менее внушительны. Крестьянские бунты в сочетании с угрозой экспроприации крупных и средних имений и с невызывавшим симпатий характером Первой Думы положили конец заигрываниям помещиков с либерализмом. Открывшаяся в 1905 г. глубина крестьянского гнева убедила либеральную интеллигенцию и просвещенных бюрократов в том, что принудительное перераспределение земли в пользу крестьянства было политической необходимостью. Стоявшие на центристских позициях октябристы и все партии слева от них поддержали идею экспроприации, и в конце 1905 г. с благословения Витте правительство разработало проекты ограниченной экспроприации. Более того, выборы, прошедшие в марте 1906 г., закончились появлением Думы, подавляющее

большинство которой выступало за принудительное перераспределение земли. В ответ дворяне-землевладельцы отвергли лидерство либералов и, выдвинув альтернативный план умиротворения крестьянства, организовали группу давления для защиты своих интересов, пользуясь новой политической свободой, появившейся как результат революции 1905 г.

Отталкивание от либералов, которые составляли большинство на губернских дворянских и земских собраниях в период борьбы за конституционную реформу и на которых теперь возложили вину за атаку на права собственности, началось зимой 1905/06 г. и достигло кульминации годом позже в решительном сдвиге вправо во время дворянских и земских выборов. Даже столь умеренные губернские предводители дворянства, как князь П.Н. Трубецкой (Москва) и М.А. Стахович (Орел), были забаллотированы на выборах из-за прежнего активного участия в освободительном движении. А.Д. Самарин, предводитель дворянства Богородского уезда с 1899 г., торжествующий оппонент Трубецкого на московских дворянских выборах, укорил своего предшественника за его «податливость крайним левым элементам...»¹².

Выдвинутая помещиками альтернатива политике экспроприации частной собственности заключалась в превращении общинного крестьянства в класс индивидуальных землевладельцев. Первым эту программу публично огласил Всероссийский союз землевладельцев, образованный 203 собственниками земли, почти исключительно дворянами, из тридцати трех губерний, собравшийся в Москве в ноябре 1905 г. Среди инициаторов создания Союза были Н.А. Павлов, близкий сотрудник Мещерского по газете «Гражданин», и А.А. Чемодуров, возглавивший Совет нового союза¹³. Второй съезд группы в феврале 1906 г. подверг критике план экспроприации сдаваемых крестьянам в аренду частных земель, разработанный директором Главного управления землеустройства и земледелия (бывшее министерство земледелия и государственных имуществ) Н.Н. Кутлером, а также призвал к удалению председателя Совета министров Витте, которого считали ответственным за проект экспроприации. В январе 1906 г. план экспроприации был отвергнут, и специально созванным общегосударственным совещанием губернских и уездных предводителей дворянства был одобрен план ликвидации сельского общества и создания

класса крестьян — индивидуальных земельных собственников. Несколько других губернских дворянских обществ и земских собраний быстро последовали этому примеру. Ободренный этой поддержкой своих собственных политических пристрастий¹⁴, Николай II в феврале отправил в отставку Кутлера, а в апреле — Витте, так что в окончательном варианте новых Основных законов оказался вписанным принцип нерушимости частной собственности¹⁵.

Но шаги эти угрозу экспроприации не устранили — напротив, именно таков был лозунг большинства партий и фракций Первой Думы, начавшей работу в конце апреля. В следующем месяце первый съезд уполномоченных губернских дворянских обществ, группы, созданной в основном для противодействия программе экспроприации, присоединил голос к кампании за преобразование общинного крестьянства в класс индивидуальных земельных собственников. В мае и правительство определенно высказалось против экспроприации частных земель, за ликвидацию сельского общества и консолидацию крестьянских владений. Когда Дума стала настаивать на требовании экспроприации земли, не обрабатываемой своим владельцем, правительство в июле 1906 г. ее распустило. Новый председатель Совета министров П.А. Столыпин воспользовался временем до первой сессии Второй Думы для того, чтобы в ноябре 1906 г. ввести новый земельный закон указом, который в основных своих положениях был близок предложениям дворян-землевладельцев: постепенное уничтожение общинного землевладения и консолидация крестьянских наделов, что — по замыслу творцов политики — должно было привести к появлению прилежного и работающего крестьянства, проникнутого консервативной идеологией мелких земельных собственников. Когда и Вторая Дума стала настаивать на экспроприации частнособственнических земель, ее также распустили в начале июня 1907 г.¹⁶

В ходе кампании против экспроприации и за альтернативную программу дворяне-землевладельцы впервые в истории начали превращаться в организованную группу защиты собственных интересов. Как уже отмечалось, Всероссийский союз землевладельцев был создан в ноябре 1905 г. по инициативе провинциальных помещиков из таких губерний, как Самарская и Саратовская, где угроза насилия со стороны крестьян-

ства чувствовалась особенно остро. Зимой 1905/06 г. нарастало настроение в пользу создания постоянной общегосударственной организации, которая была бы составлена из специально для этой цели избираемых делегатов губернских дворянских обществ и защищала бы помещичьи интересы от угрозы со стороны взбунтовавшихся крестьян и вставших на ложный путь либеральных бюрократов. Создание такой организации поддерживали две несходных группы: консервативно настроенные провинциальные дворяне-землевладельцы, активно участвующие в местной политике и близкие к тем, кто создал Всероссийский союз землевладельцев, и жители столицы — сходно мыслящие земельные магнаты (вроде тех, которые предыдущей весной создали Отечественный союз, выступавший в защиту сословного представительства в чисто совещательном народном собрании). Действуя через дворянские собрания, которые к этому времени прекратили свой недолгий флирт с либерализмом, сторонники идеи постоянной общегосударственной организации дворянства вынуждены были преодолевать сопротивление губернских предводителей. Среди них было много умеренных, типа октябристов (например, П.Н. Трубецкой, В.В. Гудович и М.А. Стахович), и большинство из них адекватно понимали эту инициативу как попытку обойти предводителей и, пожалуй, также помешать Думе еще до начала ее первой сессии. В апреле 1906 г. совещание губернских предводителей под давлением двадцати шести дворянских обществ вынужденно поддержало призыв к созданию постоянной общегосударственной организации¹⁷.

В мае прошел первый недельный съезд уполномоченных дворянских обществ. В следующие десять лет таких состоялось еще одиннадцать. В промежутках между съездами деятельность концентрировалась в Постоянном совете пятнадцати, треть которого обновлялась на очередном ежегодном съезде. Членство в организации, обычно именовавшейся Объединенное дворянство, было добровольным и открытым для всех губернских дворянских обществ. Делегация каждого из обществ имела на съездах один голос. Хотя вначале ряд дворянских обществ бойкотировал организацию, а некоторые впоследствии ее покинули, ее численность выросла от двадцати девяти обществ в мае 1906 г. до тридцати девяти в марте 1913 г. (из сорока одной губернии с дворянскими выборами, включая четыре кавказских)¹⁸. Органи-

зация с самого начала дистанцировалась от либерализма, проявлявшегося в позиции многих предводителей в 1905 г., что выразилось в оглушительном поражении Трубецкого и Гудовича на выборах председателя первого съезда, которым стал консервативно настроенный А.А. Бобринский. Эта враждебность к либерализму смягчилась только с поражением на дворянских выборах зимой 1906/07 г. таких умеренных деятелей, как Трубецкой и Стахович. Напуганные радикализмом двух первых Дум по земельному вопросу и продолжавшимися крестьянскими волнениями, многие из сохранивших свои посты умеренных предводителей дворянства сдвинулись к позиции Объединенного дворянства. Соответственно начиная с 1907 г. губернские предводители стали автоматическими членами Постоянного совета и ежегодных съездов организации, с правом голоса¹⁹.

Объединенное дворянство было полно противоречий, отражавших как переходный характер — между абсолютизмом и конституционализмом — российской политической жизни после 1905 г., так и неопределенное положение первого сословия в последние годы старого режима. Хотя Объединенное дворянство состояло из губернских дворянских обществ, представлявших собой официальные сословные учреждения, но движущей силой всей организации были отдельные люди, действовавшие частным образом и пользовавшиеся недавно дарованной всем подданным империи свободой собраний. Само по себе Объединенное дворянство не входило в состав дворянских корпоративных организаций. Членство здесь было добровольным, и решения не носили обязательного характера даже для вошедших в эту организацию дворянских обществ. И хотя она представляла собой надстройку над дворянскими корпоративными организациями, но при этом выражала и защищала интересы только 12% дворян — членов семей, владевших значительными земельными именьями. Председатель Постоянного совета Объединенного дворянства в 1906—1912 гг. представлял собой образцовый пример двуликости организации: титулованный аристократ и бывший губернский предводитель, выступавший в 1905 г. за сословную Думу, граф Бобринский являлся также предпринимателем нового типа — «сахарным магнатом», игравшим видную роль в торговых и промышленных кругах Москвы²⁰.

Объединенное дворянство множеством нитей было связано с государством. Его вожди и основатели в силу общественного положения и/или по должности имели прямые связи с правительством и двором. Первый съезд, например, собрался в зале Главного управления землеустройства и земледелия, по приглашению его директора и одного из основателей организации Стишинского. Председатель Бобринский не менее раза в год удостоивался аудиенции у императора²¹. Вначале организация предпочитала для достижения своих целей использовать эти связи в высших сферах и продолжала использовать их до конца, но все чаще она стала в большей степени полагаться на поддержку своих сторонников в составе Государственного совета. Треть делегатов первого съезда и девять из пятнадцати членов первоначального Постоянного совета являлись выборными членами верхней палаты, а буквально все восемнадцать членов Государственного совета, избравшиеся дворянскими обществами, и примерно половина из тридцати четырех, избравшихся земством, участвовали в работе Объединенного дворянства²².

Точнее всего съезды уполномоченных дворянских обществ могут быть описаны как лоббистская организация, созданная для того, чтобы использовать в интересах особой группы возможности возникшей после 1905 г. более открытой квазипарламентской политической системы. Создание Объединенного дворянства было признаком нарастающего среди помещиков недовольства курсом государственной политики. Организация защищала интересы части средних и крупных землевладельцев, стоявших в политическом спектре правее октябристов, контролировавших после 1906 г. дворянские общества. Если первый съезд был преимущественно занят вопросом о земельной реформе, в центре внимания нескольких последующих (ноябрь 1906 г., март 1907 г. и март 1908 г.) были другие вопросы: внесение изменений в организацию думских выборов и защита традиционной роли дворян-землевладельцев в управлении уездами.

Результаты выборов в Первую Думу сильно разочаровали многих, а может быть, и большинство помещиков. Руководство Думы было отвергнуто крестьянством, а доминирующей группой в ней была левоцентристская партия конституционных демократов, которая твердо стояла за экспроприацию

крупных имений. Вину за такой исход многие помещики возлагали на систему выборов. Чуть меньше трети губернских выборщиков в Европейской России были приписаны к первой курии, которая включала не только землевладельцев из крестьян, но и представителей мелких крестьянских землевладельцев. Крестьяне составили почти 30% губернских выборщиков, избранных в 1906 г. первой курией. В большинстве случаев дворяне-землевладельцы не могли быть избраны в Думу без существенной поддержки со стороны крестьян. В первых двух Думах помещики составляли лишь пятую часть депутатов, и почти все они были членами или союзниками партий, требовавших экспроприации крупных имений²³.

Умеренно консервативные дворяне-землевладельцы, вроде тех, что доминировали на съезде земства в 1907 г., видели решение проблемы в установлении избирательного права, при котором весомость каждого голоса определялась бы величиной уплачиваемого земского налога или величиной земельной собственности. Но крайние традиционалисты требовали принятия более радикальных мер. Уже в январе 1906 г., за два месяца до выборов в Первую Думу, Тамбовское губернское дворянское собрание, выдвинувшее идею Объединенного дворянства, еще раз призвало к созыву сословной Думы с чисто совещательными функциями. В сентябре и октябре, после роспуска Первой Думы и до выборов во Вторую, не менее трех других дворянских обществ поддержали призыв тамбовских дворян к сословному представительству. Еще четыре общества высказались в пользу представительства, основанного одновременно и на сословной принадлежности, и на сходном образе жизни. Двойственность последней группы дворянских обществ, коренящаяся в признании факта, с одной стороны, сословного разделения российского общества и, с другой, его действительного разделения на социальные и экономические группы, была характерна для проходивших в октябре и ноябре в Постоянном совете и на втором съезде Объединенного дворянства дискуссий о реформе избирательной системы. Даже те участники съезда, которые выступали за сословные выборы, определяли дворянство по признаку владения землей, а не в соответствии со Сводом законов. Другие делегаты предпочитали говорить о бытовых и органически сложившихся социально-экономических группах (т.е. о группах, определя-

емых сходным образом жизни), утверждая, что традиционные сословия фактически уже были вытеснены из жизни группами людей, разделяющих общий стиль жизни, основанный на собственности, профессии, образовании и т.п. В конце концов съезд принял двойственный первый пункт доклада, призывавший Постоянный совет к введению «в выборы [Думы] смешанного начала сословно-группового, т.е. выборов и по сословиям, где таковые организованы, и по естественным бытовым группам или классам населения»²⁴.

Несмотря на нежелание отказаться в принципе от концепции сословий, предложенная вторым съездом программа избирательной реформы продемонстрировала отчетливое стремление положить в основу выборов в Думу не сословную, а классовую принадлежность. На прошедших в марте 1906 г. выборах, когда избиратели из первой курии во многих губерниях встретились, чтобы избрать делегатов в губернские собрания выборщиков, там оказалось намного больше представителей мелких собственников, чем крупных и средних землевладельцев. В целом по стране примерно две трети первой группы были крестьянами, а почти две трети второй — дворянами. Чтобы поправить ситуацию, второй съезд предложил разбить первую курию на две — для мелких и для крупных землевладельцев. В случае реализации этого проекта большинство в курии мелких землевладельцев принадлежало бы крестьянам, а в курии крупных землевладельцев — дворянам, но при этом примерно две трети дворян в соответствии с величиной своих земельных владений оказались бы приписанными к курии мелких землевладельцев²⁵. Таким образом, в ноябре 1906 г. Объединенное дворянство продемонстрировало, что защищает интересы не первого сословия, и даже не дворян-землевладельцев в целом, а лишь тридцать одну тысячу дворян, имения которых давали им право прямого голосования в первой курии и которые составляли подавляющее большинство класса средних и крупных помещиков.

После прошедших в январе 1907 г. выборов во Вторую Думу, которая оказалась по своему политическому составу радикальнее первой, правительство признало необходимость реформировать избирательный закон, но не поддержало традиционалистов в вопросе о сословном представительстве в Думе. Председатель Совета министров Столыпин, напротив,

считал сословный принцип анахронизмом. Он предпочел внести изменение в распределение избирателей между куриями и радикально переменял удельный вес каждой курии на губернских собраниях выборщиков. Реформированный избирательный закон, изданный высочайшим указом в июне 1907 г., сразу на другой день после роспуска Второй Думы, утвердил решение Сената, запретившего голосование в курии землевладельцев тем крестьянам, которые в силу принадлежности к сельскому обществу были представлены выборщиками третьей курии. Благодаря этому ходу подавляющее большинство крестьян-землевладельцев было исключено из первой курии²⁶. В результате перераспределения губернских выборщиков по закону 1907 г. доля выборщиков от крестьянской курии в Европейской России сократилась от 42 до 22%, а доля выборщиков от курии землевладельцев, очищенной по этому закону от большинства крестьян, выросла от 33 до 50%. Отныне выборщики первой курии составляли «абсолютное большинство в двадцати семи из пятидесяти одной губернии Европейской России, половину голосов еще в четырех и относительное большинство близкое к половине почти во всех остальных». По закону о выборах от 1905 г. выборщики от первой курии составляли большинство только в двух губерниях; в тридцати одной губернии им принадлежало от 31 до 50% голосов, а в остальных восемнадцати — от 9 до 30%²⁷. В результате изменения избирательного закона доля дворян, составлявшая в первых двух Думах примерно треть, поднялась почти до половины в Третьей и Четвертой Думах, а доля помещиков выросла от одной пятой до двух пятых²⁸. Нет сомнения, что удвоение доли дворян-землевладельцев способствовало тому, что дворянские депутаты в Думе после 1907 г. стали более консервативными.

Принятый в июне 1907 г. избирательный закон завершил процесс концентрации непропорционально большой политической власти в квазипарламентской системе в руках крупных и средних землевладельцев, большинство которых принадлежало к первому сословию. Они образовали самую крупную фракцию в Думе точно так же, как еще за год до этого они были сделаны доминирующей фракцией в избираемой половине Государственного совета. Этой властью они распоряжались не как дворяне, а как землевладельцы. Если не считать

восемнадцать представителей дворянских обществ в составе верхней палаты, избирательный закон не давал никаких привилегий первому сословию как таковому. Когда правительство в качестве избирательного ценза в выборах в Думу приняло не сословную принадлежность, а имущественное положение, это не вызвало ни малейшего протеста со стороны Объединенного дворянства, потому что такой подход совершенно отвечал интересам их избирателей — крупным и средним помещикам. Но когда Петербург занялся реформированием системы местного управления и возникла угроза интересам дворян, Объединенное дворянство весьма энергично и эффективно встало на защиту сословных привилегий.

РЕФОРМА МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Реформа сельского управления на уровне уездов и волостей обсуждалась правительством, хотя и не непрерывно, с начала 1880-х гг. В первые годы двадцатого века в центре внимания оказался вопрос о недостатках в службе уездных предводителей дворянства и земских начальников, а также проблема отсутствия представительских учреждений ниже уровня уезда для всех, кроме общинного крестьянства. Известный юрист барон Корф, например, утверждал, что складывается совершенно ненормальная ситуация, когда должностное лицо сословного учреждения (скажем, уездный предводитель) занимает такое центральное положение в земстве и крестьянских делах²⁹.

Опираясь на идеи, сформулированные в ходе этих дискуссий, Столыпин в декабре 1906 г. внес в Совет министров проект, предлагавший (1) возложить практически все административные функции, лежавшие до того на уездном предводителе дворянства, на специально назначаемого вице-губернатора или уездного начальника; (2) переложить административные обязанности, лежавшие до того на земском начальнике, на должностное лицо, назначаемое без участия местных деятелей; (3) крестьянские волостные организации заменить на учреждения волостного земства, которое бы представляло всех местных жителей; (4) привести представительство в земских собраниях на уровне уезда и волости в соответствие с суммой уплачиваемых земских налогов. Если бы эти предложения

были приняты, столыпинская реформа радикально понизила бы роль дворян-землевладельцев в системе местного управления. Пришел бы конец многолетнему господству уездных предводителей дворянства в административной жизни уездов, и точно так же окончилась бы сегрегация общинного крестьянства, пребывавшего под судебным и административным контролем непрофессионального должностного лица, выбиравшегося из среды местных дворян-землевладельцев. Сильно уменьшилось бы и влияние на земство первого сословия, доля которого в земских налоговых сборах была крайне незначительной³⁰.

Столыпинский проект отражал не только давно созревшее в просвещенной части общества и бюрократии признание недостатков сельской администрации, но и личное убеждение самого председателя Совета министров, что в двадцатом веке сословия — пережиток прошлого. Он придерживался этого убеждения несмотря на свой опыт службы (а может быть, и благодаря ему), сначала в качестве назначенного сверху уездного предводителя дворянства в Ковенской губернии в 1890-х гг., а затем — в качестве ковенского губернского предводителя в 1900—1903 гг. Представляя свой проект реформы местного управления в Совете министров, Столыпин утверждал, что «сословная группировка населения России представляет из себя нечто определенное лишь в тех своих частях, где ее деления совпадают с реальными различиями отдельных классовых элементов, оставаясь за этими пределами чисто фиктивной величиной»³¹. Короче говоря, только классовые различия имели теперь значение, а сословные попросту перестали отвечать реалиям российской общественной жизни. Два месяца спустя, в феврале 1907 г., Столыпин не оставил никаких сомнений по поводу своих взглядов, когда убеждал А.А. Нарышкина, одного из руководителей Объединенного дворянства, что сословный принцип устарел и должен быть устранен из системы местного управления³². Та же логика привела Столыпина в июне 1908 г. к ликвидации канцелярии по делам дворянства в министерстве внутренних дел.

Объединенное дворянство как вызов восприняло столыпинскую атаку на сословный принцип в местном управлении, на власть и влияние уездных предводителей и земских начальников и на контроль дворян-землевладельцев в земских учреждениях. Когда в 1905 г. оборвались их заигрывания с либера-

лизмом, корпоративные учреждения первого сословия — губернские и уездные предводители и выбиравшие их дворянские собрания — стали восприниматься консерваторами, подчинившими их себе, как полезные инструменты защиты своих земельных интересов. Губернские дворянские общества были фактически тем основанием, на котором возникло Объединенное дворянство, и в 1907—1908 гг. эта влиятельная лоббистская организация сыграла важную роль в поражении столыпинских реформ.

В феврале 1907 г., когда проект столыпинских реформ уже стал объектом атаки со стороны январского совещания губернских предводителей, в Совете министров и в Государственном совете, Постоянный совет съезда уполномоченных дворянских обществ настойчиво требовал от Столыпина разрешения обсудить предлагаемую им реформу на дворянских и земских собраниях, прежде чем он передаст ее для рассмотрения в Думу. Это происходило еще до изменения избирательного закона: Объединенное дворянство еще воспринимало Думу как врага, и Постоянный совет надеялся с помощью широкой критики прикончить проект еще до его попадания в нижнюю палату. Даже располагая поддержкой октябристов и конституционных демократов, Столыпин поддался этому давлению и отложил внесение законодательства в Думу до декабря 1908 г., когда многие губернские дворянские общества уже заявили о своем неприятии реформы. В этом они руководствовались указаниями одного из членов третьего съезда Объединенного дворянства, который в марте 1907 г. заклеил законопроект Столыпина, поскольку его основания «совершенно уничтожают значение дворянского сословия на местах...»³³.

О необходимости поддержки значения дворянства красноречиво говорил в выступлении перед четвертым съездом в марте следующего года Ф.Д. Самарин, один из выборных представителей дворянских обществ в Государственном совете. Самарин был председателем комиссии Московского дворянского депутатского собрания по рассмотрению столыпинского проекта и являлся официальным докладчиком съезда по этому вопросу. Используя риторику, знакомую любому читателю издававшейся в 1880-х и 1890-х гг. литературы по дворянскому вопросу, Самарин защищал традиционалистскую концепцию русского общества: «Нельзя считать идеалом на-

родного устройства такое состояние, при котором народ составлял бы безразличную массу, был бы каким-то механическим агрегатом отдельных личностей; наоборот, желательно, чтобы он состоял из целой совокупности взаимно связанных бытовых общественных групп, из которых каждая обладала бы внутренним единством или вследствие общности материальных интересов, или вследствие единства их преданий и условий образования... Где же такие группы у нас? Едва ли на этот вопрос может быть другой ответ, кроме указания на сословные группы... крестьянство, дворянство, духовенство — вот те бытовые классы, которые несомненно обладают внутренним единством, внутренней сплоченностью и которые могут являться орудием государственной власти...»

С особенной пылкостью Самарин защищал уездного предводителя, который «избирается дворянством, независим от администрации и независим от массы местного населения... Он не принадлежит к администрации, но вместе с тем он несомненно является должностным лицом, облеченным правительственной властью; он не является избранником населения, но никаким образом не может быть признан чуждым местному населению. Благодаря этому, он является связующим звеном между правительственной властью и общественными учреждениями...». Доклад самаринской Комиссии предупреждал, что не следует следовать примеру Франции, где «в конце XVIII века произведена была полная перестройка всего государства сверху донизу». Местные учреждения, результат трудов многих поколений, были упразднены — с самыми печальными результатами³⁴.

Четвертый съезд принял резолюцию, вторившую аргументам Самарина, и для изложения своих доводов против реформ послал делегацию к императору. Николай II принял их очень доброжелательно и в итоге ввел в состав совещательного Совета по делам местного хозяйства министерства внутренних дел еще восьмерых предводителей дворянства, активистов Объединенного дворянства. В задачу Совета входило рассмотрение всех предложений по совершенствованию местного управления до их передачи в Думу. В декабре 1908 г. эти представители дворянства разошлись с большинством Совета, поддержавшего предложения по реформе уездной администрации, заявив при этом, что, если передать управление уездами в руки

чиновничества, «население, естественно, решит, что предводители, а следовательно, и все избирающее их поместное дворянство лишились доверия царя»³⁵. Это резкое осуждение, в соединении с непреклонным протестом прошедшего в январе 1909 г. общегосударственного Совещания губернских предводителей, а в следующем месяце — пятого съезда Объединенного дворянства, привело к тому, что инициатива Столыпина была остановлена. Не помогло и то, что он, в надежде провести через две законодательных палаты хоть какую-то часть своей реформы, пошел на компромиссы (например, пожертвовав постом уездного начальника). И хотя части его проекта получили одобрение Думы в 1911/12 г., но даже и они были заблокированы Государственным советом главным образом благодаря усилиям таких активистов Объединенного дворянства, как Стишинский³⁶.

Саботирование усилий Столыпина реформировать местное управление закрепило за помещиками (а точнее, за средними и крупными помещиками, пользовавшимися всей полнотой избирательных прав) господствующие позиции в сельской жизни. Предводители дворянства удержали за собой роль фактических руководителей уездной администрации, патерналистская власть земских начальников над крестьянством сохранилась (в несколько смягченном виде) в качестве суррогата утраченной помещиками власти над крепостными, а контроль над земством остался в руках средних и крупных дворян-землевладельцев. Кроме того, эти же группы сохранили доминирующие позиции в избираемой половине Государственного совета и в Думе и могли рассчитывать на благосклонное внимание к себе императорского двора. Политическая власть этого небольшого меньшинства опиралась не на законные привилегии (которые к тому времени были почти ликвидированы), а на диспропорционально большую земельную собственность в стране, которая все еще оставалась преимущественно аграрной.

Эта богатая и политически влиятельная группа не вполне отдавала себе отчет в том, что она собой представляла — класс или сословие, и дискуссии на съездах Объединенного дворянства это непонимание отчетливо отражали. На первом съезде участник из Тулы, Ю.В. Арсеньев, настаивал, говоря: «Мы выступаем не как служилое сословие, а как землевладельчес-

кое сословие», тогда как приехавший из Казани князь П.Л. Ухтомский не мог дать однозначного ответа на вопрос — кого представляет новая организация? «Государственное сословие» или «землевладельческий класс»?³⁷ Прошедшие в дворянских обществах и на втором съезде дискуссии об изменении избирательного закона выявили широко распространенную поддержку концепции общества как организма, разделенного на группы, определяемые образованием, профессией, богатством и образом жизни, а не сословной принадлежностью, которая уже не отражала реалий общественной жизни. В 1909 г., когда консерваторы и традиционалисты окончательно победили в споре о реформе местного управления, Объединенное дворянство сосредоточилось на лоббировании классовых интересов аграриев в целом и средних и крупных землевладельцев в частности. Организация настаивала, к примеру, на государственной помощи земству за оказываемые им сельскохозяйственные услуги (агрономические, ветеринарные, консультации по корму скота, по образцовым хозяйствам и кооперативам, информацию о распродаже сортовых семян, машин, оборудования и проч.) и на строительство дорог и элеваторов в сельской местности³⁸. В марте 1913 г. девятый съезд вернулся к идее о предоставлении губернским дворянским обществам права возводить в дворянское достоинство и записывать в родословные книги недворян, владеющих значительными земельными участками.

Тем не менее предложения Столыпина реформировать местное управление вызвали к жизни тонны риторики с восхвалениями идеализированных достоинств сословного общества. Дворянство превозносили как носителя принципа бескорыстного служения государству и морального примера для крестьянства. Русское общество романтически изображалось как органичный союз сословий, каждое из которых вносит свой вклад в общее дело, и все они связаны взаимным уважением.

Почему вдруг обратились к языку и идеям отжившего мира люди, которые в других ситуациях действовали и мыслили как вполне современная профессиональная группа? В самом ли деле прав Арно Майер, утверждавший, что старая элита во многом научилась действовать как современный класс, соединяемый исключительно экономическими интересами, но в глубине души осталась «феодалным дворянством»? Скорее

всего, реальность была более сложной. Не следует забывать о двойственной природе учреждений, с влиянием которых на сельскую жизнь должна была покончить столыпинская реформа. С формальной стороны это были сословные дворянские учреждения, но на практике они стали одним из главных инструментов, с помощью которых незначительное меньшинство дворянства, состоявшее из крупных и средних землевладельцев, защищало свои классовые интересы. То, что в восемнадцатом веке задумывалось как корпоративная структура для всего дворянства, постепенно трансформировалось в инструмент, обслуживавший интересы небольшой части класса помещиков. Именно этой группе было, с одной стороны, ясно, что их всех (включая землевладельцев не из дворян) связывают общие интересы, но которая, с другой стороны, одновременно осознавала социальную дистанцию между собой и большей частью первого сословия, ушедшей в профессиональный, коммерческий и промышленный мир городов.

Таким образом, возобновленная забота о защите сословного принципа была реакцией на атаки тех учреждений, которые, обслуживая классовые интересы крупных и средних землевладельцев, в то же самое время являлись с позиций закона сословными организациями. Отчасти эта забота о защите объясняется тем фактом, что в жизни уездов помещики продолжали доминировать не только как землевладельцы, но и как дворяне. Крупные и средние землевладельцы, не имевшие дворянского достоинства, были исключены из политического руководства уезда. Они не могли влиять на избрание предводителя дворянства — главного уездного администратора; до 1913 г. они не могли быть претендентами на выборный пост земского начальника; после 1890 г. их не включали в первую курию земских избирателей, которая была непропорционально представлена в уездном земском собрании. Попытки превратить губернские дворянские общества в репрезентативные организации, которые включали бы класс значительных землевладельцев, проваливались не один раз за последние два десятилетия девятнадцатого века, и в 1913 г. ту же судьбу разделила и предпринятая Объединенным дворянством попытка. Препятствие оставалось прежним: государство отказало губернским дворянским обществам в праве кооптировать землевладельцев-недворян посредством

возведения их в дворянское достоинство за услуги сельскому хозяйству и местному обществу. Старый режим до своего последнего дня сохранил верность тому принципу, что дворянское звание может быть наградой только за служение государству³⁹.

Неизменность сословной риторики до известной степени была отражением культурного запаздывания — знакомый термин «сословие», например, использовали для обозначения незнакомого явления «класс», — но прежде всего в этом отражался переходный характер российского общества и его учреждений в последнее десятилетие старого режима и, разумеется, непреклонное пристрастие самодержавия к архаическим формам. Усилия первого сословия по созданию класса землевладельцев, имеющих желание и возможности отстаивать свои четко осознаваемые общие интересы, начались до 1905 г. и к 1914 г. еще не увенчались успехом. Процесс зашел уже достаточно далеко и стал необратимым, но его было не видно за ширмой устарелой сословной структуры Российской государственности, которая, несмотря на критические взгляды Столыпина, сохранила безусловную поддержку монархии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Об освободительном движении см.: Fischer George. *Russian Liberalism: From Gentry to Intelligentsia* (Cambridge, MA, 1958). Chaps. 4 and 5; и Galai Shmuel. *The Liberation Movement in Russia 1900—1905* (Cambridge, Eng., 1973). Согласно Эммонсу (Emmons. *Formation of Political Parties*), центральный комитет Конституционных демократов в 1905 г. на три четверти состоял из дворян, являвшихся в большинстве своем землевладельцами, хотя лишь пятая часть из них посвятила себя исключительно сельскому хозяйству (р. 63, 113).

2. Fischer. P. 182—187; Шипов Д.Н. *Воспоминания и думы о пережитом* (М., 1918). С. 261—265. Фишер переводит «сословный» как «class», а не как «estate».

3. Manning. *Crisis*. P. 83—84. См. также: Galai. P. 270. Даже обсуждая вопрос о представительном правлении, дворянские собрания тем самым уже вышли за пределы предоставленного им права обсуждать конкретные недостатки местной администрации, затрагивающие все общество, и, в сущности, нарушили запрет на обсуждение фундаментальных изменений политического устройства России. См. гл. 7, примеч. 51.

4. Мэннинг истолковывает поведение дворянских собраний в 1905 г. как кульминацию движения «возврата к земле», т.е. как прямой результат поведения дворян, которые (1) презирали своих коллег по службе за их низкое происхождение и негодовали на их «неджентльменский» профес-

сионализм и (2) использовали активность в дворянских и земских учреждениях как суррогат незадавшейся карьеры. При этом даваемый ею анализ факторов, сделавших возможным доминирование либералов в земских учреждениях до зимы 1906/07 г., может быть с незначительными изменениями использован для понимания ситуации в дворянских собраниях, где влияние либералов окончилось намного быстрее: «традиционное для дворян-землевладельцев уклонение от участия в выборах...; политическая лертаргия более консервативно и традиционно настроенной части землевладельцев; и административная ловкость либералов, всецело посвятивших себя участию в делах земства» (*Crisis*. P. 274). См. также: Manning Roberta T. *Zemstvo and Revolution: The Onset of the Gentry Reaction, 1905—1907* // Haimson Leopold H. (ed.). *The Politics of Rural Russia, 1905—1914* (Bloomington, 1979). P. 42—43.

5. Цит. по: Galai. P. 242—243.

6. Цит. по.: Петрункевич И.И. *Из записок общественного деятеля: Воспоминания* // Архив русской революции. Т. XXI (Берлин, 1934). С. 379. Предыдущий параграф основывается на данных: Manning. *Crisis*. P. 99, 111—112.

7. Там же. P. 113—114; Соловьев Ю.Б. *Самодержавие и дворянство в 1902—1907 гг.* (Л., 1981). С. 174.

8. Сидельников С.М. *Образование и деятельность первой государственной думы* (М., 1962). С. 136. Для прямого участия в голосовании по первой курии нужно было иметь в собственности от 100 до 475 десятин, т.е. столько же, сколько требовалось для прямого участия в уездных земских выборах в 34 первоначальных земских губерниях, но в шести белорусских и юго-западных губерниях для участия в думских выборах нужно было иметь вдвое больше земли, чем для участия в земских, введенных там в 1911 г. Несколько больше 475 десятин нужно было иметь для прямого участия по первой курии в нескольких уездах четырех северных и восточных губерний (Архангельской, Вологодской, Самарской, Астраханской), а также в Минской и Волынской. См.: *Свод учреждений государственных* (изд. 1906 г.). Прил. к ст. 28; СЗ. Т. 1. Ч. 2; и *Положение о земских учреждениях* (изд. 1892 г.). Прил. к ст. 16 и прил. 2 к ст. 3. Разд. 2; СЗ. Т. 2.

9. См. гл. 6 и 7. Относительно крестьянства см. также: Robinson. P. 209—211.

10. Относительно закона, руководившего избранием половины Государственного совета см.: *Свод учреждений государственных* (изд. 1906 г.); и Давидович А.М. *Самодержавие в эпоху империализма* (М., 1975). С. 240—244, 256—259, 265.

11. Korros Alexandra S. *The Landed Nobility, the State Council, and P.A. Stolypin (1907—1911)* // Haimson Leopold H. (ed.). *The Politics of Rural Russia, 1905—1914* (Bloomington, 1979). P. 126—127.

12. Цит. по: Наумов А.Н. *Из уцелевших воспоминаний, 1868—1917* (Нью-Йорк, 1954—1955), 2:4—5.

13. Соловьев. *Самодержавие и дворянство в 1902—1907 гг.* С. 199—200. О Чемодурове см. также выше гл. 7.

14. На полях присланного Витте 10 января 1906 г. доклада, содержащего проект Кутлера, Николай написал: «Не одобряю» и «частная

собственность должна оставаться неприкосновенной». 18 января император сделал внушение делегации крестьянских представителей из Курской губернии, напомнив им, что «право собственности свято», и разъяснил, что этот принцип должен действовать для всех одинаково: «то, что принадлежит помещику, принадлежит ему; то, что принадлежит крестьянину, принадлежит ему» (цит. по: Соловьев. *Самодержавие и дворянство в 1902—1907 гг.* С. 197).

15. Hosking Geoffrey A., Manning Roberta T. *What Was the United Nobility?* // Haimson Leopold H. (ed.). *The Politics of Rural Russia, 1905—1914* (Bloomington, 1979). P. 147—151; Наумов, 2:63—64.

16. Hosking Geoffrey A. *The Russian Constitutional Experiment* (Cambridge, Eng., 1973). P. 19. Это изложение событий 1906 г. полагается преимущественно на Мэннинг (Manning. *Crisis*). Нил Вейссман (Weissman Neil B. *Reform in Tsarist Russia* [New Brunswick, 1981]) видит в аграрной программе Столыпина, так же как в его реформе избирательного закона, проведенного в 1907 г., отражение «сближения точек зрения» между «политикой государства и требованиями джентри», а не какую бы то ни было «причинную связь» между ними (p. 116).

17. Hosking, Manning. P. 145—147, 151—155; Manning. *Crisis*. P. 91—93, 113—114, 231.

18. У Мэннинг в ее работе «Crisis» несомненная путаница в числе губерний, избиравших предводителей дворянства: тридцать пять (p. 231), тридцать девять (p. 233) и сорок девять (p. 76). Относительно Объединенного дворянства см.: Simmonds George W. *The Congress of Representatives of the Nobles' Associations, 1906—1916: A Case Study of Russian Conservatism* (Ph.D. diss., Columbia University, 1964); а также Hosking and Manning.

19. Соловьев. *Самодержавие и дворянство в 1902—1907 гг.* С. 215; Manning. *Crisis*. P. 232—233.

20. Rieber. P. 335—336.

21. Наумов, 2:76—77; Simmonds. P. 99n, 150.

22. Hosking, Manning. P. 159—162, 181n; Korros. P. 126.

23. Manning. *Russian Provincial Gentry*. P. 362, 367, 514—517. В составе 498 депутатов Первой Думы 101 относился к числу средних и крупных дворян-землевладельцев. Другие 79 депутатов из дворян распределились следующим образом: 51 — деятели свободных профессий, 8 — промышленники, 4 — владельцы крупных и средних состояний, не связанных с сельским хозяйством, 13 служащих и 3 священнослужителя. См.: Сидельников. С. 190.

24. *Труды второго съезда уполномоченных дворянских обществ* (СПб., 1906). С. 78.

25. В 1905 г. размер 68,2% всех дворянских имений не превышал двухсот десятин (рассчитано по данным из «Статистики землевладения 1905 г.» [СПб., 1907]. С. 78). Об использовании 200 десятин как границы, отделяющей мелких землевладельцев и имеющих право личного голоса в первой курии, см. выше гл. 7, примеч. 36.

26. Мэннинг (Manning. *Crisis*) ошибочно утверждает, что законом 1907 г. были исключены из первой курии «крестьяне, наделы которых были переоформлены как частная собственность или купившие землю

через Крестьянский банк» (р. 357). Причиной исключения из первой курии было сохранение принадлежности к сельскому обществу, а не происхождения земельной собственности. Мэннинг неверно истолковывает цитируемые ею сведения, приводимые Leopold H. Haimson (Introduction // Haimson Leopold H. (ed.). *The Politics of Rural Russia, 1905—1914* (Bloomington, 1979). P. 18). Стоило крестьянину-землевладельцу выйти из сельского общества, и он получал право голосовать в первой курии.

27. Emmons. *Formation of Political Parties*. P. 237—238, 372. Пятьдесят первой губернией была Ставропольская на Северном Кавказе.

28. Мэннинг (Manning. *Crisis*. P. 326n) сообщает, что среди депутатов Третьей Думы дворян было 48,9%, а Четвертой — 47,5%. Из них 87,0% и 81,2% соответственно были землевладельцами. Таким образом, 42,5% и 38,6% депутатов Третьей и Четвертой Дум являлись дворянами-землевладельцами, а не «почти половина... (47—49%)», как утверждает Мэннинг (р. 326).

29. Корф. *Предводитель дворянства*. С. 112—116.

30. Weissman. *Reform in Tsarist Russia*. P. 49, 74—76, 97, 129—44; Дякин В.С. *Столыпин и дворянство (Провал местной реформы)* // Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Дооктябрьский период (Л., 1972). С. 238—243; Hosking. P. 18; Korros. P. 128—129. Согласно Мэннинг, доля дворян-землевладельцев в собираемых земством налогах не превышала 11 процентов, тогда как налоговые сборы с крестьян составляли две трети (*Crisis*. P. 330).

31. Цит. по: Дякин. *Столыпин и дворянство*. С. 241.

32. Hosking. P. 157. Вейссман категорически заявляет, что «сословный принцип и воплощавшие его дворянские учреждения были основной целью правительства Столыпина в его стремлении к реформе местного управления» (Weissman. *Reform in Tsarist Russia*. P. 118).

33. *Труды третьего съезда уполномоченных дворянских обществ* (СПб., 1907). С. 13. Предыдущий параграф основывается на: Manning. *Russian Provincial Gentry*. P. 571—572, 637—638; Hosking. P. 156; Дякин. *Столыпин и дворянство*. С. 244—246; Weissman. *Reform in Tsarist Russia*. P. 160—161.

34. *Труды четвертого съезда уполномоченных дворянских обществ* (СПб., 1909). С. 101—102, 232, 383—384; Weissman. *Reform in Tsarist Russia*. P. 169—175; Он же. *State, Estate and Society in Tsarist Russia* (Ph.D. diss., Princeton University, 1976). P. 259—264. Относительно доводов Объединенного дворянства в защиту роли уездных предводителей в местном управлении см.: Manning. *Crisis*. P. 330—346.

35. Цит. по: Дякин В.С. *Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907—1911 гг.* (Л., 1978). С. 130. См.: Он же. *Столыпин и дворянство*. С. 255—257; и Hosking. P. 158—159, 162.

36. Дякин. *Столыпин и дворянство*. С. 240—243, 263—269; Hosking and Manning. P. 164, 166—167; Hosking. P. 162, 167—169; Weissman. *Reform in Tsarist Russia*. P. 184—186, 196—197; Он же. *State, Estate and Society*. P. 195—196, 203—204.

37. *Труды первого съезда уполномоченных дворянских обществ* (СПб., 1906). С. 71—72, 81. См. также: Simmonds. P. 103—105, 109.

38. Manning. *Crisis*. P. 362—365. Верная идея о неспособности дворян выжить в условиях рыночной конкуренции, Мэннинг называет государственные расходы на совершенствование сельскохозяйственного производства «субсидиями» и утверждает, что помещики «стали зависимы» от них и что эта государственная помощь была главным фактором замедления темпов обезземеливания дворянства после 1909 г. (Ibid. P. 364—366, 369). О действительной скорости сокращения дворянского землевладения см. выше в табл. 3. Отметим, что правительство отказало пятому съезду Объединенного дворянства, ходатайствовавшему о слиянии Дворянского и Крестьянского земельных банков. Мэннинг ошибочно утверждает, что в ответ на это ходатайство правительство в 1909 г. поместило оба банка под единое управление (*Crisis*. P. 362). На самом деле de jure во главе обоих банков стоял один управляющий с ноября 1895 г., а фактически это произошло еще ранее. См.: Amburger Erik. *Geschichte der Behordenorganisation Ruslands von Peter dem Grossen bis 1917* (Leiden, 1966). P. 213; и Ерошкин Н.П. *История государственных учреждений дореволюционной России*. 3-е изд. (М., 1983). С. 213.

39. Simmonds. P. 105; Hosking, Manning. P. 169.

Приложение А

СТАТУСНЫЕ ГРУППЫ ВНУТРИ ДВОРЯНСТВА

Изданная Екатериной Великой в 1785 г. Жалованная грамота дворянству ввела деление потомственных дворян на шесть разрядов, определявших запись дворянских родов в губернских родословных книгах. Разряды, не имевшие юридического значения и никак не связанные с более существенными различиями в богатстве, служебном чине и образовании, были таковы: (1) семьи, ведущие происхождение от лиц, возведенных в дворянское достоинство особым патентом, полученным от монарха после 1685 г.; (2) семьи, ведущие происхождение от лиц, возведенных в дворянское достоинство после 1721 г. за достижение установленного чина на воинской службе; (3) семьи, ведущие происхождение от лиц, возведенных в дворянское достоинство после 1722 г. за достижение установленного чина на гражданской службе; (4) семьи иноземцев, имевших дворянское достоинство у себя на родине и ставших российскими подданными; (5) семьи титулованных дворян; и (6) нетитулованные семьи, имевшие дворянское звание до 1685 г. К концу девятнадцатого века, в девяти великорусских губерниях и шести на окраинах, большинство дворянских семей принадлежали к разрядам два и три (см. табл. А-1), но семьи, дворянство которых восходило к периоду до 1685 г., составлявшие в этих пятнадцати губерниях чуть более четверти первого сословия, считали настоящим дворянством, белой костью и голубой кровью,

только себя, и особенно к семьям первых трех разрядов относились снисходительно¹.

К концу девятнадцатого века в империи было около восьмисот титулованных семей, среди которых было примерно поровну княжеских, графских и баронских родов². Родиной большей части княжеских семей были Польша и Грузия. Среди дворянства Европейской России было около сорока княжеских семей, происхождение которых восходило к правящим родам Киевской Руси (включая семьи Барятинских, Волконских, Вяземских, Гагариных, Горчаковых, Дашковых, Долгоруких, Долгоруковых, Кропоткиных, Лобановых-Ростовских, Львовых, Оболенских, Одоевских, Репниных, Шаховских, Щербатовых, Ухтомских); к Гедимину, основавшему в четырнадцатом веке Великое княжество Литовское (включая семьи Голицыных, Куракиных, Трубецких и Хованских), или к грузинским и татарским князьям (включая Багратионов, Имеретинских, Мещерских, Урусовых и Юсуповых). Еще около двадцати княжеских семей вели происхождение от предка, возведенного в княжеское достоинство императором, — практика, установленная Петром I в 1707 г. Титул графа был неизвестен в России до 1706 г., когда он был учрежден Петром Великим. Только за период 1855—1908 гг. было создано восемьдесят восемь новых графских родов. В некоторых случаях титул имел зарубежное происхождение и после натурализации получал подтверждение.

Баронские фамилии распадались на три разных группы. Незначительное меньшинство получило баронство, обычно одновременно с возведением в дворянское достоинство, от императора за выдающиеся услуги государству в деле финансов, торговли или промышленности. К 1900 г. тридцать один баронский род получил титул именно таким образом, причем семь после 1856 г. Среди оставшихся баронских семей примерно поровну было прибалтийских немцев, получивших титул до того, как их земли были присоединены к России, и тех, кто получил титул от иностранного правительства (среди них были натурализовавшиеся впоследствии иностранцы и природные русские).

Таблица А-1
*Распределение дворянских семей пятнадцати губерний
по генеалогическим разрядам, 1893—1910*

Разряд	% дворянских семей
1	9,9
2	33,7
3	28,2
4	0,5
5	1,7
6	26,0

Источник: Корелин А.П. *Дворянство в пореформенной России 1861—1904 гг.* (М., 1979). С. 32—33. Сделанные Корелиным расчеты процентов были мной исправлены.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Романович-Славатинский. С. 46.
2. Корелин. *Дворянство*. С. 101—103. Нижеследующее основано на материалах этой книги, а также: Романович-Славатинский. С. 36—40; и на: Amburger. *Geschichte der Behordenorganisation*. P. 504.

Приложение Б

ЧИСЛЕННОСТЬ, РАСПРЕДЕЛЕНИЕ И ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ ДВОРЯНСТВА

По данным переписи 1897 г., в пятидесяти губерниях Европейской России проживало 885 754 потомственных дворян обоего пола и всех возрастов. В других областях империи, прежде всего в Польше и на Кавказе, проживало еще 334 415 дворян, большей частью из других, нерусских этнических групп¹. Существуют официальные оценки численности дворянства в пятидесяти губерниях в период Великих реформ — 610 тыс. в 1858 г., 677 тыс. в 1863 г. и 544 тыс. в 1870 г.² — но к этим цифрам следует относиться с осторожностью. Если на основании этих цифр сделать прямой и обратный прогнозы и сравнить результаты с данными за предыдущие и последующие периоды, мы получим большие несовпадения. Для такого рода прогнозирования используют коэффициенты естественного роста населения пятидесяти губерний за пятилетние периоды после 1861 г.; данные относительно числа лиц (как глав семей, так и их иждивенцев), которые обрели дворянство либо в силу Табели о рангах, либо благодаря награждению орденом; для прогноза естественного прироста населения использовалась следующая формула: $P_1 \times 2,72^{(t/2)} = P_2$, где P_1 и P_2 — общая численность населения в начале и в конце данного периода, γ — коэффициент среднегодового роста населения за период, а t — длительность периода в годах³.

Если считать, что за пятилетие дворянство получили 5—6 тыс. новых членов, 610 тыс. дворян, существовавших в Российской империи по данным на 1858 г., могли бы к 1863 г. превратиться только в 660 тыс.; для того чтобы в 1863 г. число дворян было, в соответствии с официальной оценкой, 677 тыс. человек, их должно было быть в 1858 г. — 626 тыс. Часть (возможно, меньшая) расхождения в 17 тыс. может быть объяснена внесением в родословные книги до этого не зарегистрированных дворян в шести литовских и белорусских губерниях, которые были известны небрежностью в ведении делопроизводства⁴.

Еще больше проблем с официальной оценкой численности дворян на 1870 г. Если в 1863 г. численность дворянства составляла 677 тыс., то в силу естественного прироста их могло стать 740—741 тыс., а с учетом возведения в дворянское достоинство — около 749 тыс., т.е. на 205 тыс. больше, чем дает официальная оценка на 1870 г. После подавления польского восстания 1863 г., дворянские выборы в западных губерниях были приостановлены, а назначенные правительством предводители и дворянские депутаты провели чистку первого сословия, в результате которой многие лишились дворянского статуса. Убыль численности дворянства в результате чистки была существенно выше, чем от смерти в битвах во время восстания или от казней и поражения в правах по решению карательных судов⁵. Суммарная величина потеря от всех этих причин неизвестна, но, вероятно, она была менее 205 тыс.

Если бы в 1870 г. численность дворян была 544 тыс., то в силу естественного прироста к 1897 г. их число выросло бы до 800 тыс., а с учетом пополнения корпорации новыми членами и их естественным приростом — 840—845 тыс., т.е. существенно меньше, чем по результатам наиболее достоверной переписи. Чтобы достичь в соответствии с переписью 886 тыс. человек к 1897 г., численность дворян в 1870 г. должна была составлять от 570 до 575 тыс. — и это без учета вычищенных из корпорации польских дворян, которые позднее могли быть восстановлены в своих правах. Если в 1870 г. число дворян и в самом деле было ближе к 575 тыс., тогда в результате чистки польского дворянства после 1863 г. убыль составила только 175 тыс. (если ориентироваться на официальную оценку численности дворян в 1863 г.) или даже 160 тыс. (если считать, что их было в 1863 г. только 660 тыс.).

В результате всех этих вычислений можно дать следующие оценки численности потомственного дворянства в Европейской России в третьей четверти девятнадцатого века:

Год	Численность дворянства, тыс. чел.
1858	610—626
1863	660—677
1870	544—575

В силу действия географических и исторических факторов, географическое распределение дворянства по территории Европейской России отличалось крайней неравномерностью: в направлении с запада и юго-запада на восток и север абсолютное число дворян и их доля в населении резко падали⁶. В 1858 г., до чистки рядов польского дворянства, 62,8% дворян Европейской России проживали в девяти западных губерниях (Виленская, Ковенская, Гродненская, Минская, Могилевская, Витебская, Волынская, Подольская и Киевская) присоединенных к России в результате разделов Польши в 1772—1795 гг.; в 1897 г. в этих губерниях все еще проживало 46,1% дворян. В столичных губерниях, Санкт-Петербургской и Московской, в 1858 г. проживало 5,5% дворян, а сорок лет спустя — 14,6%. Таким образом, в 1897 г. из пяти дворян трое были жителями одиннадцати вышеупомянутых губерний.

В 1897 г. в каждой из этих одиннадцати губерний дворянство составляло не менее 1% от общей численности населения. В некоторых удельный вес дворян был существенно выше: в Минской — 3,3%, в Санкт-Петербургской — 4,3%, в Виленской — 4,4% и в Ковенской — 6,4%. В 1858 г. удельный вес дворянского населения был еще выше (например, 5,5% в Минской, 5,8% в Виленской и 9,1% в Ковенской) во всех западных губерниях, кроме Киевской, где, как и в двух столичных губерниях, большое число дворян из других губерний было привлечено быстрым ростом городского населения во второй половине XIX в. В 1897 г. по абсолютной численности дворянского населения эти губернии распределялись следующим образом: от 99 тыс. в Ковенской, 90 тыс. в Санкт-Петербургской и по 71 тыс. в Минской и Виленской, до 22 тыс. в Витебской и Могилевской и 19 тыс. в Гродненской.

Если к этим одиннадцати губерниям добавить расположенные рядом с Киевской Херсонскую и Полтавскую, в каждой из которых проживало по 27 тыс. дворян, составлявших 1% от общей численности населения, то получим, что в 1897 г. в тринадцати губерниях проживали двое из каждых трех дворян, населявших территорию Европейской России.

На другом полюсе мы находим девятнадцать губерний (почти все из них располагались севернее Санкт-Петербурга и/или восточнее Москвы), в которых в 1897 г. проживало только 10,1% дворянства (в 1858 г. — всего 8,9%). В восемнадцати из этих губерний в 1897 г. удельный вес дворянства в общей численности населения не превышал 0,4%; исключением была Олонецкая губерния, где дворянство составляло 0,6% населения. Абсолютное число дворян составляло от 1200 в Архангельской губернии до 8100 в Тамбовской⁷. В остальных восемнадцати губерниях в 1897 г. проживало 23% дворян, число которых составляло от 20 тыс. в Области войска Донского до 3700 в Эстляндской губернии (только в четырех численность дворян была менее 8 тыс.), а удельный вес дворянства составлял от 1,2% в Курляндской до 0,4% в Орловской губерниях.

Уровень урбанизации дворянства в 1897 г. был неодинаков в разных губерниях и почти никак не был связан с уровнем урбанизации всего населения. Исключением являлись губернии с крупнейшими городскими центрами — Санкт-Петербургская, Московская, Херсонская (Одесса) и Лифляндская (Рига), — которые выделялись самым высоким уровнем урбанизации как всего населения, так и дворянства⁸. В этих четырех губерниях от 72 до 97% дворян были городскими жителями. Высоким был процент городских дворян также в Харьковской губернии, содержавшей шестой по величине городской центр Европейской России, и в семи северных и восточных губерниях, в которых дворянское землевладение было или неразвито (в Архангельской, Нижегородской, Казанской, Астраханской), или многие, владевшие землей дворяне, не жили в своих поместьях (в Вологодской, Ярославской и Владимирской). На другом полюсе находилось одиннадцать губерний с наименьшим процентом городских дворян (12—36%), в числе которых были все западные губернии, кроме Киевской, а также Полтавская, Смоленская и Уфимская. В Киевской губернии наличие пятого по численности города империи

уравновешивало необычно большое число дворян, постоянно проживающих в своих имениях, так что в итоге дворянство здесь было на 55% городским. В остальных губерниях Западного края второй фактор являлся доминирующим.

В западных губерниях дворянство было самым многочисленным и наименее урбанизированным, и здесь же доля русских среди дворянства была наименьшей. В 1897 г. великороссы составляли 47,0% всех потомственных дворян на территории Европейской России, поляки — 26,2%, белорусы — 9,9%, украинцы — 7,2%, литовцы — 4,5% и немцы — 2,5%. В двадцати девяти центральных, северных и восточных губерниях, в которых проживало 66% дворян-великороссов, они составляли 75% и более членов первого сословия. Еще 14% дворян-великороссов проживали в Бессарабской, Херсонской, Таврической, Екатеринославской, Харьковской и Оренбургской губерниях, где они составляли этническое большинство в 56—71%. Остальные 20% проживали в пятнадцати губерниях на окраинах и составляли относительное этническое большинство в Черниговской (48%) и Киевской (41%) губерниях, значительное меньшинство (22—35%) в Уфимской, Эстляндской, Лифляндской, Гродненской, Волынской, Подольской и Полтавской губерниях и незначительное меньшинство (4—18%) в Курляндской, Витебской, Могилевской, Виленской, Минской и Ковенской губерниях.

Все другие крупные этнические группы, входившие в состав первого сословия на территории Европейской России, проживали преимущественно на окраинах, особенно на западе, и только поляки и немцы в значительном числе расселились по великорусским губерниям. Под воздействием майоратного права в прибалтийских губерниях и сильной традиции служения государству почти половина немецких дворян расселилась за пределами своей исторической родины — 18% в Санкт-Петербургской губернии и еще 30% — в остальной части Европейской России, причем в двадцати шести губерниях они составляли от 1,0 до 3,5% дворянства. В прибалтийских губерниях, где проживало 52% немецких дворян, они составляли: 62% первого сословия в Эстляндской губернии, 50% — в Лифляндской и 38% — в Курляндской.

К 1897 г. две трети всех польских дворян, проживавших на территории империи, жили в Европейской России за преде-

лами областей прежнего Королевства Польского. Подобно балтийским немцам, но по другим причинам польские дворяне широко расселились по пространствам Европейской России за пределами своих губерний, т.е. девяти западных и Курляндской губерний (см. гл. 5, примеч. 54). И все же в этом регионе проживало 83% польских дворян. Они составляли большинство (52—58%) дворян в Ковенской, Виленской, Гродненской и Витебской губерниях, относительное большинство (40—50%) дворян в Волынской, Подольской и Курляндской губерниях и меньшинство (28—40%) в Киевской, Могилевской и Минской губерниях.

Остальные этнические группы дворян Европейской России имели чисто региональное значение. 97% всех белорусских дворян проживали в пяти губерниях, где они составляли большинство в 52—58% среди дворян Минской и Могилевской губерний и меньшинство в 17—33% в Виленской, Витебской и Гродненской губерниях. 98% литовских дворян проживали в Ковенской и Виленской губерниях, где они составляли 37% и 4% соответственно от всех дворян губернии. 92% украинских дворян проживали в восьми губерниях — в Волынской, Подольской, Киевской, Черниговской, Полтавской, Харьковской, Екатеринославской и Херсонской губерниях. Они составляли большинство (68%) среди дворян Полтавской губернии и меньшинство (13—41%) в семи других губерниях. Другие национальности составляли значительное меньшинство (а в одном случае даже большинство) среди дворян следующих провинций: эстонцы в Эстляндской губернии (4%); румыны в Бессарабской (22%); крымские татары в Таврической (13%) и в Минской (5%); волжские татары в Уфимской (55%), а также в Пензенской, Оренбургской, Саратовской и Самарской губерниях (4—18%); башкиры в Оренбургской (9%) и Уфимской (5%) губерниях.

Разные этнические группы дворянства сильно различались по уровню урбанизации. Наиболее урбанизированными в 1897 г. были немцы, проживавшие за пределами прибалтийских губерний (79,0%), поляки, проживавшие вне девяти западных и Курляндской губерний (76,4%), великороссы (71,8%) и немцы в балтийских губерниях (66,0%). Дворяне всех этих этнических групп составляли 54% дворян Европейской России. Все другие этнические группы находились на гораздо

более низком уровне урбанизации, чем дворяне: крымские татары (35,1%), поляки в западных и в Курляндской губерниях (23,6%), украинцы (18,4%), эстонцы (18,2%), румыны (9,6%), волжские татары (7,5%), белорусы (4,8%), литовцы (3,3%) и башкиры (1,6%).

Личные дворяне и чиновники были намного более урбанизированы, чем потомственные дворяне, и отличались большей этнической однородностью. Об уровне урбанизации см. гл. 2, примеч. 1; об этническом составе см. табл. Б-1.

Таблица Б-1

Этнический состав потомственного и личного дворянства и всего населения Европейской России в 1897 г. (в %)

Этническая группа	Потомственное дворянство	Личное дворянство и чиновничество	Население в целом
Великороссы, белорусы и украинцы	64,1	88,0	80,0
Поляки	26,2	6,1	1,2
Литовцы	4,5	0,6	1,4
Немцы	2,5	3,1	1,4
Другие	2,7	2,2	16,0

Источник: Общий свод результатов переписи, 2:378.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Общий свод результатов переписи*, 1:160.
2. *Статистические таблицы*, 2:267; *Статистический временник Российской империи*. Сер. I. Вып. 1, (1866):40; Там же. Сер. II. Вып. 10, (1875):22.
3. Относительно темпов естественного прироста населения см.: Рашин А.Г. *Население России за 100 лет (1811—1913 гг.)* (М., 1956). С. 218; о числе лиц, возведенных во дворянство, см. гл. 5, разд. «Государственная служба как путь к дворянству». Формулу любезно подсказала Барбара Андерсон.
4. Корелин. *Дворянство*. С. 125.
5. Рубакин (с. 60) объясняет сокращение численности дворянства в 1860-х гг. отрицательным воздействием Великих реформ, но Корелин

(*Дворянство*. С. 117—125) считает это следствием польского восстания, и его аргументы представляются более убедительными.

6. Распределение по губерниям за 1858 г. вычислено по данным из: *Статистические таблицы*, 2:267, 292—293; а за 1897 г. по данным из: *Общий свод результатов переписи*, 1:164—165.

7. В этой группе из девятнадцати было пять северных губерний (Архангельская, Олонецкая, Вологодская, Вятская и Пермская), шесть волжских и заволжских губерний (Казанская, Симбирская, Саратовская, Астраханская, Самарская и Оренбургская), пять губерний центрально-промышленной или нечерноземной области (Тверская, Ярославская, Костромская, Владимирская и Нижегородская) и три восточных черноземных губернии (Пензенская, Тамбовская и Воронежская).

8. О численности городских дворян по разным губерниям см.: *Общий свод результатов переписи*, 1:172. Об урбанизированности дворянства в 1858 и 1897 гг. см. выше гл. 2.

9. Нижеследующий анализ этнического состава дворянства основан на данных из: *Общий свод результатов переписи*, 2:2—5, 12, 374, 376, 378; а также из первых пятидесяти томов: *Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г.* (СПб., 1899—1905).

Приложение В

АБСОЛЮТНОЕ И ОТНОСИТЕЛЬНОЕ ЧИСЛО ДВОРЯН-ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЕВ

По официальной оценке, в 1861 г. число дворян-землевладельцев в сорока четырех губерниях Европейской России составляло 123 622, а если прибавить примерное число землевладельцев в Бессарабской губернии, в Области войска Донского и в трех прибалтийских губерниях, то получим 129 тыс.¹ Поскольку землевладельцев учитывали в каждой губернии, в которой у них была земля, это число нужно сократить примерно на 2—3 тыс., чтобы учесть помещиков, владевших землей в разных губерниях. Проведенная в 1877 г. в Европейской России первая земельная перепись (куда не вошли только один уезд Бессарабский и Область войска Донского) насчитала 114 716 землевладельцев, имевших потомственное и личное дворянство, причем каждый учитывался в каждом уезде, где у него была земля². Если включить сюда оценки по областям, не охваченным переписью, оценка будет близка к 118 тыс., включая 4—5 тыс. владельцев имений в разных уездах и равное число личных дворян. Обследование, проведенное правительством в 1895 г. по сорока четырем губерниям, выявило 114 781 имение, владельцами которых были только потомственные дворяне³; если приплюсовать данные по Бессарабской губернии, Области войска Донского, трем прибалтийским и Архангельской губерниям, суммарное число имений составит, видимо, 120—121 тыс., а землевладельцев — 113—115 тыс. Земельная перепись 1905 г., самая пол-

ная из всех проведенных при старом режиме, выявила в пятидесяти губерниях 107 247 имений⁴, принадлежавших потомственным и личным дворянам, в том числе 4—5 тыс. в собственности личных дворян и 6—7 тыс. имений, собственники которых владели более чем одним имением. К 1912 г. число имений, принадлежавших потомственным и личным дворянам в сорока семи губерниях (исключая Архангельскую, Вятскую и Эстляндскую), выросло до 115 035, вероятно, это произошло оттого, что, когда паника 1906—1907 гг. миновала, землю чаще, чем раньше, стали продавать не целыми имениями, а отдельными участками, и, помимо этого, продолжалось дробление имений между наследниками⁵. Если приплюсовать данные по трем губерниям, не охваченным опросом, получим приблизительно 116 тыс. имений, в том числе 4—5 тыс. в собственности личных дворян и 6—7 тыс. в собственности тех, кто владел более чем одним имением в разных уездах.

В значительном меньшинстве дворянских семей было по два и более землевладельца, и чаще всего помещиками являлись муж и жена. Если ввести поправки, предложенные выше, и предположить, что в 10 процентах помещичьих семей было двое землевладельцев, получим приблизительное число помещичьих семей (см. табл. В-1). Используя данные из Приложения Б о численности дворян, коэффициенты естественного роста населения и оценки среднего числа представителей низших сословий, возводившихся ежегодно в дворянское достоинство, получим примерное число потомственных дворян за соответствующие годы (см. табл. В-2). Предполагая, что средняя численность дворянской семьи составляла 4,5 человека⁶, можно на основе таблиц В-1 и В-2 высчитать приблизительный процент дворян из семей, владевших земельной собственностью (см. табл. В-3).

Таблица В-1

Оценка числа дворянских семей, владевших землей, 1861—1912

Год	Число семей
1861	114500—115500
1877	98000—100000
1895	103000—104500
1905	86500—88000
1912	94500—96500

Таблица В-2
Оценка числа потомственных дворян, 1861—1912

Год	Число потомственных дворян
1861	640000—657000
1877	609000—643000
1895	855000—860000
1905	1025000—1030000
1912	1169000—1174000

Примечание: Цифры за 1905 и 1912 гг. рассчитаны, исходя из предположения, что после 1897 г. сохранялся тот же темп роста численности в силу естественного прироста и возведения недворян в дворянское достоинство, что и в 1890-х гг. В действительности, после 1900 г. число недворян, получавших дворянство за выслугу на службе по гражданской части, не могло не уменьшиться. Но даже если бы число получающих дворянство за достижение определенного чина уменьшилось наполовину, это сократило бы нашу оценку числа дворян в 1912 г. всего на 14 тыс.

Таблица В-3
Оценка процента дворян, принадлежавших к семьям землевладельцев, 1861—1912

Год	%
1861	78—81
1877	69—74
1895	54—55
1905	38—39
1912	36—37

Примечание: Корелин (*Дворянство*. С. 140) приходит к оценке показателя за 1861 г. в 80—85%: он делит число дворян-землевладельцев за этот год (128,5 тыс.) на число дворян (675 тыс.) и умножает на 4,5, получая «примерно 88%» (точнее, 86%), а затем уменьшает получившуюся величину, чтобы учесть вероятную недооценку числа дворян и возможное завышение числа землевладельцев из-за того, что некоторые из них владели именьями в разных уездах. На самом деле полученные Корелиным оценки — 150 тыс. семей, или 675 тыс. дворян, — скорее завышены, чем занижены. На с. 151 Корелин дает показатель 55% для начала 1890-х гг., не объясняя, как он его получил.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Оценки по сорока четырем губерниям были сообщены в 1892 г. предводителями дворянства Центральному статистическому комитету, а нами взяты в: РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 3873. Л. 161—162. Оценки для Бессарабской губернии и Области войска Донского основываются на данных за 1858 г. о числе владевших крепостными помещиков, взятых в: Тройницкий. С. 45; оценки по трем прибалтийским губерниям взяты в: Корелин. *Дворянство*. С. 139—140. До выделения в 1865 г. Уфимской губернии из состава Оренбургской в Европейской России было сорок девять губерний.

2. Ершов. С. х, 30.

3. *Цифровые данные о поземельной собственности в Европейской России*. С. 30—31.

4. *Статистика землевладения 1905 г.* С. 12.

5. Анфимов. *Крупное помещичье хозяйство*. С. 345. Анфимов (с. 356) предполагает, что после 1905 г. дворяне, продавая землю, сохраняли за собой минимум площади, дававший право прямого участия в голосовании на выборах в Думу, в земство и на дворянских выборах.

6. Корелин. *Дворянство*. С. 140 примеч.

Приложение Г

УМЕНЬШЕНИЕ ПЛОЩАДИ ДВОРЯНСКИХ ЗЕМЕЛЬ

Мэннинг (Manning. *Crisis*. P. 146) приводит те же, что и в таблице 3, данные о площади дворянских земель на конец 1905 г. и об уменьшении ее в 1906—1909 гг., но в другом месте (p. 373) она дает совершенно иные (и несочетающиеся) данные, заимствованные из ряда менее надежных источников. В табл. Г-1 сопоставлены данные мои и Мэннинг.

Таблица Г-1

**Сопоставление данных о среднем за год сокращении
площади дворянских земель, 1877—1914 (в тыс. десятин)**

Manning. <i>Crisis</i> . P. 373		Мои расчеты	
1877—1895	824	1878—1897	926
1895—1905	604	1898—1905	894
1905—1914	673	1906—1914	1135
1877—1914	728	1878—1914	970

Источники: Приводимые Мэннинг данные взяты из земельных переписей 1877 и 1905 гг., данные за 1895 г. взяты из различных источников, а также из *Русского календаря* за 1905—1914 гг. Мои расчеты основаны на данных из *Материалов по статистике движения землевладения в России*, 21 (1912):XXIII; Там же, 24 (1915): 63, 66—67; а также из: Анфимов, Макаров. *Новые данные*. С. 86—87.

Примечания: Приводимая Мэннинг величина 832 898 за период 1877—1895 гг. представляет собой опечатку: должно быть 823 898. На с. 363 Мэннинг приводит иной набор данных за период 1905—1914 гг., которые дают другую величину среднегодового сокращения площади дворянских земель: 731 тыс. десятин вместо 673 тыс.

Приложение Д

ИПОТЕЧНАЯ ЗАДОЛЖЕННОСТЬ ДВОРЯН-ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЕВ

Представленные в таблице 14 оценки величины ипотечной задолженности — за все годы, за вычетом 1863 и 1914 гг. — представляют собой сумму непогашенных кредитов Дворянского земельного банка и его Особого отдела плюс пропорциональную долю — процент принадлежавших дворянам земель в частных имениях площадью более 100 десятин — ипотечных кредитов Херсонского земельного банка и акционерных земельных банков (только имения площадью более 100 десятин могли претендовать на получение ипотечного кредита в частных банках). Эта процедура определена в: *О задолженности землевладения в связи с статистическими данными о притоке капиталов к помещичьему землевладению со времени освобождения крестьян (Временник центрального статистического комитета. 1988. № 2. С. XII; данные за 1863 г. взяты: Там же. С. V.*

Для корректировки данных по Особому отделу Дворянского банка проводилась интерполяция данных за период с 1 июля по 1 января, а для Херсонского земельного банка — за период с 1 сентября по 1 января. Процент принадлежавших дворянам частных земель в имениях площадью более 100 десятин известен за 1877, 1887 и 1905 гг., а за остальные годы вычисления методом экстраполяции или интерполяции дали следующие показатели: 1873 г. — 86%; 1883 г. — 80%; 1893 г. — 75%; 1906 г. — 68%. Показатель ипотечной задолженности дворянских имений за 1873 и 1883 гг. включает уменьшающуюся непогашенную задолженность по кредитам, выданным до

1861 г., вычисленную по данным из: *О задолженности землевладения*. С. VI, X.

Метод оценки ипотечной задолженности дворянства за 1873, 1883, 1893 и 1906 гг. основан на предположении, что и дворяне и недворяне в равной степени были склонны закладывать землю в частных банках, но после открытия Дворянского земельного банка дворяне в значительной мере утратили интерес к этим ссудам. Вероятнее всего, что оценки за 1893 и 1906 гг. слегка завышены, и в эти два года действительное отношение ипотечной задолженности к стоимости земли должно быть хотя бы на несколько процентных пунктов ниже, чем указано в таблице. Оценка величины ипотечной задолженности дворянства за 1914 г. сделана, исходя из предположения, что в том году, как и в 1905 г., 56,5% ипотечной задолженности дворянства было Дворянскому банку.

Приложение Е

ДВОРЯНЕ И ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЫ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ

Чтобы оценить число дворян, служивших по гражданской части, мы умножили процент сыновей потомственных дворян среди чиновников (табл. 18) на общее число чиновников в 1857 и 1897 гг.¹ Аналогичным образом было вычислено число дворян в офицерском корпусе: процент сыновей потомственных дворян в офицерском корпусе (табл. 19) был умножен на число офицеров в 1864 и 1897 гг.²

В 1897 г. в составе населения пятидесяти губерний Европейской России было примерно 250 тыс. взрослых дворян мужского пола. Эта оценка была получена следующим образом: (1) из 887 477 потомственных и личных дворян мужского пола и чиновников-недворян, зафиксированных в империи в 1897 г., 59,5% составляли лица 20 лет и старше; (2) если взять тот же коэффициент для 583 824 потомственных дворян мужского пола, то среди них будет 347 тыс. лиц в возрасте 20 лет и старше³; (3) из этих 347 тыс. человек было примерно 3 тыс. мужчин, получивших дворянство в результате награждения орденом или производства в соответствующий чин⁴; (4) предполагается, что из оставшихся 344 тыс. 72,6%, или 250 тыс., проживали в Европейской России — тот же процент, что и от числа потомственных дворян, проживавших в пятидесяти губерниях в 1897 г. (см. Приложение Б).

250 тыс., или 28% от числа проживавших в Европейской России потомственных дворян всех возрастов и обоего пола, являлись взрослыми мужчинами. Если предположить, что

поколением раньше процент был таким же, и использовать оценки численности населения из Приложения Б, мы получим следующие оценки численности взрослых дворян мужского пола в Европейской России: 171—175 тыс. в 1858 г. и 185—190 тыс. в 1863 г.

Хотя 72,6% всех потомственных дворян империи проживали в Европейской России, есть основания предположить, что в составе дворян, занятых на государственной службе (по гражданской и военной части), 80—85% были выходцами из пятидесяти европейских губерний, потому что подавляющее большинство чиновников и офицеров, служивших на Кавказе, в Средней Азии, в Сибири, на Дальнем Востоке и в европейской части страны, были уроженцами Европейской России. Умножив общее число дворян, служивших по гражданской и военной части в разные годы, на 80—85% и разделив затем на 171—175 тыс. за 1857/58 г., 185—190 тыс. за 1863/64 г. и на 150 тыс. за 1897 г., мы получим следующие оценки процента взрослых потомственных дворян мужского пола, уроженцев Европейской России, участвовавших в государственной службе: 17—19% в 1857/58 г. и 34—36% в 1897 г. для гражданской службы; 8—9% в 1863/64 г. и 7% в 1897 г. для военной службы.

Нам известен процент землевладельцев среди чиновников по состоянию на 1853 г., и мы можем предположить этот показатель за 1902 г.; процент землевладельцев в четырех высших классах офицерского корпуса известен за 1903 г. (см. в главе 6 раздел «Дворянство и государственная служба»). Если отношение процента землевладельцев в четырех высших классах к проценту во всех четырнадцати классах было одинаковым для военной и гражданской службы, тогда примерно 8% армейских и морских офицеров в 1903 г. являлись землевладельцами; для оценки числа офицеров в этом году мы экстраполировали данные за 1897 и 1900 гг.⁵ Оценка 13—15% для военных в 1864 г. получена из предположения, что в 1864 г. соотношение процента землевладельцев среди офицеров и среди чиновников было таким же, как и в 1902/03 г. Вполне вероятно, что не все наши предположения верны, но, во всяком случае, они сходны с теми, на которые опирался Зайончковский при оценке суммарной численности чиновников в 1903 г. К тому же они дают оценки реальной ситуации, пусть даже и грубые, но пригодные для дальнейшей работы.

Цифры, приведенные в разделе «Дворянство и государственная служба» (гл. 6), были получены умножением этих же процентных соотношений на общее число чиновников и офицеров в разные годы. При отсутствии нужных данных их получали методом интерполяции. Чтобы оценить общее число дворян-землевладельцев мужского пола, из имеющегося числа дворян-землевладельцев (см. Приложение В) мы вычли владевших поместьями женщин, т.е. уменьшили этот показатель на 15—20%.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. По данным Зайончковского (*Правительственный аппарат*. С. 71). См. гл. 6 этой книги, примеч. 1.

2. По данным Бескровного (с. 40, 44, 547—548). См. гл. 6, примеч. 5. Оценки Корелина (Дворянство. С. 157, 160) составляют только 30% от величины, полученной Зайончковским, оценки участия дворян в гражданской службе в 1897 г. и 56% от величины, полученной Бескровным, оценки участия дворян в офицерском корпусе в 1864 г.; для 1897 г. Корелин, включивший в оценку другие категории персонала вооруженных сил, получил оценку, которая на 6% превышает результат, полученный Бескровным.

3. См.: *Общий свод результатов переписи*, 1:190.

4. Оценка в 3000 основана на данных из работы Корелина (Дворянство. С. 157 и 160), увеличенных на число тех, кто получил дворянство в результате награждения орденом.

5. См.: Бескровный. С. 44, 548.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ДВОРЯНСТВО, САМОДЕРЖАВИЕ И РЕВОЛЮЦИЯ

До великих реформ российское дворянство представляло собой привилегированное сословие, владевшее значительными земельными богатствами, занимавшее доминирующие позиции на службе государству и исключительное положение в обществе. Накануне революции 1917 г. первое сословие России было фактически немногим большим, чем правовая фикция, существующая только в Своде законов и в сознании традиционалистов. Лишенное привилегированного правового статуса, не отождествляемое более с определенными социальными ролями или образом жизни, дворянство перестало быть реальным фактором общественной жизни. Конечно, еще были дворяне, посвящавшие свою жизнь управлению именем или государственной службе, но редко кто совмещал то и другое. Более того, на каждого такого дворянина приходился другой, жизнь которого не была связана ни с землей, ни с государственной службой.

Распродав земли и перебравшись в города, где они стали профессиональными бюрократами либо освоили профессии, неизвестные их предкам или презираемые ими, подавляющее большинство первого сословия фактически перестало восприниматься как дворяне. Именно поэтому я не сделал в этой книге даже попытки дать картину того, как трудились и развлекались дворяне в последние полстолетия перед революцией, как проходил обычный день типичного российского дворянина или дворянки. В эпоху, предшествовавшую освобождению крепостных, можно было дать описание стиля жизни, профессии, воспитания, брачных ритуалов, бюджета и

пр., характерных для дворян из различных слоев дворянского сословия. Но к началу двадцатого столетия такое описание стало бесполезным. Образ жизни дворян стал почти столь же разнообразным, как само российское общество. Они были офицерами, чиновниками, аграрными капиталистами, школьными учителями, врачами, философами, революционерами, журналистами, юристами, художниками, дельцами, учеными, инженерами, служащими и даже работниками физического труда.

Трансформацию, которую пережило дворянство в течение полустолетия после освобождения крепостных, стали условно называть «упадком дворянства», поскольку она сопровождалась резким сокращением абсолютного и относительного числа владеющих землей дворянских семей, а также совокупной площади принадлежавших им земель. Более того, этот «упадок» обычно рассматривали как нечто патологическое, как результат безнадежной отсталости и расточительности, обрекших дворянство на роль беспомощной жертвы экономических и социальных перемен.

Проведенный в главе 2 анализ ипотечной задолженности, продаж и покупок земли, цен на землю и величины арендной платы позволяет сделать прямо противоположный вывод: тот факт, что столь большое число дворян после освобождения крестьян избавилось от своей земли, был проявлением здоровой способности приспосабливаться к радикально переменявшимся социальным и экономическим обстоятельствам. Отмена самой ценной из дворянских привилегий — права владеть крепостными разрушила сильнейшую связь между дворянством и его земельной собственностью. Лишенное характерной для соответствующего сословия на Западе эмоциональной привязанности к своим имениям, привыкнув рассматривать их как средство, необходимое для жизни в городе и при дворе, а не в деревне, российское дворянство, получив доступ к свободному рынку земли, возникшему в результате освобождения крепостных, легко приняло тот факт, что земля — это лишь одна из форм капитала.

В то время как некоторые дворяне взялись за управление своими имениями ради получения прибыли, другие (и их было больше) начали извлекать выгоду от растущих на землю цен, сдавая ее в аренду живущим по соседству крестьянам, исполь-

зую как гарантию для получения займа или — в местах, где сельское хозяйство не обещало быть доходным, — продавая ее жадным до земли крестьянам, готовым платить вздутые цены, не имевшие никакого отношения к доходности земли. Деньги, взятые под залог земли или полученные от ее продажи, не так уж редко вкладывались в торговый или производственный сектор развивавшейся российской экономики. Отходу дворян от земли способствовало расширение возможностей самореализации в городской жизни — в свободных профессиях, искусствах, в торговле и промышленности; это как магнитом потянуло в города тех, кому было скучно в лишенной культурного разнообразия деревенской жизни. И тот факт, что после освобождения крепостных дворянство с умноженной энергией принялось учить своих сыновей в школах и университетах, является еще одним свидетельством, что первое сословие не было пассивной жертвой социальных изменений, а быстро и эффективно к ним приспособлялось.

Да и меньшинство дворян, сохранившее связи с землей, не состояло из беспомощных собственников, живших в долг и постепенно разорявшихся в ожидании, когда их имения будут проданы с молотка. В действительности дворяне, сохранившие свою землю, особенно владельцы средних и крупных имений, в последнее десятилетие старого режима превратились в экономически и политически влиятельную группу. Стоимость их земель поднялась до беспрецедентного уровня, отношение суммы их ипотечной задолженности к цене земли было очень небольшим, и они по-прежнему владели непропорционально большой долей частной сельскохозяйственной земли, которая находилась во владении индивидуальных собственников.

Таким образом, очень большая часть дворянства успешно влилась в основные «социально-классовые группы» современного общества, стремящиеся вытеснить традиционные сословия¹. Нет сомнений, что они ностальгически вспоминали свои леса и вишневые сады, но на большинство дворян воспоминания о прежнем образе жизни и символы прошлого не действовали таким парализующим образом, как это принято предполагать. Задолго до того, как революция 1917 г. отменила их анахроничный статус первого сословия России, большинство дворян научилось жить, а многие и процветать, в мире, где наследственные привилегия были заменены равенством перед законом.

Большинство дворянства, которое с большим или меньшим успехом перешло к новому образу жизни, обычно удостаивалось небольшого внимания, — разве что традиционалисты, защищавшие сословные различия и привилегии, клеймили его за ренегатство или оплакивали как жертву. Зато сохранившие землю в последней четверти XIX в., вплоть до 1905 г., были объектом пристальной попечительной заботы тех же самых традиционалистов и аппарата самодержавной власти. Эта забота проявлялась во множестве предложений по преодолению «упадка» дворянства. Большая часть этих предложений внимательно изучалась Особым совещанием по делам дворянского сословия и некоторые из них были воплощены в законодательных актах. Равнодушным отношением к программам, задуманным для их защиты от социальных перемен, большинство сохранивших землю дворян демонстрировали, что они отнюдь не намерены превращаться в окаменевшие ископаемые, огражденные законами и государственными субсидиями от свободной игры рыночных сил. Вряд ли они хотели, чтобы их защищали от дальнейшего сокращения площади их земель ценой свободы делить, закладывать или продавать эту самую землю по мере необходимости.

На практике дворяне-землевладельцы быстро утрачивали сословное сознание и обзаводились пониманием своих классовых интересов. Помещики относились к другим земельным собственникам, обладавшим достаточным состоянием и воспитанием, как к членам одного с ними класса, как к естественному пополнению губернских дворянских обществ. Этот рост классового сознания стал особенно заметен после 1905 г., когда крупные и средние дворяне-землевладельцы сплотились для защиты своих материальных интересов от угрозы со стороны крестьянства, интеллигенции и чиновничества. Владельцы значительных имений активнее откликнулись на политику, рожденную интересами их группы и основанную на классовом подходе, чем когда-либо — на проекты сословников, вдохновлявшихся идеалами уходящего общества. Как дворяне, распрощавшиеся со своими именьями, так и те, которые предпочли сохранить землю, куда успешнее приспособились к новой социальной и экономической реальности, чем признавали их лучшие друзья и защитники.

Они приспособились без помощи или ободрения со стороны государства, хотя именно действия государства закрыли

дворянству возможность сохранить прежний образ жизни. В последние полстолетия существования старого режима отношения между дворянством и государством были куда более сложными, чем они изображались в советской историографической литературе, которая в своем крайнем варианте доходила до утверждений, что самодержавие оставалось «вплоть до его свержения орудием диктатуры одного класса, именно крепостнически-дворянско-помещечьего...»². При трех последних царях Россия являла собой классическую иллюстрацию справедливости наблюдения, сделанного Александром Гершенкроном и опровергающего только что процитированное мнение: «интересы государства — это нечто *sui generis*, и в отдельные периоды они не только так же важны, но бесконечно более важны, чем классовые интересы»³. Проводя в 1860-х гг. Великие реформы, а в последующие десятилетия — ускоренную индустриализацию страны, самодержавие служило прежде всего своим собственным интересам, и уж только во вторую очередь интересам России, обеспечивая рост ее политического и военного могущества. Унизительное поражение в Крымской войне подчеркнуло быстро нарастающее бессилие России перед стремительно модернизирующимися странами Запада. Преследуя собственные цели, государство пожертвовало привилегиями и узкогрупповыми интересами дворянства, что ярче всего проявилось в освобождении крепостных и наделении их землей. Процесс преобразований, запущенный Великими реформами, практически до неузнаваемости изменил первое сословие. Это не входило в намерения самодержавия, но именно таким оказался результат курса, которому оно следовало начиная с царствования Александра II.

Аналогичным образом самодержавие отреагировало на революционную ситуацию 1905 г., вынужденно согласившись на установление квазипарламентского режима правления. Все было так же, как в случае реформ 1860-х гг., — государство намеревалось по возможности защищать интересы дворян-землевладельцев, но прежде всего отдавало приоритет защите своих собственных интересов. Сторонники привилегий ответили на Основные законы 1906 г. примерно так же, как некогда их отцы отреагировали на реформы 1860-х гг.

Хотя государство неуклонно проводило курс на экономическое развитие, по неизбежности сопровождавшееся соци-

альными переменами, оно в 1880-х и 1890-х гг. положительно откликнулось на давление традиционалистов, потребовавших сохранения привилегий и сословных различий в целом, и прежде всего тех, которые затрагивали интересы дворянства. Этот кажущийся парадокс и порожденная им путаница в представлениях о направлении развития России были еще усугублены официальной риторикой, которая была в ходу при двух последних царях. Эта риторика лелеяла иллюзию, что роль дворянства в жизни России не изменилась, тогда как повседневная действительность российской общественной жизни свидетельствовала об обратном. Как объяснить это противоречие?

В последние полстолетия своего существования самодержавие оказалось перед трудноразрешимой дилеммой. Оно осознавало, что не сможет сохранить свой статус в быстро меняющемся современном мире без проведения экономической и социальной модернизации страны. Но эти последние угрожали стабильности общества и, что еще хуже, предполагала также и политическую модернизацию. Новый социальный порядок, установившийся в странах Запада, идентифицировался с конституционализмом, а правителям России, охранявшим не только существо, но и формы своей власти, конституционная монархия казалась неприемлемой. Старый режим пытался ограничить риск, сопряженный с необходимыми экономическими и социальными реформами, начатыми в 1860-х гг. тем, что сохранял формальную структуру сословий, а также чувство места и положения, которые такая система культивирует в подданных. Модернизации политической жизни режим успешно сопротивлялся до 1905 г. Эти две характеристики и отличают российский опыт от западного в период после освобождения крестьянства в обоих обществах: в России иерархическая система сословий сохранялась не инерцией обычаев, а силой закона, и переход к политической модернизации страны отстоял от начала экономической и социальной модернизации на целых сорок лет.

Абсолютная монархия, за которую отчаянно цеплялись последние цари, представляет собой чистейшее выражение принципа, который лежит также и в основе сословного общества, — это наследственные привилегии, санкционированные законом. Традиционалисты не уставали предостерегать, что нападки на сословный принцип являются, в сущности, атакой

и на монархию. Публичные заявления в поддержку узаконенных привилегий и дворянства, законодательства, разработанные, чтобы укрепить то и другое, в действительности больше служили интересам самодержавия, чем дворянства. Несмотря на зловещие пророчества сословников, первое сословие так или иначе приспособилось к новому образу жизни. То, что правительственные заявления и законодательство никак не затормозили процесс социальных изменений, было для режима менее важно, чем идеологическая ценность этих действий, потому что они косвенно подтверждали легитимность абсолютной монархии.

В этом отношении революция 1905 г. ничего не изменила. Разрыв между новой социальной (а теперь и политической) реальностью, с одной стороны, и официальной идеологией — с другой, расширился, но самодержавие видеть этого не желало. Николай II был вынужден отречься от сословного принципа при создании Думы, а потом ему пришлось наделять Думу реальной законодательной властью. Соответственно сословный принцип сохранился в урезанном и сомнительном виде в реформированном Государственном совете, был ликвидирован в области государственной службы и подвергся атаке со стороны председателя Совета министров Столыпина. При этом верность самодержца прошлому осталась непоколебленной. Даже после того, как он неохотно согласился подписать Октябрьский манифест и Основные законы, Николай продолжал держаться за убеждение, что Россия, к счастью, осталась абсолютной монархией. Даже в октябре 1913 г. он предложил своему министру внутренних дел вернуться к «прежнему спокойному ходу законодательства», так, чтобы в тех случаях, когда две законодательные палаты не смогут прийти к согласованному решению, мнения большинства и меньшинства представлялись бы императору для принятия окончательного решения⁴.

В этом свете сохранение санкционированной законом иерархии сословий до 1917 г. представляется совершенно логичным. Абсолютная монархия и наследование узаконенных привилегий до самого конца остались связанными между собой, хотя монархия, строго говоря, уже не была абсолютной, а первое сословие со всеми своими привилегиями было не более чем лишенным содержания образом.

Как можем мы оценить относительную ответственность дворянства и самодержавия за ту потенциально взрывную ситуацию, в которой Россия оказалась накануне Первой мировой войны? Ответ на этот вопрос зависит от представлений о дворянстве в предыдущие пятьдесят лет. Ю.Б. Соловьев, ведущий советский исследователь истории дворянства, считает, что ответственность в равной степени лежала на монархии и на дворянстве: неудача попыток Столыпина провести столь необходимые реформы случилась в конечном итоге «вследствие неспособности самодержавия и дворянства, сохранивших свою прежнюю природу и сущность, совершить крутой разрыв с прошлым, который требовался для приспособления к новым условиям». Самодержавие и дворянство направлялись на randevу с революцией рука в руку, «накрепко связанные с пережиточными формами жизни», отказывающиеся от примирения с политической системой, возникшей после 1905 г.; старающиеся «где только возможно вернуться к старому»⁵.

Мэннинг, предполагавшая, что «упадок дворянства» сопровождался «возвратом к земле» и впоследствии политическим возрождением в двадцатом веке, также была убеждена в принципиальной негибкости дворянства. Она считает, что именно это свойство было основным фактором «кризиса, который в конечном итоге поглотил старый режим»⁶. События 1905—1907 гг. «восстановили шаткий баланс власти в государстве»: политическая власть перешла от бюрократии в руки провинциального дворянства и союзной с ним аристократии. В следующем десятилетии дворянство обратило свою власть на блокирование всех попыток провести необходимые реформы; оно сознательно пренебрегло насущными нуждами и проблемами страны и заботилось только о защите собственных интересов и привилегированного положения⁷. Не способные «совладать с зачатками индустриального общества» и не желавшие поделиться властью с другими группами или учитывать их интересы, помещики помещали правительству добиться чего-либо в этом направлении⁸.

В этом исследовании я попытался отойти от общепринятой трактовки упадка дворянства, которое якобы не сумело приспособиться к переменам, и предложил иную интерпретацию происходившего; события последних лет старого режима одновременно подтверждают мою интерпретацию и объяс-

няются ею. История 1905—1914 гг. содержит много свидетельств того, что дворяне-землевладельцы быстро научились использовать к своей выгоде новую для России квазипарламентскую систему власти, открывавшую возможности для создания политических организаций и лоббирования своих особых интересов. Одно из исследований политики дворянства в последнее десятилетие существования старого режима, написанное американским историком, демонстрирует, что помещики быстро приспособились к новому политическому порядку, который навязали им без их «спроса и участия»⁹. Творческой реакцией землевладельцев губерний Западного края было создание Всероссийского национального союза, который видел свою задачу в представительстве классовых интересов аграрных предпринимателей, а не сословных интересов всего дворянства¹⁰. Несколько иным вариантом того же явления было Объединенное дворянство.

Политическая власть дворян-землевладельцев после 1905 г. ни в коей мере не являлась реставрацией. Это был феномен столь же новый, как и вся система политического (ограниченного) представительства в России в условиях квазипарламентаризма. И в том, как дворяне использовали свою новую власть, не было никакой особенной негибкости или неспособности учиться на ходу. Напротив, они действовали именно так, как и должна бы действовать группа консервативно настроенных богатых людей, обладавших пока еще высоким социальным статусом и чувством своего исторического права помогать царю в управлении Россией. Они защищали собственные интересы и постольку, поскольку их занимали интересы других и страны в целом, добросовестно верили, что, именно радея о самих себе, они действуют во благо более широких целей. Короче говоря, помещики действовали именно таким образом, как действовала бы даже в самых демократических странах любая другая группа людей, преследующая собственные интересы.

Если эта группа в период после 1905 г. и обладала огромным политическим влиянием, то только благодаря возможностям, созданным новой политической системой, и благодаря структуре самой системы. Уступая давлению снизу, режим повернул первую в истории России попытку политической модернизации таким образом, чтобы в наименьшей степени поступиться принципами абсолютизма и социальной иерар-

хии. Консервативные землевладельцы смогли исказить попытки правительства провести умеренные реформы, во-первых, благодаря отсутствию в новой политической среде других групп интересов, обладающих достаточной властью, чтобы уравновесить власть помещиков, а во-вторых, потому, что двор, игравший еще важную политическую роль, не сочувствовал усилиям Столыпина и не поддержал его.

Монархия создала новый политический порядок с минимальным участием каких бы то ни было сил, кроме бюрократии. Проведенные в 1907 г. изменения, увеличившие в Думе удельный вес землевладельцев за счет крестьян, были необходимой корректировкой первоначальных расчетов на то, что крестьянство с готовностью последует политическому руководству стоящих выше их на социальной лестнице представителей деревни; изменения 1907 г. существенно не затронули исходную крайнюю несбалансированность системы. Так что в конечном счете мы возвращаемся к самодержавию, к преобладающей роли государства — не столь уж незнакомый феномен в российской истории.

Переход от сословного общества к классовому непрост даже при самых благоприятных обстоятельствах. В России этот переход оказался особенно труден в силу того, что до самого конца старого режима традиционные статусные различия формально поддерживались государством. Защищая традиционную модель общества как иерархии групп, наделенных наследственными привилегиями, самодержавие надеялось защитить Россию от опасности социальных потрясений и закрепить на веки вечные собственную политическую монополию. Вместо этого политика государства после 1881 г. привела к обострению напряженности, неизбежно сопутствующей процессу адаптации старых ценностей и учреждений к новой модели общества, так что конечный результат оказался прямо противоположным тому, на который рассчитывали и которого желали. Новый социальный порядок, опирающийся на систему правового равенства, начал развиваться в России после Великих реформ, и дворяне участвовали в этом процессе на всех уровнях. Преимущественно в силу непреклонного упорства самодержавия в защите сословных учреждений и политики, основанной на привилегиях, напряжение между новыми социальными и экономическими веяниями и старыми органи-

зационными структурами оказалось особенно острым. Даже долго откладываемое введение ограниченного парламентаризма, реализованное в 1906 г., было проведено таким образом, что доминирующее положение выпало на долю владельцев значительных поместий, т.е. стало достоянием возникающего класса, носившего несомненные следы своего исторического происхождения от наделенного наследственными привилегиями российского дворянства.

Нежелание самодержавия способствовать необходимому примирению между старым и новым было одной из важных причин того, что монархии не удалось найти безопасный маршрут среди явных и скрытых опасностей модернизации. Крушение 1917 г. привело к гибели как монархии, так и дворянства. Совсем иным был исход модернизации на Западе, где конституционные монархи, сохранившие привилегии, хотя и утратившие реальную власть, и потомственные дворянства, утратившие правовые привилегии, но сохранившие социальное, экономическое, а значит, и политическое влияние, стали узнаваемыми характеристиками современных обществ. Ответственность за катастрофу 1917 г., среди жертв которой оказались не только монархия и дворянство, но и, что много печальнее, большинство населения Российской империи, лежит главным образом не на дворянстве и даже не на остатках ее землевладельческого класса, а на самодержавии. Именно самодержавие, а не дворянство так и не смогло освободиться из плена прошлого и приспособиться к современному миру.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

АРХИВЫ

Научно-исследовательский отдел рукописей Российской Государственной Библиотеки (НИОР РГБ).

Фонд 265. Самарины.

Российский Государственный Архив Древних Актов (РГАДА)

Фонд 1254. Арсеньев Ю.В.

Фонд 1287. Шереметьевы.

Российский Государственный Исторический Архив (РГИА)

Фонд 593. Государственный дворянский земельный банк.

Фонд 721. Сипягин Д.С.

Фонд 1283. Министерство внутренних дел. Канцелярия по делам дворянства.

Центральный Исторический Архив Москвы (ЦИАМ)

Фонд 4. Московское дворянское депутатское собрание.
Канцелярия.

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ РАССМАТРИВАЕМОГО ПЕРИОДА

«Вестник Европы» (1885—1897).

«Русская мысль» (1880—1896).

«Русский архив» (1869).

«Русский вестник» (1889—1893).

«Русское обозрение» (1897—1898).

«Северный вестник» (1889).

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

А.Ч. Желательная реформа. Четыре статьи о дворянстве. СПб., 1881.

Аксаков И.С. Дворянское дело // Кошелев А.И. Голос из земства, вып. 1, приложение. М., 1869.

Баратынский Н.Е. Неделимые дворянские участки // Русский вестник. 1888. Май.

Баратынский Н.Е. О неделимых имениях //Русский вестник. 1892. Май.

Баратынский Н.Е. По вопросу о заповедных имениях. Казань, 1890.

Баратынский Н.Е. Семейные участки в бытовом отношении // Русский вестник. 1890. Май.

Баратынский Н.Е. Сборник статей о дворянских неделимых имениях. СПб., 1893.

Бехтеев С.С. Хозяйственные итоги истекшего сорокапятiletия и меры к хозяйственному подъему: В 3 т. СПб., 1902—1911.

Блосфельдт Г.Е. (ред.). Новейшие узаконения о российском дворянстве. 1901—1902 гг. СПб., 1903.

Блосфельдт Г.Е. (ред.). Российское дворянство. Узаконения и разъяснения 1901—1902 гг. СПб., 1910.

Блосфельдт Г.Е. (ред.). Сборник законов о российском дворянстве. СПб., 1901.

В.А. К дворянскому вопросу // Русское богатство. 1897. Ноябрь.

Витте С.Ю. Воспоминания: В 3 т. М., 1960.

В[оронцов] В.[П.]. Дворянское землевладение после реформы // Русская мысль. 1898. Октябрь. Ч. 2.

Гиндин И.Ф., Гефтер М. Я. (ред.). Требования дворянства и финансово-экономическая политика царского правительства в 1880—1890-х годах // Исторический архив. 1957. № 4.

Головин К.Ф. Крупное землевладение в Западной Европе и в России // Русский Вестник. 1887. Февраль, апрель, май.

Голубев П.А. К вопросу о причинах экономического упадка сельского населения и помещичьего хозяйства // Юридический вестник. 1892. Октябрь.

Государственный совет. Отчет по делопроизводству за сессию 1899—1900 гг. // 1903—1904 гг.

Государственный совет. Стенографические отчеты, 1911—1912 гг.

Государственный совет. Всеподданейший отчет председателя за сессию 1898—1899 гг. // 1902—1903 гг.

Градовский А.Д. Начала русского государственного права // Собрание сочинений. Т. 7—9. СПб., 1899—1908.

Грибовский В.М. Государственное устройство и управление Российской империи. Одесса, 1912.

Д. К вопросу о дворянском землевладении. М., 1888.

Д.В. Государственный сословный кредит // Русский вестник. 1885. Июнь.

Доклад и д. казанского губернского предводителя дворянства очередному собранию дворянства Казанской губернии о представленных Особому Совещанию по делам дворянского сословия сведениях по требованию Председателя Особого Совещания Статс-Секретаря Дурново. Казань, 1898.

Друцкой-Сокольнинский Д. Наше сельское хозяйство и его будущность // Вестник Европы. 1891. Январь, октябрь.

Евреинев Г.А. Прошлое и настоящее значение русского дворянства. СПб., 1898.

Ежегодник России. СПб., 1904—1914.

Елишев А.И. Дворянское дело. Сборник статей. М., 1898.

Елишев А.И. Очерки дворянского дела // Русское обозрение. 1897. Ноябрь.

Елишев А.И. Слияние сословий // Русское обозрение. 1897. Сентябрь.

Елишев А.И. Служебные права дворян. М., 1894.

Емельянов Н. Избыток свободы // Русский вестник. 1901. Февраль.

Ершов Г. (ред.). Распределение поземельной собственности в 49-ти губерниях Европейской России в 1877—1878 гг. (Статистический временник Российской империи. Серия III. Т. 10. СПб., 1886).

3. Современные софизмы. Новая сословные тенденции в нашей печати // Вестник Европы. 1898. Июль.

Задолженность частного землевладения // Отечественные записки. 1880. № 4. Ч. 2.

Заломанов Н.П. Дворянское землевладение и меры к его сохранению и развитию. СПб., 1899.

Зиновьев А.Д. Записка о мерах к облегчению положения заемщиков Государственного дворянского земельного банка и по др. вопросам. СПб., 1899.

Ионов В. Факты и иллюзии в вопросе движения частной земельной собственности // Жизнь. 1900. Апрель.

Кабанов В. Письма из губернии // Русский вестник. 1889. Август.

Кавелин К.Д. Собрание сочинений: В 4 т. СПб., 1897—1900.

Калачов Н.В. (ред.). Материалы для истории русского дворянства: В 3 т. СПб., 1885—1886.

Карнович Е.П. Замечательные богатства частных лиц в России. Экономическо-историческое исследование. СПб., 1874.

Карышев Н. Междусословная мобилизация земель в 45 губерниях в 1893-м г. // Русское богатство. 1898. Январь.

Кастелянский А.И. (ред.). Формы национального движения в современных государствах: В 2 т. СПб., 1910.

Катков М.Н. О дворянстве. М., 1905.

К вопросу о дворянском землевладении // Мир Божий. 1901. Июнь. Ч. 2.

Ключевский В.О. Сочинения: В 8 т. М., 1956—1959.

Кованко П.Л. Освобождение крестьян и обязательный выкуп // Русская мысль. 1912. Июнь. Ч. 2.

Коркунов Н.М. Русское государственное право: В 2 т. СПб., 1909 (7-е изд.).

Корф С.А. Дворянство и его сословное управление за столетие 1762—1855. СПб., 1906.

Корф С.А. Предводитель дворянства, как орган сословного и земского самоуправления // Журнал министерства юстиции. 1902. Март. Ч. 2.

Кошелев А.И. Что такое русское дворянство, и чем оно быть должно? // Голос из земства. Т. I. М., 1869.

Кошелев А.И. О дворянстве и землевладельцах // Голос из земства. Т. I. М., 1869.

Кошелев А.И. О сословиях и состояниях в России. М., 1881.

Кошелев А.И. Записки Александра Ивановича Кошелева (1812—1883 годы). Берлин, 1884.

Кузнецов П. Выкуп дворянских земель в казну // Северный вестник. 1894. Октябрь. Ч. 2.

Любимов С. Предводители дворянства всех наместничеств, губерний и областей Российской империи, 1777—1910 г. СПб., 1911.

Лясковский В. Поместная служба // Русское обозрение. 1893. Июнь.

Материалы по статистике движения землевладения в России: В 25 т. СПб., 1896—1917.

Мещерский А.В. О заповедных имениях. СПб., 1888.

Мещерский А.В. О заповедных имениях. Исторический очерк. М., 1894.

Мещерский А.В. Пояснительная записка № 2-й по поводу ходатайства полтавского дворянства о свободе завещания заповедных имений. М., 1888.

Мещерский В.П. Мои воспоминания: В 3 т. СПб., 1897—1912.

Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. СПб., 1909. Ч. I (6-е изд.).

Минутко С. Об упразднении дворянского землевладения при посредстве Крестьянского банка // Русское обозрение. 1896. Декабрь.

Московское дворянство. Списки служивших по выборам, 1782—1910. М., 1910.

Московское губернское дворянское собрание, 18—25 февраля 1890 г. Журналы, отчеты, доклады. М., 1890.

Московское губернское дворянское собрание, 1893. Доклады и постановления. М., 1893.

Московское губернское очередное дворянское собрание (18—26 февраля 1890 г.). М., 1890.

Наумов А.Н. Из уцелевших воспоминаний, 1868—1917: В 2 т. Нью-Йорк, 1954—1955.

Неплюев Н.Н. Историческое призвание русского помещика. М., 1880.

Новосельский Н. Усиление дворянского элемента в земстве и краткосрочный кредит для помещиков // Русский вестник. 1885. Март.

Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года: В 2 т. СПб., 1905.

О задолженности землевладения в связи с статистическими данными о притоке капиталов к помещичьему землевладению со времени освобождения крестьян (Временник центрального статистического комитета. 1888. № 2).

Орлов-Давыдов В.П. Земледелие и землевладение // Вестник Европы. 1873. Июнь.

О составе, правах и преимуществах российского дворянства. СПб., 1897.

Пазухин А.Д. Современное состояние России и сословный вопрос. М., 1886.

Палтов В. «Взгляд и нечто» о дворянстве. М., 1904.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г.: В 89 т. СПб., 1899—1905.

Переписка Витте и Победоносцева (1895—1905 гг.) // Красный архив. 1928. № 30.

Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля: Воспоминания // Архив русской революции. Берлин, 1934. Т. XXI.

Пешехонов А.В. Современные аргонавты // Русское богатство. 1899. Март. Ч. 1.

Письма из провинции. Банкротство хозяев (Письмо из Симбирской губернии) // Образование. 1905. Январь. Ч. 2.

Письма из провинции: Из Тамбова (Наши аграрии) // Новое слово. 1897. Июль. Ч. 2.

Плансон А.А. О дворянстве в России. Современное положение вопроса. СПб., 1893.

Плансон А.А. «Особое совещание»: Записка. СПб., 1897.

Плансон А.А. Послание к дворянам центральной России. СПб., 1897.

Плансон А.А. Сословия в древней и современной России, их положение и нужды. СПб., 1899.

Поливанов М.К. Мысли о помещичьем начале в России. Владимир, 1897.

Полное собрание законов Российской империи. Собр. I (1649—1825): В 45 т. СПб., 1830; Собр. II (1825—1881): В 55 т.

СПб., 1830—1884; Собр. III (1881—1913): В 33 т. СПб., 1885—1916.

Половцев А.А. Дневник А.А. Половцева [1901—1903] // Красный архив. 1923. № 3.

Половцев А.А. Дневник государственного секретаря А.А. Половцова, 1883—1892: В 2 т. М., 1966.

Половцев А.А. Из дневника А.А. Половцева (1895—1900 гг.) // Красный архив. 1931. № 46.

Порай-Кошиц И.А. Очерк истории русского дворянства от половины IX до конца XVIII века, 862—1796. СПб., 1874.

Провинциал. Враги поместного дворянства // Русское обозрение. 1897. Август.

Роговин Л.М (ред.). Систематический сборник действующих законов о евреях. СПб., 1913.

Романович-Славатинский А. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. СПб., 1870.

Ромер Ф.Е. Падение дворянства // Русский вестник. 1900. Февраль.

Рубакин Н.А. Россия в цифрах. СПб., 1912.

Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX в.: В 3 т. СПб., 1902—1906.

Свод законов Российской империи: В 16 т. (Разные издания). СПб., 1857—1916.

Семенов Н.П. Наше дворянство. СПб., 1898.

Слияние сословий; или дворянство, другие состояния и земство. СПб., 1870.

Слонимский Л.З. Экономические заметки. Сельскохозяйственный кризис и дворянское землевладение // Вестник Европы. 1897. Июль.

Слонимский Л.З. Поземельные задачи // Вестник Европы. 1894. Август, сентябрь.

Смоленский А. Письма из провинции. Из Рязани («Дворянский вопрос») // Новое слово. 1897. Август. Ч. 2.

Современные дворянские вопросы. СПб., 1897.

Список гражданским чинам первых трех классов, 1900.

Список гражданским чинам четвертого класса, 1900.

Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50-ти губерниям Европейской России. СПб., 1907.

- Статистика Российской империи. 1890. Т. 10.
- Статистический временник Российской империи. Сер. I. Т. 1. СПб., 1866.
- Статистический временник Российской империи. Сер. II. Т. 10. СПб., 1875.
- Статистические таблицы Российской империи. № 2. Наличие население империи за 1858 год. СПб., 1863.
- Тернер Ф.Г. Дворянство и землевладение // Вестник Европы. 1903. Март; 1905. Август, сентябрь.
- Терпигорев С.Н. Оскудение: В 2 т. М., 1958.
- Терпигорев С.Н. Потревоженные тени. М., 1959.
- Терпигорев С.Н. Стриженные зайцы (Из воспоминаний тамбовского помещика) // Русское богатство. 1880. Август.
- Тройницкий А.Г. (ред.). Крепостное население в России, по 10-й народной переписи. СПб., 1861.
- Трубецкой П.П. Памятная книга для уездного предводителя дворянства. Одесса, 1887.
- Труды первого съезда уполномоченных дворянских обществ. СПб., 1906.
- Труды второго съезда уполномоченных дворянских обществ. СПб., 1906.
- Труды третьего съезда уполномоченных дворянских обществ. СПб., 1907.
- Труды четвертого съезда уполномоченных дворянских обществ. СПб., 1909.
- Упадок дворянского землевладения в Саратовской губ. Мир Божий. 1897. Январь. Ч. 2.
- Устимович П.А. Мысли и воспоминания при чтении законов о дворянстве. М., 1886.
- Фадеев Р.А. Русское общество в настоящем и будущем (Чем нам быть?) // Собрание сочинений. СПб., 1889. Т. 1. Ч. 2.
- Хрестоматия по истории СССР, 1861—1917. М., 1970.
- Цифровые данные о поземельной собственности в Европейской России. [СПб.], 1897.
- Чичерин Б.Н. Несколько современных вопросов. М., 1862.
- Ш. Дворянство в России // Вестник Европы. 1887. Март, апрель, май, июнь.
- Шидловский С.И. Воспоминания: В 2 т. Берлин, 1923.

Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918.
Яблочков М.Т. История дворянского сословия в России. СПб., 1876.

Ярмонкин В.В. Задача дворянства. СПб., 1895.

Ярмонкин В.В. Письма из деревни. СПб., 1896.

Яснопольский М. Развитие дворянского землевладения в современной России // Мир Божий. 1903. Декабрь. Ч. 4.

Benckendorff Count Constantine. *Half a Life: The Reminiscences of a Russian Gentleman*. London, 1954.

Gurko V.I. *Features and Figures of the Past; Government and Opinion in the Reign of Nicholas II*. Stanford, 1939.

Haxthausen-Abbenburg Baron August Freiherr von. *The Russian Empire, Its people, Institutions, and Resources*. 2 vols. London, 1856 (нем. изд.: Hanover; Berlin, 1847—1852).

Haxthausen-Abbenburg Baron August Freiherr von. *Studies on the Interior of Russia*. Chicago, 1972 (новый перевод).

Ignatyev Lt. Gen. Count A.A. *A Subaltern in Old Russia*. London, 1944.

Leroy-Beaulieu Anatole. *The Empire of the Tsars and the Russians*. 3 vols. New York, 1893—1896 (фр. изд.: Paris, 1881—1889).

Palmer Francis H.E. *Russian Life in Town and Country*. New York, 1901.

Revised Statutes of the United States, passed at the First Session of the Forty-third Congress, 1873—1874, Washington, 1878, 2nd ed.

Volkov-Muromtsev A.N. *Memoirs of Alexander Wolkoff-Mouromtsoff*. London, 1928.

Wallace Sir Donald Mackenzie. *Russia*. 2 vols. London, 1905, 2nd ed.

Wrangel N.E. *The Memoirs of Baron N. Wrangel 1947—1920*. London, 1927.

ЛИТЕРАТУРА

Анфимов А.М. Земельная аренда в России в начале XX века. М., 1961

Анфимов А.М. Карловское имение Мекленбург-Стрелицких в конце XIX — начале XX в. // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. 1962. № 5.

Анфимов, А.М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX — начало XX века). М., 1969.

Анфимов А.М., Макаров И.Ф. Новые данные о землевладении Европейской России // История СССР. 1974. № 1.

Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке. М., 1973.

Боровой С.Я. Кредит и банки России (середина XVII в. — 1861 г.). М., 1958.

Боровой С.Я. К вопросу о задолженности помещичьего землевладения в предреформенный период // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1968 г. Л., 1972.

Веселовский Б.Б. Движение землевладельцев // Общественное движение в России в начале XX века / Под ред. Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресома. СПб., 1909—1914. Т. 1, 2. Ч. 2.

Веселовский Б.Б. История земства за 40 лет: В 4 т. СПб., 1909—1911.

Гиндин И.Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861—1892 годы). М., 1960.

Давидович А.М. Самодержавие в эпоху империализма. М., 1975.

Данилов Ф. Общая политика правительства и государственный строй к началу XX века // Общественное движение в России в начале XX века / Под ред. Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресома. СПб., 1909—1914. Т. 1.

Джаншиев Г. Эпоха великих реформ. Исторические справки. М., 1900 (8-е изд.).

Дроздов И.Г. Судьбы дворянского землевладения в России и тенденции к его мобилизации. Пг., 1917.

Дружинин Н.М. Помещичье хозяйство после реформы 1861 г. (По данным Валуевской комиссии 1872—1873 гг.) // Исторические записки. 1972. № 89.

Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907—1911 гг. Л., 1978.

Дякин В.С. Столыпин и дворянство (Провал местной реформы) // Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Дооктябрьский период. Л., 1972.

Еврейская Энциклопедия: В 16 т. СПб., 1906—1913.

Егiazарова Н.А. Аграрный кризис конца XIX века в России. М., 1959.

Ерошкин Н.П. История государственных учреждений до-революционной России. М., 1983 (3-е изд.).

Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов. М., 1964.

Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. М., 1968 (3-е изд.).

Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978.

Зайончковский П.А. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. М., 1958.

Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970.

Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX—XX столетий, 1881—1903. М., 1973.

Зайончковский П.А. Сословный состав офицерского корпуса на рубеже XIX—XX веков // История СССР. 1973. № 1.

Захарова Л.Г. Земская контрреформа 1890 г. М., 1968.

Захарова Л.Г. Кризис самодержавия накануне революции 1905 года // Вопросы истории. 1972. № 8.

Иванов Л.М. О капиталистической и отработочной системах в сельском хозяйстве помещиков на Украине в конце XIX в. // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М., 1961.

Иванов Л.М. О сословно-классовой структуре городов капиталистической России // Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971.

Кабузан В.М. Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX в. М., 1963.

Кабузан В.М., Троицкий С.М. Изменения в численности, удельном весе и размещении дворянства в России в 1782—1858 гг. // История СССР. 1971. № 4.

Камоско Л.В. Изменения сословного состава учащихся средней и высшей школы России (30—80-е годы XIX в.) // Вопросы истории. 1970. № 10.

Ковальченко И.Д. К вопросу о состоянии помещичьего хозяйства перед отменой крепостного права в России // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1959 г. М., 1961.

Ковальченко И.Д. Соотношение крестьянского и помещичьего хозяйства в земледельческом производстве капиталистической России // Проблемы социально-экономической истории России. Сборник статей. М., 1971.

Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок XVIII — начала XX века. Опыт количественного анализа. М., 1974.

Ковальченко И.Д., Селинская Н.Б., Литваков Б.М. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. М., 1982.

Козин М.И. Капиталистическая эволюция помещичьего хозяйства Лифляндской губернии во второй половине XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1959 г. М., 1961.

Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России (1861—1904 гг.) М., 1979.

Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России (1861—1904 гг.) // Исторические записки 87. 1971.

Корелин А.П. Российское дворянство и его сословная организация (1861—1904 гг.) // История СССР. 1971. № 5.

Корнилов А.А. Курс истории России XIX века: В 3 т. М., 1918 (2-е изд.).

Кочаровский К. Социальный строй России. Прага, 1926.

Лаверычев В.Я. Крупная буржуазия в пореформенной России 1861—1900. М., 1974.

Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971

Литвак Б.Г. Русская деревня в реформе 1861 года. Черноземный центр 1861—1895 гг. М., 1972.

Малкова З.И., Плюхина М.А. Документы высших и центральных учреждений XIX — начала XX в. как источник биографических сведений // Некоторые вопросы изучения исторических документов XIX — начала XX века. Л., 1967.

Маслов П.П. Аграрный вопрос в России. М.; Л., 1926 (6-е изд.).

Маслов П.П. Развитие земледелия и положение крестьян до начала XX века // Общественное движение в России в начале XX века / Под ред. Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресо-ва. СПб., 1909—1914.

Минарик Л.П. Об уровне развития капиталистического земледелия в крупном помещичьем хозяйстве Европейской России конца XIX — начала XX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1964 год. Кишинев, 1966.

Минарик Л.П. Происхождение и состав земельных владений крупнейших помещиков России конца XIX — начала XX в. // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР 6. 1965.

Минарик Л.П. Система помещичьего хозяйства в Ракитянском имении Юсуповых (1900—1913 гг.) // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР 5. 1962.

Минарик Л.П. Статистика землевладения 1905 года как источник по изучению крупного помещичьего землевладения России в начале XX века // Малоисследованные источники по истории СССР XIX—XX вв. М., 1964.

Минарик Л.П. Характеристика крупнейших землевладельцев России конца XIX — начала XX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1963 г. Вильнюс, 1964.

Нифонтов А.С. Зерновое производство России во второй половине XIX века. М., 1974.

Нифонтов А.С. Формирование классов буржуазного общества в русском городе второй половины XIX в. (По материалам переписей населения г. Москвы в 70—90-х годах XIX в.) // Исторические записки 54. 1955.

Павленко Н. И. К вопросу об эволюции дворянства в XVII—XVIII вв. // Вопросы генезиса капитализма в России. Л., 1960.

Першин. Аграрная революция в России: В 2 т. М., 1966.

Покровский М.Н. Общая политика правительства 1866—1892 гг. // История России в XIX веке. СПб., 1907—1911. Т. 5.

Проскуракова Н.А. Размещение и структура дворянского землевладения Европейской России в конце XIX — начале XX века // История СССР. 1973. № 1.

Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811—1913 гг.). М., 1956.

Русский костюм: 1750—1917: В 5 т. М., 1960—1972.

Святловский В.В. Мобилизация земельной собственности в России (1861—1908 гг.). СПб., 1911 (2-е изд.).

Сидельников С.М. Образование и деятельность первой государственной думы. М., 1962.

Симонова М.С. Проблема «оскудения» центра и ее роль в формировании аграрной политики самодержавия в 90-х годах XIX — начале XX в. // Проблемы социально-экономической истории России. Сборник статей. М., 1971.

Слиозберг Г.Б. Дореволюционный строй России. Париж, 1933.

Соловьев Ю.Б. Печать о политической роли дворянства в конце XIX в. // Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Дооктябрьский период. Л., 1972.

Соловьев Ю.Б. Правительство и политика укрепления классовых позиций дворянства в конце XIX века // Внутренняя политика царизма (середина XVI — начало XX в.). Л., 1967.

Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянский вопрос в конце XIX в. // Исторические записки 88. 1971.

Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л., 1973.

Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в 1902—1907 гг. Л., 1981.

Степынин В.А. Из истории попыток насаждения в Сибири дворянского землевладения // Учен. зап. / Красноярский гос. пед. ин-т. 1995. Вып. 4. № 1.

Струмилин С.Г. Очерки экономической истории России и СССР. М., 1966.

Тарасюк Д.А. Из истории статистики землевладения в России (Перепись 1877—1878 гг.) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. История. 1973. № 3.

Тарновский К.Н. Проблемы аграрной истории России периода империализма в советской историографии (Дискуссии начала 60-х годов) // Проблемы социально-экономической истории России. Сборник статей. М., 1971.

Татищев С.С. Император Александр II: В 2 т. СПб., 1901—1903.

Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.; формирование бюрократии. М., 1974.

Хромов П.А. Экономическое развитие России. Очерки экономики России с древнейших времен до Великой Октябрьской революции. М., 1967.

Хромов П.А. Экономическое развитие России в XIX—XX веках (1800—1917). М., 1950.

Хромов П.А. Экономика России периода промышленного капитализма. М., 1963.

Цейтлин С.Я. Земское самоуправление и реформа 1890 г. (1865—1890) // История России в XIX веке. СПб., 1907—1911. Т. 5.

Яцунский В.К. Изменения в размещении населения Европейской России в 1724—1916 гг. // История СССР. 1957. № 1.

Яцунский В.К. Социально-экономическая история России XVIII—XIX вв. М., 1973.

Alston Patrick L. Education and the State in Tsarist Russia. Stanford, 1969.

Amburger Erik. Behördendienst und sozialer Aufstieg in Russland um 1900 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, n.s., 18 (1970).

Amburger Erik. Geschichte der Behordenorganisation Russlands von Peter dem Grossen bis 1917. Leiden, 1966.

Anderson Eugene N. and Pauline R. Political Institutions and Social Change in Continental Europe in the Nineteenth Century. Berkeley, 1967.

Augustine Wilson R. Notes toward a Portrait of the Eighteenth-Century Russian Nobility // Canadian Slavic Studies 4 (1970).

Behrens C.B.A. The Ancien Régime. New York, 1967.

Beloff Max. Russia. // Albert Goodwin (ed.). The European Nobility in the Eighteenth Century. New York, 1967.

Bennett Helju A. Chiny, Ordena, and Officialdom // Walter M. Pintner and Don K. Rowney (eds.). Russian Officialdom; The Bureaucratization of Russian Society from the Seventeenth to the Twentieth Century. Chapel Hill, 1980.

Black Cyril E. The Modernization of Russian Society // Cyril E. Black (ed.). The Transformation of Russian Society: Aspects of Social Change since 1861. Cambridge, MA, 1960.

Blum Jerome. *The End of the Old Order in Rural Europe*. Princeton, 1978.

Blum Jerome. *Lord and Peasant in Russia from the Ninth to the Nineteenth Century*. Princeton, 1961.

Blum Jerome. *Russia* // David Spring (ed.). *European Landed Elites in the Nineteenth Century*. Baltimore, 1977.

Brainerd Michael C. *The Octobrists and the Gentry, 1905—1907: Leaders and Followers?* // Leopold H. Haimson (ed.). *The Politics of Rural Russia, 1905—1914*. Bloomington, 1979.

Brower Daniel R. *Training the Nihilists: Education and Radicalism in Tsarist Russia*. Ithaca, 1975.

Byrnes Robert F. *Pobedonostsev, His Life and Thought*. Bloomington, 1968.

Confino Michael. *Histoire et psychologie: A propos de la noblesse russe au XVIIIe siècle* // *Annales: Economies-Sociétés-Civilisations* 22 (1967).

Dukes Paul. *Catherine the Great and the Russian Nobility*. Cambridge, Eng. 1967.

Edeen Alf. *The Civil Service: Its Composition and Status* // Cyril E. Black (ed.). *The Transformation of Russian Society*. Cambridge, MA, 1960.

Edelman Robert. *The Election to the Third Duma: The Roots of the Nationalist Party* // Leopold H. Haimson (ed.). *The Politics of Rural Russia, 1905—1914*. Bloomington, 1979.

Edelman Robert. *Gentry Politics on the Eve of the Russian Revolution: The Nationalist Party 1907—1917*. New Brunswick, 1980.

Emmons Terence. *The Beseda Circle, 1899—1905* // *Slavic Review* 32 (1973).

Emmons Terence. *The Formation of Political Parties and the First National Elections in Russia*. Cambridge, MA, 1983.

Emmons Terence. *The Russian Landed Gentry and the Peasant Emancipation of 1861*. Cambridge, Eng., 1968.

Feldmesser Robert A. *Social Classes and Political Structure* // Cyril E. Black (ed.). *The Transformation of Russian Society*. Cambridge, MA, 1960.

Field Daniel. *The End of Serfdom: Nobility and Bureaucracy in Russia, 1855—1861*. Cambridge, MA, 1976.

Fischer George. *Russian Liberalism: From Gentry to Intelligentsia*. Cambridge, MA, 1958.

Ford Franklin L. *Europe 1780—1830*. New York, 1970.

Frieden Nancy M. *Russian Physicians in an Era of Reform and Revolution, 1856—1905*. Princeton, 1981.

Galai Shmuel. *The Liberation Movement in Russia 1900—1905*. Cambridge, Eng., 1973.

Garthoff Raymond L. *The Military as a Social Force* // Cyril E. Black (ed.). *The Transformation of Russian Society*. Cambridge, MA, 1960.

Gerschenkron Alexander. *Continuity in History and Other Essays*. Cambridge, MA, 1968.

Gerschenkron Alexander. *Economic Backwardness in Historical Perspective. A Book of Essays*. Cambridge, MA, 1962.

Gerschenkron Alexander. *Problems and Patterns of Russian Economic Development* // Cyril E. Black (ed.). *The Transformation of Russian Society*. Cambridge, MA, 1960.

Gerschenkron Alexander. *Soviet Marxism and Absolutism* // *Slavic Review* 30 (1971).

Gerth H.H. and Mills C. Wright (eds.). *From Max Weber: Essays in Sociology*. New York, 1946.

Geyer Dietrich. 'Gesellschaft' als staatliche Veranstaltung; Bemerkungen zur Sozialgeschichte der russischen Staatsverwaltung im 18. Jahrhundert // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, n.s., 14 (1966).

Givens Robert D. *Eighteenth-Century Nobility Career Patterns and Provincial Government* // Walter M. Pintner and Don K. Rowney (eds.). *Russian Officialdom*. Chapel Hill, 1980.

Hagen Everett E. *On the Theory of Social Change: How Economic Growth Begins*. Homewood, IL, 1962.

Haimson Leopold H. *Conclusion: Observations on the Politics of the Russian Countryside (1905—1914)* // Leopold H. Haimson (ed.). *The Politics of Rural Russia, 1905—1914*. Bloomington, 1979.

Haimson Leopold H. *Introduction: The Russian Landed Nobility and the System of the Third of June* // Leopold H. Haimson (ed.). *The Politics of Rural Russia, 1905—1914*. Bloomington, 1979.

Hamburg Gary M. *Land, Economy, and Society in Tsarist Russia: Interest Politics of the Landed Gentry during the Agrarian*

Crisis of the Late Nineteenth Century. Ph. D. diss., Stanford University, 1978.

Hamburg Gary M. *Politics of the Russian Nobility: 1881—1905*. New Brunswick, 1984.

Hamburg Gary M. *Portrait of an Elite: Russian Marshals of the Nobility, 1861—1917* // *Slavic Review* 40 (1981).

Hans Nicholas. *History of Russian Educational Policy (1701—1917)*. London, 1931.

Hassell James. *Implementation of the Russian Table of Ranks During the Eighteenth Century* // *Slavic Review* 29 (1970).

Hosking Geoffrey A. *The Russian Constitutional Experiment: Government and Duma, 1907—1914*. Cambridge, Eng., 1973.

Hosking Geoffrey A. and Manning, Roberta T. *What Was the United Nobility?* // Leopold H. Haimson (ed.). *The Politics of Rural Russia, 1905—1914*. Bloomington, 1979.

Johnson William H. E. *Russia's Educational Heritage*. Pittsburgh, 1950.

Jones Robert E. *The Emancipation of the Russian Nobility, 1762—1785*. Princeton, 1973.

Katz Martin. *Mikhail N. Katkov: A Political Biography 1818—1887*. The Hague, 1966.

Kenez Peter. *A Profile of the Prerevolutionary Officer Corps* // *California Slavic Studies* 7 (1973).

Korros Alexandra S. *The Landed Nobility, the State Council, and P.A. Stolypin (1907—1911)* // Leopold H. Haimson (ed.). *The Politics of Rural Russia, 1905—1914*. Bloomington, 1979.

Landes David S. *The Unbound Prometheus*. Cambridge, Eng., 1969.

Lyashchenko Peter I. *History of the National Economy of Russia to the 1917 Revolution*. New York, 1949.

McFarlin Harold A. *The Extension of the Imperial Russian Civil Service to the Lowest Office Workers: The Creation of the Chancery Clerkship, 1827—1833* // *Russian History* 1 (1974).

McGrew Roderick E. *The Politics of Absolutism: Paul I and the Bank of Assistance for the Nobility* // *Canadian-American Slavic Studies* 7 (1973).

Manning Roberta T. *The Crisis of the Old Order in Russia: Gentry and Government*. Princeton, 1982.

Manning Roberta T. *The Russian Provincial Gentry in Revolution and Counterrevolution, 1905—1907*. Ph.D. diss., Columbia University, 1975.

Manning Roberta T. *Zemstvo and Revolution: The Onset of the Gentry Reaction, 1905—1907* // Leopold H. Haimson (ed.). *The Politics of Rural Russia, 1905—1914*. Bloomington, 1979.

Marshall T.H. *Class, Citizenship, and Social Development*. Garden City, N.Y., 1964.

Mayer Arno J. *The Persistence of the Old Regime: Europe to the Great War*. New York, 1981.

Mosse Werner E. *Russian Bureacracy at the End of the Ancien Regime: The Imperial State Council, 1897—1915* // *Slavic Review* 39 (1980).

Mousnier Roland. *Les hiérarchies sociales de 1450 à nos jours*. Paris, 1969.

Orlovsky Daniel T. *High Officials in the Ministry of Internal Affairs, 1855—1881* // Walter M. Pintner and Don K. Rowney (eds.). *Russian Officialdom*. Chapel Hill, 1980.

Parsons Talcott. *Some Principal Characteristics of Industrial Societies* // Cyril E. Black (ed.). *The Transformation of Russian Society*. Cambridge, MA, 1960.

Pavlovsky George. *Agricultural Russia on the Eve of the Revolution*. London, 1930.

Pearson Thomas S. *The Origins of Alexander III's Land Captains: A Reinterpretation* // *Slavic Review* 40 (1981).

Pintner Walter M. *Civil Officialdom and the Nobility in the 1850s* // Walter M. Pintner and Don K. Rowney (eds.). *Russian Officialdom*. Chapel Hill, 1980.

Pintner Walter M. *The Evolution of Civil Officialdom, 1755—1855* // Walter M. Pintner and Don K. Rowney (eds.). *Russian Officialdom*. Chapel Hill, 1980.

Pintner Walter M. *Russian Economic Policy under Nicholas I*. Ithaca, 1967.

Pintner Walter M. *The Social Characteristics of the Early Nineteenth-Century Russian Bureaucracy* // *Slavic Review* 29 (1970).

Pipes Richard. *Russia under the Old Regime*. London, 1974.

Pipes Richard. *Russian Conservatism in the Second Half of the Nineteenth Century* // *Slavic Review* 30 (1971).

Raeff Marc. *Origins of the Russian Intelligentsia: The Eighteenth-Century Nobility*. New York, 1966.

Rieber Alfred J. *Merchants and Entrepreneurs in Imperial Russia*. Chapel Hill, 1982.

Robinson Geroid T. *Rural Russia under the Old Regime*. New York, 1932.

Rowney Don K. *Organizational Change and Social Adaptation: The Prerevolutionary Ministry of Internal Affairs* // Walter M. Pintner and Don K. Rowney (eds.). *Russian Officialdom*. Chapel Hill, 1980.

Ruffmann Karl-Heinz. *Russischer Adel als Sondertypus der europäischen Adelswelt* // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, n.s., 9 (1961).

Schapiro Leonard. *Rationalism and Nationalism in Russian Nineteenth-Century Political Thought*. New Haven, 1967.

Simmonds George W. *The Congress of Representatives of the Nobles' Associations, 1906—1916: A Case Study of Russian Conservatism*. Ph.D. diss., Columbia University, 1964.

Sinel Allen. *The Classroom and the Chancellery: State Educational Reform in Russia under Count Dmitry Tolstoi*. Cambridge, MA, 1973.

Spring David. *The English Landed Estate in the Nineteenth Century: Its Administration*. Baltimore, 1963.

Stökl Günther. *Gab es im Moskauer Staat 'Stände'?* // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, n.s., 11 (1963).

Strelsky Nikander. *Saltykov and the Russian Squire*. New York, 1940.

Thaden Edward C. *Conservative Nationalism in Nineteenth-Century Russia*. Seattle, 1964.

Thompson F.M.L. *English Landed Society in the Nineteenth Century*. London, 1963

Toennies Ferdinand. *Estates and Classes* // Reinhard Bendix and Seymour M. Lipset (eds.). *Class, Status, and Power*. New York, 1966, 2nd ed.

Torke Hans J. *Continuity and Change in the Relations between Bureaucracy and Society in Russia, 1613—1861* // *Canadian Slavic Studies* 5 (1971).

Torke Hans J. *Die Staatsbedingte Gesellschaft im Moskauer Reich; Zar und Zemlja in der Altrussischen Herrschaftsverfassung 1613—1689*. Leiden, 1974.

Wagner William G. Legislative Reform of Inheritance in Russia, 1861—1914 // William E. Butler (ed.). *Russian Law: Historical and Political Perspectives*. Leiden, 1977.

Weber Max. *The Development of Caste* // Reinhard Bendix and Seymour M. Lipset (eds.). *Class, Status, and Power*. New York, 1966, 2nd ed.

Weissman Neil B. *Reform in Tsarist Russia: The State Bureaucracy and Local Government, 1900—1914*. New Brunswick, 1981.

Weissman Neil B. *State, Estate, and Society in Tsarist Russia: The Question of Local Government, 1900—1908*. Ph.D. diss., Princeton University, 1976.

Whelan Heide W. *Alexander III and the State Council: Bureaucracy and Counter-Reform in Late Imperial Russia*. New Brunswick, 1982.

Yaney George L. *The Systematization of Russian Government: Social Evolution in the Domestic Administration of Imperial Russia, 1711—1905*. Urbana, 1973.

Yaney George L. *The Urge to Mobilize: Agrarian Reform in Russia, 1861—1930*. Urbana, 1982.

УКАЗАТЕЛЬ*

- Абаза Н.С. 108, 111, 115, 117—119, 122—123, 125
Адлерберг фон, Н.В. 80
Аксаков И.С. 90, 92
Александр I, имп. 32, 214
Александр II, имп. 29, 92, 96, 150, 171, 197, 204, 227—228, 235, 311
Александр III, имп. 40, 70, 93, 100—102, 125, 128, 138, 145, 154, 162, 164, 172, 195, 198, 203, 213—216, 218, 232, 242, 248, 250
Андерсон Б. 295
Анфимов А.М. 13, 51—52, 86, 142, 300
Апраксин В.В. 80
Арсеньев А.А. 108, 201, 208
Арсеньев Ю.В. 278
- Багратионы, кн.род 287
Бакунин М.А. 191
Баратынский Н.Е. 115—116, 119
Барятинские, кн.род 287
Белосельские-Белозерские, кн.род 66
Блюм Дж. 5—10
Бобринские, гр. род 190, 256
Бобринский А.А. 262, 269—270
Бобринский В.А. 256
Булыгин А.Г. 261
Бунге Н.Х. 101
- Валуев П.А. 227

*Курсивом выделены фамилии современных исследователей.

- Ванновский П.С. 154, 194, 197
Васильчиков Б.А. 108, 244, 247
Вебер М. 42, 98—99
Вейлан Х.У. 249—251
Вейссман Н.Б. 283—284
Витте С.Ю. 75, 90—91, 102—104, 107—108, 120, 127—129,
131—134, 136, 153, 165—166, 199—200, 218, 265—267, 282
Волконские, кн.род 190, 287
Воронцов-Дашков И.И. 107, 216
Воронцовы, гр. род 190
Вяземские, кн.род 287
- Гагарины, кн.род 287
Гальперн Я.М. 178
Гамбург Г.М. 15, 85, 87, 256—257
Гастхаузен-Аббенбург А.Ф. 47, 210
Герцен А.И. 191
Гинзбург Г. 178
Гиршман Л.Л. 179
Гоголь Н.В. 159
Голенищев-Кутузов А.А. 108
Голицыны, кн.род 190, 287
Голынский И.О. 238
Горемыкин И.Л. 107—108, 246
Горчаковы, кн. Род 287
Гринкруг 172, 179
Гудович В.В. 268—269
- Дарвин Ч. 95
Дашковы, кн.род 287
Десянов И.Д. 80, 206
Долгорукые, кн.род 287
Долгорукеры, кн.род 287
Дурново А.Д. 165
Дурново И.Н. 102—103, 106, 108, 120, 129, 258
- Евреинев Г.А. 257
Екатерина II, имп. 22, 25, 29, 35, 113, 145, 149—150, 176,
192, 245, 254, 286
Елишев А.И. 94, 109, 111, 194—195, 244

Ермолов А.С. 107, 134

Зайончковский П.А. 210, 251, 305—306

Зиновьев А.Д. 108, 129

Иванов Л.М. 211

Иейни Дж.Л. 249—250, 256

Имеретинские, кн.род 287

Капнист В.А. 108, 165

Капнисты, дв.род 256

Катков М.Н. 93, 100, 128, 137, 153

Ключевский В.О. 89, 158, 263

Конфино М. 88

Корелин А.П. 175—176, 210, 295—296, 299, 306

Коркунов Н.М. 90

Корф С.А. 90, 237, 274

Кошелев А.И. 90, 92, 230

Кривский П.А. 108, 128—129, 136, 215—216

Кропоткины, кн.род 287

Куломзин А.Н. 107, 208

Куракины, кн.род 287

Куропаткин А.Н. 163, 200—201

Кутлер Н.Н. 266—267, 282

Лавров П.Л. 191

Ленин В.И. 250

Леонтьев М.Н. 108

Леруа-Болью А. 48, 210

Ливен А.А. 108, 122, 131

Лобановы-Ростовские, кн.род 287

Львовы, кн.род 287

Лясковский В. 163

Майер А.Дж. 5, 7—10, 279

Макаров И.Ф. 51—52

Манасеин Н.А. 172, 179

Мещерские, кн.род 190, 287

Мещерский А.В. 115, 119, 128, 137, 143, 216—217, 266

Мещерский В.П. 100—103

Милютин Д.А. 197—198
Михайловский Н.Г. 191
Муравьев Н.В. 107, 165, 172
Муромцев А.М. 108
Мэннинг Р.Т. 13—19, 41, 52, 84, 187, 210, 212, 241, 252—253,
255—258, 281—285, 301, 314

Нарышкин А.А. 275
Николай I, имп. 29, 35, 73, 125, 150, 158, 178, 182, 192—
193, 196—197, 202
Николай II, имп. 35, 101—102, 104, 106, 14, 129—131, 138—
139, 156, 161—162, 166, 169, 173, 194, 202—204, 206, 242—243,
245, 247, 258, 261—262, 267, 277, 282, 313

Оболенские, кн.род 190, 287
Оболенский А.Д. 108, 122
Одоевские, кн.род 287
Орлов-Давыдов А.А. 81
Островский А.Н. 11

Павел I, имп. 29, 32, 137
Павлов Н.А. 266
Пазухин А.Д. 93—94, 97, 105, 111, 163, 215—218, 221—223,
242, 249—252
Палтов В. 219—220
Перетц Е.А. 195—196
Петр I, имп. 22, 26, 28, 35, 43, 49, 113, 117, 156, 178, 191—
192, 287
Пинтнер У.М. 210
Пирсон Т.С. 249
Писарев Д.И. 191, 206
Плансон А.А. 94, 129, 168, 177—178, 195, 207, 231, 243, 257
Плеве В.К. 108, 120, 137, 246—248, 258
Плеханов Г.В. 191
Победоносцев К.П. 108, 137
Поляков С.С. 178
Поляков Я.С. 178—179
Протасов-Бахметьев Н.А. 208

Распутин Г.Е. 59

Репнины, кн.род 287
Рибер А.Дж. 9—10, 42, 44, 105, 251
Романович-Славатинский А. 236—237

Самарин А.Д. 266
Самарин Н.Ф. 257
Самарин Ф.Д. 218, 276—277
Святловский В.В. 52
Семенов Н.П. 109, 111, 128, 219
Сипягин Д.С. 108, 161, 165—166, 195, 233, 243, 247—248
Соловьев Ю.Б. 314
Сперанский М.М. 24, 53
Сталин И.В. 250
Стахович М.А. 129, 245, 266, 268—269
Стишинский А.С. 108, 195, 262, 270, 278
Столыпин П.А. 8, 254, 257, 267, 272—276, 278—279, 284, 313,

316

Струков А.П. 108, 262

Танеев С.А. 154, 162
Тернер Ф.Г. 167, 248—249
Терпигорев С.Н. (С.Атава) 12—13, 57, 189, 237
Ткачев П.Н. 206
Толстой Д.А. 93, 100, 164, 206, 215—216, 221—222, 235, 245,
249—250

Толстой Л.Н. 189—190
Трубецкие, кн.род 287
Трубецкой П.Н. 108, 122, 129, 258, 266, 268—269
Трубецкой С.Н. 262

Урусовы, кн.род 287
Ухтомские, кн.род 287
Ухтомский П.Л. 279

Фадеев Р.А. 93, 153, 159, 194—195, 215, 221

Хеймсон Л.Х. 16
Хованские, кн.род 287

Чемодуров А.А. 248, 266

Чернышевский Н.Г.

Чехов А.П. 11—12

Чичерин Б.Н. 34

Шапилов Б.М. 179

Шафиров П.П. 178

Шаховские, кн.род 190, 287

Шереметьев А.Д. 59, 66, 80

Шереметьев С.Д. 59, 67, 81, 108, 165—166

Шлиппе В.К. 257

Штигилиц Л. 178

Щербатовы, кн.род 190, 287

Эдельман Р. 16

Эммонс Т. 9—10

Юсупов Ф.Ф. 67

Юсупова З.Н. 59

Юсуповы, кн.род 81, 287

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава 1. «Упадок дворянства»</i>	5
От системы привилегий к равенству перед законом	5
Миф об упадке дворянства	11
Сословия в России	21
Привилегии дворянства	27
Воздействие Великих реформ	35
<i>Глава 2. Дворянство и земля: переоценка</i>	46
Исторический контекст	46
Продажа и скупка дворянских земель	50
Стратификация дворян-землевладельцев	57
Стоимость земли	67
Ипотечная задолженность	72
Использование капитала	79
<i>Глава 3. Контратака традиционалистов</i>	89
Защита привилегий	89
Новое направление политики	100
<i>Глава 4. Тщетные попытки стабилизировать дворянское землевладение</i>	109
Заповедность: неотчуждаемое наследование земли	109
Раздробление и выкуп родовых имений	121
Долгосрочный кредит	124
Краткосрочный кредит и кассы взаимопомощи	131
Договорные книжки для сельскохозяйственных рабочих; раздача казенных земель	136

<i>Глава 5. Как возвышались до дворянства</i>	149
Государственная служба как путь к дворянству	149
Личное дворянство	156
Получение дворянства через землевладение	162
Внесение новых дворянских родов в губернскую родословную книгу	167
<i>Глава 6. Новые профессиональные и образовательные модели</i>	180
Дворянство и государственная служба	180
Дворянство и служебные привилегии	191
Образование	196
<i>Глава 7. Напрасные старания: попытки вернуть дворянам руководящую роль в деревне</i>	215
Контрреформы Александра III	215
Дворянские общества	224
Предводители дворянства	234
Заккрытие Особого совещания	247
<i>Глава 8. Рождение класса: дворяне-землевладельцы в годы революции и после нее</i>	259
1905 — к правовому равенству	259
Экспроприация земли и реформа избирательного права	265
Реформа местного управления	274
<i>Приложение А. Статусные группы внутри дворянства</i>	286
<i>Приложение Б. Численность, распределение и этнический состав дворянства</i>	289
<i>Приложение В. Абсолютное и относительное число дворян-землевладельцев</i>	297
<i>Приложение Г. Уменьшение площади дворянских земель</i>	301
<i>Приложение Д. Ипотечная задолженность дворян-землевладельцев</i>	302
<i>Приложение Е. Дворяне и землевладельцы на государственной службе</i>	304
<i>Заключение. Дворянство, самодержавие и революция</i>	307
<i>Источники и литература</i>	318

Сеймур Беккер
МИФ О РУССКОМ ДВОРЯНСТВЕ
Дворянство и привилегии
последнего периода императорской России

Дизайнер серии *Д. Черногаев*
Редактор *В. Гаспаров*
Художник *В. Передерий*
Корректор *Л. Морозова*
Верстка *М. Дашкова*

Налоговая льгота — общероссийский
классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

ООО «НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

Адрес издательства:
129626, Москва,
абонентский ящик 55
тел. (095) 976-47-88
факс (095) 977-08-28
e-mail: real@nlo.magazine.ru
<http://www.nlo.magazine.ru>

Формат 60x90 /16
Бумага офсетная № 1
Печ. л. 22. Заказ № 117
Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Чебоксарская типография № 1»
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 15

Издательство
НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
В 2002—2003 г. вышли:

Серия «**HISTORIA ROSSICA**»

**Исабель де Мадариага. РОССИЯ В ЭПОХУ
ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ**

Автор книги — почетный профессор Лондонского университета, один из наиболее авторитетных в мире специалистов по истории России XVIII столетия, глава британской школы историков-славистов. Предлагаемая книга является наиболее фундаментальным, основанным на сотнях разнообразных источников исследованием одного из важнейших периодов российской истории. Уже вскоре после своего выхода книга получила статус «классического» труда и обрела общемировое признание.

Ларри Вульф. ИЗОБРЕТАЯ ВОСТОЧНУЮ ЕВРОПУ:
Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения

В своей книге, ставшей обязательным чтением как для славистов, так и для всех, стремящихся глубже понять «Запад» как культурный феномен, известный американский историк и культуролог Ларри Вульф показывает, что нет ничего «естественного» в привычном нам разделении континента на Западную и Восточную Европу. Вплоть до начала XVIII столетия европейцы подразделяли свой континент на средиземноморский Север и балтийский Юг, и лишь с наступлением века Просвещения под пером философов родилась концепция «Восточной Европы». Широко используя классическую работу Эдварда Саида об Ориентализме, Вульф показывает, как многочисленные путешественники — дипломаты, писатели и искатели приключений — заложили основу того снисходительно-любопытствующего отношения, с которым «цивилизованный» Запад взирал (или взирает до сих пор?) на «отсталую» Восточную Европу.

Виктор Бердинских. УЕЗДНЫЕ ИСТОРИКИ
Русская провинциальная историография

Это исследование посвящено российской провинциальной историографии, мощный механизм которой был создан в XIX в. Тогда же сформировался тип личности провинциального историка-краеведа, что также стало существенным вкладом в науку и культуру страны. В провинциальной историографии тех лет сложились свои идейно-теоретические установки, своя источниковая база и свои комплексы исторических сочинений. Все эти элементы рассмотрены и проанализированы автором данной книги. Во втором разделе книги «Вятские историки» автор в цикле живых биографических очерков прослеживает пути становления историков-любителей (А.И. Вештомов, А.А. Спицын, А.С. Верещагин, П.Н. Луппов) в русской провинции с начала XIX до середины XX в. В работе убедительно показана взаимосвязь и влияние профессиональной науки, сосредоточенной в крупных университетских центрах, и науки любительской — краеведения. Книга будет интересна краеведам и историкам, учителям и студентам, всем, кого интересует история России XIX в. вне официальных схем и традиционных догм.

Издательство
НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
В 2002—2003 г. вышли:

Серия «HISTORIA ROSSICA»

**И.Петровский-Штерн. ЕВРЕИ В РУССКОЙ АРМИИ
(1827-1917)**

Эта книга — о встрече традиционной еврейской общины и русской армии, о социально-политических и духовных обстоятельствах этой встречи, а также о ее последствиях. Автор прослеживает историю взаимоотношений военного ведомства с евреями России и Царства Польского от первого еврейского рекрутского набора 1827 г. вплоть до Февральской революции. Исследователь рассматривает военную и национальную проблематику в широком социокультурном контексте: литературные образы еврейских солдат в русской армии, отношение военных министров и полковых командиров к этническим меньшинствам, быт воспитанников в кантонистских батальонах, думские дебаты и военные баталии. В книге использован богатейший документальный материал из российских и зарубежных архивов.

Л. Флейшман. В ТИСКАХ ПРОВОКАЦИИ.
Операция «Трест» и русская зарубежная печать

Книга известного литературоведа, профессора Стэнфордского университета Лазаря Флейшмана освещает историю «Треста» -- одной из самых прославленных контрразведывательных операций ГПУ (1922--1927) -- с новой стороны, в контексте идейных и политических столкновений, происходивших в русском Зарубежье, на страницах русских эмигрантских газет или за кулисами эмигрантской печати. Впервые документально раскрывается степень инфильтрации чекистов во внутреннюю жизнь прессы русской диаспоры. Это позволяет автору выдвинуть новое истолкование ряда эпизодов, вызвавших в свое время сенсацию, -- таких, например, как тайная поездка В.В. Шульгина в Советскую Россию зимой 1925-1926 гг. или разоблачение советской провокации секретным сотрудником ГПУ Опперпутом в 1927 г. Наряду с широким использованием и детальным объяснением газетных выступлений середины 1920-х годов в книге впервые приведены архивные материалы, относящиеся к работе редакции русских зарубежных газет и к деятельности великого князя Николая Николаевича и генералов П.Н. Врангеля и А.П. Кутепова. Книга представляет интерес для всех, кто интересуется секретной работой органов ГПУ-НКВД, становлением русской зарубежной печати в двадцатых годах, ранней историей советского государства и его попыток обуздать террористическую активность белой эмиграции.

Новое литературное обозрение

Теория и история литературы, критика и библиография

Периодичность: 6 раз в год

Первый российский независимый филологический журнал, выходящий с конца 1992 года. «НЛО» ставит своей задачей максимально полное и объективное освещение современного состояния русской литературы и культуры, пересмотр устаревших категорий и клише отечественного литературоведения, осмысление проблем русской литературы в широком мировом культурном контексте. В «НЛО» читатель может познакомиться с материалами по следующей проблематике:

— статьи по современным проблемам теории литературы, охватывающие большой спектр постмодернистских дискурсов; междисциплинарные исследования; важнейшие классические работы западных и отечественных теоретиков литературы;

— историко-литературные труды, посвященные различным аспектам литературной истории России, а также связям России и Запада; введение в научный обиход большого корпуса архивных документов (художественных текстов, эпистолярная, мемуаров и т.д.);

— статьи, рецензии, интервью, эссе по проблемам советской и постсоветской литературной жизни, ретроспективной библиографии.

«НЛО» уделяет большое внимание информационным жанрам: обзорам и тематическим библиографиям книжно-журнальных новинок, презентации новых трудов по теории и истории литературы.

Подписка по России:

«Сегодня-пресс»

(в объединенном каталоге «Почта России»):
подписной индекс 39356

«Роспечать»:

подписной индекс 47147 (на полугодие)
48947 (на весь год)

Неприкосновенный запас

Дебаты о политике и культуре
Периодичность: 6 раз в год.

«НЗ» — журнал о культуре политики и политике культуры, своего рода интеллектуальный дайджест, форум разнообразных идей и мнений.

Среди вопросов и тем, обсуждаемых на страницах журнала:

- идеология и власть;
- институции гуманитарной мысли;
- интеллигенция и другие сословия;
- культовые фигуры, властители дум;
- новые исторические мифологемы;
- метрополия и диаспора, парадоксы национального сознания за границей;
- циркуляция сходных идеологем в «правой» и «левой» прессе;
- религиозные и этнические проблемы;
- проблемы образования;
- столица — провинция и др.

Подписка по России:

«Сегодня-пресс»
(в объединенном каталоге «Почта России»):
подписной индекс 42756

«Роспечать»:
подписной индекс 45683

Издания
«Нового литературного обозрения»
(журналы и книги)
можно приобрести в следующих магазинах Москвы:

- «Ад маргинем» - 1-й Новокузнецкий пер., 5/7;
тел.: 951-93-60
- «Библио-глобус» - ул. Мясницкая, 6; тел.: 924-46-80
- «Гилея» - Нахимовский просп., 51/21; тел. 332-47-28
- «Гнозис» - Зубовский бульвар, 17, стр. 3, к. 6;
тел.: 247-17-57
- «Графоман» - 1-й Крутицкий пер, 3; тел.: 276-31-18
- Книжная лавка писателей при Литфонде -
ул. Кузнецкий мост, 18; тел. 924-46-45
- Книжная лавка при Литинституте -
Тверской бульвар, 25; тел. 202-86-08
- «Ломоносов» - ул. Трофимова, 18-А; тел. 279-38-86
- «Молодая гвардия» - ул. Большая Полянка, 8;
тел. 238-50-01
- «Москва» - ул. Тверская, 8; тел. 229-64-83
- Московский Дом книги - ул. Новый Арбат, 8;
тел.: 290-45-07; 290-35-80
- О.Г.И. - Потаповский пер., 8/12, стр. 2;
тел. 927-56-09
- «Пироги» - ул. Пятницкая, 29; тел. 136-74-33
- «Пресс-торг» - ул. 2-я Тверская-Ямская, 54;
тел. 978-60-22
- «Русский путь» - ул. Новая Радищевская, 2/1;
тел.: 915-10-47
- «Фаланстер» - Б. Козихинский пер., д 10;
тел. 504-47-95
- «У кентавра» - Миусская пл., 6; тел.: 250-65-46

HISTORIA ROSSICA

МИФ О РУССКОМ ДВОРЯНСТВЕ Дворянство и привилегии последнего периода императорской России

В исследовании известного американского историка С. Беккера рассматриваются судьбы «первого сословия» Российской империи — дворянства — в сложную для него эпоху, наступившую после освобождения крестьян от крепостной зависимости. Автор основывается на обширном архивном и статистическом материале, подвергая тщательному критическому анализу труды других российских и зарубежных историков дворянства.

ISBN 5-86793-265-6

